И. П. МАГИДОВИЧ, В. И. МАГИДОВИЧ

Очерки по истории географических открытий

Издание в пяти томах

Редколлегия: В. С. Преображенский (председатель); Н. А. Гвоздецкий; А. Б. Дитмар; А. Ф. Плахотник (ученый секретарь); Н. Г. Фрадкин.

И. П. МАГИДОВИЧ, В. И. МАГИДОВИЧ

Очерки по истории географических открытий

III

Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII—XVIII в.)

Издание третье, переработанное и дополненное

К 1023287

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Москва, «Просвещение», 1984

91(09)
ББК 26.8г
М12

Магидович И. П., Магидович В. И.

М12 Очерки по истории географических открытий. В 5-ти т. /Редколлегия: В. С. Преображенский и др. Т. 3. Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII—XVIII в.).—3-е изд., перераб. и доп.— М.: Просвещение, 1984.—319 с., ил., карт.

В книге рассказывается о географических открытиях и исследованиях нового времени (середина XVII—XVIII в.). Наибольший интерес представляют разделы об экспедициях русских путешественников в Восточную Европу, Сибирь и на Дальний Восток. Читатель узнает о Великой Северной экспедиции, об открытиях русскими Северо-Западной Америки и северного пути в Японию, об открытиях и исследованиях внутренних областей Африки и кругосветных плаваниях Джеймса Кука.

ББК 26.8г
91(09)

М $\frac{4309020900-697}{103(03)-84}$ Свод. пл. подп. изд.

© Издательство «Просвещение», 1984 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Позднее средневековье, включающее эпоху Великих географических открытий (см. т. 2), сменилось Новым временем. Его хронологические рамки, согласно марксистской исторической науке, ограничены Английской буржуазной революцией (середина XVII в.), положившей начало переходу от феодализма к капитализму, и Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г. в России. За этот сравнительно небольшой (менее трех веков) срок совершено огромное количество плаваний и путешествий, сделано много географических территориальных и акваториальных открытий и исследований. Их характеристике посвящены очередные два тома «Очерков...» — третий и четвертый. Предлагаемый читателю третий том включает описание географических открытий и исследований, выполненных в промежутке между двумя буржуазными революциями — Английской и Великой французской (конец XVIII в.), уничтожившей неограниченную феодальную монархическую систему, которая препятствовала развитию капитализма — прогрессивной для того времени социальной формации.

Отличительными особенностями этого периода, охватывающего полтора столетия — вторую половину XVII в. и весь XVIII в.,— были колониальная экспансия, борьба за рынки сбыта и господство на морях. Гегемонии Нидерландов, к середине XVII в. достигших пика могущества, положила конец Англия в трех коротких войнах второй половины XVII в. В конце XVII — начале XVIII в. на путь колониальных захватов вступила Франция. На протяжении немногим более 80 лет (1701—1783) Англия (после 1707 г.— Великобритания) в четырех войнах общей продолжительностью 33 года нанесла Франции тяжелое поражение и за ее счет значительно увеличила свои владения.

Наряду с государствами колониальную политику осуществляли мощные торговые компании, получавшие от своих правительств привилегии, льготы и субсидии, имевшие право ведения войны и располагавшие собственными вооруженными силами.

Одним из основных средств превращения Англии в крупнейшую капиталистическую страну была работорговля. Наибольшего размаха она достигла во второй половине XVII и в XVIII в. (рабский труд использовался на многих рудниках и плантациях). Лишь одни английские колонии получили за этот период более 2 млн. рабов. Массовая гибель индейцев и интенсивный ввоз африканских негров привели к коренному изменению этнического состава населения огромных регионов: к концу XVIII в. на юге Северной Америки, в Вест-Индии, Гвиане и Бразилии негры составляли большинство жителей этих стран.

Морские вояжи для открытий в рассматриваемый период стали менее тяжелым и относительно более быстрым делом благодаря строительству надежных парусников, усовершенствованию навигационных приборов и изобретению в середине XVIII в. морского хронометра для определения географических долгот.

Некоторые географические открытия этого периода явились событиями всемирно-исторического значения: установлена береговая линия Северной Азии, открыт Таймырский п-ов, выявлено положение п-ова Камчатка; открыта Северо-Западная Америка и начато ознакомление с ее внутренними районами; определена меридиональная и широтная протяженность Северо-Американского континента, открыты его глубинные пространства с гигантскими запасами пушнины; разведано течение всех больших притоков средней и нижней Амазонки и налажен величайший по значению бразильский внутренний торговый путь; выявлено все восточное побережье Австралии; обнаружены многочисленные острова в Океании.

Пространственный кругозор европейских народов в середине XVII—XVIII вв. значительно расширился благодаря литературе путешествий [1], появившейся еще в древности, но лишь с XVI в., в связи с Великими географическими открытиями и развитием книгопечатания, завоевавшей внимание читающей публики. Увеличение количества произведений такого жанра объясняется дальнейшим освоением русскими Сибири и Дальнего Востока, открытием и исследованием ими Северо-Западной Америки, западноевропейской колонизацией новых обширных территорий в Америке, продолжением поисков Северо-Западного прохода, попытками найти «неведомый Южный материк», а также противоборством морских держав за контроль над океанскими торговыми путями, конкуренцией между крупными торговыми компаниями, борьбой христианских церквей и монашеских орденов за право «просвещения язычников».

Из литературы путешествий этого периода наиболее ценный географический, исторический и этнографический материал дают «сказки» русских землепроходцев, записки участников Великой Северной экспедиции и русских академиков второй половины XVIII в. Не меньшее значение имеют труды русских посланников в Китай, работы иностранцев на русской службе о Сибири, сочинения участников южноамериканских экспедиций, полярных мореплавателей, колонизаторов и других исследователей внутренних областей Северной Америки, а также труды ряда кругосветных мореплавателей, мореходов-исследователей Тихого океана и южных частей Атлантики и Индийского океана, агентов торговых компаний, участников военных походов и миссионеров, особенно иезуитов, в Южную и Восточную Азию, Восточную Африку, Северную и Южную Америку.

[1] Путевым дневникам и судовым журналам, письмам, отчетам, запискам, очеркам и другим сочинениям, составленным как самими путешественниками и мореплавателями, так и иными лицами с их слов или по их материалам.

Несмотря на большое количество экспедиций и плаваний, к началу XIX в. многие географические проблемы разрешены не были: не открыт Южный материк и, следовательно, до конца не выяснено распределение на Земле суши и моря, не выявлено арктическое побережье Северной Америки и Канадский Арктический архипелаг, практически не изучен Европейско-Азиатский сектор Арктики. Сплошное «белое пятно» красовалось во внутренних регионах Австралии, не открыты ее юго-восточные берега. Очень многие глубинные районы Центральной Азии, Экваториальной Африки, Южной Америки и приполярные части Северной Америки ждали своих открывателей. Никто из исследователей не проникал еще и во внутренние области островов-гигантов — Гренландии, Новой Гвинеи и Калимантана. Изучение рельефа континентов находилось в начальной стадии; не были установлены истоки большинства великих рек планеты и не достигнуты оба ее полюса. Наконец, совершенной «целиной» оставался Мировой океан: никакими данными о его глубинах и рельефе дна человечество не располагало, отрывочные сведения имелись лишь о некоторых течениях.

ВВЕДЕНИЕ

Третий том «Очерков по истории географических открытий» посвящен исследовательским работам людей многих национальностей и различных профессий в Европе, Азии, Африке и обеих Америках, а также на морях и океанах Земли.

В Европе итогом русских экспедиций было первое исследование низменностей и возвышенностей на востоке материка, а также описание важнейших рек и озер; в центре континента западноевропейцами изучены все основные элементы рельефа, особенно Альпы и Карпаты, на юге — Апеннины, а на западе — Центральный массив и Пиренеи.

Кроме выявления конфигурации северных берегов Азиатского континента и установления положения п-ова Камчатка (о чем упоминалось в Предисловии) русские начали изучение рельефа Кавказа, Западной и Восточной Сибири и Чукотского п-ова; они нанесли на карты бассейны Оби, Енисея, Амура и Анадыря, обнаружили Курильские о-ва и завершили открытие северо-восточного побережья Азии. Китайцы выполнили первые съемки Тибета; французы, англичане и индийцы внесли основной вклад в изучение рельефа п-ова Индостан, исследовали бассейны Инда и Ганга, а также рек, впадающих в Бенгальский залив.

В Африке португальцы открыли озеро Бангвеулу и проникли в верховья Конго; англичане исследовали р. Гамбия, французы проследили Сенегал и открыли плато Фута-Джаллон; голландцы открыли бассейн Оранжевой, плато Большой Намакваленд, часть пустыни Намиб и достигли впадины Калахари.

Русские открыли Северо-Западную Америку и Алеутские о-ва и первые исследовали внутренние районы Аляски. Французы завершили открытие Великих озер, плато Миссури и бассейна Миссисипи; британцы положили начало открытию Северной Канады, побережья Ледовитого океана, канадских прерий, Скалистых гор, бассейна р. Атабаска-Маккензи и выполнили первое широтное пересечение материка. Испанцы продолжили открытие тихоокеанского побережья континента, положили начало открытию Большого Бассейна и Калифорнийской долины.

В Южной Америке испанцы начали исследование бассейна Ла-Платы, бразильские колонисты разрешили вопрос о бифуркации Ориноко, открыли бассейны рек Сан-Франсиску и Токантинс, а также степи Мату-Гросу.

Англичане открыли часть западного, все восточное побережье Австралии и пролив между материком и о. Тасмания, впервые обойдя его кругом; они закартировали оба острова Новой Зеландии, обнаружили в Океании Новую Британию, Новую Ирландию, Новую Каледонию, Гавайские о-ва и Таити.

Французы и англичане значительно уменьшили площадь огромного Южного материка, «уведя» его за полярный круг.

Труды ряда советских авторов помогли более полно и верно осветить деятельность участников Великой Северной экспедиции, рассказать о подвиге геодезиста П. Чичагова, дать объективную оценку вклада Г. Сарычева в географическое познание Восточной Сибири. Новые материалы о плаваниях Д. Кука позволили уточнить, а в ряде случаев переработать главы «Очерков...», посвященные великому английскому мореплавателю.

Как и в двух предыдущих томах, благодаря работам отечественных и зарубежных историко-географов в тексте тома 3 сделаны многочисленные дополнения и исправления.

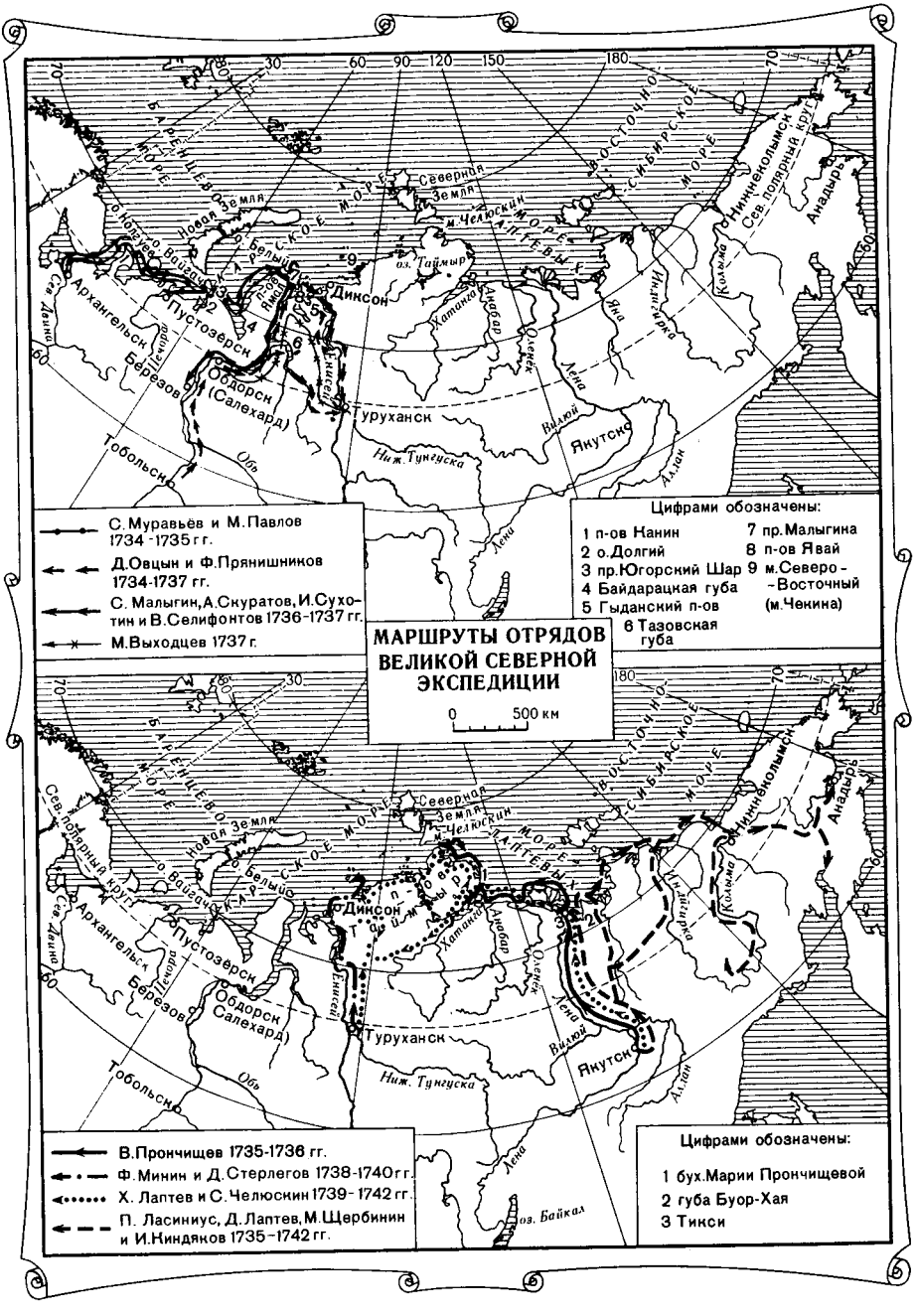
Для тома 3 написаны три новые главы: «Русские исследователи Казахстана, Средней Азии и Кавказа (конец XVII—XVIII век)» — гл. 11, кроме двух разделов,— «Исследователи Тибета, Индии и Передней Азии второй половины XVII и XVIII веков» (гл. 13) и «Съемки побережья Южной Азии, островов Индийского океана, Японского архипелага и Сахалина» (гл. 14), а также значительно переработаны четыре главы: «Исследование бассейна Анадыря, присоединение Камчатки и открытие Курильских островов» (гл. 6), «Первые исследователи Сибири, Дальнего Востока и северной части Тихого океана» (гл. 7), «Великая Северная экспедиция. Работа северных отрядов» (гл. 9), «Русские исследователи Центральной Азии во второй половине XVII—XVIII веков» (гл. 12).

Совместно с И. П. Магидовичем созданы главы: «Исследование севера Европы» (гл. 1), «Исследователи Восточной Европы» (гл. 2), «Русские академические экспедиции в Европейской России» (гл. 3), «Исследователи Карпат, гор Германии и Альп» (гл. 4), «Исследования Западной и Южной Европы» (гл. 5), «Академический отряд Великой Северной экспедиции» (гл. 10).

Для некоторых глав написано несколько новых разделов: в гл. 2 «Съемка Дона и северо-восточных берегов Азовского моря»; в гл. 5 «Съемка северного побережья Средиземного моря» и «Тофиньо: опись берегов Испании»; в гл. 8 «Хметевский: опись Охотского моря» и «Первые исследователи Приамурья»; в гл. 15 «Французы на Мадагаскаре»; в гл. 16 «Атлантический Нептун»; в гл. 17 «Плавания Шалаурова»; в гл. 18 «Василий Иванов — первый исследователь внутренних областей Русской Америки»; в гл. 20 «Иезуиты — исследователи Океании», «Вейланд у берегов Новой Гвинеи» и «Сюрвиль «уменьшает» площадь континентов»; в гл. 24 «Поиски прохода в Атлантику» и «Беглые каторжники дополняют Кука».

Некоторые разделы коренным образом переработаны: в гл. 15 «Голландцы и шведы в Южной Африке»; в гл. 18 «Экспедиция Биллингса — Сарычева»; в гл. 19 «Маскарди, Фолкнер и братья Вьедма в Патагонии»; в гл. 20 «Пират-ученый Дампир и его открытия»; в гл. 23 «Плавание в северной части Тихого океана и гибель Кука»; в гл. 24 «Открытие пролива Басса».

В. И. Магидович


МАРШРУТЫ ОТРЯДОВ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
0 500 км
С.Муравьёв и М.Павлов 1734-1735 гг.
Д.Овцын и Ф.Прянишников 1734-1737 гг.
С. Малыгин, А.Скуратов, И.Сухотин и В.Селифонтов 1736-1737 гг.
М.Выходцев 1737 г.
Цифрами обозначены:
1 п-ов Канин
2 о.Долгий
3 пр.Югорский Шар
4 Байдарацкая губа
5 Гыданский п-ов
6 Тазовская губа
7 пр.Малыгина
8 п-ов Явай
9 м.Северо-Восточный (м.Чекина)
В.Прончищев 1735-1736 гг.
Ф.Минин и Д.Стерлегов 1738-1740 гг.
Х. Лаптев и С.Челюскин 1739-1742 гг.
П. Ласиниус, Д.Лаптев, М.Щербинин и И.Киндяков 1735-1742 гг.
Цифрами обозначены:
1 бух.Марии Прончищевой
2 губа Буор-Хая
3 Тикси
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
КАРСКОЕ МОРЕ
ЛАПТЕВЫХ МОРЕ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ
Новая Земля
Северная Земля
м.Челюскин
Белый
Архангельск
Пустозерск
Березов
Обдорск (Салехард)
Тобольск
Диксон
Туруханск
Якутск
Нижнеколымск
Анадырь
Сев. полярный круг
Сев. Двина
Печора
Обь
Енисей
Хатанга
Анабар
Оленек
Лена
Вилюй
Яна
Индигирка
Колыма
Алдан
Ниж. Тунгуска
оз. Таймыр
оз. Байкал

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕВЕРА ЕВРОПЫ

Путешествие Ламартиньера

Нормандец *Пьер Мартин де Ламартиньер* участвовал в качестве судового врача в датской экспедиции к северным берегам Московии. В марте 1653 г. три корабля, потрепанные на пути штормом, стали на ремонт в Варангер-фьорде. Ламартиньер, использовав двухмесячную остановку, чтобы ознакомиться с лапландцами, стал первым западноевропейцем, подробно описавшим их быт и нравы [1]. Он и еще три участника экспедиции направились «в глубь страны... Через леса, горы и долины, не встречая живой души», они достигли русской Лапландии и на оленях проехали на север, к Коле. В конце мая Ламартиньер вернулся в Варангер-фьорд.

Плавание на восток заняло около десяти дней, и флотилия достигла о. «Борандай» (о. Варандей, иначе Песяков, лежащий к востоку от Печорской губы, у 68°50′ с. ш.). Вид жителей удивил Ламартиньера: «Они были еще ниже ростом, чем лапландцы... голова большая, лицо плоское и широкое, очень курносое и чрезвычайно смуглое, ноги большие...» Завершив выгодную торговлю на острове, датчане с Ламартиньером отправились на материк «в маленький городок Печору (Пустозерск?) на берегу небольшого моря, которое носит его имя». Там они приобрели много мехов. В начале июня они собрались «ехать в Сибирь», в «Папин-город» (Ляпин?) и через страну «Борандай» (Большеземельскую тундру) на оленях достигли Полярного или Приполярного Урала.

Потратив на тяжелый для оленей перевал через горы около 12 ч, датчане прибыли в сибирскую деревушку и были приветливо приняты русскими промышленниками (так называли в ту пору, да и значительно позже, охотников, промышлявших пушного зверя). После угощения и отдыха, закупив меха, за исключением соболей, Ламартиньер и его спутники продолжили путь к «Папину».

Ненцев, через страну которых Ламартиньер проезжал, он описывает так: «Самоеды еще коренастее, чем лапландцы... лицо

[1] Обстоятельное описание Лапландии епископа *Яна Шеффера* издано в 1673 г. на латинском языке в Германии под названием «Лаппония, то есть новое и самое правдивое описание страны и народа лапландцев». Шеффер знал о книге Ламартиньера «Путешествие в северные страны...» (русский перевод. М., 1911).

плоское, курносое... цвет его землистый, и на лице нет никакой растительности...» К сожалению, невозможно определить хотя бы приблизительно путь датчан от стоянки их кораблей к «Папину», где они скупили много мехов.

На пути туда или обратно Ламартиньер слышал о «горах Патенотр», якобы простирающихся от материка до о. Вайгач. Есть мнение, что «Патенотр» — это, возможно, очень искаженное ненецкое название Полярного Урала: отдаленное сходство имеет название его вершины Пайер. К проливу, отделяющему Вайгач от материка, подходит северо-западный отрог Полярного Урала, кряж Пай-Хой. Вероятнее всего, что известие Ламартиньера отражает смутное сведение именно о Пай-Хое.

От «Борандая» экспедиция перешла к Новой Земле, неудачно пыталась проникнуть в Карское море и вынуждена была пристать к о. Вайгач, где люди подверглись нападению белых медведей. Ламартиньер высаживался на островок у западного берега Вайгача. В конце августа корабли двинулись на запад, к Гренландии, но за Шпицбергеном шторм отнес их к Исландии, где люди благополучно отсиделись и осмотрели гейзеры и вулкан Геклу. В октябре флотилия вернулась в Данию.

Книга Ламартиньера, которого многие считали лжецом, дошла до нас в ряде французских изданий начиная с 1671 г., в английских и в немецких переводах: «...Издания разнятся между собой... в некоторых сделаны столь большие и существенные вставки, что они совершенно изменяют характер книги... Удалось все же показать, что... нелепые сообщения, [как правило]... принадлежат не автору, а издателям, исказившим первоначальный текст...» *(М. П. Алексеев).*

Шпилькин на полуострове Канин

В 1661 г. рудознатец[1] *Василий Шпилькин* был послан с группой людей через Мезень на Канин для поисков руд и «лазоревых каменьев». В июне он прошел вдоль восточного (Конушинского) берега Мезенской губы до Канина. В течение трех лет он исходил все — более 600 км — побережье полуострова, обследуя многочисленные речки и протоки.

В. Шпилькин побывал и во «внутренних районах» длинного и узкого п-ова Канин: на невысоком (до 242 м) кряже Канин Камень (длина 100 км) и на двух его скалистых мысах — Канин Нос и Микулкин, издавна служивших хорошими ориентирами для мореходов. В. Шпилькину удалось обнаружить серебряную руду, «лазоревые каменья» и хрусталь лишь в восьми местах — на мысе Микулкином и по течению семи речек на всех трех берегах полуострова. Вернувшись в Москву в 1664 г., В. Шпилькин составил первое, очень краткое описание Канина.

[1] Рудознатцы (в России) — специалисты, занимающиеся поисками полезных ископаемых.

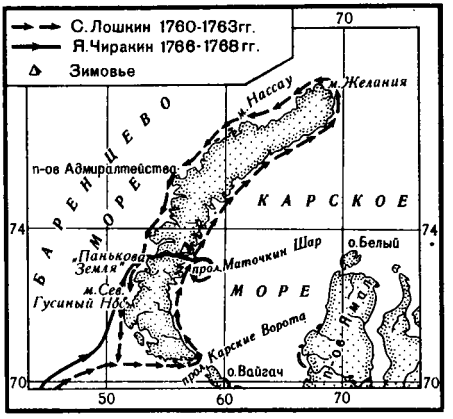
Реньяр в Лапландии

Молодой француз *Жан Франсуа Реньяр*, будущий драматург, посетил Лапландию летом 1681 г. От городка Торнио, на северном берегу Ботнического залива, он в начале августа двинулся вверх по р. Торниойоки в финском челне. Из-за стремительного течения и ветра движение по реке было очень трудно. Ж. Реньяр шел берегом, сильно страдая от мошкары. Он удивлялся обилию птиц, но обращал мало внимания на характер местности: его дневник беден географическими записями. Время от времени Ж. Реньяр заносил туда заметки о лопарях. Он продвигался на север, не удаляясь от р. Турнеэльва, а от устья Муониойоки — на северо-запад, в глубь шведской Лапландии. Пройдя от залива около 400 км, Реньяр достиг длинного озера Турнетреск — истока Турнеэльва. Здесь течение преграждают «...ужасные пороги [водопад Тарракоски], воды мчатся со страшной скоростью и шумом». Озеро окружено высокими безлесными горами (до 1765 м). Реньяр поднялся на прибрежную гору, «по высоте превосходящую все остальные». С вершины он якобы увидел «все пространство Лапландии и море до северного мыса...» и записал в дневнике: «...я не поверю никогда, что мы можем забраться еще дальше [на север]». По этому поводу итальянский исследователь Лапландии конца XVIII в. *Джузеппе Ачерби* заметил: «Реньяр был совершенно очарован своим успехом... хотя мог продолжить путешествие на 300 км далее к северу».

В середине сентября, спустившись по Турнеэльву и «миновав более сорока водопадов», Реньяр вернулся к Ботническому заливу. Во Франции он опубликовал «Путешествие в Лапландию». «Эта книга, полная ошибок и преувеличений, больше служит для развлечения, чем для познания...» (Д. Ачерби). Шведские историко-географы оценивают книгу не так сурово, особенно ее этнографический материал, и отмечают Реньяра как одного из ранних исследователей крайнего севера их страны.

Лошкин, Чиракин и Розмыслов у Новой Земли

До середины XVIII в. Новая Земля считалась географами единым островом, а восточные ее берега были почти неизвестны. В начале 60-х гг. кормщик (мореход — глава промысловой артели) *Савва Феофанович Лошкин* занимался промыслом в юго-западной части Карского моря. Продвигаясь постепенно на север, он дважды зимовал на восточном берегу Новой Земли; вторая зимовка была вынужденной: до северного мыса С. Лошкину осталось пройти несколько километров, но тяжелые льды не позволили ему пробиться ни на шаг. На третий год, обогнув Северный остров, зверобой прошел Баренцевым морем на юг вдоль западного берега Новой Земли. Его сообщение — в пересказе *Ф. И. Рахманина* — записано *В. В. Крестининым* в 1788 г. Это первое известное нам плавание



Новоземельские экспедиции XVIII в.

вдоль всего (около 1 тыс. км) восточного берега Новой Земли и первый обход ее кругом.

Кормщик *Яков Яковлевич Чиракин* много раз плавал на промыслы к Новой Земле и по крайней мере десять раз зимовал там. Летом 1766 и 1767 гг. он завершил открытие пролива Маточкин Шар и доказал, что Новая Земля — двойной остров: «...одним небольшим проливом в малом извозном карбасу оную Новую Землю проходил поперек насквозь на... Карское море два раза, оттуда и возвращался в Белое море тем же проливом; и оному месту снял своеручно план».

В 1768 г. Я. Чиракин был послан к Новой Земле на гнилой «кочмаре» (промысловое судно до 10 т) вместе с военным штурманом *Федором Розмысловым* и подштурманом *Матвеем Губиным*. В сентябре Чиракин прошел Маточкиным Шаром в Карское море, Розмыслов же и Губин произвели на шлюпке первую опись пролива: «своеручный план» Чиракина не удовлетворял элементарным требованиям. Зимовали мореходы у восточного выхода из пролива. Из 14 моряков умерли от цинги восемь, в том числе Я. Чиракин; все остальные были больны.

Летом 1769 г. Ф. Розмыслов по чистой воде вышел в Карское море, но через день был остановлен сплошными льдами. Он повернул обратно и по ошибке попал в неизвестный ранее залив, который назвал Незнаемым (73°45′ с. ш.). Спустившись оттуда несколько к югу, он через два дня нашел вход в Маточкин Шар. В проливе гнилую «кочмару» пришлось бросить. Два помора, зашедшие в западное устье Маточкина Шара, доставили Ф. Розмыслова с уцелевшими людьми в Архангельск в сентябре 1769 г.

Во время описи пролива Ф. Розмыслов исследовал береговые горы, озера в этих горах и дал краткую характеристику животного и растительного мира. Он также описал п-ов Панькова Земля (на западном побережье о. Южного, у 73°10′ с. ш.), открытый поморами.

Русские описи берегов Баренцева и Белого морей

В начале 40-х гг. XVIII в. Адмиралтейств-коллегия решила оставить на зимовку у незамерзающего Мурманского берега военные корабли. Для этого необходимо было исследовать участок побережья, выбрать удобную для зимовки гавань и построить там жилища. Летом 1741 г. к устью Колы был послан лейтенант *Васи-*

лий Винков, заснявший о. Кильдин и короткий участок матерого берега к западу от него до вершины Кольского залива. «Это была первая и притом точная работа русских на Лапландском берегу».

В то же лето флота-мастер (старший штурман) *Евтихий Бестужев* описал все западное побережье п-ова Канин. Его журналы до нас не дошли; на составленных им картах довольно подробно обозначены все речки и изгибы берега, но отметок глубин на море нет. Благодаря его работе впервые узнали об истинном положении Канинского берега, а выполненное Е. Бестужевым исследование рек Чижи и Чёши до 1850 г. оставалось единственным.

Вторая опись Белого моря, более ценная с гидрографической точки зрения, совершена штурманом *Беляевым* в 1756—1757 гг. на одномачтовом боте. Он описал о. Моржовец, оба берега Мезенской губы и весь Зимний берег (более 500 км). Он впервые выполнил также промеры глубин между устьями Мезени и Двины. «Работы Беляева отличаются точностью и подробностью, удивительными по средствам, которые он имел для исполнения этого дела... Быть может, этот деятельный труженик скончался вскоре по возвращении... так как карта вышла под именем его помощника *Толмачева,* хотя бóльшую часть описи сделал сам Беляев».

В 1769 г. *Михаил Степанович Немтинов* на боте заснял все побережье Онежского п-ова от устья Двины до устья Онеги. «...Острова Онежских шхер, виденные им вдоль восточного берега залива, означены грубо и неверно, но под настоящими своими названиями». Дополнив и исправив по материалам этих трех описей голландские карты XVII в., морское ведомство составило первую «похожую карту восточной половины Белого моря, служившую в рукописных списках с 1770 по 1778 г.».

В 1778—1779 гг. *Петр Иванович Григорков* и *Дмитрий Андреевич Доможиров* завершили опись Терского берега и положили на карту п-ов Святой Нос с лежащим за ним Святоносским заливом. Они обследовали несколько мелей, особенно в Горле Белого моря, которое после их работы впервые было положено на довольно точную карту[1]. Сохранилась только копия составленной обоими офицерами общей карты. «Между тем [их] работы... забытые Коллегией, приобрели заслуженное одобрение и доверенность... мореплавателей».

Известия Крестинина о «полунощных» странах»

Василий Васильевич Крестинин, сын архангельского купца, коренного помора, записывал рассказы опытных кормщиков о «полунощных странах». Эти записи содержат первые сравнительно де-

[1] Горло Белого моря — широкий (45—55 км) мелководный пролив, соединяющий северный бассейн Белого моря, лежащий за полярным кругом, с его главным бассейном. Длина пролива — более 150 км, включая Воронку, северную часть горла.

тальные географические сведения о Большеземельской тундре, собранные около 1785 г., о Колгуеве и Новой Земле.

«Большеземельский хребет» начинается примерно в 40 км от Печоры и простирается до Урала; на нем нет леса: граница лесной растительности проходит в 65 км к югу. В. Крестинин первый сообщил о р. Усе (565 км, система Печоры) и ее многочисленных притоках.

По сведениям, полученным в 1786 г. от мезенца *Никифора Рахманина,* Крестинин дал первую характеристику «округлого острова» Колгуева: длина его «по окружности» 380 км (преувеличено); на юге его только одна губа — Промойная; на нем четыре реки (их больше) и много озер. «Поверхность острова, составляющая равнину, покрывается мохом, частью белым и сухим». Первая попытка основать там постоянный поселок сделана около 1767 г.: 40 раскольников поставили в устье одной реки скит и прожили на острове около четырех лет, почти все погибли, лишь двое вернулись в Архангельск.

В 1787—1788 гг. В. Крестинин записал рассказы некоторых промышленников, в основном кормщика *Ивана Шукобова*, о «великом острове» Северного океана — «Новой Земле полунощного края», о западных берегах о. Южного и о. Северного и о рельефе их внутренних районов. На юге промышленники открыли и обследовали губу Безымянную, п-ов Гусиная Земля и о. «Костинская Земля» (о. Междушарский), отделенный от о. Южного дугообразным длинным (более 100 км) проливом Костин Шар. У о. Северного они открыли губы Митюшиха и Машигина, а также о-ва Горбовы (у 75°55′ с. ш.). Все опрошенные считали Новую Землю продолжением Уральского хребта, но преувеличивали ее длину по крайней мере в два раза. Приводя их цифры (до 2500 верст), В. Крестинин осторожно отмечал, что на север Новая Земля тянется «до неизвестных пределов», хотя сам же сообщал о плавании С. Лошкина.

Наиболее полные и точные сведения о рельефе Новой Земли получены В. Крестининым от кормщика *Федора Заозерского.* Вдоль всего западного побережья простирается беспрерывная цепь голых каменных гор, цветом серых или темных. Горы подходят большей частью к берегу; некоторые обрываются в море утесами, стоят, «аки стена, неприступны». Ф. Заозерский отметил лишь три района, где горы отступают от моря. Близ южного входа в Костин Шар, весь п-ов Гусиная Земля и участок к югу от Маточкина Шара — все это низкие, каменистые «равнины». За 75°40′ с. ш. «высочайшие ледяные горы простираются... к северу и в некоторых местах самый берег Новой Земли скрывают от глаз».

Дополнительные сведения о рельефе Новой Земли в 1788 г. сообщил В. Крестинину помор-кормщик *Федот Ипполитович Рахманин,* 26 раз зимовавший на о. Южном. Низкие равнины занимают всю «Костинскую Землю» и южную часть главного острова. Далее начинается хребет, повышающийся к северу. «От восточного устья Маточкина Шара беспрерывный кряж гор высоких идет до северной оконечности Новой Земли». А береговая полоса к югу от Ма-

точкина Шара до Карских Ворот — «земля низкая, мокрая, покрытая мохом сухим и болотным»[1].

Таким образом, к концу XVIII в. у русских сложилось правильное представление о том, что Новая Земля, кроме ее южной окраины, почти полностью занята беспрерывным (за Шаром) кряжем, «остатком Урала». Хорошо были известны и даже обжиты (в летнее время) западные берега обоих островов. И почти совершенно необследованным оставалось восточное побережье.

«Описание Белого моря» Фомина

Житель Архангельска *Александр Иванович Фомин* в 1797 г. издал «Описание Белого моря с его берегами и островами вообще», в котором дал первую географическую характеристику Белого моря. Это в основном сводка данных, собранных автором «за многие годы по словесным известиям и запискам». Фомин кратко описал три большие губы и берега: Терский, Карельский и Канинский. Кроме «Генеральной карты Белого моря», очень неточной, он пользовался также рукописными картами Онежской губы и Соловецких о-вов, которые он посетил в 1789 г. Карта этих островов и их описание составлены в 1750 г. ключарем *Михаилом Ерофеевичем Кузнецовым*, долго жившим на Соловках; чертеж Онежской губы — голландским моряком, осевшим в Архангельске, *Мартином Барцем.*

В работе А. Фомина впервые упоминается кряж Ветреный Пояс и верно указывается его юго-восточное направление: от низовья р. Нюхчи начинается «белокаменный хребет, идущий поперек реки Онеги при Бирючевских порогах...» (у 40° в. д.). Часть многочисленных островов Онежской губы, «... по сказаниям онежских мореходов... крутовершинные, другие плоские, некоторые имеют берега утесистые, другие... песчаные; все поросли лесом, кроме луд» (голых островов). Всего их в губе 50. Эта основная гряда, названная автором Каменной, протягивается примерно на 200 км параллельно западному, Поморскому берегу губы. К Соловецким А. Фомин относит шесть островов, разделенных узкими каналами, или салмами. «Острова Соловецкий, Муксалмы и Заяцкие берега имеют низкие, а середины возвышенные. Соловецкий остров окружен немалым числом луд... Он фигуру имеет несколько подобную яйцу. Середина его возвышена... буграми», т. е. холмистая. А. Фомин (или М. Е. Кузнецов) насчитал на острове 177 озер.

Книга А. Фомина — первый русский литературный источник, дающий определенные сведения о Тиманском кряже: кряж Канин Камень, значительно понизившись и образовав каменистое дно Чешской губы, протягивается далее в Мезенский край, где под названием Тиманского Камня доходит до Вычегды. С него текут реки на восток, к Печоре, и на запад — Мезень и ее притоки.

[1] Не совсем точно: восточная низменная береговая полоса начинается в 90 км к югу от Маточкина Шара.

1023287

...кая
об... ...отека
им. И. В. ...

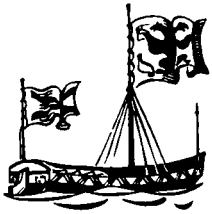
Исландцы Олафсон и Палсон

В 1751 г. *Эггерт Олафсон* впервые начал измерять высоты Исландии, из-за неточных методов и плохих приборов малоудовлетворительно. Он, однако, все-таки улучшил представление о рельефе острова. К 1757 г. он обошел обжитые районы Исландии, собирая по заданию правительства старинные рукописи и, уже по своей инициативе, географические материалы.

Э. Олафсон хорошо для своего времени описывает морские отложения. На юго-западной низменности во многих километрах от моря он находил раковины и наметил древнюю береговую линию. В 1752 г. он посетил район озера Миватн, на северо-востоке острова, и наблюдал там кратеры взрыва (редкие в Исландии), образовавшиеся во время сильного извержения в 1724 г. А на западе плато он осмотрел большое ледовое поле и величайшую в Исландии лавовую пещеру. Э. Олафсон впервые довольно точно выявил распространение ледников в разных частях Исландии и поднимался на многие вершины (до 1675 м). Исландский географ и историко-географ конца XIX—начала XX в. *Торвальдур Городсен* считает, что с Э. Олафсона вообще начинается научное исследование Исландии.

Свейн Палсон в 1791—1796 гг. обследовал разные районы Исландии, уделяя особое внимание ледникам и ледниковым отложениям на юге. Он изучил длинную узкую низменность — юго-восточную приморскую полосу, ее береговые валы, скопления обломочных горных пород и т. д. В 1796 г. он впервые описал там песчаные пространства, особенно то, самое обширное, которое примыкает к леднику Эрайвайёкудль — южному выступу громадного ледникового массива Ватнайёкудль. С. Палсон исследовал также несколько вулканических массивов и поднимался на их вершины: в 1792 г.— на западе, в районе потухшего вулкана Ок; в 1793 г.— на юге, на вершину Эйяфьядлайёкудль (1666 м, действующий вулкан). В 1794 г. от юго-восточного берега (у 64° с. ш.) он впервые поднялся на Эрайвайёкудль, но не смог покорить вершину его и всей Исландии — потухший вулкан Хваннадальсхнукур (2119 м).

С. Палсон дал первое полное описание обследованных глетчеров в сочинении «Опыт физического, географического и исторического описания исландских ледников». Автор, по мнению Т. Городсена, очень хорошо описал работу местных глетчеров: «...всему, что в XIX в. было об этом известно, мы обязаны Свейну Палсону: все, что писали об исландских глетчерах иностранные путешественники,— только случайные... заметки...»



ИССЛЕДОВАТЕЛИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Съемка Дона и северо-восточных берегов Азовского моря

После смерти брата (1696) *Петр I Алексеевич*, в качестве единодержавного правителя, начал осуществление крупных социальных реформ, которые, как он справедливо считал, должны были вывести Русь из вековой отсталости. Царь ясно понимал, что без «воды» и флота Россия не сможет стать великой державой. Под «водой» он подразумевал удобные и безопасные выходы к Балтике, Черному и Азовскому морям.

В конце 1695 г. в Воронеже Петр I заложил верфь, на построенных там судах спустился по Дону и 19 июля 1696 г. взял Азов, турецкую крепость в устье реки. Через Боярскую Думу 20 октября того же года (дата основания русского регулярного военно-морского флота) он провел предложение «морским судам быть...».

В конце апреля 1699 г. большая эскадра, состоящая из 586 различных кораблей, в том числе 18 крупных и 500 транспортных, начала Керченский поход. Командиры трех судов — Петр I, в ранге капитана, вице-адмирал *Корнелий Иванович Крюйс* и капитан *Питер Памбург* — произвели первую инструментальную съемку Дона от Воронежа до впадения в Азовское море (более 1300 км). Она сопровождалась описью берегов реки, регулярными замерами глубины и астрономическими определениями широты местности.

23 июня флот вышел в Таганрогский залив и после стоянки в Таганроге направился к турецкой крепости Керчь. В походе К. Крюйс при участии Петра I заснял северо-восточное побережье Азовского моря на протяжении почти 500 км и выполнил многочисленные промеры, давшие от 4,3 до 19 м глубины. Это противоречило представлениям географов того времени и турецких морских стратегов. Эскадра беспрепятственно подошла к Керчи, и П. Памбург в сопровождении турецких кораблей пересек Черное море, доставив в Константинополь полномочного посла России, добившегося выгодного для Петра I мирного договора 1700 г.

К. Крюйс составил карты заснятой части Дона (представлявшие собой промежуточный этап между чертежом и истинной географической картой), приложил к ним краткое описание реки и в 1704 г. издал в Амстердаме в виде атласа. На основании собственных на-

Петр I

блюдений он решительно отверг мнение древних географов о Доне, как о границе между Европой и Азией. Со съемки Дона начался петровский период топографических работ в Европейской России и за Уралом: «...если плохого начала не делать,— как отметил Петр I, правда, по другому поводу,— то и дождаться доброго конца нельзя».

Первые русские геодезисты в Европейской России

В декабре 1720 г. были начаты систематические работы по инструментально-картографической съемке России. Руководство ими Петр I поручил *Ивану Кирилловичу Кирилову*. Из подчиненных ему первых русских геодезистов особенно выделился «геодезии подмастерье» *Аким Федорович Клешнин*, направленный на северо-запад России. С 1721 по 1729 г. он заснял территорию более 400 тыс. км^2 от русско-шведской границы до водораздела Онеги и Северной Двины и от Белого моря до 58° с. ш. Для этой громадной работы А. Клешнину выделили в помощь лишь одного «ученика геодезии» *Алексея Жихманова*. Работать геодезистам приходилось в трудных условиях, в озерной, заболоченной стране, а начальство о них не заботилось. Так, в 1723 г. А. Клешнин писал в Сенат: «Жалованье не получаем седьмой месяц, отчего ныне не имеем и дневной пищи...». В развитие официальной инструкции «подмастерье» создал первое руководство по топографической съемке.

А. Клешнин заснял берега всего Ладожского озера и его крупнейшие (северные) острова: Валаам, Мантсинсари и Лункулансари. К северу от Ладоги впервые на карте появились крупные озера — Янисъярви и Суоярви, а также большая часть Пюхяярви (Отрадное). Западнее, в районе Выборга, А. Клешнин выполнил съемку ряда узких и длинных озер Карельского перешейка, вытянутых в северо-западном направлении, в том числе Вуоксу. На его карте отчетливо виден Выборгский залив.

А. Клешнину же принадлежит и первое сравнительно правильное изображение Онежского озера с огромным северным рукавом, в котором легко можно узнать Повенецкий и Заонежский заливы; довольно верно нанесены соседние губы, о. Большой Климецкий, а также ряд узких озер. К востоку от заливов А. Клешнин заснял Водлозеро, а между 63 и 65° с. ш., правда не очень точно,— Сегозеро, Выгозеро, Куйто, Ондозеро и Нюк.

А. Клешнин и А. Жихманов относительно верно нанесли на карту всю р. Онегу от озер Воже и Лача до устья, всю Онежскую губу и Онежский п-ов, между Онежской и Двинской губой. Впервые отмечены холмистые возвышенности к востоку и западу от верховьев Онеги. Некоторые холмы, показанные на левобережье средней Онеги, вероятно, связаны с кряжем Ветреный Пояс. Они засняли также большую (северную) часть Молого-Шекснинской низменности и озеро Белое.

Геодезист *Федор Молчанов* в 1720—1721 гг. работал в бассейне верхней Печоры. В 1722 г. он составил карту, на которой показал южный участок Печоры длиной 550 км, от ее истока в Камне, и впервые (не точно) ее верхние притоки, также вытекающие из Камня и не указанные в «Книге Большому чертежу»: левый, самый верхний — Унья; правые — Подчерем и Илыч. Материалы съемок поступали в Петербург к И. Кирилову, который использовал их для составления первого атласа России. В работе принимали участие несколько геодезистов. В 1734 г. И. Кирилов на собственные средства выпустил атлас в свет. Из десяти карт шесть изготовил А. Клешнин, а одна была переизданием шведской карты Лифляндии.

Интересна карта бассейна средней Камы, составленная анонимным геодезистом в 1732 г. и «внесенная в Российский атлас через Ивана Кирилова». На ней впервые нанесены, правда не очень точно, верхние притоки Камы: правые — Иньва и Обва, левые — Яйва и Косьва, а также ряд их притоков. Несколько карт бассейна Дона не попало в кириловский атлас. Они были включены в академический «Атлас Российский» 1745 г. Реки — Дон, Северский Донец и Хопер — нанесены сравнительно точно, но Медведица, Битюг и Сосна «укорочены» на 30—35%. Между Битюгом и Медведицей отмечена группа холмов — первое указание на Калачскую возвышенность. Получила довольно верное картографическое изображение и р. Кума: длина ее на карте 570 км (802 км по нынешним данным).

Неизвестные геодезисты, видимо, вели работы и на Кольском п-ове. В том же атласе 1745 г. показана система р. Колы, проходящей через несколько озер, южнее ее истоков,— очень узкое (5—10 км) и длинное (120 км) озеро без названия, несомненно Имандра, а в 100 км к востоку от него — овальное меридиональное Умбозеро. Рельеф Кольского п-ова дан весьма схематично: в центральной части прослежена почти широтная 250-километровая гряда — первое указание на Кейвы; горы нанесены и на восточном берегу Имандры (Хибины).

Оренбургская экспедиция Кирилова

В 20-х гг. начались переговоры старейшин западных казахов (Младшего жуза), очень страдавших от набегов джунгар, о добровольном переходе казахов в русское подданство. Согласие правительства было дано в 1731 г., и И. Кирилов предложил построить крепость в устье р. Ори — форпост против джунгар.

Летом 1734 г. во главе большого отряда И. Кирилов прошел от Уфы вдоль левого берега Белой до Яика (р. Урала) и к устью Ори. В августе 1735 г. он заложил здесь крепость Оренбург (в 1740 г. переименована в Орск). Название «Оренбург» в 1739 г. было перенесено на крепость, поставленную в 193 км ниже по Яику, а в 1743 г. передвинутую еще на 75 км ниже и через год ставшую центром края. Здесь и расположен нынешний Оренбург. На границе Башкирии И. Кирилов построил до 20 крепостей — по Сакмаре, Яику, Белой и Уфе, лично выбирая места для них. По его инициативе в крае была проложена сеть военных дорог общей длиной более 3000 км.

В Оренбургскую экспедицию И. Кирилов пригласил десять лучших геодезистов, в том числе А. Клешнина. Они выполнили съемочные работы вдоль укрепленной линии Самара—Оренбург—Екатеринбург (с 1924 г. Свердловск), а также в Заволжье и Закамье и составили карты различных частей огромного края. Одна из них, карта рек Самары и Яика, составленная *Петром Чичаговым,* давала первое представление об Общем Сырте. К северу от Самары П. Чичагов нанес «горы неравные» — первый намек на Бугульминско-Белебеевскую возвышенность; он показал также яры, характерные для берегов Сока и Кинели, и пойму Яика. Такая подробная характеристика рельефа, видимо, была обусловлена военным назначением карты.

В 1736 г. геодезист *Михаил Пестриков* создал сводную карту, охватившую пространство около 500 тыс. км^2 от средней Волги (участок Казань—Самара) до Тобола и от линии Кунгур—Екатеринбург до Оренбурга и Яика. На этой по существу коллективной карте впервые схематически намечен рельеф части Южного Урала: горы в виде холмиков показаны в колене Белой и по ее левому берегу; горы «заполняют» также бассейн Уфы. Подробно и в общих чертах правильно сняты реки Самара, верхний и средний Яик, часть средней Камы с Белой; впервые на восточном склоне Урала нанесены верховья рек системы Тобола, а также многочисленные озера.

И. Кирилов, видя недостатки карты, требовал проведения новых съемок, и геодезисты не прекращали снимать «Башкирское жилье». Весной 1737 г. И. Кирилов, давно болевший туберкулезом, умер. Сменивший его *В. Н. Татищев* продолжал работы. В частности, по его поручению английский моряк *Джон Элтон* составил первую карту Самарской Луки, «о кривизне [которой]... в ланд-карты нигде подлинно внесено не было».

Петр Рычков и Иван Красильников

В 1741 г. Оренбургскую комиссию возглавил *Петр Иванович Рычков.* Под его руководством в 1743 г. было закончено составление атласа края и генеральной карты, но не прекратился процесс ее улучшения, так как от съемщиков поступали все новые и новые

материалы. В 1753—1755 гг. геодезист *Иван Красильников* составил по имеющимся картам и описаниям десять партикулярных и одну генеральную карту, и Рычков направил в Академию наук рукописный атлас Оренбургской губернии — результат почти двадцатилетней коллективной работы первых русских геодезистов (опубликован в 1880 г.).

Наибольший интерес представляют партикулярные карты уездов Оренбургской губернии. Кроме рек, упомянутых в «Книге Большому чертежу», на них впервые нанесены от истоков до устья левые притоки Волги — Большой Черемшан и Большой Иргиз, левый приток Камы — Шешма, притоки Белой — Дема и Сим с Инзером, притоки Уфы — Юрюзань и Ай, правые притоки Яика — Таналык и Сакмара — и его левый приток Илек, крупнейший приток Самары — Большой Кинель.

Все они показаны с многочисленными речками их системы; истоки отмечены довольно точно, особенно на восточном склоне Уральских гор. Правда, длина рек, как правило, приуменьшена примерно на одну треть. Нанесены около ста озер восточного склона — в «озерной области» (между 60 и 62° в. д.).

На карте Красильникова четко выявилась Бугульминско-Белебеевская возвышенность[1] — водораздельный узел притоков Волги, Камы и Белой, отчетливо показаны Сокские и Кинельские яры и Соколовы горы. Лучше, чем на карте П. Чичагова, изображен Общий Сырт, разрезанный р. Самарой и ее притоками на отдельные длинные участки (так и по современным представлениям) и протягивающийся за истоки Большого Иргиза. Но Красильников неверно считал Общий Сырт отрогом Урала — вообще орография Южного Урала геодезистами была выявлена слабо.

К новым картам Рычков решил приложить текст. Так родилась «Топография Оренбургская» — комплексная географическая работа, одна из первых региональных сводок. Для ее создания, кроме материалов геодезистов, П. Рычков широко использовал работы В. Н. Татищева и, конечно, собственные наблюдения. Труд П. Рычкова представляет громадный интерес как подробная характеристика малоизученного края. Автор дал этнографическое описание народов, его населяющих, привел много данных о животном и растительном мире, сообщил сведения о полезных ископаемых.

В частности, он первый отметил присутствие нефти в Среднем Поволжье, в бассейне Эмбы, в верховьях Сагыза. Но его гидрографические описания весьма кратки: упомянуты, да и то мимоходом, только главные реки края — Волга, Кама, Яик, Белая, Эмба и 15 их притоков; длина указана лишь для Яика — «близ трех тысяч верст» (фактически 2428 км). Из ста озер упомянуты лишь три.

Слабо описан рельеф. Правда, и карты давали гораздо меньше материала. В «Топографии...» очень кратко отмечены отдельные

[1] За редкими исключениями, на картах Красильникова нет названий гор; здесь и далее они приведены по советским атласам.

В. Татищев

горы, где берут начало реки, стекающие с Уральского хребта: Иремель (Большой Иремель) — «Высочайшая в Урале», исток Белой; Ямантау — «всегда снега лежат»[1]; Калкантау (Круглая), исток Яика; Юрантау (т. е. хребет Юрматау, длина около 90 км); «по реке Белой горы» и т. д.

Несмотря на все указанные огрехи, география Юго-Восточной Европы благодаря первым русским геодезистам далеко шагнула вперед: небольшой отряд топографов, возглавляемый И. Кириловым, В. Татищевым и П. Рычковым, впервые исследовал, положил на карту и описал огромную территорию между Волгой и восточным склоном Уральских гор.

Татищев — первый исследователь Урала.

В 1720 г. Петр I послал инженера-артиллериста Василия Никитича Татищева на Урал управлять местными заводами. За два года он обследовал весь Средний Урал и часть Южного, где впервые выделил короткие хребты Зильмердак — «между рек Илина [Зилим] и Инзер» — и Зигальга «при реке Юрюзань» — все три реки принадлежат бассейну Белой. Татищев правильно указал истоки Инзера и Юрюзани в массиве Ямантау. На р. Исети (система Тобола), которая берет начало «в горах Пояса, из озера Исетского», он в 1721 г. заложил город Екатеринбург и основал несколько казенных заводов. К западу от Екатеринбурга (у 57° в. д.), в Сылвинском кряже, между Сылвой и Уфой (левый нижний приток Чусовой), он описал мощные карстовые источники, выходы подземной реки (воклюзы). Татищев изучил весь приток Сылвы, Ирень, чья вода «...светла, но так противна вкусом, что скоты пить не могут. А причина... что в оную многие реки, из... известных мест вышедшие, впадают». (Близ устья Ирени находится карстовая Кунгурская ледяная пещера.)

В районе Кунгура Татищев услышал сказание «о звере-мамонте», живущем под землей и оставляющем ямы и рвы во время движения. Татищев изучил эти многочисленные «следы», описал кости мамонта и в письме, опубликованном в Швеции в 1725 г., дал

[1] На Ямантау (1640 м) нет вечных снегов; Иремель ниже — 1582 м.

первое научное объяснение происхождения провальных ям, рвов и пещер и сформулировал важный вывод, лишь в XIX в. ставший (с оговорками) одним из основных положений карстоведения: пещеры и провальные ямы образуются в результате растворяющего действия воды «на плоских и высоких горах», сложенных водопроницаемыми породами и подстилающими их известняками и гипсами.

Во время разъездов по Уралу Татищев ознакомился с реками, берущими начало на восточных склонах хребта, и описал ряд притоков Тобола, в том числе Туру (1030 км) с Ницей и Пышмой и Исеть с Миассом. Он отметил обилие озер между Исетью и Миассом и кратко описал некоторые.

Аббат Шапп на Русской равнине

В 1761 г. французский астроном аббат *Жан Шапп д'Отерош* проехал по почтовым дорогам от Петербурга до Екатеринбурга (и далее в Сибирь) около 2500 км и на этом пути выполнил ряд барометрических замеров. Обработав их, он сделал вывод, что пройденная им от Балтики до Урала равнина повышается к востоку, и выделил на ней три ступени.

Первая ступень — средней высоты 60 м, от Петербурга до Яжельбицы (станция у 58° с. ш., в 20 км к запад-северо-западу от Валдая) — соответствует низменности бассейна Волхова. Вторая ступень, между Яжельбицей и Осой, на Каме, ниже Перми (у 57°20′ с. ш.),— средней высоты 270 м. На ней Ж. Шапп отметил небольшие (120—150 км в поперечнике) плато, в том числе Московское, сильно преувеличив его высоту, и Верхнекамское. И третья ступень, между Осой и Екатеринбургом,— средней высоты 356 м, на которой Ж. Шапп выделил три следующие с запада на восток «цепи», соответствующие Тулвинской возвышенности, Сылвинскому кряжу и центральной полосе Среднего Урала, вновь преувеличив высоту двух последних.

Материалы экспедиции Ж. Шапп опубликовал в книге «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 г.» (Амстердам, 1769, на франц. яз.). По *Д. Н. Анучину*, обратившему внимание на эту работу лишь в конце XIX в., Ж. Шапп дал первое, хотя и грубо обобщенное, представление о рельефе Русской равнины.

Глава 3

РУССКИЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

В 1768 г. Петербургская Академия наук организовала пять географических экспедиций, официально названных «физическими» и работавших по общей программе. Они изучали различные районы, главным образом Европейской России (с Уралом), и по основным базам именовались: три экспедиции — оренбургскими, две — астраханскими.

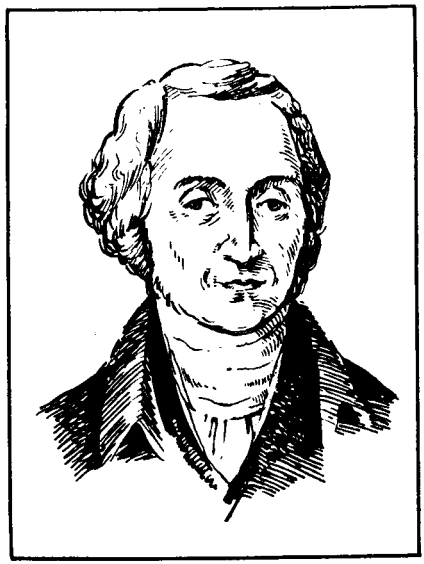
Паллас на Оке и в Поволжье

27-летний петербургский академик, натуралист *Петр Симон Паллас,* родом из Берлина, был назначен начальником первой Оренбургской физической экспедиции. Летом 1768 г. на пути в Оренбург он описал большую часть течения Клязьмы и обратил внимание на приподнятость обоих берегов реки под Владимиром, особенно к югу от него (Высокоречье). От Владимира Паллас прошел «через прекрасные леса» на юго-юго-восток к Касимову, затем вдоль левого берега Оки до Мурома. Он был первым ученым, изучившим Окско-Клязьминское междуречье.

На восток от Мурома (за 43° в. д.) леса кончились, и по безлесной, «несколько холмистой» местности Паллас добрался до Арзамаса. Он исследовал извилистые берега р. Пьяны, левого притока Суры, огибающей так называемое Межпьяние — длинную, около 125 км, цепь крупных холмов (до 245 м), покрытых смешанным лесом,— северо-западная окраина Приволжской возвышенности. Осенью Паллас, следуя через Пензу, пересек эту возвышенность в ее самой широкой части: «Страна при реке Суре... угориста и лесом изобильна. Почти все увалы простираются хребтом и к западу имеют весьма крутые скаты, к востоку же все очень пологи. Между горными увалами... текут речки, впадающие в Суру»[1]. За 47° в. д. Паллас отметил «холмистую страну, по Волге простирающуюся» — водораздел бассейна Суры и Волги. В октябре он обследовал Заволжье по р. Черемшану примерно до 53° в. д. По мере

[1] Цит. здесь и далее из работы П. С. Палласа «Путешествия по разным провинциями российского государства», Спб., 1786—1788, ч. 1—3.

продвижения на восток «страна становится... [все] гористее» — западная часть Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Перебравшись в верховья Сока, Паллас проследил Сокские яры (холмы по правому берегу Сока) и, обратив внимание на богатство местности нефтью по левобережью Волги, вернулся в Симбирск, где зимовал.



П. С. Паллас

Весной 1769 г. Паллас обследовал Жигули и дал первую подробную топографическую характеристику Самарской Луки. На левом берегу Волги, близ устья Сока, он изучил Соколовы горы, а летом исследовал междуречье Самары и ее правого притока Кинели: «Правая сторона [этих] рек гориста, а левая представляет степь с плоскими увалами». Затем Паллас проследил Самару почти до верховья, выполнив пересечение Общего Сырта. Истоки Самары отделены от Урала «только простирающимися в ширину 18 верст степными горами».

В середине лета Паллас добрался до Оренбурга. Он прошел вдоль р. Яика сначала на восток до 59° в. д. и изучил «сухие горные увалы... [Губерлинские горы], дикие... совсем голые», а затем на запад — до Яицкого городка, теперь Уральска. Оттуда Паллас проехал на юг до устья Яика и отметил, что на этом пути «...земля и травы заметно переменяются. Голая степь чем дальше, тем ровнее». По дороге он собрал подробные расспросные сведения об одном из крупнейших Камыш-Самарских озер. «С северной стороны впали в него две посредственные [узкие], сильно лесом заросшие речки — Большой и Малый Узень. По берегам озера растет камыш. Всю восточную сторону озера окружают... барханы, мало разнящиеся от Рын-песков».

Паллас осмотрел озеро Индер и окружающие его высоты: «Этот горный хребет состоит из... нарочито высоких, при Яицкой стороне утесистых, а после помалу возвышающихся каменных гор». Он отметил, что из них «везде бьет соленая вода». Поднявшись на Индерские «горы», он увидел «обширное озеро, подобное большому, покрытому снегом полю. Озеро имеет кругловатую фигуру и много малых заливов». К югу потянулась «сухая степь», а за 48° с. ш. — «низкая мокрая и соленая страна» до самого Гурьева.

Таким образом, Паллас первый исследовал часть Прикаспийской низменности. Он описал и нанес на карту устье Яика, а поздней осенью вернулся в Яицкий городок. Дожди и снегопады помешали ему продолжить работу, и он по тракту проехал в Уфу, где зимовал.

Николай Рычков в Заволжье и на Каме

Весной 1769 г. Паллас поручил своему спутнику 22-летнему *Николаю Петровичу Рычкову*, сыну П. И. Рычкова, обследовать лесостепь и степи Заволжья и среднего течения Камы. Летом 1769 г. Н. Рычков из Симбирска прошел на восток по «безлесным и необитаемым местам»[1] до р. Шешмы, притока Камы. «По правой стороне ее течения находятся горы невысокие, а по левой места низкие, лугами и множеством озер изобилующие» — западная граница Бугульминско-Белебеевской возвышенности. От истоков Шешмы Н. Рычков «поперек высоких... каменных гор» добрался до р. Зай, которая прокладывала себе на север путь вдоль тех же лесистых гор, и правильно указал ее истоки. Поднявшись по Каме до устья р. Ик, он проследил ее почти до истоков, берущих начало «из довольно высоких гор» — самый приподнятый участок возвышенности. Река пробиралась среди камышей и стариц. «По правую сторону ее [среднего] течения находятся крутые, лесистые... каменные горы, а с левой подошли открытые степи...» — широкая низменная долина между 54 и 55° с. ш.

Не доходя истоков Ика, Н. Рычков свернул к западу через центральную часть возвышенности, ничем, «кроме великих каменных гор», не характерную, и описал верховья рек Сок и Кинель, отметив «высокие каменные горы» ее правого берега — Кинельские яры, южный край Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Осмотрев истоки Дёмы (приток Белой), он пересек восточный участок Общего Сырта: «Превысокие каменные холмы видимы на поверхности отделившихся гор, а при подошве оных находятся глубокие и весьма приятные долины, где протекают многие источники и реки». Зиму 1769/70 г. он провел в Оренбурге.

Летом 1770 г. Н. Рычков обследовал часть р. Белой, ее приток Таныпи «нагорную сторону» Камы — Сарапульскую возвышенность (между 56 и 57° с. ш.). По Каме он спустился до ее устья, повернув на север, добрался до устья р. Чепцы, впадающей слева в Вятку у 50° в. д., и проследил почти всю Чепцу, не дойдя примерно 70 км до ее начала. Затем от средней Чепцы он прошел около 15 км на север к истокам Вятки: «Собрав множество речек, течет Вятка близ Чепцы около 400 верст...».

В конце августа Н. Рычков от истоков Вятки перебрался в верховья Камы, которая, как Вятка и Чепца, берет начало на Верхнекамской возвышенности: «Истоки Камы... выходят из пологого увала. Воды... с приятным шумом текут сперва на запад до самой подошвы увала, потом поворачивают к полуночи... в лесистую долину. [Собрав]... неописанное множество болотных и ключевых вод», Кама вскоре становится глубокой и судоходной. Общую длину Камы (1805 км) Н. Рычков лишь немного преувеличил. Он описал еще

[1] Цит. здесь и далее из работы Н. П. Рычкова «Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 годов». Спб., 1770—1772, ч. 1—2.

две реки ее системы — Обву и бóльшую часть Колвы, в низовьях которой отметил ряд вершин кряжа, позже получившего название Полюдова.

Зимовал Н. Рычков в Челябинске. Весной 1771 г. его срочно вызвали в Орск, а летом он с военным караваном прошел по степи до р. Ишим. Он осмотрел степи по р. Ори и к востоку от Мугоджар. В походе он заболел и вернулся в Оренбург. В августе 1771 г., «чтобы не потерять напрасно время», он проехал к устью Дёмы и описал ее нижнее течение.

Результаты его исследований (с картой) опубликованы в 1770—1772 гг. Он верно заснял много рек, стекающих с Бугульминско-Белебеевской возвышенности, бóльшую часть которой обследовал. Пусть Рычков очень кратко и бегло описал район верховьев Камы и Вятки, все же он был первым научным исследователем Верхнекамской возвышенности.

Паллас на Урале

В феврале 1770 г. Паллас направил своего спутника *Никиту Петровича Соколова* (впоследствии академик — химик и минералог) на нижний Яик и к Каспийскому морю, сам же летом двинулся на восток до р. Сима, притока Белой, описал карстовый характер его верховья и обследовал ряд пещер. У р. Катав, притока р. Юрюзани, перед ним на юге, за небольшими отрогами, открылись «...высокие горы... [Зигальга и др.], лежащие между источниками Сима, Катава и Юрюзани».

Переправившись через Юрюзань, Паллас, следуя близ 55° с. ш. до Челябинска, выполнил первое пересечение Южного Урала через верховья рек Ай и Миасс, перевалив хребты Уреньга и Уралтау. «Эти высокие непрерывные горы повсюду лесом покрыты и... так мокры, что во время дождевой погоды и на самом верху по топям и воде бродить надобно. И потому... горы эти не только много источников и ручьев рождают, но и многие свои подземных вод сокровища на лежащую к востоку равнину изливают. Чему явным свидетельством служат как при подошве [гор], так и далее [к востоку и северу] рассеянные великие и малые озера».

Это пересечение позволило Палласу впервые выявить в строении Уральских гор меридиональную зональность — теперь выделяют шесть таких зон. Опираясь на свои материалы, он разработал схему общего строения Уральских гор, которая позднее легла в основу его теории образования горных хребтов Земли.

Паллас описал систему озер у «излучины [верхнего] Миасса», где с 1920 г. организован Ильменский заповедник. Из Челябинска он прошел в Екатеринбург по восточному склону невысокого здесь Урала, мимо многочисленных озер, также им подробно описанных, и вдоль верхней Чусовой. В начале этого пути «...места становятся гористее... каменистее и все лесом покрыты...», за 56-й параллелью леса поредели. Паллас отметил, что Чусовая вытекает «из отрога главного Уральского хребта», а ее правый, восточный берег здесь

«не столь приметен, как те высокие горы, кои начинаются от Чусовой к западу»,— первое указание на Уфалейский хребет.

К северу от Екатеринбурга, в истоках Туры, Паллас осмотрел знаменитое железорудное месторождение — гору Благодать, «усеянную соснами». С нее открылся хороший кругозор: «На западе виден... Уральский пояс, в том месте болотистый, невысокий и широкий, на северо-западе высокая гора Качканар». Отсюда к северу Паллас двигался на лошадях, примерно по 60-му меридиану через верхние участки рек Ляля, Лобва и Каква (все — системы Иртыша) вдоль восточного склона Урала, до 60° с. ш.

От верховьев Ляли на западе Паллас видел меридиональный «высокий хребет» — Северный Урал с покрытыми снегом вершинами. «Урал и все почти здешние места излишне болотисты и ключами изобильны». Он обнаружил, что у 60° с. ш. верховья двух горных рек системы Иртыша и Камы очень сближаются (около 5 км). «Из этой северной пустыни» он вернулся прежним путем в Челябинск и двинулся на юг вдоль восточного склона Урала; местность становилась «ровнее и ниже» и изобиловала стоячими озерцами и солонцами. Он отметил много озер между 55 и 54° с. ш. Там от Уральских гор прямо на юг вдоль 60° в. д. простиралась «цепь высоких, лесами покрытых холмов, которые под именем Окто-Карагай... [и] Джабык-Карагай разделяют ручьи, впадающие в Яик, от льющихся в Тобол».

В начале осени Паллас прекратил работу из-за болезни глаз: «сияние света причиняло нестерпимую боль». За лето 1770 г. он проследил восточный склон Уральских гор на протяжении почти 700 км. Зимовал он в Челябинске, куда в октябре прибыли Н. Рычков и Н. Соколов.

Соколов весной 1770 г. спустился по Яику примерно до 48° с. ш. и, двигаясь по «гористой, иловатой и богатой солью степи», добрался до рукава Яика с солоноватой водой, который довел его до соленого озера Жалтыр. Проехав по песчаной и безводной степи на юго-запад до 50° в. д., Соколов повернул на северо-восток, берегом моря добрался до Гурьева и в 100 км к востоку отметил ряд соленых озер, ныне превратившихся в солончаки (соры); он был первым исследователем восточной части Прикаспийской низменности. В Челябинск Соколов доставил 14 новых видов позвоночных и большую энтомологическую коллекцию. В середине октября, пользуясь теплой погодой, он описал между 53 и 55° с. ш. «многочисленные соленые, горькие и другие... озера, коими вся степь между Миассом, Уем[1] и Тоболом усеяна».

Зуев на Полярном Урале

Зимой в Челябинске Паллас разработал для своего спутника, 17-летнего студента Академии *Василия Федоровича Зуева,* большой маршрут к берегам Карского моря для изучения северной части

[1] Уй — левый приток Тобола (система Иртыша).

Урала; сам же Паллас весною отправился в Сибирь (см. гл. 11). Зуев летом 1771 г. от Обдорска на оленях двинулся на север и вскоре достиг северо-восточных предгорий Урала. «Рассеянные... лиственничные деревца и остролистные ольхи и тальники оказывались там и сям по холмам кустами; по удолам видны были то озера, то стекающие с гор... воды»[1]. По этим «от Урала к северу отошедшим горам» дорога была неровная и трудная.

От вершины Байдарацкой губы Зуев повернул на северо-запад. Он ехал «по пространной мокрой степи... озера в себе заключающей», и не раз, отделяясь от отряда, осматривал небольшие бухты. Местность стала «посуше и поровнее... однако высочайшего хребта конец еще не совсем в виду был. Это были высокие, каменные, голые, острые гор маковицы [макушки], кои за 20 верст от морского берега будто раздробились и уничтожились». Зуев проследил восточный склон Полярного Урала на 170 км до Константинова Камня и обогнул его с севера.

Еще несколько дней Зуев продвигался до устья Кары вдоль все понижавшихся гор, «в коих Уральский хребет пропадает и меж коими болотистые удолы лежали»: он открыл юго-восточный край хребта Пай-Хой. Холодное лето подходило к концу, Зуев повернул обратно и в январе 1772 г. нагнал Палласа у Красноярска. Всего он проехал на оленях более 600 км «через северную болотистую страну, тундрой называемую... до Карского морского залива, доставил первые известия о состоянии и естественных продуктах сей северной страны и северной части Уральского горного хребта». Он составил словари хантыйского, мансийского и ненецкого языков и написал одно из первых подробных сочинений о ненцах.

Вторая экспедиция Палласа по Уралу и Поволжью

Вернувшись из Сибири в Челябинск, Паллас в марте 1773 г. прошел на северо-запад «через весьма суженный Урал, состоящий из ...мало возвышенных гор, поросших редким лесом», до р. Уфы (у 56° с. ш.). Следуя на запад через верхнюю Ирень (приток Сылвы), он вышел к р. Танып (примерно у 56° в. д.), и на западе перед ним открылась «прекрасная... многие версты в ширину простирающаяся равнина — междуречье Белой и Камы; напротив, [пройденная] страна гориста, поросла весьма густым хвойным... лесом». Итак, Паллас второй раз пересек Урал на одном из самых низких и широких участков. Камы он достиг у 54° в. д. Весной Паллас проехал через центральную часть Сарапульской возвышенности («через нарочитые возвышения»), переправился через Каму, двинулся на юг, примерно вдоль 53-го меридиана, по Бугульминско-Белебеевской возвышенности и пересек Общий Сырт. Паллас дал ему первую правильную характеристику: «...отделяется от главной полосы хреб-

[1] Цит. из работы П. С. Палласа; записи Зуева не сохранились.

та, простирается в юго-западную сторону и несправедливо называется продолжением настоящего Урала... По отделению от себя многих побочных отрогов... между Яиком и Самарой [он постепенно] сужается и, протягиваясь узкой полосой холмов в степь, теряется между Яиком и Волгой».

За 52° с. ш. «степь вдруг переменилась в сухую, голую и исполненную... солончаками» — до самого Яика. По его правому берегу Паллас добрался до 50° с. ш. и проехал на юго-запад к низовью Кушума — вершину этого правого рукава Яика он исследовал близ 51° с. ш. Он установил, что р. Кушум питается не только снеговой водой и «потаенными ключами», но и весенними полыми водами Яика «и тогда не только изобилует водой, но еще она весьма годна для питья. Напротив... летом высыхает он участками, а в оставшихся лужах содержит вонючую и гнилую воду». В низовье Кушум проходит через ряд мелких озер и «напоследок оканчивается пространным... озером [у 49° с. ш.], которое никакого сообщения не имеет с Камыш-Самарским озером [и] отделено от него высокой сухой степью». Это было первое и точное описание Кушума. «Вся степь вдоль по Кушуму суха, безлюдна, солена и для... хлебопашества и скотоводства постоянных жителей неспособна».

Паллас обследовал низовья Большого и Малого Узеня (у 49° с. ш.). «В этой стране почти в середине между обеими реками лежит наибольшее из... Узенских [Камыш-Самарских] соленых озер... [без] видимого истока», а западнее его другое; поблизости «по степи рассеяны сухие солончаки». Паллас обнаружил здесь «следы древних водоводов» — арыков.

Дальнейший путь шел на юго-запад через Рын-пески, которые начинаются «почти под 49° с. ш. между Большим Узенем и... Эльтонским соляным озером... и, не прерываясь, простираются по середине между Волгой и Уралом до северного берега Каспийского моря. Рын-пески состоят из больших, зеленью покрытых песчаных глыб, возвышающихся над сухой... глинистой степью. [На юге]... песчаные поля простираются, не прерываясь, и имеют прекраснейшие луга, расположенные между [барханами]... и изобилующие тростником и кустарником»[1]. Он обратил внимание на обилие ключей в этой местности. Через соляную «гору» Чапчачи (14 м над уровнем океана) в середине июня он добрался до Ахтубы.

От нижней Волги Паллас прошел на запад через Сарпинскую низменность и осмотрел «реку Сарпу»: «Как и... другие степные речки, [ее] составляют многие глубокие и великие, покрытые тростником... озера, между которыми находятся небольшие соединительные протоки». Это первая неполная характеристика длинной (около 160 км) цепи горько-соленых Сарпинских озер, которые лишь в половодье соединяются протоками.

Осенью 1773 г. Паллас исследовал озера Эльтон и Баскунчак, а также горы Большое и Малое Богдо. Его описания этих «чудес

[1] Рын-пески до П. С. Палласа посетили и очень кратко охарактеризовали в 1769 г. И. И. Лепехин и в 1770 г. Й. П. Фальк (о них см. ниже).

природы» весьма точны, полнее, чем у других академиков. Зимовал он в Царицыне. Между прочим, он указал, что соединение каналом Дона с Волгой под этим городом удобнее, чем у Камышина.

Соколов в Калмыцкой степи

Пространство между нижней Волгой и Доном, Калмыцкую степь, исследовал в 1772 г., правда близ моря, *С. Гмелин* (см. ниже), но его материалы еще не были опубликованы. И Паллас из Красноярска направил через эту степь на Маныч и Куму Н. П. Соколова. Тот из Царицына весной 1773 г. двинулся прямо на юг. К востоку от его пути до Маныча расстилалась голая низменная степь, сухая, с большими участками солонцов — цепь пересыхающих летом Сарпинских озер; к западу же протягивалась возвышенность. Соколов назвал ее Сарпинской — то были Ергени[1] — и постоянно держался ее подножия. С нее в степь спускались лощины и балки, иногда с проточной водой, кое-где поросшие лесом. Соколов перечислил ряд речек, стекающих с Ергеней.

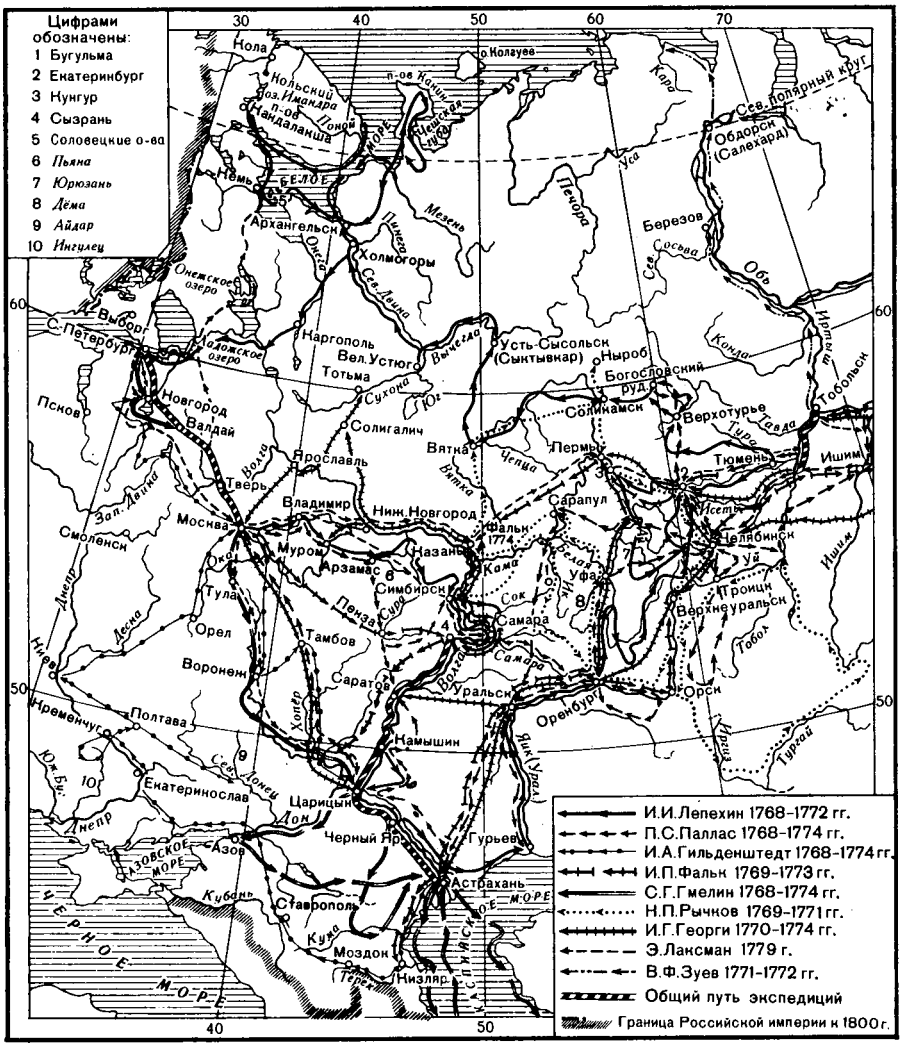
От колодца к колодцу продвигался он на юг и проследил всю (длина около 350 км) возвышенность от Сарпинских озер до Маныча. «Близлежащий [самый южный] край... [Ергеней] лежит при начале долины Маныча наподобие круглой, нарочито отлогой и на вершине плоской горы... [Затем] возвышенная страна совсем понижается, низменная и ровная степь мало-помалу склоняется к пространной долине [Маныча]». Воды в реке летом не было, и Соколов ошибочно решил, что в половодье она течет на запад, в Дон. Исследуя речную долину, он установил, что она простирается на восток-юго-восток, являясь продолжением уже известной географам долины фактически другого — Западного Маныча.

Соколов прошел к западу до низовья р. Калаус, правого притока Восточного Маныча, но посчитал его левым притоком (Западного) Маныча. На юге он увидел «лесом поросшие горы, которые великим голым хребтом с восточной стороны между Манычем и Кумою в степь простираются»,— совершенно четкое указание на Ставропольскую возвышенность. Затем Соколов двинулся на юг. К средней Куме местность постепенно поднималась — верное указание на восточный край той же возвышенности.

Наблюдения спутников Палласа и его самого позволили ему сделать вывод[2], что Ергени и Общий Сырт составляли «древние берега пространного Каспийского моря», соединяющегося посредством Манычской долины с Азовским и Черным морями. Сравнительно правильное изображение территории, прилегающей к северо-западному берегу Каспия, впервые появляется на картах Палласа.

[1] Впервые название «Ергени» употребил И. Гильденштедт (1772).

[2] Паллас обрабатывал свои материалы во время путешествия, и результаты публиковались по мере поступления их в Петербург еще до возвращения автора в столицу в августе 1774 г.



Маршруты русских путешественников XVIII в. по Европейской России

С ничтожными изменениями и дополнениями они переиздавались до работ Кумо-Манычской экспедиции 1860—1861 гг.

Экспедиция Палласа собрала громадный геолого-географический, этнографический, ботанический и особенно зоологический материал. Он открыл и описал множество видов животных, принадлежащих к различным классам, и стал одним из основоположников зоогеографии. Паллас заложил фундамент геологических знаний о Восточной Европе, но «как ни велика его ученая слава, она все еще не может сравниться с его заслугами для науки» *(Н. А. Северцов)*.

Гильденштедт в бассейне Дона и на юго-востоке Европы

23-летний доктор медицины рижанин *Иоганн Антон Гильденштедт (Гюльденштедт)*, впоследствии русский академик, руководил одним из двух отрядов Астраханской экспедиции. Осенью 1768 г., следуя из Петербурга на юго-восток через Валдайскую возвышенность, он дал точное описание истоков Волги, Западной Двины и Днепра.

Весной 1769 г. И. Гильденштедт из Москвы проехал в Воронеж. Он подчеркнул резкое изменение ландшафта: «Необозримая степь или равнина, покрытая черной жирной почвой мощностью обыкновенно от 2 до 4 футов... тянется далеко за Воронеж». Очертив дугу длиной около 400 км по Окско-Донской равнине — «пространной степи, кишащей сусликами и хомяками», — И. Гильденштедт в октябре вышел к р. Хопру близ 51° с. ш. и подробно описал берега среднего и нижнего участков реки. Между 51 и 50° с. ш. он выявил «довольно обрывистые меловые горы» — поднимающуюся на правом берегу Хопра Калачскую возвышенность (до 245 м), сильно расчлененную балками и оврагами; ее восточный, более высокий край он проследил на 150 км, т. е. на всем протяжении.

Зимой 1770 г. из Астрахани И. Гильденштедт по береговой полосе Прикаспийской низменности и Ногайской степи проехал на р. Терек, в русскую крепость Кизляр. Оттуда весной и летом 1770 г. он совершил несколько маршрутов по Северному Кавказу и Ставрополью. В частности, описал Куму и верхний участок Западного Маныча там, где в него впадает слева р. Егорлык: «Около берегов вода горько-соленая... но на середине реки ее можно пить. Ширина Маныча здесь сто шагов. Берега покрыты коркой и солелюбивыми растениями». Таким образом, он был первым исследователем Кумо-Манычской впадины — юго-западного участка условной границы Европы и Азии. (О его работе на Северном Кавказе и в Закавказье см. гл. 11.)

Из Кизляра в конце лета 1773 г. И. Гильденштедт перешел к низовьям Дона и обследовал его дельту. Узнав, что русские войска заняли Крым (в 1771 г.), он отправился туда берегом Азовского моря и на пути последовательно описал косы северного побережья, в том числе Кривую, Белосарайскую и Бердянскую, Миусский лиман, низовья Кальмиуса и других рек, до Бердянского залива.

Не попав в Крым из-за сложной обстановки на полуострове, И. Гильденштедт повернул на северо-запад. Начался небольшой подъем, стали попадаться выходы кристаллических пород. Несколько далее, как он выяснил, довольно близко сходились истоки азовских рек Берды, Молочной и Конской (системы Днепра). «Между истоками этих рек находится очень высокий холм — Могила-Токмак»[1]. Так он отметил наличие водораздела близ северного

[1] Чуть восточнее ее расположена высшая точка Приазовской возвышенности — Могила-Бельмак (324 м).

берега Азовского моря — западная часть Приазовской возвышенности. Более 10 км двигался он «через местность с многочисленными буграми...» и по р. Конской осенью достиг Днепра ниже порогов.

И. Гильденштедт прошел вдоль левого берега реки до устья Самары через полосу кристаллических пород, прорываемых в этом районе Днепром. «Полоса эта [75 км шириной] представляет собой плоское гороподобное поднятие, протягивающееся с запада на восток между Днепром и [Северским] Донцом». Он выявил и довольно точно определил размеры «высокой степи», которая через 60 лет была названа Южно-Русской кристаллической полосой — юго-восточный край громадного Украинского кристаллического щита.

Зимовал И. Гильденштедт в Кременчуге. Летом 1774 г. он выполнил 800-километровый маршрут, главным образом для ботанических исследований на правобережье Днепра, в его излучине — от верхнего Ингульца на востоке до р. Синюхи, притока Южного Буга, на западе. Он отметил и там широкое распространение кристаллических пород и таким образом продолжил открытие кристаллической полосы, которая, по его данным, протянулась на 550 км от приазовских степей до р. Синюхи. (В XIX в. было установлено, что на север она продолжается до границы Полесья.).

Осенью 1774 г. И. Гильденштедт прошел другим 800-километровым маршрутом — теперь уже на восток близ 49° с. ш. — до Северского Донца и его притока р. Айдар, причем описал северный край Донецкого кряжа у 39° в. д. Поднявшись по Донцу до 49°40′ с. ш., он через Приднепровскую низменность достиг Киева.

Гильденштедт первый охарактеризовал почвы, растительность и животный мир степей Юго-восточной Европы и открыл несколько новых видов позвоночных.

Фальк на юго-востоке Европы

Шведский натуралист, ученик Линнея, впоследствии русский академик *Йоханн Петер Фальк* руководил вторым отрядом Оренбургской экспедиции. Осенью 1769 г. он проехал через Окско-Донскую равнину и проследил р. Медведицу, левый приток Дона, длина 745 км, от ее верховьев до устья, выполнив пересечение центральной части Приволжской возвышенности: «То на одной, то на другой стороне [Медведицы] гористые берега; ниже Идолги [ее верхний приток] левый берег представляет непрерывный ряд холмов, по большей части безлесных»[1]. Левобережье Дона между Хопром и Иловлей он охарактеризовал как «сухую открытую плоскость, местами холмистую... с мелкими ручьями и озерцами»; холмы правого берега Дона в районе излучины на западе исчезают «в необозримой, ровной, сухой, открытой и безлесной степи... Местами видны мелкие, по большей части соленые, озера и пруды... Мало степных ручьев».

[1] Цит. здесь и далее из работы «Полное собрание ученых путешествий по России». Спб., 1824—1825, т. 6 и 7.

От устья Иловли, крайнего пункта донской излучины, Й. Фальк проехал в Астрахань. В 1770 г. он пересек Прикаспийскую низменность в северо-восточном направлении. Вся обследованная часть низменности от Волги до Яика, кроме Рын-песков, по Фальку,— ровная, плоская, открытая степь, имеющая «вид бывшего морского дна». По правому берегу Яика он поднялся почти до 54° с. ш. и описал оба берега реки, в частности, очень скупо, Губерлинские горы, почти вдвое укоротив их, как лесистые, «с большими открытыми плоскостями». Он также перечислил много притоков Яика.

В 1772 г. Й. Фальк из Сибири прибыл в Екатеринбург и дал такую характеристику восточного склона Урала: «...[здесь] есть много проточных озерков; иные озера принимают ручьи и не имеют стоков; другие, по низкому их положению, собирают воду и имеют стоки, но большая часть озер никаких вод в себя ни принимает, ни спускает и потому принадлежит к болотам». Й. Фальк пересек Средний Урал по тракту с востока на запад, отметив, что он гораздо ниже Южного Урала и «горы составляют высокие, частью болотистые плоскости, сами же не круты, окружены большими плоскостями». По правому берегу Камы он отметил холмы, считая их отрогами «передовых гор Урала» — в действительности это восточные участки Верхнекамской возвышенности.

Весной и летом 1773 г. Й. Фальк проследил Волгу от Казани до Астрахани (более 1500 км), в том числе Самарскую Луку. К западу от Астрахани он обследовал многочисленные озера между 47 и 48° в. д.: «Астраханские соленые озера занимают вместе и отдельно с пресными... обширную страну с песчаными и глинистыми холмами». Он прошел от Терека по Черным Землям и Ногайской степи, т. е. пересек юго-западную часть Прикаспийской низменности, которая имеет «...вид высохшего моря и есть безлесная, волнистая, песчаная, частью глинистая и соленая равнина», и описал низовья Кумы: «...Весной впадает она в Каспийское море, а летом в ста верстах от него теряется в песчаных холмах». Той же дорогой, через Астрахань, Й. Фальк вернулся в Казань (о его работе в Западной Сибири см. гл. 11).

В 1774 г. 49 лет от роду Й. Фальк умер. После его смерти осталось много бумаг, которые сохранил и позднее привел в порядок *И. Г. Георги* (см. ниже). В подготовленный И. Георги к печати отчет Й. Фалька — «Материалы для топографического знания Российской империи» — включены описания посещенных им районов.

Самуэль Гмелин на Валдае и в Прикаспии

Начальником одного из двух отрядов Астраханской экспедиции был врач, немецкий натуралист *Самуэль Готлиб Гмелин,* впоследствии русский академик. На пути к Каспию летом 1768 г. он исследовал Валдайскую возвышенность и довольно точно указал ее размеры. «Валдайские горы... в длину простираются... более [чем]

на 400 верст, а в ширину занимают около 80 верст»[1]. Северным окончанием их, по С. Гмелину, являются высоты у города Боровичи, на р. Мсте, участком западной границы — р. Пола. В этом месте Валдай четким 300-метровым уступом поднимается над низменностью, орошаемой р. Полой и другими притоками озера Ильмень.

В Воронеже С. Гмелин заболел и остался там зимовать. Летом 1769 г. он проследил Дон до устья, изучив «всего Дона достопамятности». Однако берега реки, в частности излучина Дона между 50° и 47°30′ с. ш., описаны им очень скупо: «В этой пространной степи находятся... болотины и озера, топкими местами называемые, кои или всегда стоят, или образуются, когда Дон с другими в него впадающими реками выступит из берегов своих».

Затем С. Гмелин прошел левым берегом Дона до Царицына (Волгограда) и Волгой до Астрахани. На пути к востоку от Ахтубы он описал соленое озеро Баскунчак и поднимающуюся близ его южного берега одинокую «гору» Большое Богдо (149 м над уровнем океана). С. Гмелин обратил внимание на то, что «правый берег Волги, так [же] как... у Дона, Воронежа, Хопра, Медведицы и прочих, высок и горист, а левый низок», но не сделал обобщающего вывода из этого верного наблюдения[2].

Совершив в 1770 г. путешествие в Иран, С. Гмелин вернулся в Астрахань в начале 1771 г. Весной и летом он изучал низовья Волги до Царицына, осенью и зимой через Сарпинскую низменность и Черные Земли достиг Кумы, побывал на Тереке и тем же путем вернулся в Царицын с большой ботанической коллекцией.

С июня 1772 г. по февраль 1774 г. С. Гмелин вторично путешествовал по Ирану, а на обратном пути был захвачен одним из горских князьков и умер в плену в июле 1774 г. Материалы его экспедиций были спасены. В частности, С. Гмелин первый описал исчезнувшего к концу XVIII в. тарпана («дикая лошадь Гмелина»).

Лепехин в Поволжье и на Урале

Один из отрядов Оренбургской экспедиции в 1768 г. возглавлял *Иван Иванович Лепехин*, сын солдата. На Волге он очень бегло описал северную часть Приволжской возвышенности близ 55° с. ш. Вместе с П. Рычковым он осмотрел верховья левых притоков Волги — Большого Черемшана и Сока, проследил весь Сок (375 км) и дал краткую характеристику Сокольих гор (до 282 м), поднимающихся на правом берегу нижнего Сока, правильно считая их продолжением Сокских яров (до 317 м), которые протягиваются выше почти по всему его правобережью.

Весной 1769 г. Лепехин прошел из Симбирска по нагорному берегу Волги на юг и обследовал Белые горы — часть Приволжской

[1] Валдайская возвышенность протягивается от 59°15′ с. ш. к юго-западу на 450 км, ширина ее в среднем около 100 км.

[2] Лишь в 1857 г. русский географ и естествоиспытатель *К. М. Бэр* объяснил это явление — закон Бэра.

возвышенности. От Самарской Луки он доехал до Ахтубы и двинулся к устью Яика через Рынпески: «Глазам нашим представлялась... пустыня... Самая большая отменность [особенность] этой степи состоит в изобилии соли...» Ее Лепехин находил не только в многочисленных мелких озерах и почве — роса «столь же была солона». За песками пошла другая степь, «весьма ровная, однако безводная». Через Яицкий городок Лепехин проехал в Оренбург, где из-за болезни задержался на полтора месяца. Лишь в октябре он прошел на север до 54° с. ш. и зимовал в городке на р. Белой.

И. Лепехин

Весной 1770 г. Лепехин поднялся по Белой и в районе Ишимбая исследовал нефтяной источник — первенец уральской нефти; он изучил также ряд пещер в долине реки. В колене Белой на обоих берегах «...разновидные гор утесы... представляли местами как бы древних городов развалины...». Лепехин кратко описал короткие хребты Южного Урала близ 54° с. ш., в том числе Ямантау: «...верх горы составляют болота и большие лужи». Отсюда берут начало «немалые уральские реки», в том числе Юрюзань и Инзер. Далее, к северо-востоку, он изучил «славную в Башкирии Иремель» (1582 м), на которую поднялся. «Хребет... представляет обширную и ровную площадь: [с запада]... омывается он водами... Юрюзани, на востоке соединяется с хребтом Аваляк, [верх его] также болотист и покрыт лесом». Здесь берут начало Белая и Ай.

Затем Лепехин описал истоки Яика (гора Круглая, 1020 м) и рек Уйя и Миасса. Вдоль восточного склона Уралтау и цепи зауральских озер он прошел на север до Екатеринбурга, повернул на запад до Кунгура, а близ 58° в. д. — на юг и добрался до Юрюзани у 55° с. ш. В этом районе он описал много рудников; охарактеризовал ряд хребтов, в том числе Зигальга и Уреньга, отметив, что многие уральские вершины сильно заболочены. Через Златоуст он вернулся в Екатеринбург. За лето он трижды пересек Урал.

Зимовал Лепехин в Тюмени. Весной 1771 г. он направил в Архангельск своего спутника, студента академии *Николая Яковлевича Озерецковского*, для изучения «птиц, рыб и прочих Белого моря продуктов», сам же к лету доехал до р. Туры и перешел на р. Лялю (система Тавды). «От реки Ляли... вздымались холмы и гребни, хребты... покрывались густыми борами». Он описал несколько вершин, в том числе Конжаковский Камень (1569 м, теперь считаю-

шийся началом Северного Урала), и верно подметил, что севернее 59-й параллели Урал вновь сильно повышается и тянется в виде непрерывной цепи. Перейдя к р. Яйве, левому притоку Камы, он достиг Соликамска и, таким образом, в четвертый раз пересек Урал.

Оттуда Лепехин проехал на запад до верхней Вятки и устья ее притока Летки (у 50° в. д.), по долине которой поднялся к верховью, пересек Северные Увалы и через волок достиг верховьев Лузы, нижнего притока Юга: «...Немалые [здесь]... были возвышения. Холмы... глубокими разделены долинами, в которых весенние воды глубокие поделали овраги... Места на этом волоку были топкие». На лошадях по тракту Лепехин добрался до устья Сысолы и по Вычегде и Северной Двине спустился до Архангельска, где зимовал.

Озерецковский и Лепехин на Севере

Между тем Озерецковский летом 1771 г. обследовал Мурманский берег от устья р. Поной до Кольского залива. «Берега Лапландии... возвышены и во многих местах представляют огромные каменные утесы [пахты]. Горы, подходящие к берегу, безлесны, изрезаны множеством искривленных долин». От залива Озерецковский двинулся прямо на юг, вдоль р. Колы, через четыре озера, в том числе Имандру, достиг вершины Кандалакшской губы и таким образом пересек Кольский п-ов у его основания.

Летом 1772 г. Лепехин на баркасе осмотрел о. Мудьюгский у Зимнего берега Белого моря: «Пространство между... островом и матерым берегом называется Сухим морем. Сам остров... плоск, песчан и окружен мелью». Затем он обошел Летний берег, описал три Соловецких острова, основное внимание уделив рельефу главного острова, и вдоль Карельского берега добрался до вершины Кандалакшской губы. Оттуда он поднялся к озеру Имандра по р. Ниве, отметив по ее левому берегу «горы» (возвышенность до 785 м). Вернувшись к морю, Лепехин вдоль Кандалакшского и Терского берегов перешел к устью Поноя, где сомкнул свою опись с работой Озерецковского. Так в результате их совместного труда было обследовано все побережье Кольского п-ова — более 1100 км.

Затем Лепехин пересек Горло Белого моря и у входа в Мезенскую губу описал о. Моржовец. Двигаясь вдоль Абрамовского и Кунушинского берегов, он обследовал Кулойскую губу, устье Мезени и достиг устья р. Неси (у 66°39′ с. ш.). От ее истоков он перешел на р. Вижас и спустился ее берегом до Чешской губы, совершив пересечение Канинской тундры, «перемерив топкую пустыню ногами». Здесь ему помогли ненцы, и на оленях он проследил западный и северный берег Чешской губы до мыса Микулкина, восточной оконечности Канина. Озерецковский же обследовал южный и восточный берег Чешской губы и примыкающую к ней на северо-востоке Индигскую губу до тиманского Святого Носа (67°54′ с. ш.). Морозы вынудили Лепехина повернуть на юг. Он пересек Канин по Чёше и Чиже

и прибыл в Архангельск в октябре 1772 г. Канин он называл островом, но делал это скорее всего по традиции: из его донесений ясно видно, что «от матерой земли» Канин отделен не проливом, а реками. «Небольшие ручейки от вершин Чижи, соединяющиеся с Чёшей, часто совсем высыхают и проезд [лодкой] по сему отделению [волоку] делают невозможным». И все-таки миф об «острове» Канин удержался до XX в. Лепехин был первым ученым-исследователем Северо-Восточной Европы. К сожалению, о его путешествиях по Крайнему Северу до нас дошли только краткие рапорты.

Из экспедиции Лепехин привез большие зоологические и ботанические коллекции; он открыл несколько новых видов животных и растений. А всего в своих «Дневных записках» он упоминает около 600 видов растений и более 300 видов животных, часть их описана очень подробно. Он собрал также большой фактический материал по этнографии народов Поволжья (марийцев, мордвы и татар) и Урала (башкир, коми и манси). В сборе коллекций и этнографического материала большую помощь ему оказал Озерецковский.

Георги на Урале и Волге и его географическая сводка

В 1770 г. из Пруссии в Россию был приглашен доктор медицины Иван Иванович (Иоганн Готлиб) Георги, назначенный в помощь Фальку, позднее русский академик. Весной 1771 г. Георги обследовал рудники и заводы Южного Урала, а с августа 1771 г. по май 1773 г. работал в Восточной Сибири (см. гл. 11). На Урал он вернулся, поднявшись от Тобола вверх по Исети, которую проследил всю до истоков. Летом 1773 г. он обследовал рудники и заводы Среднего Урала, с верховьев Чусовой спустился до устья, описывая ее берега, и прошел около 800 км на юг до Оренбурга по западному склону Урала. В сентябре от Яицкого городка он выполнил маршрут через западную часть Общего Сырта — к верховьям Узеней, повернул оттуда на север к Большому Иргизу, притоку Волги, и по ней спустился в Астрахань.

В феврале — марте 1774 г. Георги по берегу Волги поднялся в Казань, где в последний раз встретился с Фальком. После его смерти Георги по Волге добрался до Ярославля. Боковым маршрутом он проследил бóльшую часть р. Унжи и описал Чухломское озеро. В том же районе, в истоках Костромы (у 59° с. ш.), Георги отметил небольшие возвышенности, с которых берут начало также правые верхние притоки Сухоны. Он высказал мнение, позднее подтвердившееся, что от Камы до истоков Костромы протягивается невысокий, частью холмистый увал. С Сухоны Георги двинулся на юг, описал Галичское озеро. «Местность [южнее] становится более открытой, волнистой, частью холмистой». Он пересек эту Галичско-Чухломскую равнину — междуречье Унжи и Костромы — и вернулся на Волгу. Описав озеро Неро (Ростовское) и Плещеево (Переяславское), он вернулся в Петербург к осени 1774 г.

И. Георги

Кроме двухтомного отчета, Георги написал две крупные работы по физической географии и этнографии. Его «Физико-географическое и естественно-историческое описание Российского государства» явилось первой сводкой достижений академических путешественников по изучению рельефа, гидрографии и геологического строения России. Используя материалы своих современников, Георги выделил на территории Восточной Европы несколько новых орографических элементов. Впервые в географическую литературу он ввел термин «увал»: «...это земляные хребты или возвышения, местами холмистые, большей частью отлогие, весьма расширенные, открытые либо поросшие лесом, плосковершинные».

Один такой увал, по расспросам и, может быть, по данным, собранным В. Крестининым, Георги выделил «над истоками Печоры... к северо-западу и запад-северо-западу до Двины»: с него, по Георги, берут начало Мезень, ее левый, крупнейший приток Вашка и Вычегда. Здесь смешались очень смутные представления о невысоком (увалистом) Тиманском кряже и изолированных возвышенностях, откуда начинаются Вашка и некоторые притоки Северной Двины.

Другой увал, по материалам Лепехина и своим, Георги провел от Камы у 53° в. д. через верховья притоков Вычегды, Вятки, Сухоны и «иные реки» до Шексны и Белоозера, т. е. до 38°30′ в. д. Это было первое обоснованное указание на огромную широтную гряду — Северные Увалы. Теперь их западный конец принято считать у 43° в. д., и, следовательно, длина их «всего» 600 км, а не 800, как у Георги.

По данным Н. Рычкова, Георги выделил Верхнекамскую «возвышенность, с которой Кама [и] Вятка... начало свое имеют», по материалам главным образом Палласа, Общий Сырт — «высокий отлогий увал... простирающийся от собственно Уральского хребта и реки Белой большей частью в южном направлении...», но неверно отнес к нему и Бугульминско-Белебеевскую возвышенность. От Каспия, по наблюдениям ряда академиков, Георги провел в северо-западном направлении «песчаную полосу холмов» — Рын-пески, правда очень преувеличив их длину.

В центре Восточной Европы, по данным всех академиков, Георги поместил «высочайшее место плоской части России, заключающее в себе истоки великих рек — Волги, Днепра и Двины...». Продолжение этой возвышенности он показал к югу «по левому берегу Днеп-

ра, над южными реками, в Дон и Донец впадающими, над самым Доном... [и] Окой», но неправильно присоединил к ней также Донецкий кряж, Калачскую и Приволжскую возвышенности.

В Нижнем Приднепровье, по Гильденштедту, Георги выделил «волнистые плоскости без высоких гор, поднятые не более чем на 30—40 саженей над уровнем рек»,— от Днестра и Днепра по берегу Черного моря до Северского Донца, т. е. объединил в одно целое Подольскую и Приазовскую возвышенности.

Георги наметил также ряд «равнин и плоскостей», т. е. низменностей. На северо-востоке, по Лепехину и Озерецковскому, простирается «по берегу Северного моря от Мезени до Печоры и до Уральского хребта» болотистая «плоскость». На юге Георги различал сухую, с солончаками Крымскую степь, лежащую «от нижней части Дона до Днепра», и степь между Днепром и Днестром; на юго-востоке, на Прикаспийской низменности,— несколько «степей и равнин» под разными названиями.

В своей сводке Георги уделил много места рекам и озерам, описав их по морским бассейнам, с краткой характеристикой каждого моря. В итоге он дал первое физико-географическое описание Восточной Европы, опирающееся на научную основу, хотя и очень неполное, и далеко не всегда верное. И он довольно подробно осветил ход и результаты ряда важных русских исследовательских экспедиций XVIII в.

По возвращении Георги опубликовал «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» (1776—1777), ценный историко-этнографический источник. Как отмечают советские этнографы, его историко-лингвистическая классификация народов России в основном правильна.

Лаксман в Карелии

В 1762 г. в Россию переселился уроженец Финляндии, швед *Кирилл (Эрик) Густавович Лаксман.* Летом 1779 г. он изучал «разваливающиеся массы пород Валдая», а осенью впервые исследовал Онежское озеро. На западном и северо-западном берегах озера он отметил «горную гряду» — несколько разрозненных небольших поднятий, «красоту и разнообразие... тихую прелесть» этих гор. К востоку же «песчаная, почти гладкая равнина, покрытая... лесом, состоящим главным образом из хвойных деревьев и заключающая множество болот и озер, распространяется до реки Онеги. Едва заметно текущие реки разливают коричневую воду свою между низменными топкими берегами; только у водопадов, возникающих у незаметных уступов этой местности, видны голые... скалы».

Проследив р. Верхний Выг, Лаксман прошел на лодке, взламывая лед, через Выгозеро и в середине ноября по нижнему Выгу достиг Онежской губы. В конце ноября он производил промеры глубин моря и едва не погиб, провалившись под лед. «Весьма замечательно, что озеро [Онежское] в большинстве мест имеет бо́льшую глубину, нежели Белое море». Это заключение, конечно, относится

именно к той части моря, где он работал, т. е. к Онежской губе. Важный географический вывод из своих наблюдений Лаксман изложил в 1780 г. в одном письме: «...я выяснил, что возвышенность в середине России, откуда вытекают Волга, Двина, Днепр, Дон и множество меньших рек... едва ли можно считать... прибавлением Скандинавского подковообразного хребта... Эта обширная возвышенность выше всего при истоках упомянутых рек и постепенно опускается во все стороны». Лаксман установил также, что на юго-западе она не соединена с Карпатами.

До путешествия Лаксмана считалось, что Скандинавские горы связаны с Уральским хребтом, и сам он ранее также придерживался этого мнения. Но, объехав юго-восточный край «Скандинавского хребта», а точнее, возвышенности Мансельки, Лаксман убедился, «что он уже совершенно теряется между озером Онегой и рекой того же имени».

Зуев на Среднерусской возвышенности и в Причерноморье

Для исследования юго-западной полосы Европейской России летом 1781 г. был послан В. Ф. Зуев, теперь уже адъюнкт. Из Москвы он ехал в Харьков два месяца, причем пересек всю Среднерусскую возвышенность примерно по 36-му меридиану и дал довольно точную ее характеристику: «Холмистые места... ничего с настоящими горами общего не имеют, а только составляют ровные высокие поля, разделенные глубокими долинами, которые... делают спуски и подъемы несколько трудными [особенно у Орла]... Возвышенное место продолжается беспрерывно... до самого Харькова». А далее на юго-запад — к Днепру, куда повернул Зуев, пошли «места степные». Из Кременчуга осенью Зуев прошел вдоль правого берега Днепра вниз до Никополя, причем обследовал Днепровские пороги. За Никополем «открытая степь... чем дальше к западу, тем становится выше»,— Приднепровская возвышенность. В районе Кривого Рога, который стоит у впадения р. Саксагани в Ингулец, Зуев первый обратил внимание на обнажения железистых кварцитов («железистого шифера») по берегам обеих рек и, следовательно, был первооткрывателем Криворожского железорудного бассейна.

Летом 1782 г. Зуев, следуя из Херсона до устья Ингула, поднялся к его верховью и вернулся в Кременчуг. При этом он вновь, но значительно западнее пересек Приднепровскую возвышенность и верно наметил ее простирание: «...кряж... идущий под землею от [Южного] Буга... прямо через Ингул и Ингулец к Днепровским порогам... по всем рекам и балкам оказывается [выступает]... также порогами или каменными в берегах утесами... Впрочем, поверхность [«кряжа»]... представляет чистую, везде открытую, сухую и ровную степь».

Закончив осмотр правобережья нижнего Днепра в его излучине, Зуев вернулся в Петербург. Помимо чисто географических достиже-

ний он сделал ценные гидрогеологические наблюдения, обнаружив увеличение жесткости поверхностных и неглубоких подземных вод по мере продвижения на юг от Москвы; такая закономерность была установлена впервые. Он также указал, что на юге широко распространены соленые воды.

Первые исследователи Крыма и Тамани

С 1774 г. Крым, отделенный от Турецкой империи, стал доступен для исследования. В 1782 г. В. Зуев пересек Степной Крым от Перекопа до города Карасубазар (теперь Белогорск) у северного подножия Крымских гор. С Горным Крымом Зуев ознакомился бегло, посетив только некоторые участки; основные сведения он обобщил со слов людей, «там бывалых». Но он первый обратил внимание на асимметрию передовой части Крымских гор (так называемая куэста): «Слои главных гор соответствуют... передовым и поднимаются от севера к полудню, восставая углом от горизонта на 17 градусов». И он отметил, что большинство крымских рек берет начало на северных склонах гор, а массив Чатырдаг представляет собой водораздел: к востоку от него реки впадают в Сиваш, к западу — в Черное море.

В 1783 г. Крым был включен в состав России и вице-губернатором новой Таврической губернии назначен *Карл Иванович Габлиц*. Два года он подробно исследовал полуостров и составил его первое научное описание. Габлиц правильно различал там три орографические области: «плоскую», горную и равнинно-холмистый Керченский п-ов с крутыми и высокими берегами. Он первый предложил трехчленное деление Крымских гор, теперь общепринятое: гряды Северная, или Внешняя (по Габлицу, «передовая»), Средняя, или Внутренняя, и Южная, или Главная. Южные склоны круче северных, между горами расположены открытые долины. Южный хребет в районе Чатырдага разобщен поперечной долиной на две части; в хребте он обнаружил следы вулканической деятельности. К. Габлиц исследовал крымские реки, отметив их большие уклоны и наличие водопадов. Он описал и полезные ископаемые, в том числе керченские железные руды.

Сразу же после присоединения Крыма по распоряжению *Екатерины II* к полуострову направился фрегат под командой военного моряка *Ивана Михайловича Берсенева* для выбора гавани у юго-западного побережья. Осмотрев в апреле 1783 г. бухту у поселка Ахтиар (в античное время здесь находился город Херсонес-Таврический, см. т. 1, гл. 5), И. Берсенев рекомендовал ее в качестве базы для судов будущего Черноморского флота. Вскоре на ее берегу были заложены крепость и порт, в 1784 г. названные Екатериной II «Величественным городом» (Севастополем). В том же году И. Берсенев, командуя четырьмя судами, описал западный и южный берега Крыма от мыса Тарханкут до Керченского пролива (500 км). В 1786 и 1787 гг. К. Габлиц опубликовал две работы о Крыме, при-

ложив ко второй четыре карты юга Европейской России. На них очертания полуострова близки современным: вероятно, К. Габлиц использовал материалы И. Берсенева.

В 1793—1795 гг. Крым посетил П. С. Паллас. Он гораздо подробнее, чем К. Габлиц, описал Южную гряду и выделил в ней самую высокую часть — от Балаклавы до Алушты. Высшей точкой хребта он считал Чатырдаг (1527 м; теперь — Роман-Кош, 1545 м). Затем П. С. Паллас переправился на Таманский п-ов и дал его первое подробное описание: «Тамань представляет разорванную местность, покрытую холмами и плоскостями... Различные рукава Кубани и множество заливов и низменностей, покрытых водой, делают из Тамани настоящий остров. Центральная [его] часть... между Кубанским и Темрюкским лиманами, более возвышена...» П. С. Паллас описал грязевые сопки Тамани и отметил в некоторых наличие нефти.

Работы И. Берсенева продолжил английский моряк на британской, а затем русской службе *Джозеф (Иосиф Иосифович) Биллингс*, участник третьего кругосветного плавания Д. Кука. После завершения Северо-Восточной экспедиции (см. гл. 17), летом 1797 г. И. Биллингс выполнил гидрографические работы у п-ова Тамань, у южных и западных берегов Крыма. А летом следующего года он описал северо-западный берег Крыма и Черноморское побережье Европейской России от Тарханкута до Днестровского лимана и обратно — участок длиной около 1 тыс. км, имевший в те времена для Русского государства первостепенное значение. В 1799 г. И. Биллингс опубликовал «Атлас Черного моря»; карты, которые он составил, значительно превосходили своих предшественниц по точности, так как опирались на многочисленные определенные им астрономические пункты.

Озерецковский на Ладожском и Онежском озерах

Летом 1785 г. Н. Озерецковский (с 1782 г. академик) провел рекогносцировочное научное исследование Ладожского и Онежского озер. «Ладожское озеро весьма часто... от ветров в ужасное приходит волнение, которое превосходит, кажется, колебание большого моря...» Берега большей частью «низкие, отмелые...[без] глубоких губ или заливов». У северных берегов «высокие и каменистые горы», много губ и островов. Н. Озерецковский описал их и, опираясь на свои, хоть и не точные, промеры, сделал верный вывод, что к северу от о. Коневиц (60°50′ с. ш.) «...озеро становится [час] от часу глубже»[1].

По Свири Н. Озерецковский поднялся к Онежскому озеру. «От вершины реки Свири до Петрозаводского залива [западный] берег... [почти] прямой...» Он объехал и описал все большие заливы у се-

[1] По последним данным, глубины озера: средняя 55 м, наименьшая на юге — до 10 м, наибольшая на севере у Валаама — 225 м.

верного берега озера — Заонежский, Повенецкий и другие, а также ряд островов, в том числе самый крупный — Большой Климецкий. Кольцевой маршрут вокруг озера позволил Н. Озерецковскому довольно точно определить длину его береговой линии — почти 1 тыс. верст. К северу он посетил и описал водопад Кивач на р. Суне — «каменный утес, поперек реки лежащий», с тремя уступами. Водяная пыль, поднимающаяся от нижнего уступа, достигает вершин деревьев, «отчего в зимнее время стоят они обвешаны ледяными сосульками».

Общие результаты работы академических экспедиций в Европейской России

Академическими экспедициями 60—80-х гг. XVIII в. впервые исследованы и описаны — часто скупо, но в большинстве случаев правильно — крупнейшие элементы рельефа Восточной Европы: на северо-западе — Приильменская (Ильмень-Волховская) низменность; на северо-востоке — Северные Увалы; в центре — Валдайская, Смоленско-Московская, Среднерусская и Приволжская возвышенности и Окско-Донская равнина; на юге — Приднепровская и Приазовская возвышенности, Причерноморская и Прикаспийская низменности, Крымские горы и Ергени; на востоке — Верхнекамская и Бугульминско-Белебеевская возвышенности, Общий Сырт, ряд хребтов Южного и Северного Урала. Академики проследили юго-восточную условную границу Европы, а за ее пределами выявили и описали Ставропольскую возвышенность.

Они дали верные научные характеристики крупнейшим рекам Восточной Европы — Волге, Каме с Вяткой и Оке, Дону с Хопром, Северским Донцом и Медведицей, Яику (Уралу) и многим другим, выполнили первые научные описания Ладожского, Онежского и многих меньших озер, в том числе таких «чудес природы», как Индер, Эльтон и Баскунчак. Итак, русские академические исследователи последней трети XVIII в. впервые изучили большую часть гигантской Восточно-Европейской (Русской) равнины и огромной европейско-азиатской пограничной полосы.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ КАРПАТ, ГОР ГЕРМАНИИ И АЛЬП

Фихтель в Западных Карпатах

В 1717 г. австриец *Георг Бухгольц* издал книгу «Очертания и перечень [Карпатских] гор...» — результат робких исследований, которые он проводил с двумя сыновьями. Под Карпатами Бухгольц понимал горный массив Татры — Высокие и Низкие — и Словацкие Рудные горы, т. е. небольшую часть всей Карпатской системы, огромной горной дуги, протянувшейся в Центральной Европе на 1500 км.

Первое, более обстоятельное изучение Карпат провел адвокат, затем «горный чиновник», в конце жизни директор банка *Иоганн Эренрейх Фихтель,* уроженец Словакии. 19 лет (1771—1790) то по «сердечному влечению», то по обязанностям службы он изучал Карпаты, главным образом Западные. Итоги своей работы И. Фихтель подвел в книге «Минералогические заметки о Карпатах» (1791). Он первый установил, что Западные Карпаты представляют собой «одну непрерывную длинную цепь», которая начинается на Дунае, близ Братиславы, «в виде низких холмов» (Малые Карпаты, вершина 768 м) и протягивается на северо-восток до горы Бабья (1725 м) — «высочайшей вершины этой местности», т. е. Высоких Бескид. Близ нее, по И. Фихтелю, поднимаются Татры — наиболее высокая часть Карпат. Отсюда «большая Карпатская цепь начинает поворачивать к югу». Высшей точкой Татр являются «обрывистые и голые огромные скалы» пика Криван (Герлаховски-Штит, 2655 м). В Западных Карпатах И. Фихтель правильно выделил, кроме массива Высоких Татр, четыре коротких хребта между 18 и 19° в. д. Южнее Высоких Татр он описал «очень мощную цепь» — Низкие Татры (до 2043 м), а восточнее — безымянный меридиональный хребет (у 21°30′ в. д.) длиной около 100 км, на юге заканчивающийся у Тисы вулканическим массивом Токай.

Четыре путешествия Акке по Карпатам

В 1788—1796 гг. четыре путешествия по Карпатам совершил профессор минералогии Львовского университета, врач, бретонец *Бальтазар Акке,* ранее занимавшийся исследованием Восточных Альп (см. ниже). В 1788 г., двигаясь на восток от массива Кэлиман,

в южной части Восточных Карпат (у 47° с. ш.), он перевалил Молдавские Карпаты и пересек долины Бистрицы и Молдовы (приток Сирета, системы Дуная).

Повернув на север, он прошел вдоль Молдавской возвышенности до среднего Днестра. Затем, двигаясь уже на запад, через «низкую холмистую страну, покрытую богатым лесом» (Буковину), Б. Акке обследовал бассейн верхнего Прута до истоков его правого верхнего притока Черемоша, который берет начало в Лесистых Карпатах (у 48° с. ш.).

Во время второго путешествия Б. Акке изучил предгорную часть Буковины, затем прошел на юг через Прут, Сирет и Молдову к Бистрице, исследовал на левобережье Сирета плато Бырлад (до 564 м) и достиг города Яссы, на правобережье Прута. Междуречье среднего Днестра и Сирета он правильно характеризует как предгорную возвышенную страну, разрезанную глубокими речными долинам на плоские гряды.

Из Ясс Б. Акке вернулся к Восточным Карпатам и пересек их между 46 и 47° с. ш. Он изучил внутреннюю полосу Восточных Карпат на протяжении примерно 150 км, в частности к югу от массива Кэлиман — горы Гургиу (1777 м) в верховьях р. Муреш (Марош). Высоту ее Б. Акке считал не более 1500 м.

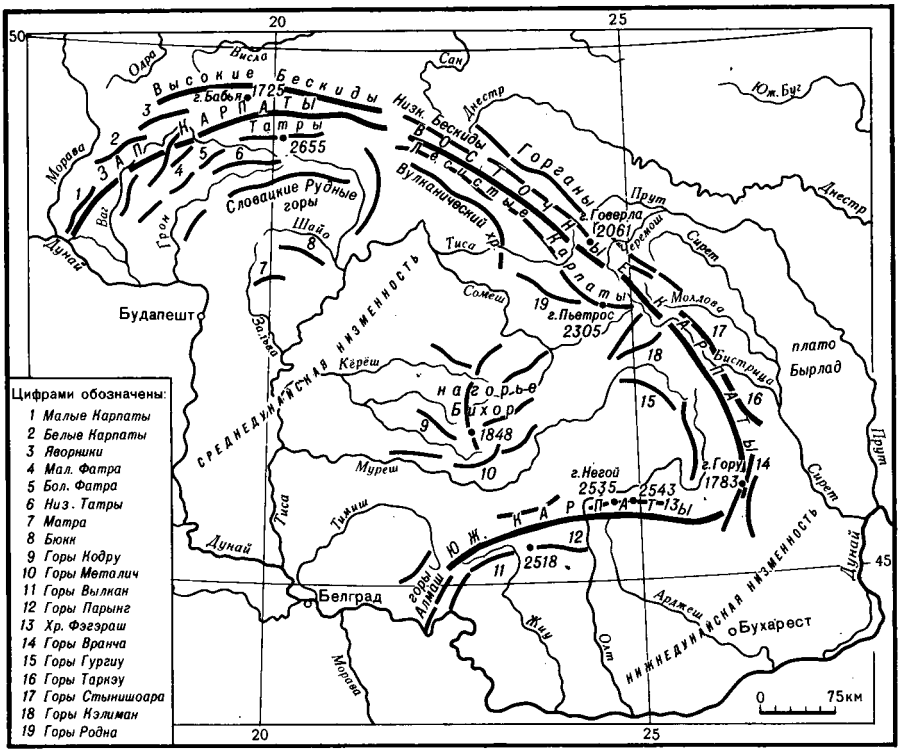
Такие же и еще более заниженные (до 600 м) определения он допускал и на других участках Карпат, но гору Бабью завысил на 200 м. С одной из вершин он увидел на юго-западе «необозримое пространство, куда направляется Муреш, который делит все Семиградье на две части»[1].

Третье путешествие Б. Акке начал у 48° с. ш. с истоков Черемоша. Карпатские горы протягивались оттуда к северо-западу. Он обследовал истоки Прута и Тисы — на восточном и западном склоне горы Говерлы (2061 м), вершины Лесистых Карпат. Затем он прошел вдоль Горган, внешней северо-западной части Восточных Карпат, к верховьям Днестра и Сана, т. е. проследил участок Восточных Карпат на протяжении 150 км. От Сана Б. Акке пересек Карпаты у 49° с. ш. и вдоль южных их склонов достиг Словацких Рудных гор.

Он правильно указал, что обследованная им часть горной дуги — Бещады и Низкие Бескиды — «самая низкая в Карпатах». Через перевал Дукля (502 м) в Низких Бескидах он вернулся во Львов.

Четвертое путешествие (1796) Б. Акке начал изучением «болотистой плодородной страны» — междуречья Сана и верхней Вислы, т. е. Сандомежской котловины, окаймленной с юга «маленькими предгорьями Карпат». Он обследовал верхние притоки Вислы и ее истоки в Западных Бескидах, поднялся на Бабью гору и с ее вершины увидел на юге «для него совершенно новую... цепь гор» — Высо-

[1] Семиградье — вышедшее из употребления название Трансильвании, юго-восточной внутренней части Карпатской дуги, включающей Трансильванское плато и Западные Румынские горы.



Орографическая схема Карпат

кие Татры, проследил почти на всем протяжении южные склоны Западных Бескид и северные склоны Высоких Татр. В конце июля Б. Акке взошел на пик Криван — «высшую точку всех Карпат» (Герлаховски-Штит). Затем он осмотрел все долины западного участка Высоких Татр, поднимался еще на несколько вершин, отметил, что на северных, внешних склонах Карпат нет боковых отрогов, а на южных, внутренних они имеются — первое указание на асимметрию Карпатской дуги.

Изучив Низкие Татры и Словацкие Рудные горы, Б. Акке правильно констатировал, что «Татры [Высокие] можно признать за центральную цепь всех Карпатских гор». Свои исследования горной дуги он закончил, осмотрев на пути к Братиславе южные склоны Малых Карпат. (Правда, последние он не считал частью Карпатской горной страны.)

Несмотря на ошибки при определении высот, Б. Акке внес большой вклад в географию Карпатской горной страны. При этом он обошел Карпаты от крайнего восточного до крайнего западного пункта, приблизительно от 46° с. ш., 28° в. д. до 48° с. ш., 17° в. д., на протяжении почти 1 тыс. км.

Геологи-исследователи Центральной Европы

Невысокие горные хребты Центральной Европы явились первыми объектами научного исследования в XVIII в., как бы природной лабораторией. Вырабатывая на этих легко доступных орографических единицах основы геологических знаний, люди разных профессий, местные уроженцы, давали им и географические характеристики.

В 50-х гг. *Иоганн Готлиб Леман* исследовал часть северных склонов Тюрингенского Леса (высота до 982 м) и кратко описал возвышенности по обоим берегам р. Везер, от слияния Верры и Фульды к северу до 52° с. ш.

Рудные горы (до 1244 м), простирающиеся почти на 150 км вдоль левого берега рек Огрже и Билина (левые притоки верхней Лабы), одним из первых изучал швед *Иоганн Якоб Фербер.*

Швейцарец *Жан Андре Делюк (де Люк)* в 70-х гг. обошел Бернские Альпы с их ледниками, расположенные к югу от них, за верхней Роной, северные склоны Пеннинских Альп и Юру. Путешествуя по Центральной Европе, Делюк обследовал потухшие вулканы в массивах Эйфель и Хунсрюк, хребте Таунус (все у 50° с. ш.), а также Золлинг и другие возвышенности по Везеру (между 51 и 52° с. ш.) и Гарц[1].

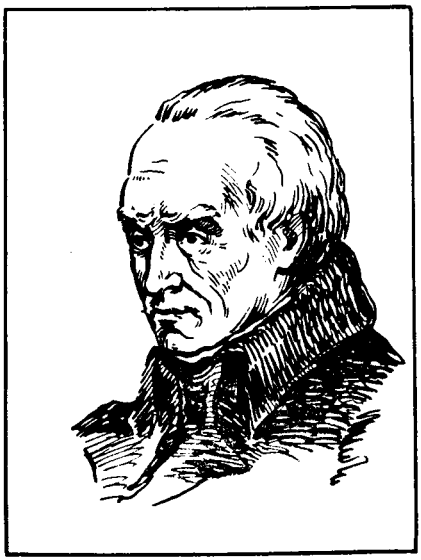
Матиас Флурль стал пионером изучения Баварского плоскогорья, Баварского Леса, Фихтеля и западных склонов Чешского Леса. Его главный труд «Описание гор Баварии и Верхнего Пфальца» (1792) содержит живую и строго достоверную характеристику этих невысоких гор.

Иоганн Людвиг Хейм дал подробное и достаточно полное описание всего Тюрингенского Леса. В 1791 г. он опубликовал работу, основанную на множестве фактов и посвященную вопросу образования долин в результате действия текучих вод.

Сташиц

Между 1789 и 1805 гг. польский геолог ксендз *Станислав Сташиц,* выдающийся публицист, изучал «Геологию Карпат и иных гор и равнин Польши» — так он назвал свой труд, изданный в 1815 г. Однако он исследовал не только Польшу, но и обширные прилегающие области Центральной и Восточной Европы. В 1806 г. он составил карту территории около 1,1 млн. км^2 — от Балтийского моря до Дуная и от 16° в. д. до Днепра. На ней в виде «холмиков» нанесены горы и возвышенности с многочисленными (2200) отметками высот, а также условные знаки, показывающие направление горной

[1] Делюк ввел в литературу термин «геология» — наука о Земле; он дал также более точную, чем *Блез Паскаль,* формулу для барометрического определения высоты местности.



С. Сташиц

цепи на данном участке. Польские историко-географы установили (окончательно в 1962 г.), что на карте С. Сташица «высотные отметки покоятся на многих прямых барометрических измерениях», не заимствованных из прежних работ, и что он выделил ряд крупных и много мелких орографических единиц. Мы приводим их названия по последним советским атласам; сам Сташиц дает не очень много наименований.

Лучше всего С. Сташиц изучил Карпаты. Он прошел и впервые нанес на карту почти всю 1500-километровую дугу Карпат (по его данным, длина Карпат — около 1400 км), причем форма ее очень близка к действительной. Он отчетливо показал три основных карпатских пояса — внешний, центральный и внутренний — и характерное различие внешнего и внутреннего склона, т. е. асимметрию всей дуги, отмеченную впервые Б. Акке.

С. Сташиц обследовал и закартировал Малые и Белые Карпаты[1], а далее, к северо-востоку (у 49° с. ш.), хребет Малую Фатру (до 1709 м) и Высокие Татры. Как и Б. Акке, он поднялся на их главную вершину и почти точно определил ее высоту. Южнее, до 48° с. ш., С. Сташиц проследил Низкие Татры, Словацкие Рудные горы и ряд коротких хребтов между левыми притоками Дуная Вагом и Гроном и правым притоком Тисы р. Слана (венгерская Шайо), огибающей с востока горы Бюкк, т. е. «кулисы» Западных Карпат, примерно между 18 и 21° в. д. К северу от Татр отчетливо изображены Высокие (Словацкие и Средние) Бескиды (до 1725 м), еще лучше к востоку от них — Низкие Бескиды (до 1001 м) и Бещады (до 1335 м) в верховьях Сана.

На карте С. Сташица отчетливо выступают и Восточные Карпаты со многими отметками вершин, в том числе выше 2000 м (Говерла и две горы Пьетрос — высшие точки Лесистых Карпат и Кэлимана). У 27° в. д. он верно показал резкий поворот всей Карпатской дуги к западу.

С. Сташиц изучил на всем протяжении и Южные Карпаты (270 км), верно определив их юго-западную границу, и выделил, не очень точно, несколько высоких цепей с вершинами более 2500 м, альпийского типа. Отсюда часто встречающееся в географической

[1] За Дунаем, к юго-западу от него, на карте отчетливо выявляются отроги Альп, в частности Венский Лес.

литературе второе название Южных Карпат — Трансильванские Альпы. В их числе он отметил центральную цепь Фэгэраш (до 2543 м). Южные Карпаты он несколько «укоротил», занизив также их вершины на 150—200 м. Правда, он признается, что здесь замеры были «на глаз». А на крайнем западе он проследил небольшую меридиональную цепь — Банатские горы.

В изгибе Карпатской дуги, между 22 и 24° в. д., С. Сташиц исследовал и довольно точно оконтурил горную страну Апусени (Западные Румынские горы), отделенную от Южных Карпат р. Муреш. Здесь берут начало левые притоки Тисы, в том числе реки, составляющие Кёрёш. Высшую точку Бихора, центрального массива Западных Румынских гор (1848 м), он определил довольно точно, невысокие горы отметил и к северо-востоку от Бихора, за 47° с. ш., в бассейне р. Сомеш (венгерский Самош), и показал связь этих гор с отрогами Лесистых Карпат. Он выявил межгорную котловину — Трансильванское плато, глубоко изрезанное верховьями Муреша, но несколько уменьшил его площаль и высоту (на современных нам картах 500—800 м).

На огромной территории, ограниченной Карпатской дугой и средним Дунаем, С. Сташиц выделил ряд орографических единиц: равнину в низовьях Вага — левобережную часть Кишальфёльда (Малой Среднедунайской равнины); небольшую возвышенность, которую огибает Дунай, образуя почти прямой угол; невысокую (100—200 м), узкую и длинную, более 150 км безлесную полосу между меридиональным участком течения Дуная и Тисой — знаменитую венгерскую Пушту; большую часть бассейна Тисы, ее левобережье, плоскую, слабо всхолмленную равнину (высотой 100—130 м),— венгерский Альфёльд (Среднедунайская равнина).

По С. Сташицу, «от берегов Балтийского моря до устьев впадающих в Вислу Пилицы и Вепша, захватывая всю Литву до Днепра и до Волыни... раскинулась низменная равнина». На ней к северу от 53° с. ш., по правому берегу р. Нотець (приток Варты, система Одры), в польской области Крайна, С. Сташиц выделил невысокую (до 208 м) возвышенность — южную часть Поморского Поозерья. На правобережье Немана севернее Гродно он проследил небольшие возвышенности (без определения высот), доходящие на северо-востоке до Вильнюса,— участок Балтийской гряды. Южнее «низменной равнины», между 18 и 20° в. д., он выявил возвышенность (Малопольскую — восточную часть Силезско-Малопольской), в пределах которой в общем верно определил направление, длину и высоту Свентокшиских гор (до 611 м).

На Волыни, к югу от 51° с. ш., С. Сташиц выделил еще одну возвышенность, «где проложили себе долины Буг, точнее, оба Буга — Западный и Южный, Стырь, Горынь, Случь, Тетерев»; позже она получила название Волыно-Подольской. Сташиц верно наметил северную границу Подольской возвышенности, но считал, что на востоке она доходит до Днепра; теперь здесь выделяют Приднепровскую возвышенность. К югу Подолия, в которую он включает Бессарабскую возвышенность, распространяется почти до

Черного моря. На юге Бессарабии и по берегу Черного моря до низовьев Днепра С. Сташиц отчетливо обозначил ровную низменность, западную часть Причерноморской. Огромная заболоченная низменность показана и к северу от Подолии — это Полесье.

Итак, Станислав Сташиц, «отец польской геологии», был одновременно и основоположником современной физической географии Польши. Подавляющее большинство из 2200 выполненных им определений высот было очень точным. Поэтому его карту, верно отражающую рельеф Польши и соседних областей, с полным правом можно назвать гипсометрической и считать огромным научным достижением. (О С. Сташице имеется значительная — до 900 названий — литература.)

Шёйхцер в Швейцарских Альпах

Цюрихский натуралист *Иоганн Якоб Шёйхцер* был по образованию медик, по профессии — преподаватель математики, по «сердечному влечению» — географ, геолог и палеонтолог (он нашел и описал много видов ископаемых животных и растений). Шёйхцер впервые в 1702—1711 гг. многократно применял барометр для определения высот Швейцарских Альп. Он убедительно доказал взаимосвязь между формой и составом гор. В 1702—1728 гг. он изучал ледники Швейцарских Альп и установил, что они движутся. Эти первые научные исследования ледников помогли впоследствии О. Б. Соссюру заложить основы гляциологии.

В 1712 г. Шёйхцер составил крупномасштабную «Новую географическую карту Гельвеции» (в XVIII в. синоним названия Швейцария) на основе собственных съемок и барометрических определений высот, лучшее в то время изображение страны. В 1723 г. он открывает новую эру изучения высокогорных областей своим четырехтомным трудом «Пути через альпийские районы Гельвеции». Исследования Альп с его легкой руки стали модными. Заметную роль в этом сыграли «Пригласительные письма к изучению природных чудес, находящихся в Швейцарии», написанные им в новой для того времени манере.

Соссюр в Западных Альпах и первое восхождение на Монблан

В 1758 г. юный швейцарец *Орас Бенедикт Соссюр*, увлекшись географией и геологией, начал изучать горы близ своей родной Женевы. В 1759 г. он 15 дней провел в самой высокой части Юры, поднялся на одну из вершин, Ла-Доль, и точно определил ее высоту. Позднее Соссюр установил, что «...несколько параллельных цепей, разделенных долинами и носящих различные имена»[1], следует рассматривать «как продолжение Юры», объединяя под этим названи-

[1] Цит. здесь и далее по его работе «Путешествия в Альпах...». Женева, 1796—1803, т. 1—8, на фр. яз.

ем все горы, простирающиеся вдоль западной границы Швейцарии на северо-восток от долины прорыва Роны до поворота на север Рейна, за которым начинается Шварцвальд. Длина Юры — около 250 км, ширина в средней части — около 65 км (цифры, близкие к оценкам Соссюра). «Юра,— писал он,— хотя и отделена долиной шириной в несколько лье от Альп, но может рассматриваться как их передовые горы». В этом его убедили два факта: «Юра почти параллельна Альпам... Ее более высокая полоса расположена ближе к Альпам, и [горы] понижаются по мере удаления от Альп...»

В 1760 г. Соссюр впервые поднялся к верховью р. Арв, левого притока Роны,— к ледникам долины Шамони, у северо-западного подножия массива Монблан... и «заболел» Альпами: «С тех пор я не пропускал ни одного года, чтобы не выполнить [какой-либо] маршрут для изучения гор». Свое «завоевание» Альп Соссюр проводил, как опытный полководец, планомерно и расчетливо. Сначала он обследовал и описал невысокие горы к югу от Женевского озера (французы называют его Леман), между р. Арвом и верхней Роной, так называемые Савойские Предальпы. Эти предварительные исследования помогли ему дать правильную характеристику рельефа всей горной области к югу от Лемана (Верхняя Савойя): «Альпы, к которым принадлежат и эти горы, состоят из многих почти параллельных цепей, разделенных параллельными же долинами. Общее направление этих цепей северо-восточное, но на отдельных участках имеются отклонения».

Соссюр обследовал центральный, более высокий участок Савойских Альп, цепь Репозуар (длина 40 км, вершина Персе, 2752 м). Через несколько лет (в 1780 г.) он изучил котловину озера Аннеси, а к югу — участок правобережья р. Изер, где простирается западная меловая цепь французских Предальп — почти меридиональные горы Бож (на севере) и Гранд-Шартрез (на юге); границу между ними он установил правильно.

В разные годы Соссюр трижды обошел массив Монблан, эту «природную крепость, подступы к которой защищены почти со всех сторон». Он описал ледник Аржантьер на северо-востоке массива, спускающийся с одноименного пика (3905 м), и юго-восточные ледниковые языки массива, сползающие в узкую долину одного из верховьев р. Дора-Бальтеа (приток По). С севера над ней «величественно господствует» массив Монблан, высочайший участок водораздела систем По и Роны.

Соссюр обследовал северную часть Грайских и юго-западные склоны Пеннинских Альп, пройдя 120 км по долине Дора-Бальтеа до выхода реки из гор у 80° в. д. В 1783 г. он изучал оба склона Лепонтинских Альп. Поднявшись по долине Ааре (левый приток Рейна), он достиг ее истоков[1] и обследовал ледник близ перевала

[1] В 1790 г. *Иоганн Траллес* завершил исследование пересекающей Швейцарское плоскогорье р. Ааре. Он точно определил ее истоки в ледниках Бернских Альп и положение озер Бриенцского и Тунского, через которые протекает верхняя Ааре. Он впервые показал также верные контуры Боденского озера.

О. Соссюр

Гримзель (2165 м). Северо-восточнее он увидел другой ледник, из которого берет начало Рона (3102 м), «не самый большой, но... один из самых красивых в наших Альпах».

Перевалив Лепонтинские Альпы, Соссюр спустился по долине Мадже к озеру Лаго-Маджоре. Он, впрочем далеко не первый, отметил, что изученный им участок Лепонтинских Альп является водоразделом трех речных систем — Рейна, Роны, По, принадлежащих к трем различным морским бассейнам. От Лаго-Маджоре он вновь поднялся в горы по долине Тичино до знаменитого перевала Сен-Готард (2108 м) в тех же Лепонтинских Альпах, район которого считался ранее высшей частью Альп. Но Соссюр, выполнив точные барометрические определения, доказал, что «...если близ перевала Сен-Готард и начинаются реки, текущие отсюда, как из центра, и сбрасывающие свои воды в противоположные стороны», то это объясняется не наибольшей абсолютной высотой близ вершин, а их наибольшей относительной высотой.

Среди других маршрутов Соссюра отметим его поездку из Женевы через Турин, Милан, Геную и вдоль Ривьера-ди-Поненте и Лазурного берега к Тулону. Он проследил тогда южные склоны Приморских Альп и Прованских Предальп и дал цифровое выражение «четкого и резкого различия» западных и восточных (обращенных к Паданской равнине) склонов Альп, подмеченного еще античными авторами.

Для географии Западной Европы очень важны и определения высоты снеговой линии в разных высокогорных районах, исследованных Соссюром, его наблюдения над сменой ландшафтов, его промеры глубин альпийских озер. А его наблюдения над движением и работой альпийских ледников настолько фундаментальны, что именно Соссюра, а не Шёйхцера называют основателем гляциологии. Соссюр выступает вообще как основоположник геологического изучения Альп. Величайшее внимание он уделял строению гор — стратиграфии и тектонике. В начале своих странствий он мечтал «раскрыть тайну строения Альп». В конце он пришел к выводу, что добился только понимания того, как сложна их структура: «В Альпах нет ничего постоянного, кроме их разнообразия».

Мысль покорить вершину Альп с юности преследовала Соссюра. Хотя он и считал в начале своей «альпийской карьеры» (в 1761 г.), что Монблан неприступен, он опубликовал заявление, что выплатит

«значительное вознаграждение тем, кто найдет доступный [для восхождения] путь и... обещал оплатить все дни, которые будут потрачены на бесплодные попытки...».

Прошло более четверти века, пока — после шести неудачных восхождений (перерывы между ними длились иногда более пяти лет) — Соссюр добился заслуженного успеха: 1 августа 1787 г. в сопровождении 19 человек он поднялся на вершину Монблана. «...Мне казалось, что это сон, когда я увидел под ногами величественные грозные вершины... подступ к основаниям которых был для меня [когда-то] так труден, так опасен». Четыре с половиной часа провел Соссюр на вершине, дополняя наблюдения прошлых лет обзором «с птичьего полета». Он заметил, что «горы, простирающиеся к северу от Монблана, кажутся достаточно хорошо связанными между собой и составляют подобия цепей. Монблан... образует массив, почти изолированный... Горы Италии и Швейцарии представляются... группами или массивами, разделенными без всякого порядка». Он определил высоту Монблана около 4800 м, по последним данным 4807 м: «Итак, Монблан является самой высокой горой [Западной Европы]...» Однако Соссюр не был первовосходителем: почти за год до него (7 августа 1786 г.) Монблан был впервые покорен *Жаком Бальма* и *Мишелем Паккаром* — официальное начало мирового альпинизма. Бальма участвовал и во втором восхождении — с Соссюром. В июне 1788 г. Соссюр провел 16 дней на леднике Жеан («Гигант»), расположенном на восточном склоне Монблана на высоте 3362 м. Это было совершенно новое мероприятие. К тому времени он уже изобрел ряд приборов для определения прозрачности воздуха, голубизны неба, температуры воды на различных глубинах и т. д. Он же разработал методику восхождения, впервые применил очки-консервы, специальную одежду и стал, таким образом, основоположником альпинизма. Покорив Монблан, Соссюр переключился на другой массив — Монте-Роза[1] в Пеннинских Альпах (у 46° с. ш.). В августе 1789 г. он поднялся выше 4500 м, на один из «гигантских пиковых» массива, но не на самый высокий: помешало глубокое ущелье. Высоту двух главных вершин он несколько преувеличил. Западнее, в тех же Пеннинских Альпах, он измерил высоту еще одного «четырехтысячника» — Маттерхорна (4477 м)[2].

В 1794 г. тяжелая болезнь не дала возможности продолжать научную деятельность О. Соссюра (умер он в 1799 г.). За четверть века изучения Альп он совершил семь больших путешествий по этой горной стране и четырнадцать раз пересекал ее в разных направлениях. Результаты работы он изложил в восьмитомном труде «Путешествия в Альпах», ставшем эталоном научного дневника, даже учебником, для нескольких поколений натуралистов. В Шамони, где начались «альпийские» исследования О. Соссюра, ему и его постоянному спутнику Жаку Бальма установлен памятник.

[1] Монте-Роза покорилась в 1861 г. *Джону Тиндаллу*, который поднялся и на Вейсхорн (4504 м).

[2] Он был покорен лишь в 1865 г. англичанином *Эдуардом Уимпером*.

Б. Акке

Акке в Восточных Альпах и на Динарском нагорье

В 1777 г. упоминавшийся нами ранее Бальтазар Акке, в те годы преподаватель анатомии и хирургии в Любляне (Словения), увлекаясь естественными науками, обследовал, начиная от Триестского залива, горы, простирающиеся вдоль 46° с. ш. на стыке Словенских (Юлийских) Альп и Динарского нагорья. Он установил юго-восточную границу Юлийских Альп и с одной из их вершин увидел, что на севере тянется другой, широтный отрог Альп — хребет Караванке.

От истоков р. Савы Акке двинулся на восток вдоль Караванке (между 13°40′ и 15° в. д.) и его южных кулис. За 15° в. д. Акке описал Похорье (до 1543 м), крайний восточный отрог Альп и другие возвышенности на берегах р. Дравы до ее выхода на равнину у 16°20′ в. д. Повернув на юг, к Саве, он достиг пункта, где река выходит на равнину.

Следуя оттуда на запад, Акке прошел вдоль южных склонов возвышенностей, прилегающих к р. Купе (правый приток верхней Савы), а за верховьями Купы поднялся на Снежник (1796 м) и решил, что этот массив связывает Динарские горы (Великà-Капела) с Юлийскими Альпами. Он дважды пересек Капелу, затем охватил кольцевым маршрутом всю Истрию и поднялся на ее высшую точку (Учка, 1396 м), проследив южную границу плато Карст.

Лабиринты горных ущелий, многочисленные пещеры со сложными ходами, удивительное и таинственное исчезновение и появление речек и даже довольно крупных рек, непонятное наполнение водой озер, не имеющих видимых источников питания,— все эти загадочные явления в том крае Западной Словении, который называется Карстом, издавна привлекали внимание сторонних наблюдателей. Но их описания в средние века в большинстве случаев были фантастичны и всегда антинаучны[1]. Затем Б. Акке повернул на север, пересек Карст и закончил путешествие в Любляне.

[1] Первым настоящим исследователем интересных явлений, гораздо позже получивших название карстовых, в этой «колдовской» области был географ *Филипп Клювер,* профессор Лейденского университета в Голландии. Хорошо зная расположение горных долин края, он посетил его в начале XVII в. Ф. Клювер живо и научно описал исчезающие воды, мощные источники, пульсирующие озера. Он дал характеристику ряда карстовых пещер с чистой и прозрачной водой, особенно в районе села Церкница, в 30 км к югу от Любляны.

Летом 1779 г. Акке поднялся на Триглав (2863 м, в верховьях Савы) и начал «наступление» на австрийские Восточные Альпы. По долинам верхней Дравы и ее левого притока р. Мелль он достиг у 13° в. д. ледника, взошел на одну из вершин (3254 м) и отметил, что она и горы далее к западу принадлежат единому хребту — Высокому Тауэрну с «невероятно большими ледниками», спускающимися на северном склоне гораздо ниже, чем на южном.

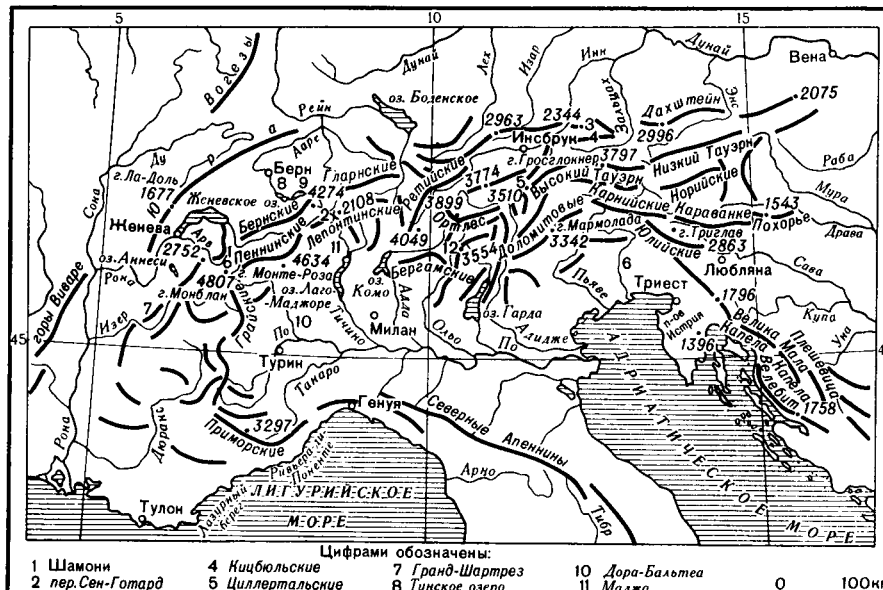
В 1781 г. Акке прошел вдоль Высокого Тауэрна, еще дальше на запад и достиг ледника, сползающего с «огромной заостренной пирамиды, на вершине которой насажена голова» (гора Гросглокнер, 3797 м). Перед этим Акке проследил весь хребет Караванке (100 км), изучил его стык с западной, почти широтной цепью Карнийских Альп, описал их склоны на участке в 30 км, отметил, что они шире Юлийских Альп и что северный склон круто обрывается в глубокую долину р. Гайль (правый приток Дравы), а южный постепенно снижается к морю.

В 1781 и 1783 гг. Акке на Динарском нагорье проследил хребты Плешевица (60 км), Мала-Капела (80 км), приморский Велебит (135 км, до 1758 м высоты) и лежащую между ними «прекрасную равнину» — плато Лика. Он описал карстовый характер Велебита и выявил, что к северу от Мала-Капелы местность сильно понижается и р. Купа за большой лукой течет уже по низменности. Оттуда Акке перебрался в область Фриули (на северо-востоке Италии), поднялся к верховьям рек Тальяменто и Пьяве и прошел до верховьев Дравы вдоль южного склона Карнийских Альп, проследив их на 100 км (из 120).

В местности Кадоре на верхней Пьяве (у 46° с. ш.) Акке заметил высокие, как ему показалось издали, заснеженные горы. «Однако, подойдя ближе, я с удивлением увидел, что они покрыты... пылью, образовавшейся при сильном выветривании известняка»[1]. Акке обратил внимание также на характерные формы скалистых вершин, «похожих на колокольни», — первое указание на характер выветривания доломитовых гор. Продвигаясь на запад примерно по 46°30′ с. ш., Акке перевалил мощную цепь (Доломитовые Альпы), отметил ледник, спускающийся с ее высшей точки — Мармолады (3342 м), верно установил, что цепь тянется к юго-западу. Следуя на запад по долинам правых притоков верхней Адидже, он достиг южного подножия массива Ортлес (до 3899 м), с которого во все стороны спускаются ледники. К югу он увидел массив Адамелло (до 3554 м), «покрытый ледником, дающим начало мощному водопаду».

От Ортлеса Акке перешел через долину верхней Ольо (приток По) к верхней Адде и с перевала Априка перед ним открылась панорама прекрасной долины Вальтеллины и Бергамских Альп, вы-

[1] В 1791 г. французский минералог *Дьедонне (Деодат) Грате де Доломье* открыл широко распространенную горную породу, сложенную дотоле неизвестным минералом, названным в его честь доломитом — отсюда и позднейшее название Доломитовые Альпы.



Орографическая схема Альп

тянутых широкой дугой у 46° с. ш. вдоль левого берега Адды. По Вальтеллине Акке поднялся к истокам, повернул на запад и, обогнув с севера массив Бернина (4049 м), достиг истока р. Инн — озерка в юго-западной части Ретийских Альп. Следуя, как и раньше, близ параллели 46°30′ через «очень высокие гипсовые и алебастровые горы», он добрался до Заднего Рейна и по его долине спустился до устья Переднего Рейна, где обе реки, сливаясь, образуют собственно Рейн.

Рейнская долина в этой части показалась Акке печальной, он вернулся к верхнему Инну и проследил всю долину Энгадин — участок между 46°30′ и 47° с. ш., где Инн течет через Ретийские Альпы на северо-восток в глубокой троговой, т. е. некогда обработанной ледниковым языком, долине. Пройдя вниз по берегу Инна за Инсбрук, до устья р. Циллер, Акке поднялся по ее долине до Циллертальских Альп, где обследовал одну из их вершин (у 47° с. ш.). Несколько севернее он проследил широтные Кицбюльские Альпы, протянувшиеся к востоку от р. Циллер на 75 км «в виде гигантской стены» вдоль левого берега р. Зальцах (правый, крупнейший приток Инна, 220 км). Еще севернее, на правом берегу Инна (за 47°30′ с. ш.), он кратко описал «очень изолированный, совсем голый бело-серый хребет Кайзер» (2344 м), а к востоку от него, в колене Зальцаха,— горы Штейнернес-Мер («Каменное море», до 2713 м).

В верховьях р. Энс, правого притока Дуная, Акке изучил западный участок гор Дахштейн, перевалил, следуя на юг, «главные го-

ры» (хребет Низкий Тауэрн) и попал на верхний Мур, левый приток Дравы, истоки которого он точно определил. С одной из вершин он правильно разобрался в орографии этой широтной части Восточных Альп: к западу протягивается более высокий хребет, чем к востоку; первый он назвал Высоким Тауэрном, второй — Низким Тауэрном, а истоки Мура принял за границу. Это орографическое деление сохранилось до наших дней.

В 1784—1786 гг. Акке в последний раз изучал Восточные Альпы. От Клагенфуртской котловины на Драве он прошел на север через Норийские Альпы[1] (у 47° с. ш.) и установил, что эта цепь является одной из трех «главных», выдвинутых в сторону Среднедунайской равнины орографических единиц Восточных Альп. Две другие — это Высокий Тауэрн и Низкий Тауэрн, которые он снова посетил. Акке дополняет схему Восточных Альп еще двумя крупными южными цепями: «...река Драва почти от своего истока до... [выхода на равнину] является границей между Карнийскими и Юлийскими Альпами и этими северными альпийскими цепями».

Итак, основные работы Акке были выполнены в северо-западной части Динарского нагорья и особенно в Восточных Альпах. Здесь он впервые выступил как исследователь всей восточной половины Альпийской горной системы, а не отдельных ее частей. Свои путешествия 1779—1786 гг. он описал в двух книгах, приложив к ним географические карты, значительно уточнявшие представление об орографии изученных территорий. Хотя главное внимание Акке уделял геологии (как мы теперь говорим), его исследования в этой области имеют лишь исторический интерес. Как указывает его биограф *Ф. Хубер*, «Акке называли Соссюром Восточных Альп, но эти исследователи по своему научному значению так же отличаются друг от друга, как две вершины, послужившие им в их научных достижениях,— Монблан и Триглав. Соссюр все записывал тщательно, Акке же вел лишь дневник. Но Соссюр двигался главным образом по торным дорогам, Акке же прокладывал первые тропы по нехоженым местам...».

[1] Общее название для двух цепей — Гурктальские Альпы и Зетальские Альпы с меридиональным отрогом Зауальпе.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ

Геттар и Демаре на Центральном массиве

Фрацузский врач *Жан Этьен Геттар* увлекся ботаникой и минералогией (в XVIII в. это был очень емкий термин). Изучая Северо-Французскую низменность, он пришел к выводу, что на этой холмистой равнине разнообразные породы располагаются поясами вокруг Парижа как центра. Геттар нанес их на карту, пользуясь различными символами (создав, следовательно, первую геологическую карту), и таким способом показал положение и границы обширного Парижского бассейна. «Работа Геттара открыла новое поле для географов и натуралистов и соединила эти две науки...» *(А. Гейки)*[1].

В 1751 г. Геттар посетил Овернь. В двух поселках к северу от города Клермон-Ферран он увидел, что улицы там вымощены черным камнем, используемым и как местный строительный материал, который добывается в соседних карьерах у поселка Вольвик. Близ него Геттар обнаружил застывший лавовый поток, спустившийся с близкой возвышенности, и открыл настоящий вулканический конус и кратер. Продвигаясь к югу вдоль подножия живописной цепи пюи (холм), Геттар достиг Клермон-Феррана и поднялся на крутую гору Пюи-де Дом[2]. Неожиданно перед ним раскрылась панорама самых высоких в Оверни кратероподобных вершин. Эти древние вулканы, «выстроенные в боевой порядок», молчаливые на протяжении всей письменной истории, были безупречны по форме.

Геттар обследовал величайший в Центральном массиве вулкан Мон-Дор (1886 м), на водоразделе бассейнов р. Алье (приток Луары) и р. Дордони. Результатом было открытие «в сердце» Франции группы древних вулканов и фактически первое научное исследование Центрального массива. Его работы в Оверни положили начало учению плутонистов. Более того, он стал истинным создателем вулканологии, а его идеи о происхождении базальтов явились ба-

[1] *Арчибалд Гейки* — английский геолог и историк геологии. Цит. здесь и далее из его работы «Основоположники геологии». Лондон, 1905, на англ. яз.

[2] В 1648 г. Блез Паскаль произвел на ней первые барометрические определения.

Ж. Геттар

зой для новой школы нептунистов. «Я не знаю ничего более причудливого в истории геологии — один и тот же человек оказался основоположником двух диаметрально противоположных школ».

В работе «Деградация гор, производимая сильными дождями, реками и морем» Геттар четко показал зависимость лика Земли от движущейся воды. Он считал море главным агентом денудации и как пример его приводил меловые утесы Северо-Западной Франции — реликты огромной цепи холмов, бо́льшая часть которой уничтожена морем. Он обследовал и описал все большие реки Атлантического бассейна от Рейна до Гаронны.

Изучение вулканов Центрального массива продолжил *Никола Демаре*. Ранее он побывал на плато Атрим на северо-востоке Ирландии и дал описание «Мостовой Гигантов»[1] — одного из «чудес природы». В 1763—1764 гг. он изучал Овернь, восхищался ее «выставкой» конусов, кратеров и лавовых рек, установил, что она и плато Антрим с «Мостовой Гигантов» принадлежат одной и той же формации, и составил карту Центрального массива между каменоломнями Вольвик и Мон-Дор, поразившую современников точностью.

В 1766 г. Демаре путешествовал по вулканическим районам Италии, от Виченцы и Падуи до Неаполя. В 1769 г. он вновь изучал Центральный массив, распространив исследования на юг, до горы Плон-дю-Канталь (1858 м, у 45° с. ш.). Считая, что крупные вопросы физической географии могут быть лучше изучены в Центральном массиве, Демаре еще не раз возвращался туда. «Любой участок Оверни скрупулезно обследован им, каждая пюи [гора] посещена, каждый кратер... зарисован, каждый поток лавы прослежен от истоков до конца».

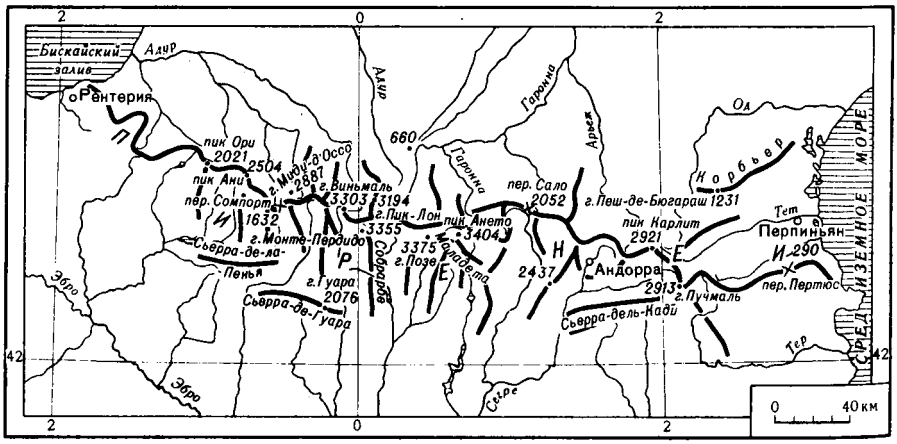
Аббат *Жак Луи Жиро-Сулави* основное внимание уделял потухшим вулканам, обследовал Овернь и Прованс и составил карту распространения вулканов. Он исследовал также горы Виваре на восточной окраине Центрального массива, между верхней Луарой и Роной (длина 100 км, вершины до 1754 м).

[1] Эта «мостовая» состоит из вертикальных шестигранных базальтовых призм высотой до 6 м, а в поперечнике — до 50 см. «Расширенные верхние части трещин [между призмами] заполнены продуктами выветривания и почвенной массой... Выступающие поверхности призм имеют вид слегка выпуклых каменных медальонов... [что] дает впечатление [гигантской] мостовой» *(И. С. Шукин)*.

Французский аббат *Пьер Бернар Палассу* с 70-х гг. XVIII в. изучал всю горную систему Пиренеев. Он стал пионером их научного исследования. В его книге «Очерки минералогии Пиренеев» (1781) приведены первые сведения по их геологии и данные о параллельном расположении главного и второстепенных хребтов. Он составил первую геологическую карту Пиренеев.

В 1786—1889 гг. геолог *Анри Поль Ребуль* и астроном *Видаль* провели тригонометрические измерения «наиболее примечательных высот в цепи Пиренеев» с нескольких вершин более 2000 м. Им удалось (с незначительными преувеличениями) определить высоту более 20 трехтысячников и около 30 двухтысячников центральной части Пиренеев от Ани (0°45′ з. д.) до Канигу (2°30′ в. д.), т. е. на протяжении почти 300 км. Они установили, что наибольшей высоты Пиренеи достигают между 0 и 1° в. д., где поднимаются такие великаны (в европейском понимании), как Виньмаль (3303 м), Позе (3375 м), Монте-Пердидо (3355 м) и массив Маладета.

В этот период наибольший вклад в подлинное научное открытие Пиренеев сделал геолог *Луи Франсуа Рамон де Карбоньер*. В 1792—1795 гг. он изучал главным образом наиболее приподнятую часть гор — Центральные Пиренеи, причем неоднократно поднимался на ряд вершин, в том числе на Миди-д'Оссо (2887 м). «Нужно годы провести в горах, чтобы научиться видеть то, что следует увидеть». И наконец он нашел то, что искал,— гранитный «остов» цепи — у нолевого меридиана, в районе Пик-Лон (3194 м). В этой труднодоступной части гор Рамон описал весь «букет» высочайших пиков — Виньмаль, Пик-Лон и другие, измерил 20 вершин и определил высоту снеговой линии Пиренеев (2430—2730 м). Он поднялся на гору Монте-Пердидо, тогда считавшуюся вершиной Пиренеев. Его наблюдения над неизвестным пиком (Ането, 3404 м)



Орографическая схема Пиренеев

Л. Рамон де Карбоньер

в массиве Маладета опровергли это мнение. Обследовав всю цепь, Рамон обнаружил, что Пиренеи состоят из двух примерно равных по длине, расположенных кулисообразно участков; они разорваны долиной верхней Гаронны.

Съемка северного побережья Средиземного моря

Англия, прежде уделявшая мало внимания Средиземному морю, в период Реставрации (1660—1688) стала проявлять к нему повышенный интерес. Изображения берегов этой акватории в британском адмиралтействе, вероятно, имелись, но явно не отвечали требованиям с военно-морской точки зрения. Для получения более полной информации в Средиземное море направился 54-пушечный корабль «Вулвич» под командой капитана *Уильяма Хаулдена*. Съемочные работы возглавил *Эдмунд Даммер* — один из самых квалифицированных европейских исследователей того времени. За несколько лет (продолжительность описи и состав экспедиции не установлены, известно лишь, что съемки закончились в 1685 г.) положили на карту северное побережье Средиземного моря от Гибралтара до берегов Греции[1] включительно на протяжении более 10 тыс. км. Они описали также Балеарские о-ва, Корсику, Сардинию, Сицилию и некоторые острова Греческого архипелага. Результаты исследований Э. Даммер изложил в труде «Плавание в средиземных морях...»; он остался в рукописи, хранящейся в Британском музее.

Тофиньо: опись побережья Испании

К концу XVIII в. ни одно из морских европейских государств не опубликовало столько хороших карт, как Испания. В 1783 г., после окончания очередной войны с Англией, испанское правительство *Карла III*, проводившее прогрессивные реформы[2], решило выполнить съемочные работы всего побережья Испании — Атлантического и Средиземноморского. Эту работу поручили *Винсенте Тофиньо де*

[1] Греция в те годы находилась под турецким господством. Правда, в 1684 г. Венеция завоевала п-ов Пелопоннес, вновь отошедший к туркам в 1715 г.

[2] Например, изгнание иезуитов с конфискацией их имущества (1767), предоставление 13 портам права торговли с колониями (1778), учреждение Национального банка (1782).

Сан Мигелю. В течение нескольких лет, руководя курсантами морских училищ (морскими кадетами — в России они назывались гардемаринами), он заснял береговую полосу длиной 2,8 тыс. км, в том числе 1500 км средиземноморского берега в 2300 км атлантического, включая 1000 км побережья, принадлежащего Португалии. Это удалось сделать благодаря тому, что в 1777 г. между обоими пиренейскими государствами был заключен мир.

Работа велась без значительных трудностей, ибо берега Пиренейского п-ова расчленены слабо. Исключение составляет лишь северо-западный «угол»: здесь развита сложная для описи, весьма изрезанная береговая линия, получившая от испанцев название «риас»[1]. Итогом съемки явились хорошо выполненные карты, собранные в двухтомный «Морской атлас Испании». К нему В. Тофиньо приложил «Лоцию берегов Испании», также в двух томах, опубликованную в Мадриде в 1789 г. Высокую оценку его труду дал крупнейший исследователь Средиземноморья первой половины XIX в. англичанин *У. Смайт.*

Исследователи Апеннин первой половины XVIII века

Апеннинская горная система, простирающаяся приблизительно на 950 км, и примыкающие к ней на юго-востоке Калабрийские Апеннины (около 220 км) изучались в основном самими итальянцами — натуралистами-путешественниками и краеведами. Пионером комплексного исследования Апеннин был выдающийся падуанский натуралист, профессор медицины *Антонио Валлиснери,* который в первой четверти XVIII в. побывал почти во всех областях Италии. Уделив большое внимание Паданской равнине и Тоскано-Эмилианским Апеннинам, он дважды, в 1704 и 1708 гг., пересек их близ меридиана 10°30′ в. д., следуя с правобережья р. По от Реджо-нель-Эмилия на юго-юго-запад до Апуанских Альп[2], и проделал около 1711 г. параллельный маршрут в той же горной полосе.

В 1704—1734 гг. «много и хорошо путешествовал» северянин *Пьер Антонио Микели,* который из скромности, и тогда уже несколько старомодной, величал себя «невеждой и нищим», а был ученым-натуралистом широкого профиля. П. Микели проследил «добрую часть Апеннин»: Тоскано-Эмилианские, Центральные — Умбро-Маркские, Южные — Неаполитанские и Луканские. В частности, в 1732—1733 гг. он исследовал так называемые Тосканские Антиапеннины и межгорные котловины вместе с двадцатилетним местным уроженцем *Джованни Тарджони-Тоццетти.*

[1] По-испански «риас» — устья рек; риасовые берега возникают при проникновении моря по долинам между хребтами, подходящими к побережью перпендикулярно или под углом к нему.

[2] Этот горный массив (длиной 50 км, высотой до 1946 м), отделенный от Северных Апеннин долиной р. Серкьо, впадающей в Лигурийское море несколько севернее Арно, прославился карьером каррарского мрамора.

После этого дебюта Д. Тарджони много лет изучал «физическую топографию» Тосканы — ее географию и геологию. Он выявил все значительные черты ее рельефа к западу от двух основных цепей, в том числе котловину Валь-ди-Кьяна (по ней течет р. Кьяни, правый приток верхнего Тибра), продолжил исследование Тосканских Антиапеннин и района потухших вулканов к западу от Кьяни с горой Амиата (1734 м).

Д. Тарджони собрал очень большой географический материал, опубликованный им в слишком пространном описании своих странствий — «Минералогические, философские и исторические путешествия по Тоскане» (1751—1770); они очень выиграли в сокращенном переводе (два тома, Париж, 1792).

В 40-х гг. французский географ *Жан Батист Бургиньон д'Анвиль*, собрав и критически оценив разнородные материалы геодезических работ и съемок итальянских областей XVII—XVIII вв., выпустил в свет «Географический анализ Италии» (1744) и составил карту, помещенную в «Новом Атласе» 1745 г., на которой полуостров впервые получил вполне правильные очертания.

Исследователи Апеннин и Сицилии второй половины XVIII века

В 1750—1754 гг. два ученых-иезуита — геодезист и астроном, далматинец из Рагузы (Дубровник) *Джузеппе Руджеро Боскович* и англичанин *Кристофер Мэйр* — измерили дугу меридиана между Римом и Римини длиной в два градуса (42—44° с. ш.). Мэйр составил крупномасштабную «Новую географическую карту Церковного государства», которая фактически явилась и первой точной обзорной картой Центральной Италии.

Биолог *Ладзаро Спалланцани*, разносторонний ученый, начал сбор материалов в 1761 г. на водоразделе Серкьо и Секкья (приток По). В 1780—1783 гг. он изучал Лигурийские Апеннины, в 1789 г.— Тоскано-Эмилианские, следуя на юг от Модены через предгорную полосу Фриньяно к району горы Чимоне. В разные годы Л. Спалланцани посещал Умбро-Маркские Апеннины (он пересек их и бассейн Тибра, следуя из района Анконы на юго-запад — через Сполето и Терни — в Рим), Неаполитанские Апеннины, Калабрийские горы, обошел всю Сицилию и изложил свои наблюдения в книге «Путешествия по обеим Сицилиям» (1792—1797). В итоге он проделал по итальянским дорогам и бездорожью много тысяч километров и заслуженно причисляется историками науки к великим натуралистам-путешественникам.

Абруццы — самый высокий участок Апеннин, состоящие из крутосклонных, глубоко расчлененных карстовых массивов со скалистыми вершинами, позднее других частей горной системы «поступили в научный оборот». Из натуралистов первым изучил эту область, особенно массив Маелла (у 42° с. ш.), *Керубино Де Ачетис* в последней четверти XVIII в.

В исследовании прилегающего к Неаполитанским Апеннинам на западе вулканического района с Везувием и Сицилии с Этной большую роль сыграл француз Д. Доломье. В 1781 г. он прошел от Мессины до северного подножия Этны вдоль гор Пелоритани и, повернув на запад вдоль гор Неброди и массива Ле-Мадоние, вышел к северному берегу Сицилии у 14° в. д., т. е. проследил так называемые Сицилийские Апеннины. Затем, следуя берегом, он обогнул остров с запада, выполнив при этом ряд боковых маршрутов во внутренние районы — в глубь долины Мадзара, к горе Каммарата, к горам Эреи. Д. Доломье изучал также и Калабрийские горы, дважды побывав в Калабрии: в июле 1781 г. на пути в Сицилию и в феврале—марте 1784 г., когда он, в частности, обследовал Аспромонте (1956 м). Это самый южный из тех калабрийских массивов, которые современные геоморфологи склонны выделить из Апеннинской горной системы в строгом смысле этого понятия. Ее крайним южным участком теперь считаются Луканские Апеннины с прилегающим к ним на востоке (близ 40° с. ш.) широтным массивом Поллино (до 2271 м).

Для изучения Неаполитанских Апеннин много сделал «римлянин» *Сципион (Шипьоне) Брейслак*, который подвел итоги своих наблюдений в книгах «Физическая топография Кампании» (Флоренция, 1798) и «Физические путешествия по Кампании» (Париж, 1802).

Рельеф всего Неаполитанского королевства, в границах которого находились Южные Апеннины (Неаполитанские и Луканские), Калабрийские горы и Апулийские Антиапеннины (массив Гаргано и плато Ле-Мурдже), выявил падуанец *Джованни Антонио Рицци-Цаннони*, выдающийся географ и топограф французской выучки. Приглашенный в Неаполь, он руководил съемкой королевства с 1780 г. до своей смерти (1814). У него не было возможности проводить топографические работы «на высшем уровне», и все-таки он выявил рельеф Южной Италии с большей точностью, чем это сделали другие, применявшие более усовершенствованные способы в остальных областях Италии.

Описи британских берегов

Военный моряк *Гринвил Коллинз*, дважды руководивший английскими съемками на Средиземном море, в 1681 г. возглавил опись британских берегов. Съемка, одновременно береговая и морская, затянулась до 1688 г. отчасти из-за того, что Коллинз пренебрегал помощью местных специалистов. Ряд карт он отобрал для первого издания своего морского атласа «Лоцман британского каботажного судоходства». В общем засняты были вся Англия, Уэльс и Мэн, но в Шотландии — только ее восточное побережье. Несмотря на большие недочеты, атлас многократно переиздавался с незначительными изменениями до 1792 г.

Северный берег Шотландии, Оркнейские и Шетландские о-ва, а на западе залив Ферт-оф-Клайд положил в 10-х гг. XVIII в на удо-

влетворительную карту топограф-шотландцец *Джон Адейр*. Морские карты составляли только небольшую часть его работы, но и они были очень полезны. А такой вклад в гидрографию морей со стороны сугубо сухопутного деятеля — редкое явление в истории исследования Британских о-вов.

Крупнейшим английским гидрографом XVIII в. был оркнеец *Мардок Макензи*. Еще в молодости, в 40-х гг., он выделился безупречной описью Оркнейских о-вов и положил начало точной описи Внешних Гебрид, засняв Льюис (2273 км^2) — крупнейший остров этой цепи. В 1753—1768 гг. он руководил морской съемкой всех берегов Западной Шотландии и Ирландии, а также заново заснял берега Северо-Западной Англии и Северного Уэльса. Западный берег Уэльса М. Макензи закартировал в 1769—1779 гг. После работ М. Макензи не только Великобритания и Ирландия, но и бо́льшая часть малых Британских о-вов приобрели на карте правильные очертания. Впервые, следовательно, верно были показаны и внутреннее, Ирландское море, и оба пролива, соединяющие его с океаном,— Северный и Святого Георга.

Исследователи Великобритании Хаттон и Плейфайр

Врач *Джеймс Хаттон* (неправильно *Геттон*), получив наследство, поселился в 1754 г. близ Эдинбурга и в течение 14 лет вместе со своим коллектором *Джоном Плейфайром* исколесил Шотландию. Они обследовали сначала невысокую (до 533 м) гряду Ламмермур-Хилс к юго-востоку от Эдинбурга (у 56° с. ш.), а на севере — простирающиеся близ 57° с. ш. почти на 250 км высокие Грампианские горы (вершина Бен-Невис, 1343 м, высшая точка Великобритании). Затем они распространили свои исследования на «становой хребет» Англии — Пеннинские горы (длина около 215 км, высота до 893 м). Они изучали также группу массивов, заполняющих большую часть Уэльса,— Кембрийские горы (вершина Сноудон, 1085 м).

В 1795 г. Хаттон опубликовал книгу «Теория Земли с доказательствами и иллюстрациями». Написанная тяжелым языком, она прошла бы незамеченной, если бы не Д. Плейфайр. После смерти Д. Хаттона он в 1802 г. издал вскоре признанные классическими «Иллюстрации теории Хаттона». Эта работа, написанная элегантно, логично и весьма доходчиво, принесла славу обоим. Она содержала не только четкое изложение важных принципов системы Хаттона. Многие вопросы, лишь бегло им рассмотренные, получили впервые солидное научное обоснование. Д. Плейфайр на множестве примеров аргументировал свой вывод о возникновении долин и озер благодаря действию текучих вод. Он первый обратил внимание на глетчерный лед как переносчик огромных эрратических валунов. В Шотландии Д. Плейфайр впервые обработал отметки приливов и описал старые береговые линии, верно объяснив их медленным поднятием суши.

ИССЛЕДОВАНИЕ БАССЕЙНА АНАДЫРЯ, ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАМЧАТКИ И ОТКРЫТИЕ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

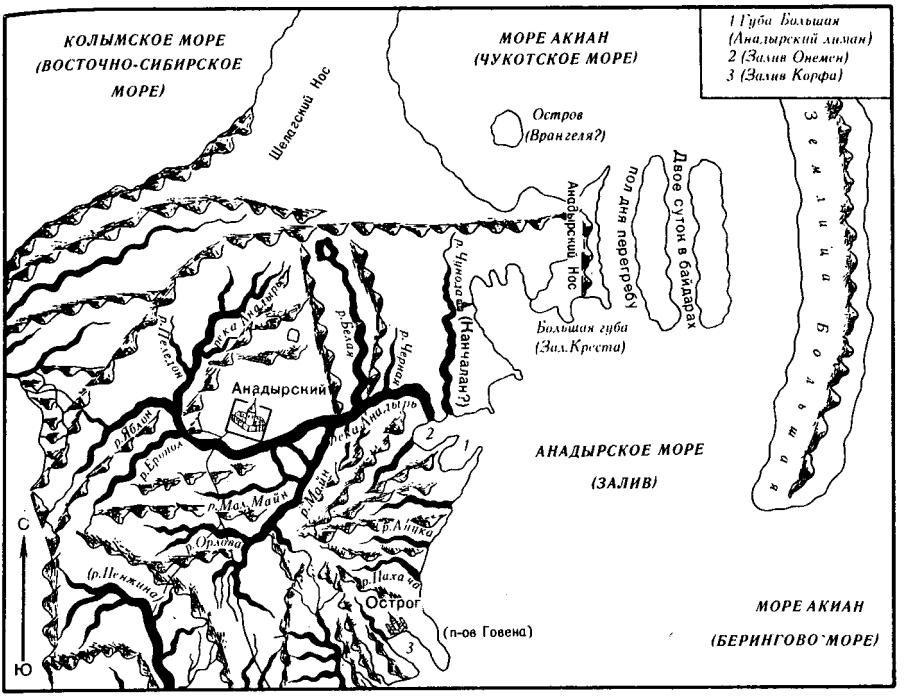
Первая съемка бассейна р. Анадыря и Анадырского залива

Преемником *С. И. Дежнева* на посту приказчика Анадырского острога с мая 1659 г. стал *Курбат Афанасьевич Иванов*[1]. Для «прииску неясачных иноземцев» и поисков новых моржовых лежбищ он организовал и возглавил морской поход на одном коче (22 человека команды). В начале июня 1660 г. судно спустилось по Анадырю к устью и двинулось вдоль побережья к северо-востоку. Плавание совершалось в неблагоприятных условиях. На восьмой день плотные льды прижали коч к берегу и сильно повредили. Люди с оружием и частью продовольствия спаслись, судно затонуло на мелководье. С помощью китовых костей его удалось поднять и отремонтировать. Дальше на север двинулись бечевой.

В середине июля К. Иванов достиг большого залива с обрывистыми берегами и назвал «Большой губой» (залив Креста наших карт). Хотя запасы продуктов кончились и пришлось довольствоваться «земляной губой», т. е. грибами и плодами шикши (или черной вороники, вечнозеленого низкого кустарника), мореходы продолжали путь вдоль берега бечевой, на веслах или под парусами. 10 августа они обнаружили небольшой залив (бухта Провидения), где встретили чукчей, у которых силой забрали много битых гусей. Чуть восточнее в большом становище удалось получить более полутора тонн оленины. После пятидневного отдыха К. Иванов с помощью проводника добрался до «новой корги» (Чукотского мыса), но моржей и моржовой кости там не оказалось. 25 августа с попутным ветром мореходы отправились назад. Налетевший вскоре шторм три дня трепал судно. В Анадырский острог К. Иванов вернулся 24 сентября с «пустыми руками», т. е. без добычи.

Перебравшись в Якутск в 1665 г., он в следующем году составил «Анадырский чертеж» — первую карту бассейна р. Анадыря и

[1] В середине 50-х гг. XVII в. он руководил промысловыми экспедициями, ходившими на среднюю Олёкму (приток Лены), и проследил ее течение почти на 1 тыс. км — по крайней мере до р. Тунгир, т. е. побывал в северной части Олёкминского Становика. В долине открытой им р. Нюкжи (правый приток Олёкмы) К. Иванов провел два года, занимаясь соболиным промыслом, и по возвращении сдал в казну 160 соболей.



Эскиз чертежа бассейна р. Анадырь и Анадырского залива (по В. И. Магидовичу); на оригинале север находится внизу

омывающего «Анадырскую землицу» Анадырского залива. Советский историко-географ *А. В. Ефимов,* первый опубликовавший рукописную копию чертежа в 1948 г., считал, что он составлен не позднее 1714 г.; историк картографии *С. Е. Фель* датирует его создание до 1700 г. Не исключено, что эта карта и есть «Анадырский чертеж» К. Иванова. Автор чертежа хорошо знает всю систему Анадыря (площадь бассейна 191 тыс. км^2): главная река нанесена от истока до устья (1150 км) с характерным коленом в среднем течении, с шестью правыми притоками, включая рр. Яблон, Еропол и Майн, и четырьмя левыми, в том числе р. Белой (вдоль ее левого берега показана меридиональная горная цепь — хребет Пекульней, длина 300 км). Кроме уже упоминавшихся залива Креста и бухты Провидения, на карте впервые показаны также две сообщающиеся губы, соответствующие заливу Онемен (куда впадает р. Анадырь) и Анадырскому лиману. Помимо северо-западного и северного берегов Анадырского залива, обследованных К. Ивановым в походе 1660 г. на протяжении около 1 тыс. км, на чертеже нанесена и часть азиатского побережья Берингова моря: отчетливо выявлены полуостров (Говена) и губа — в ней нетрудно узнать залив Корфа. Возможно, К. Иванов ходил вдоль этого побережья между 1661 и 1665 гг.

В море севернее Чукотки, очевидно по расспросам, показан остров — его положение и размеры свидетельствуют, что автор карты имел в виду о. Врангеля. К западу от него помещен огромный «необходимый» (непреодолимый) Шелагский Нос, т. е. мыс, который нельзя обойти, обрезанный рамкой.

Впервые, также по расспросам, изображен Анадырский Нос (Чукотский п-ов), а к востоку — два крупных населенных острова. Здесь, видимо, объединены сведения об о-вах Диомида и о. Св. Лаврентия. За проливом далее к востоку помещена «Большая земля», имеющая форму серповидного гористого полуострова, обрезанного на севере рамкой (север на карте находится внизу). Надпись не оставляет ни малейшего сомнения, что изображена часть Северной Америки: «а лес на ней сосняк и листвяк [лиственница], ельник и березняк...» — Чукотский п-ов, как известно, безлесен, а на Аляске растут деревья.

Присоединение Камчатки

Во второй половине XVII в. русские, укрепившись в Нижнеколымске и Анадырском остроге, неоднократно совершали далекие походы в земли коряков, так как к этому времени землепроходцы располагали расспросными сведениями о южных реках и их промысловых богатствах. Весной 1657 г. с р. Колымы вверх по р. Омолону двинулся отряд *Федора Алексеевича Чукичева.* В верховьях р. Гижиги он заложил зимовье, из которого осенью и в начале зимы того же года совершил два похода к вершине Пенжинской губы. Казаки собрали сведения о неясашных коряках, захватили несколько аманатов и вернулись в зимовье.

От прибывших летом 1658 г. на Гижигу коряков-ходатаев (они просили об отсрочке платежа ясака) Ф. Чукичев узнал о якобы богатых залежах моржовой кости и дважды — в 1658 и 1659 гг. — направлял на разведку енисейского казака *Ивана Ивановича Камчатого.* По Б. П. Полевому, тот, вероятно, прошел западным берегом Камчатки до р. Лесной, впадающей в залив Шелихова у 59°30′ с. ш. и по р. Караге достиг Карагинского залива. Моржовой кости И. Камчатой не нашел, но в поисках неясашных иноземцев собрал сведения о крупной реке где-то на юге. Ф. Чукичев, получивший эти известия от вернувшегося в зимовье И. Камчатого, возвратился на Колыму и убедил начальство снова направить его на р. Гижигу. Во главе отряда из 12 человек, включая И. Камчатого, с Гижиги он перешел на Пенжину и — неизвестно каким путем — проследовал на юг, на реку, нареченную впоследствии Камчаткой[1]. Зиму 1660/61 гг. они, видимо, провели здесь и вернулись на р. Гижигу. Первооткрыватели внутренних районов Камчатского п-ова были убиты в 1661 г. восставшими юкагирами.

[1] По утверждению ительменов, это название, позднее распространенное на весь полуостров, возникло только после появления здесь русских землепроходцев — сами камчадалы имена людей географическим объектам не присваивают.

В 60-х гг. XVII в. поход из Анадырского острога в верховья р. Камчатки (не выяснено, правда, каким маршрутом) совершил казачий десятник *Иван Меркурьевич Рубец (Бакшеев)*, в 1663—1666 гг. занимавший (с перерывами) должность приказчика Анадырского острога. Очевидно, по его данным на общем чертеже Сибири, составленном в 1684 г., течение реки показано достаточно реалистично.

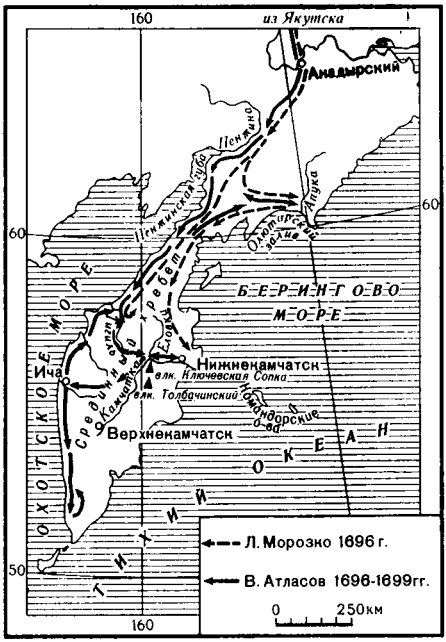
В 1691 г. в Анадырском остроге якутский казак *Лука Семенович Старицын*, по прозвищу *Морозко*, собрал большую «ватажку» (57 человек) для торговли и соболиного промысла. «По нем вторый человек» был *Иван Васильевич Голыгин*. Они посетили «сидячих» коряков северо-западного, а может быть, даже северо-восточного побережья Камчатки и к весне 1692 г. вернулись в острог. В 1693—1694 гг. Л. Морозко и И. Голыгин с 20 казаками совершили новый камчатский поход, и «не дойдя до Камчатки-реки один день», построили зимовье — первое русское поселение на полуострове. С их слов, не позднее 1696 г. была составлена «скаска», в которой, между прочим, дается первое дошедшее до нас описание камчадалов (ительменов)[1]: «Железо у них не родится, и руды плавить не умеют. А остроги имеют пространны. А жилища... имеют в тех острогах — зимою в земли, а летом... над теми же зимними юртами наверху на столбах, подобны лабазам... А промежду теми острогами... ходу дни по два и по три и по пяти и шести дней... Иноземцы [коряки] оленные называются, у коих олени есть. А у которых олени нет, и те называются иноземцы сидячи... Оленные же честнейши почитаются...»

Походы Атласова на Камчатку

Вторичное открытие Камчатки совершил в самом конце XVII в. новый приказчик Анадырского острога якутский казак *Владимир Владимирович Атласов*. Он был послан в 1695 г. из Якутска в Анадырский острог с сотней казаков собирать ясак с местных коряков и юкагиров. Уже в следующем году он отправил на юг к приморским корякам небольшой отряд (16 человек) под командой Л. Морозко. Тот проник, однако, гораздо дальше на юго-запад, на п-ов Камчатка, и дошел до р. Тигиль, впадающей в Охотское море, где нашел первый камчадальский поселок. «Погромив» его, Л. Морозко вернулся на р. Анадырь.

В начале 1697 г. в зимний поход против камчадалов выступил на оленях сам В. Атласов с отрядом в 125 человек, наполовину русских, наполовину юкагиров. Он прошел по восточному берегу Пенжинской губы до 60° с. ш. и повернул на восток «через высокую гору» (южная часть Корякского нагорья), к устью одной из рек, впадающих в Олюторский залив Берингова моря, где обложил яса-

[1] Ительмены — народ, в конце XVII в. населявший почти всю Камчатку и говоривший на особом языке чукотско-камчатской семьи палеоазиатских языков.



Поход В. Атласова на Камчатку

ком (олюторских) коряков. Группу людей под начальством Л. Морозко В. Атласов послал на юг вдоль Тихоокеанского берега Камчатки, сам вернулся к Охотскому морю и двинулся вдоль западного берега полуострова. Часть юкагиров из его отряда восстала. Более 30 русских, в том числе сам командир, были ранены, пятеро убиты. Тогда В. Атласов вызвал к себе людей Л. Морозко и с их помощью отбился от восставших.

Соединенный отряд пошел вверх по р. Тигиль до Срединного хребта, перевалил его и проник на р. Камчатку в районе Ключевской Сопки. По сообщению В. Атласова, камчадалы, с которыми он здесь впервые встретился, «одежду носят соболью, и лисью, и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимние земляные, а летние на столбах вышиною от земли сажени по три, намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам. И юрты от юрт поблизку, а в одном месте юрт ста [сотни] по два и по три и по четыре. А питаются рыбою и зверем; а едят рыбу сырую, мерзлую. А в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею, и та рыба изноет. И тое рыбу вынимая, кладут в колоды, наливают водою, и разжегши каменья, кладут в те колоды и воду нагревают, и ту рыбу с той водой размешивают, и пьют. А от тое рыбы исходит смрадный дух... А ружья у них — луки усовые китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родится».

Жители рассказали В. Атласову, что с той же р. Камчатки к ним приходят другие камчадалы, убивают их и грабят, и предлагали вместе с русскими пойти на них и «смирить, чтобы они жили в совете». Люди В. Атласова и камчадалы сели в струги и поплыли вниз по р. Камчатке, долина которой была тогда густо населена: «А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцев гораздо много, посады великие». Через три дня союзники подошли к острогам камчадалов, отказавшихся платить ясак; там стояло более 400 юрт. «И он-де Володимер с служилыми людьми их, камчадалов, громили и небольших людей побили и посады их выжгли».

Вниз по р. Камчатке к морю Атласов послал на разведку одного казака, и тот насчитал от устья р. Еловки до моря — на участке около 150 км — 160 острогов. Атласов говорит, что в каждом остроге

Камчатские балаганы и юрта (по С. Крашенинникову)

живут 150—200 человек в одной или двух зимних юртах. (Зимой камчадалы жили в больших родовых землянках.) «Летние юрты около острогов на столбах — у всякого человека своя юрта». Долина нижней Камчатки во время похода была сравнительно густо населена: расстояние от одного великого «посада» до другого часто составляло меньше 1 км. В низовьях Камчатки жило, по самому скромному подсчету, около 25 тыс. человек[1]. «А от устья идти верх по Камчатке-реке неделю, есть гора — подобна хлебному скирду, велика и гораздо высока, а другая близ ее ж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево». Это первое известие о двух крупнейших вулканах Камчатки — Ключевской Сопке и Толбачике — и вообще о камчатских вулканах.

Собрав сведения о низовьях р. Камчатки, Атласов повернул обратно. За перевалом через Срединный хребет он начал преследовать оленных коряков, которые угнали его оленей, и застиг их у самого Охотского моря. «И бились день и ночь, и... их коряков человек ста с полторы убили, и олени отбили, и тем питались. А иные коряки разбежались по лесам». Тогда Атласов снова повернул на юг и шел шесть недель вдоль западного берега Камчатки, собирая со встречных камчадалов ясак «ласкою и приветом». Еще дальше на юге русские встретили первых «курильских мужиков [айны] —

[1] Через двести лет, к концу XIX в., на всем полуострове оставалось не более 4000 камчадалов.

шесть острогов, а людей в них многое число...». Казаки взяли один острог «и курилов человек шестьдесят, которые были в остроге и противились — побили всех», но других не трогали: оказалось, что у айнов «никакого живота [имущества] нет и ясак взять нечего; а соболей и лисиц в их земле гораздо много, только они их не промышляют, потому что от них соболи и лисицы никуда нейдут», т. е. их некому продавать.

Атласов находился всего в 100 км от южной оконечности Камчатки. Но, по словам камчадалов, дальше к югу «по рекам людей есть гораздо много», а у русских порох и свинец были на исходе. И отряд вернулся в Анадырский острог, а оттуда поздней весной 1700 г. — в Якутск. За пять лет (1695—1700) В. Атласов прошел больше 11 тыс. км.

В Верхнекамчатском острожке В. Атласов оставил 15 казаков во главе с *Потапом Серюковым*, человеком осторожным и не жадным, который мирно торговал с камчадалами и не собирал ясака. Он провел среди них три года, но после смены, на обратном пути в Анадырский острог, он и его люди были убиты восставшими коряками.

Сам В. Атласов из Якутска отправился с докладом в Москву. По пути, в Тобольске, свои материалы он показал *С. У. Ремезову*, составившему с его помощью один из детальных чертежей п-ова Камчатка. В Москве В. Атласов прожил с конца января по февраль 1701 г. и представил ряд «скасок», полностью или частично опубликованных несколько раз. Они содержали первые сведения о рельефе и климате Камчатки, о ее флоре и фауне, о морях, омывающих полуостров, и об их ледовом режиме. В «скасках» В. Атласов сообщил некоторые данные о Курильских о-вах, довольно обстоятельные известия о Японии и краткую информацию о «Большой Земле» (Северо-Западной Америке).

Он дал также детальную этнографическую характеристику населения Камчатки. «Человек малообразованный, он... обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его... [«скаски»]... заключают массу ценнейших этнографических и географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII веков... не дает таких содержательных отчетов» *(Л. Берг)*.

В Москве В. Атласова назначили казачьим головой и снова послали на Камчатку. По дороге, на Ангаре, он захватил товары умершего русского купца. Если не знать всех обстоятельств, к этому случаю можно было бы применить слово «грабеж». Однако в действительности В. Атласов забрал товаров, составив их опись, только на 100 руб. — ровно на ту сумму, которая была предоставлена ему руководством Сибирского приказа в награду за поход на Камчатку. Наследники подали жалобу, и «камчатского Ермака», как назвал его *А. С. Пушкин*, после допроса под присмотром пристава направили на р. Лену для возвращения товаров, распроданных им с выгодой для себя. Через несколько лет, после благополучного завершения следствия, В. Атласову оставили тот же ранг казачьего головы.

Езда на собаках (по С. Крашенинникову)

В те времена еще несколько групп казаков и «охочих людей» проникли на Камчатку, построили там Большерецкий и Нижнекамчатский остроги, грабили и убивали камчадалов. В 1706 г. приказчик *Василий Колесов* послал в «Курильскую землю», т. е. южную часть Камчатки, *Михаила Наседкина* с 50 казаками для усмирения «немирных иноземцев». Тот двинулся на юг на собаках, но не дошел до «Носа земли», т. е. до мыса Лопатка, а послал туда разведчиков. Они сообщили, что на мысу, «за переливами» (проливами), видна в море земля, «а проведывать-де той земли не на чем, судов морских и судовых припасов нет, и взять негде».

Когда сведения о камчатских бесчинствах достигли Москвы, В. Атласова послали приказчиком на Камчатку: наводить там порядок и «прежние вины заслуживать». Ему предоставлялась полная власть над казаками. Под угрозой смертной казни ему велено действовать «против иноземцев лаской и приветом» и обид никому не чинить. Но В. Атласов не добрался еще и до Анадырского острога, как на него посыпались доносы: казаки жаловались на его самовластие и жестокость.

На Камчатку он прибыл в июле 1707 г. А в декабре казаки, привыкшие к вольной жизни, взбунтовались, отрешили его от власти, выбрали нового начальника и, чтобы оправдаться, послали в Якутск новые челобитные с жалобами на обиды со стороны Атласова и преступления, якобы совершенные им. Бунтовщики посадили Атласова в «казенку» (тюрьму), а имущество его отобрали в казну. Атласов бе-

Нижнекамчатский острог (по С. Крашенинникову)

жал из тюрьмы и явился в Нижнекамчатск. Он потребовал от местного приказчика сдачи ему начальства над острогом; тот отказался, но оставил Атласова на воле.

Между тем якутский воевода, сообщив в Москву о дорожных жалобах на Атласова, направил в 1709 г. на Камчатку приказчиком *Петра Чирикова* с отрядом в 50 человек. В пути П. Чириков потерял в стычках с коряками 13 казаков и военные припасы. Прибыв на Камчатку, он послал на р. Большую 40 казаков для усмирения южных камчадалов. Но те большими силами напали на русских; восемь человек было убито, остальные почти все ранены. Целый месяц они сидели в осаде и с трудом спаслись бегством. Сам П. Чириков с 50 казаками усмирил восточных камчадалов и снова наложил на них ясак. К осени 1710 г. из Якутска прибыл на смену П. Чирикова *Осип Миронович Липин* с отрядом в 40 человек.

На Камчатке оказалось сразу три приказчика: В. Атласов, формально еще не отрешенный от должности, П. Чириков и вновь назначенный О. Липин. Чириков сдал Липину Верхнекамчатск, а сам в октябре поплыл на лодках со своими людьми в Нижнекамчатск, где хотел перезимовать. Липин в декабре также по делам прибыл в Нижнекамчатск.

В январе 1711 г. оба возвращались в Верхнекамчатск. По дороге взбунтовавшиеся казаки убили Липина. П. Чирикову они дали время покаяться, а сами бросились в Нижнекамчатск, чтобы убить Атласова. «Не доехав за полверсты, отправили они трех казаков к нему с письмом, предписав им убить его, когда станет он его читать... Но они застали его спящим и зарезали. Так погиб камчатский Ермак!.. Бунтовщики вступили в острог... расхитили пожитки убитых приказчиков... выбрали атаманом Анциферова, Козыревского есаулом, с Тигиля привезли пожитки Атласова... расхитили съестные припасы, паруса и снасти, заготовленные для морского пути от Миронова [Липина] и уехали в Верхний острог, а Чирикова бросили скованного в пролуб [прорубь], марта 20-го 1711 года» (А. С. Пушкин). По Б. П. Полевому, казаки явились к В. Атласову ночью; он наклонился к свече, чтобы прочитать принесенную ими фальшивую грамоту, и получил удар ножом в спину.

Козыревский и открытие северных Курильских островов

Даниил Яковлевич Анциферов и *Иван Петрович Козыревский*, имевшие лишь косвенное отношение к убийству В. Атласова (сохранилось, в частности, свидетельство его сына *Ивана*), завершили дело В. Атласова, дойдя в августе 1711 г. до южной оконечности Камчатки. А от «носа» через «переливы» они переправились на небольших судах и камчадальских байдарах на самый северный из Курильских о-вов — Шумшу. Там, как и на юге Камчатки, жило смешанное население — потомки камчадалов и «мохнатых людей», т. е. айнов. Русские называли этих метисов ближними курилами, в отличие от дальних курилов или «мохнатых», чистокровных айнов. Д. Анциферов и И. Козыревский утверждали, будто «курильские мужики», известные своим миролюбием, вступили с ними в бой, будто «они к бою ратному досужи и из всех иноземцев бойчивее, которые живут от Анадырского [Анадыря] до Камчатского Носу». Так первооткрыватели Курильских о-вов оправдывали убийство нескольких десятков курильцев.

Собрать ясак на Шумшу не удалось: «На том их острову,— доносили завоеватели,— соболей и лисиц не живет, и бобрового промыслу и привалу не бывает, и промышляют они нерпу. А одежду на себе имеют от нерпичьих кож и от птичьего пера».

Анциферов и Козыревский приписывали себе также посещение второго к югу Курильского острова — Парамушир (они представили карту Шумшу и Парамушира), но ясака и там не собрали, так как местные жители будто бы заявляли, что соболей и лисиц не промышляют, а «бобры испроданы иной земли иноземцам» (японцам). Но третий участник бунта против Атласова, *Григорий Переломов*, также ходивший в поход на Курильские о-ва, позднее под пыткой сознался, что они дали ложное показание, на «другом морском острову» не побывали, «написали в челобитной и в чертеже своем ложно».

Тогда же на Камчатку прибыл новый приказчик, *Василий Севастьянов*, Анциферов сам приехал к нему в Нижнекамчатск с ясачной казной, собранной на р. Большой. В. Севастьянов не решился отдать его под суд, а отправил назад в Большерецк сборщиком ясака. В феврале 1712 г. Д. Анциферов был переправлен на восток, на р. Авачу. «Узнав о его скором прибытии... устроили они [камчадалы] пространный балаган с тайными тройными подъемными дверями. Они приняли его с честью, лаской и обещаниями; дали ему несколько аманатов из лучших своих людей и отвели ему балаган. На другую ночь они сожгли его. Перед зажжением балагана они приподняли двери и звали своих аманатов, дабы те поскорее побросались вон. Несчастные отвечали, что они скованы и не могут трогаться, но приказывали своим товарищам жечь балаган и их не считать, только бы сгорели казаки» (А. С. Пушкин). По сообщению же И. Козыревского, Д. Анциферов был убит в походе на р. Авачу.

Подавил казачий бунт В. Колесов, вторично назначенный на Камчатку. Одних участников тройного убийства он казнил, других приказал бить кнутом; Козыревского же помиловал «за его службы», т. е. заслуги: В. Колесов пощадил его так же и потому, что надеялся получить от него новую карту «переливов» и островов за «носовой землицей». В 1712 г. Козыревский составил чертеж «Камчадальской земли» и Курильских о-вов — это была первая карта архипелага — чертеж 1711 г. не сохранился. Летом 1713 г. И. Козыревский отправился из Большерецка на судах с отрядом из 55 русских и 11 камчадалов с пушками и огнестрельным оружием «для проведывания от Камчатского Носу за переливами морских островов и Японского государства». Лоцманом (вожем) в этой экспедиции шел пленный японец. На этот раз Козыревский действительно посетил о. Парамушир. Там, по его словам, русские выдержали бой с курилами, которые были «зело жестоки», одеты в «куляки» (панцири), вооружены саблями, копьями, луками со стрелами. Произошел ли бой — неизвестно, но добычу казаки взяли. Какую-то долю ее Козыревский представил В. Колесову, но, вероятно, утаил бóльшую часть: выяснено, что позднее камчатский приказчик «вымучил» у него много ценных вещей. От Козыревского он получил также корабельный журнал и описание всех Курильских о-вов, составленное по расспросным сведениям,— первые достоверные материалы о географическом положении гряды.

В 1717 г. И. Козыревский постригся в монахи и принял имя *Игнатия*. Возможно, что он занимался «просвещением» (обращением в православие) камчадалов, так как до 1720 г. жил на Камчатке. За «возмутительные речи»[1] его отправили под караулом в Якутск, но ему удалось оправдаться и занять высокую должность в Якутском монастыре. Через четыре года Козыревского опять посадили в тюрьму, но он вскоре бежал из-под стражи. Затем он подал якутскому воеводе заявление, будто знает путь в Японию, и требовал, чтобы его для показаний отправили в Москву. Получив отказ, летом 1726 г. он встретился с В. Берингом и безуспешно просил принять его на службу для плавания в Японию. Козыревский передал В. Берингу подробный чертеж Курильских о-вов и записку, в которой указывались метеорологические условия в проливах в различные времена года и расстояния между островами. Через два года Козыревский построил в Якутске, вероятно на монастырский счет, судно, предназначавшееся для разведки земель, расположенных якобы севернее устья, или для поисков землиц к востоку и сбора ясака с «немирных иноземцев». Но его постигла неудача: на нижней Лене в конце мая 1729 г. льды раздавили судно.

В 1730 г. И. Козыревский появился в Москве: по его челобитной Сенат выделил 500 руб. на христианизацию камчадалов; инициатор,

[1] По доносу, когда монаха Игнатия укоряли в причастности к убийству камчатских приказчиков, он ответил: «Которые люди и цареубийцы и те живут приставлены у государевых дел, а не велие [велико] дело, что на Камчатке приказчиков убивать».

Охотский порт (по С. Крашенинникову)

возведенный в сан иеромонаха, начал подготовку к отъезду. В официальной петербургской газете появилась статья, восхваляющая его действия на Камчатке и его открытия. Вероятно, он сам позаботился о ее напечатании. Но нашлись люди, вспомнившие о нем, как об участнике бунта против Атласова. До прибытия документов из Сибири его заключили в тюрьму, где он и умер 2 декабря 1734 г.

Организация судоходства на Охотском море и открытие центральной группы Курильских островов

После присоединения Камчатки к России возник вопрос об организации морского сообщения между полуостровом и Охотском. Для этого 23 мая 1714 г. в Охотск прибыла экспедиция *Кузьмы Соколова*. Под его командой находилось 27 человек — казаки, матросы и рабочие во главе с корабельным мастером *Яковом Невейцыным*, который руководил постройкой лодии поморского типа, судна «удобного и крепкого», длиной 17 м и шириной 6 м. В июне 1716 г. после первой неудачной попытки кормчий *Никифор Моисеевич Треска* повел лодию вдоль берега до устья Тигиля и обследовал западное побережье Камчатки от 58 до 55° с. ш. Здесь люди К. Соколова перезимовали, а в мае 1717 г. лодия перешла в открытое море до Тауйской губы, а оттуда вдоль берега до Охотска, куда прибыла 8 июля.

После экспедиции К. Соколова плавания между Охотском и Камчаткой стали обычным делом. Лодия же стала своеобразной школой охотского мореходства: в 1719 г. Н. Треска совершил на ней первое плавание через Охотское море к Курильским о-вам, посетив о. Уруп, из команды ее вышли опытные моряки, участники ряда позднейших экспедиций, исследователи Охотского и Берингова морей, ходившие на север до Берингова пролива и на юг до Японии.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ СИБИРИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

«Посылки» Ремезова

Сын боярский *Семен Ульянович Ремезов*, картограф, историк и этнограф, по праву может считаться первым исследователем Зауралья. Разъезжая по поручению тобольских властей для сбора оброка по центральной части Западно-Сибирской равнины и некоторым другим районам восточного склона Урала, т. е. находясь, по его выражению, в «посылках», он создал схему изучения этих территорий, осуществленную позднее в расширенном виде при работе Академических отрядов Великой Северной экспедиции.

Сначала (с 1682 г.— первая «посылка») описание посещенных мест было для С. Ремезова делом второстепенным. Но с 1696 г., когда он в составе военного отряда провел полгода (апрель—сентябрь) в «безводной и малопроходной [труднопроходимой] каменной степи» за р. Ишимом, это занятие стало основным. Зимой 1696/97 г. с двумя помощниками он выполнил обследование бассейна Тобола (426 тыс. км^2). Главную реку он нанес на чертеж от устья до вершины (1591 км), заснял ее крупные притоки (длиной от 600 до 1030 км) — Туру, Тавду, Исеть и ряд впадающих в них рек, включая Миасс и Пышму.

Картографическое изображение получили также р. Иртыш от впадения в Обь до устья р. Тары (около 1000 км) и три его притока, в том числе р. Ишим почти до истоков (длина 2450 км).

В 1701 г. Ремезов закончил составление «Чертежной книги Сибири» — сводки географических материалов XVII в., собранных многими русскими сведущими людьми, в том числе купцами и послами, непосредственно перед эпохой Петра I. «Чертежная книга» сыграла огромную роль не только в истории русской, но и всемирной картографии.

Петр Чичагов

Особое место в истории Русского государства и науки занимает эпоха Петра I — период преодоления экономической и культурной отсталости Руси. Царь отчетливо сознавал, что знание географии страны и сопредельных территорий обязательно для решения

политических и экономических проблем. Одной из первоочередных мер он считал составление генеральных, т. е. общих карт. И выпускники созданных Петром Навигацкой школы и Морской академии начали первые инструментальные съемки России[1].

Пионером съемочных работ в Сибири стал геодезист Петр Чичагов, закончивший в 1719 г. Морскую академию. Крупный (более 100 человек) военный отряд, возглавляемый капитаном *Андреем Урезовым,* от устья Иртыша на легких судах поднялся со съемкой до озера Зайсан (21 августа). По главной реке шли на веслах, бечевою или под парусом; на лодках на расстояние 100—150 км осмотрели 24 относительно крупных ее притока. У устья р. Убы, по А. Урезову, проходит западная граница Алтая — это соответствует и нашим представлениям. Затем отряд добрался до устья р. Каба (близ 86° в. д.) и 3 сентября вернулся к озеру, а 15 октября прибыл в Тобольск. Итогом работы П. Чичагова явилась первая карта р. Иртыша на протяжении более 2000 км и, следовательно, первая карта Западной Сибири, основанная на астрономических определениях.

В начале мая 1721 г. П. Чичагова вновь направили в Западную Сибирь для продолжения съемки бассейна р. Оби. Пока не установлено, имел ли он помощников и какова была численность его отряда. За три года — вплоть до 1724 г.— П. Чичагов описал течение главной реки приблизительно от 60° с. ш. до устья и ее притоки, в том числе справа Вах, Аган, Назым, Куноват, Полуй (на его карте — р. Обдорская), слева Васюган, Большой Юган и Большой Салым.

Из притоков Иртыша, не изученных в 1719 г., Ишим закартирован на 200 км от устья. Очень детально им обследована система Тобола. На юге Барабинской низменности П. Чичагов заснял множество озер и среди них Чаны (у 55° с. ш.) с солоноватой водой, а также многочисленные болота.

В 1727 г. он составил карту бассейна Оби, основанную на астрономических определениях 1302 пунктов; она включена в атлас И. К. Кирилова. Территория к северу от 62° с. ш., дренируемая рр. Надымом, Пуром и Тазом, а также Обская и Тазовская губы изображены по расспросным данным — П. Чичагов в этих местах съемки не вел.

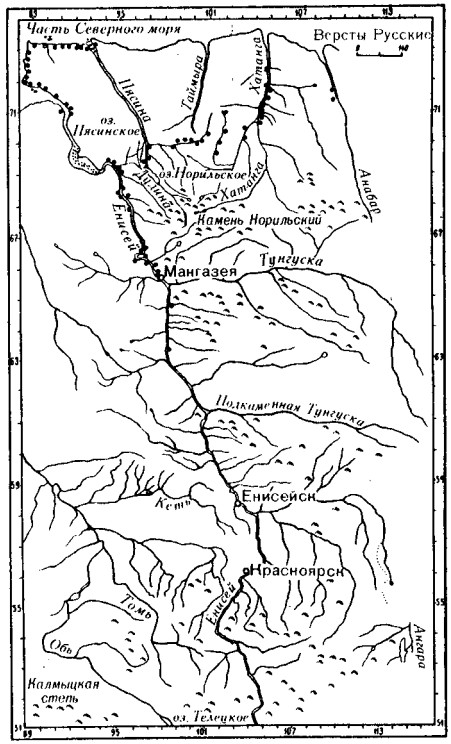
В 1725—1730 гг. он продолжил съемочные работы в бассейне верхней Оби, положив ее на карту на протяжении 1000 км. Таким образом общая длина заснятого им течения Оби составила 3000 км. Выше устья Чумыша, вытекающего из гор (Салаирский кряж), течение Оби, якобы берущей начало из Телецкого озера, нанесено, очевидно, по расспросам. В действительности из него вытекает р. Бия, правая составляющая Оби. Отсутствие на карте р. Катуни, левой составляющей, и колена Оби близ 52° с. ш. позволяет сделать вывод, что П. Чичагов не доходил до Телецкого озера. К югу от

[1] По инициативе Петра I в России впервые стал применяться научно-экспедиционный метод исследований.

Маршруты П. Чичагова, А. Кушелева и М. Зиновьева (по В. И. Магидовичу)

характерного колена Оби близ 54° с. ш. П. Чичагов показал Калмыцкую степь (Кулундинская степь и Приобское плато наших карт). Севернее р. Чумыша он закартировал многие правые притоки Оби, включая Иню, Томь, Чулым, Кеть и Тым.

В те же годы (1725—1730) П. Чичагов выполнил первую съемку бассейна Енисея: он заснял 2500 км течения главной реки от впадения р. Оя близ 53° с. ш. до устья. Верхний Енисей южнее 53° с. ш. (до 51°) он нанес по расспросным сведениям. Съемочные работы он продолжил на север и восток, впервые положив на карту 500 км побережья п-ова Таймыр до устья Пясины — ныне этот участок называется Берегом Петра Чичагова. Описью левых притоков Енисея, включая рр. Сым, Елогуй и Турухан, он завершил картографирование территории более 2 млн. км^2, составляющей часть Западно-Сибирской равнины, причем четко установил, что ее восточной границей служит Енисей, правобережье которого гористо. Правда, он ошибочно показал бифуркацию Таза и Елогуя — в действительности же истоки двух притоков этих рек находятся рядом.



Эскиз карты П. Чичагова (по В. А. Троицкому)

П. Чичагов выполнил первые съемки Минусинской котловины, Восточного Саяна и Средне-Сибирского плоскогорья, нанеся на карту нижнее течение Абакана, левого притока Енисея, ряд его правых притоков, в том числе Ою, Тубу, Ману и Кан, а также Ангару (заснятую на 500 км выше устья) с Тасеевой и ее составляющими Чуной и Бирюсой. Более северные притоки были обследованы им лишь в низовьях — об этом красноречиво свидетельствует их конфигурация. У 68° с. ш. П. Чичагов верно показал Камень Норильский (плато Путорана), с которого берут начало рр. Пясина и Хатанга, а также ряд притоков Енисея; все они нанесены по расспросам. Карту бассейна Енисея, опирающуюся на 648 астрономических пунктов, П. Чичагов закончил в начале августа 1730 г. Она использовалась при составлении ряда генеральных карт России вплоть до 1745 г. (Атлас Российской империи). В 1735—1736 гг. П. Чичагов принимал участие в экспедиции И. К. Кирилова (см. гл. 2).

Первая съемка верховьев Енисея

Белое пятно в первой четверти XVIII в. представлял бассейн верхнего Енисея, считавшийся «спорными землями» между Россией и Китаем. Для составления карт этой горной страны, расположенной в самом центре Азии[1], были направлены геодезисты *Алексей Кушелев* и *Михаил Зиновьев*, включенные в состав посольства в Китай русского дипломата *Саввы Лукича Рагузинского-Владиславича*. В 1727 г. геодезисты завершили съемочные работы: они положили на карту верхнее течение Енисея, образованного, по их данным, от слияния Бий-Хема (правая составляющая) и Ка-Хема (левая составляющая, названная ими «Шишкит»), впервые верно решив вопрос о его истоках.

Система Бий-Хема, прослеженного более чем на 400 км от истоков из озера[2], изображена верно; засняты его крупные притоки Азас, протекающий через озеро Тот (Тоджа), и Хамсара. Истоки Ка-Хема правильно показаны западнее озера Косогол (Хубсугул), впервые довольно точно — с небольшим преувеличением — нанесенного на карту. Длина Ка-Хема до слияния с Бий-Хемом по их карте практически соответствует современным данным (563 км). В междуречье составляющих верхнего Енисея близ 52° с. ш. геодезисты проследили хребет, протягивающийся на 350 км в широтном направлении (хребет Академика Обручева). Из левых притоков верхнего Енисея они засняли Хемчик, Кантегир и Абакан, а из правых — Ою и Тубу. В результате работ А. Кушелева, М. Зиновьева и П. Чичагова на карту впервые был положен весь Енисей (около 4,1 тыс. км), от истоков до устья.

Первые петровские геодезисты в Забайкалье

С. Рагузинский-Владиславич, готовивший договор с Китаем по русско-китайскому разграничению, направил в Забайкалье четырех геодезистов — *Петра Скобельцына, Василия Шетилова, Ивана Свистунова* и *Дмитрия Баскакова* (пока не установлено, какие части региона были засняты каждым из них). К 1727 г. они положили на карту среднюю и верхнюю Аргунь с притоками Газимур и Урюмкан, все течение Шилки и ее составляющих Онона и Ингоды. Из притоков Ингоды обследованы рр. Чита и Нерча. Таким образом геодезисты изучили, правда далеко не полностью, системы обеих составляющих Амура. Они засняли также бессточное озеро Тарей (Зун-Торей, у 50° с. ш. и 116° в. д.) с впадающей в него р. Улдзой. В 160 верстах к юго-западу от Тарея они нанесли озеро Далайнор

[1] Ныне это территория Тувинской АССР и Хубсугульского аймака МНР.
[2] В действительности река берет начало в 30 км к северо-востоку с пика Топографов (3044 м) и проходит через озеро.

и протекающую через него Керулен с притоком Хайлар[1]. Из рек системы Селенги заснят Хилок (укороченный почти в два раза) с притоком Уда.

Милованов в Приамурье

Из «скасок» первых русских землепроходцев и данных археологических исследований XX в. можно заключить, что в середине XVII в. на территории Приамурья не существовало развитой земледельческо-скотоводческой оседлой культуры. Заселенность края была очень слабой: русские зверопромышленники и купцы, казаки и бродяги — одни в поисках пушнины, другие — свободы и покоя — направлялись туда на короткое или более длительное время, а единицы поселялись навсегда. Московские власти, обеспокоенные возможностью вторжения маньчжур, такие темпы заселения справедливо считали совершенно недостаточными. Для выявления новых «пашенных мест» и ускорения хозяйственного освоения края Москва направила в Нерчинск грамоту с указанием обследовать и детально описать долину Зеи и ее притока Селемджи.

Работа эта была поручена казачьему десятнику *Игнатию Михайловичу Милованову,* с 50-х гг. служившему в Забайкалье. Он отправился из Нерчинска в апреле 1681 г., осмотрел западную окраину Зейско-Буреинской равнины с лесостепными ландшафтами и рекомендовал эту целину, ныне иногда называемую «амурские прерии», под пашню. «А от Зеи и от Амура за лугами ниже Томареки [Томь] елани [целина] сильные, большие...».

И. Милованов обследовал также южную часть Амурско-Зейского плато, поросшего лиственничными и сосновыми лесами, березняком и кустарниковым дубом: «...а по Зее и Селинбе [Селемдже]... лесу много, по воде плавить [сплавлять] можно». В начале 1682 г. он закончил опись «Зейской землицы», составил ее чертеж и укрепил построенные ранее русскими остроги. У впадения Зеи в Амур — на Зейской стрелке — он выбрал место для закладки города. Однако лишь в 1856 г. здесь возник военный пост, ставший через два года городом Благовещенском — по заключении Айгуньского договора, послужившего толчком к массовому движению русских переселенцев в Приамурье.

Путешествие Мессершмидта по Сибири

Даниил Готлиб Мессершмидт, доктор медицины, уроженец города Данцига (Гданьска), в 1716 г. был приглашен в Россию Петром I для изучения «всех трех царств естества» Сибири. В 1720 г. он выехал в первую правительственную научную экспедицию «для

[1] Очевидно, в период съемки водоносность Керулена была повышенной, благодаря чему и возник сток в Аргунь. Такие случаи отмечаются и в наше время. В верховьях, расположенных на территории КНР, Аргунь называется Хайлар; в дождливые годы река имеет связь с Далайнором, площадь которого в XX в. значительно увеличилась — почти до 1100 км^2.

изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корней и семян».

В марте 1721 г. из Тобольска он проехал на санях вверх по Иртышу до устья Тары и отметил, что вся пройденная местность — «сплошная равнина, покрытая лесом»[1]. Он верно указал, что город Тара лежит на возвышенности — действительно, здесь находится несколько приподнятый северо-западный край Барабинской степи. Д. Мессершмидт пересек ее примерно по 56° с. ш. и, переправившись через Обь, добрался до Томска. Он охарактеризовал Барабу как большую равнину с маленькими озерами и болотами; близ Оби появились «небольшие холмы, которых ни в середине, ни в начале Барабы найти нельзя».

В июле на трех каюках Д. Мессершмидт поднялся по Томи, проследив почти все ее течение, причем в одном из береговых обнажений нашел скелет мамонта. Через Кузнецкий Алатау и северную часть Абаканского хребта на лошадях он достиг р. Абакана (сентябрь 1721 г.) и проехал в Красноярск (начало 1722 г.).

Весной и летом того же года на плотах он спустился по р. Большому Кемчугу до р. Чулыма и изучил ее верхнее течение. Затем исследовал низовье Абакана и верхний Енисей в районе выхода реки на равнину (близ 53° с. ш.). В октябре он вернулся в Красноярск, едва не утонув в Енисее; часть его багажа погибла.

Итогом работ 1722 г. было первое исследование Кузнецкого Алатау и Минусинской котловины. Д. Мессершмидт описал ее как чистую степь, к югу и юго-западу холмистую, участками гористую, с большим количеством мелких озер, курганов и могильников. Он обнаружил там письменность хакасов VII—XVIII вв. и первый выполнил археологические раскопки ряда курганов края.

Летом 1723 г. Д. Мессершмидт сплыл по Енисею до Туруханска и поднялся по Нижней Тунгуске до ее верховьев (близ 58° с. ш.). Он описал пороги, быстрины (шиверы), отметил устья 56 притоков, определил географическую широту 40 пунктов и охарактеризовал берега реки на протяжении более 2700 км, выделив три участка.

На широтном отрезке до устья р. Илимпеи Нижняя Тунгуска течет среди скал, покрытых лесом (южное окончание плато Сыверма). На меридиональном отрезке (примерно до 60° с. ш.) оба берега сначала становятся плоскохолмистыми, а затем очень ровными — восточный край Центрально-тунгусского плато. В этом районе (близ 60°30′ с. ш.) Д. Мессершмидт обнаружил пласты каменного угля. За 60° с. ш. и далее к югу местность вновь приобрела гористый характер — северное окончание Ангарского кряжа. Итак, маршрут по Нижней Тунгуске прошел по центральной части Среднесибирского плоскогорья, и, следовательно, Д. Мессершмидт стал его первым научным исследователем.

[1] Цит. здесь и далее из работы Д. Мессершмидта «Научное путешествие по Сибири. 1720—1727». Части I—III и V, изданные в Берлине в 1962—1977 гг. на нем. яз.

16 сентября Д. Мессершмидт пересел на подводы и через четыре дня достиг р. Лены у 108° в. д. Оттуда он поднялся на лодках к ее верховьям, ведя съемку, и зимним путем прибыл в Иркутск. Д. Мессершмидт убедился, что течение верхней Лены, показанное на карте Н. Витсена, совершенно не соответствует действительности. На левобережье реки он отметил наличие Березового хребта (представление об этой самой южной, как долгое время считалось, возвышенности Среднесибирского плоскогорья, играющей роль водораздела Ангары и Лены, просуществовало до 30-х гг. XX в.).

В марте 1724 г. Д. Мессершмидт по санному пути проехал берегом Байкала к устью Селенги. Он отметил, что река проходит через Байкальские горы (стык хребтов Хамар-Дабан и Улан-Бургасы), и до начала мая провел в Удинске (Улан-Удэ). Затем он пересек Забайкалье до Нерчинска примерно по 52° с. ш. со стоянками у небольших озер или в острогах. По пути он осмотрел рудники и источники, описал несколько видов животных, в том числе степного барана, а в берегах Ингоды первый в Сибири обнаружил раков, не известных жителям края.

Из Нерчинска в середине августа он направился на юго-восток к озеру Далайнор (Хулунчи) «по совершенно ровной степи, в которой... до самого горизонта не видно ни холмика, ни дерева, ни кустика». Он правильно отметил, что озеро вытянуто на юго-запад; берега его «повсюду... очень плоские и... болотистые... дно илистое, вода белая и содержит много извести...». У Далайнора переводчики и проводники сбежали от Мессершмидта; он заблудился, пришлось и поголодать. Определившись, он двинулся на северо-запад по голой холмистой степи, но был задержан монгольским отрядом. Через две недели его отпустили и по рр. Онону и Ингоде он достиг Читы, а в апреле 1725 г. вернулся в Иркутск.

Маршрут из Иркутска в Енисейск занял около трех недель: во время плавания по Ангаре Д. Мессершмидт заснял всю реку, определив длину ее в 2029 верст, т. е. завысил почти на четверть: истинная — 1779 км. Он описал все ее пороги, сравнительно легко им преодоленные (кроме Падуна),— вода в Ангаре в тот год была высокая.

В середине августа Д. Мессершмидт из Енисейска добрался до р. Кети и сплыл по ней до Оби. Спуск по Оби он использовал для съемки, фиксируя многочисленные излучины реки. В начале октября он достиг Сургута; наступившие морозы и ледостав вынудили его дожидаться целый месяц под открытым небом санной дороги. В ноябре по Оби он прибыл в Самаров (Ханты-Мансийск) на Иртыше близ его устья. По поручению Д. Мессершмидта пленный шведский офицер *Филипп Юхан Табберт (Страленберг)* выполнил опись Оби между устьями Томи и Кети, и таким образом длина заснятого ими течения реки составила более 1300 км. Ф. Табберт принимал участие в археологических раскопках в Минусинской котловине и заснял Енисей на отрезке Красноярск — Енисейск. Но главная его работа — составление карты Сибири, основанной главным образом на расспросных данных.

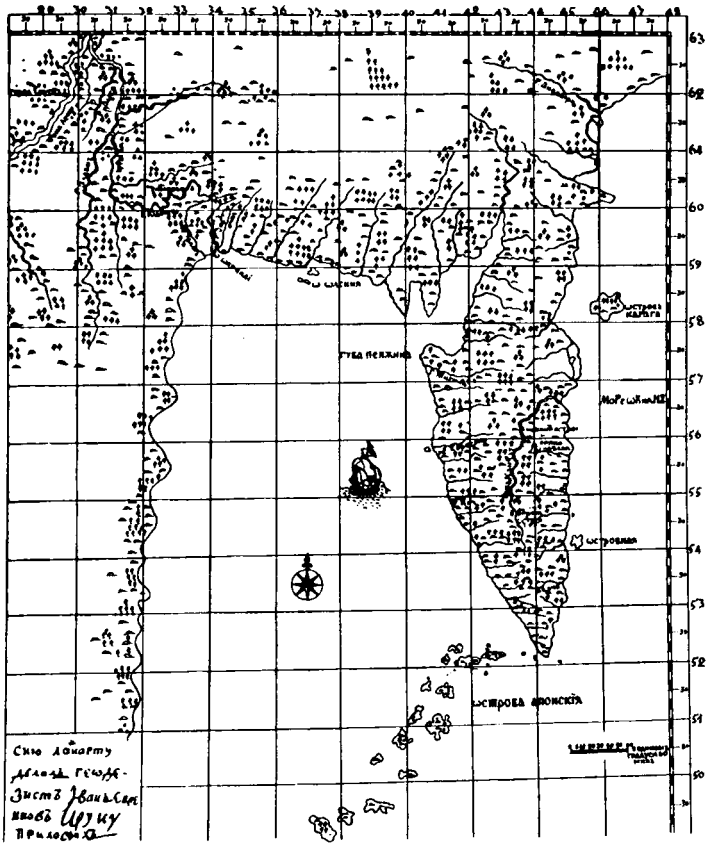
В марте 1727 г. Д. Мессершмидт вернулся в Петербург, закончив семилетнее путешествие, положившее начало планомерному изучению Сибири, он проявил исключительное трудолюбие: путешествуя большей частью один, он собрал крупные ботанико-зоологические, минералогические, этнографические и археологические коллекции (большая их часть погибла во время пожара в здании Академии наук в 1747 г.). В Сибири он первый обнаружил вечную мерзлоту — очень крупное географическое открытие. По данным своих съемок, он установил, что изображения Оби, Ангары, Нижней Тунгуски на прежних картах были далеки от действительности. Результатом путешествия было десятитомное «Обозрение Сибири, или Три таблицы простых царств природы» — латинская рукопись, которая хранится в Академии наук. Хотя это «Обозрение...» не переводилось и не издавалось на русском языке, оно использовалось многими русскими исследователями Сибири разных специальностей.

Евреинов и Лужин на Курильских островах

Когда Петр I узнал, что «морской ход» между Охотском и Камчаткой налажен (см. гл. 6), он решил организовать экспедицию для поисков «соседнего» с полуостровом побережья Северной Америки. Ошибочное представление царя об их близости, очевидно, можно объяснить тем, что он познакомился с картой М. Фриза, открывшего «Землю Компании» (о. Уруп Курильской гряды), принятую им за западный выступ Северо-Американского континента.

В 1719 г. Петр I приказал, чтобы геодезисты *Иван Михайлович Евреинов* и *Федор Федорович Лужин,* обучавшиеся в Морской академии, досрочно сдали экзамены за полный курс обучения, и послал их во главе отряда из 20 человек на Дальний Восток с секретным заданием «...до Камчатки и далее, куда вам указано, и описать тамошние места, где сошлася ли Америка с Азией...». Пересекая Сибирь по маршруту длиной около 6 тыс. км, геодезисты выполнили измерения расстояний и определили координаты 33 пунктов.

В Охотске летом 1720 г. к ним присоединился кормщик *Кондратий Мошков.* В сентябре 1720 г. они на лодии перешли к Камчатке в устье Ичи, а оттуда на юг, к р. Колпаковой, где перезимовали. В мае—июне 1721 г. из Большерецка они плавали на юго-запад и впервые достигли центральной группы Курильских о-вов до Симушира включительно. И. Евреинов и Ф. Лужин нанесли на карту 14 островов, но непрерывного побережья континента не обнаружили. Продолжать работу на север, а также «ост и вест», как того требовала инструкция Петра I, они не смогли: их судно сильно повредила буря. Поэтому они вынуждены были вернуться в Сибирь. Оттуда И. Евреинов отправился в Казань, где в конце 1722 г. представил Петру I отчет и карту Сибири, Камчатки и Курильских о-вов. Это была вторая карта Сибири, базирующаяся на точных — по тому времени — измерениях.



Карта Камчатки и Курильских о-вов И. Евреинова

Первая Камчатская экспедиция Беринга — Чирикова

Почти перед самой смертью, в конце 1724 г., Петр I вспомнил «...то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию... Не будем ли мы в исследованиях такого пути счастливее голландцев и англичан?...». Подчеркнем — именно «исследованиях», а не «отыскании», т. е. открытии: на географических чертежах начала XVIII в. Чукотка показывалась как полуостров. Следовательно, Петр I и его советники знали о существовании пролива между Азией и Америкой. Немедленно он составил приказ об экспедиции, начальником которой был назначен капитан 1-го ранга, позднее — капитан-командор, *Витус Йонссен* (он же *Иван Иванович) Беринг,* выходец из Дании, сорока четырех лет, уже двадцать один год состоявший на русской службе. По секретной инструкции, написанной самим Петром I,

В. Беринг

Беринг должен был «...на Камчатке или в другом... месте сделать один или два бота с палубами»; на этих ботах плыть «возле земли, которая идет на норд [север]... искать, где оная сошлась с Америкой... и самим побывать на берегу... и, поставя на карту, приезжать сюда».

Какую землю, простирающуюся на север, имел в виду Петр I? По Б. П. Полевому, в распоряжении царя была карта «Камчадалии», составленная в 1722 г. нюрнбергским картографом *И. Б. Гоманом* (правильнее *Хоманом)*. На ней близ побережья Камчатки нанесен большой массив суши, протягивающийся в северо-западном направлении. Об этой мифической «Земле Жуана-да-Гамы» и писал Петр I.

Иными словами, Петр I ставил перед экспедицией В. Беринга задачу достичь этой земли, пройти вдоль ее побережья, выяснить, соединяется ли она с Северной Америкой, и проследить побережье материка к югу до владений европейских государств. Официально же основная задача состояла в разрешении географической проблемы, «сошлася ли Америка с Азией», и открытии важной торговой трассы — Северного морского пути.

Первая Камчатская экспедиция вначале насчитывала 34 человека[1]. Из Петербурга, отправившись в дорогу 24 января 1725 г.,— через Сибирь — они два года шли до Охотска на лошадях, пешком, на судах по рекам. Последнюю часть пути (более 500 км) — от устья Юдомы до Охотска — наиболее громоздкие вещи везли на нартах, запряженных людьми. Морозы были жестокие, запасы провизии истощались. Команда мерзла, голодала; люди ели падаль, грызли кожаные вещи. 15 человек умерли в пути, многие дезертировали.

В Охотск передовой отряд во главе с В. Берингом прибыл 1 октября 1726 г. Лишь 6 января 1727 г. туда добралась последняя группа лейтенанта *Мартына Петровича Шпанберга,* выходца из Дании; она пострадала больше других. В Охотске экспедиции разместиться было негде — пришлось строить избы и сараи, чтобы дотянуть до конца зимы.

Во время многотысячеверстного пути через пространства России лейтенант *Алексей Ильич Чириков* определил 28 астрономических

[1] Количество участников, включая солдат, мастеровых и работных людей, достигало временами почти 400 человек.

пунктов, что позволило впервые выявить истинную широтную протяженность Сибири, а следовательно, и северной части Евразии.

В начале сентября 1727 г. на двух небольших судах экспедиция перешла в Большерецк. Оттуда значительную часть груза до начала зимы переправили в Нижнеколымск на ботах (лодках) по рр. Быстрой и Камчатке, а зимой остальное перебросили на собачьих упряжках. Собак отнимали у камчадалов, и многие из них были разорены и обречены на голод.

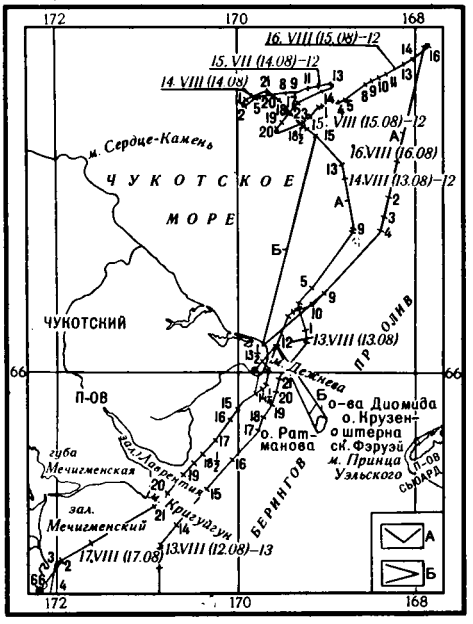
В Нижнекамчатске к лету 1728 г. закончили постройку бота «Св. Гавриил», на котором 14 июля экспедиция вышла в море. Вместо того, чтобы пройти от Камчатки на юг (это направление в инструкции стояло первым) или на восток, В. Беринг направил судно на север вдоль побережья полуострова (неверно — он сам вскоре признал это — поняв мысль Петра), а затем на северо-восток вдоль материка. В результате заснято более 600 км северной половины восточного берега полуострова, выявлены п-ова Камчатский и Озерной, а также Карагинский залив с одноименным островом (на карте экспедиции эти объекты не названы, а их очертания сильно искажены). Моряки положили на карту также 2500 км береговой линии Северо-Восточной Азии. Вдоль большей части побережья они отметили высокие горы, и летом покрытые снегом, подступающие во многих местах прямо к морю и возвышающиеся над ним подобно стене.

У южного берега Чукотского п-ова 31 июля—10 августа они открыли залив Креста (вторично — после К. Иванова), бухту Провидения и о. Св. Лаврентия. В. Беринг не стал высаживаться на острове и не подошел к чукотскому побережью, а двинулся к северо-востоку.

Погода стояла ветреная и туманная. Землю на западе моряки усмотрели лишь днем 12 августа. Вечером следующего дня, когда судно находилось у 65°30′ с. ш., т. е. южнее широты мыса Дежнева (66°05′), В. Беринг, не видя ни американского берега, ни поворота на запад чукотского, вызвал к себе в каюту А. Чирикова и М. Шпанберга. Он приказал им письменно изложить свое мнение о том, можно ли считать доказанным наличие пролива между Азией и Америкой, следует ли двигаться далее к северу и как далеко.

А. Чириков считал, что нельзя достоверно знать, разделяются ли морем Азия от Америки, если не дойти до устья Колымы или до льдов «...что в Северном море всегда ходят». Он советовал идти «подле земли... до мест, показанных в указе» Петра I[1]. Если же берег будет простираться к северу или начнутся противные ветры, то 25 августа искать место лучше всего «против Чукотского Носу, на земле... [где] имеется лес». Иными словами, Чириков советовал двигаться непременно вдоль побережья, если не помешают льды или оно не повернет к западу, а место для зимовки подыскать на

[1] А. Чириков имел в виду ту часть инструкции, где предписывалось пройти до владений европейских государств.



Плавание В. Беринга и А. Чирикова в Чукотском море, 1728 г. (по А. А. Сопоцко). Даты — римскими цифрами — по шканечному журналу, арабскими — по гражданскому календарю. А — линия пути; Б — линия пеленгов.

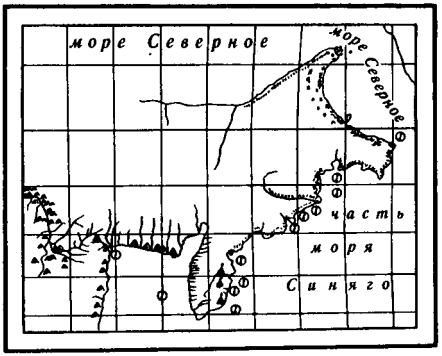
американском берегу, т. е. на Аляске, где, по показаниям чукчей, есть лес и, следовательно, можно заготовить дрова на зиму.

М. Шпанберг предложил из-за позднего времени идти на север до 16 августа, а затем повернуть обратно и зимовать на Камчатке. Беринг решил двигаться далее к северу. Днем 14 августа, когда ненадолго прояснилось, моряки усмотрели на юге землю, очевидно, о. Ратманова, а чуть позже почти на западе — высокие горы (скорее всего мыс Дежнева). 16 августа экспедиция достигла широты 67°18′, а по расчетам *А. А. Сопоцко*,— 67°24′ с. ш. Иными словами, моряки прошли пролив и находились уже в Чукотском море. В Беринговом проливе и (ранее) в Анадырском заливе они выполнили первые измерения глубин — всего 26 промеров. Затем Беринг повернул назад, проявив разумную предусмотрительность. Он официально мотивировал свое решение тем, что сделано все, полагающееся по инструкции, берег далее к северу не простирается, а «к Чукотскому, или Восточному, углу [мысу] земли никакой не подошло». Обратный путь отнял только две недели; по дороге экспедиция открыла в проливе один из островов Диомида.

Еще одну зиму провел Беринг в Нижнекамчатске. Летом 1729 г. он сделал слабую попытку достичь американского берега, но 8 июня, через три дня после выхода в море, пройдя в общем на восток чуть больше 200 км, из-за сильного ветра и тумана приказал вернуться. Вскоре, правда установилась ясная погода, но капитан-командор не изменил своего решения, обогнул с юга Камчатку и 24 июля прибыл в Охотск[1]. Во время этого плавания экспедиция описала южную половину восточного и небольшую часть западного берега полуострова на протяжении более 1000 км между устьями Камчатки и Большой, выявив Камчатский залив и Авачинскую губу. С учетом работ 1728 г. съемка впервые охватила свыше 3,5 тыс. км западного побережья моря, позднее названного Беринговым.

[1] Летом 1977 г. по маршрутам В. Беринга прошли яхты «Родина» и «Россия».

Через семь месяцев Беринг прибыл в Петербург после пятилетнего отсутствия. Он не разрешил основной задачи, но все же завершил открытие северо-восточного побережья Азии. Итоговую карту плавания он составил вместе с А. Чириковым и мичманом *Петром Авраамовичем Чаплиным*. Эта карта, высоко оцененная таким специалистом, как Д. Кук, значительно превосходила своих предшественниц по точности и достоверности изображения побережья в тех случаях, когда судно двигалось близ берега. Конечно, карта имела ряд погрешностей. Камчатка, например, сильно укорочена, очень мал Анадырский залив, неверны очертания Чукотского п-ова. Она «не просто оказала влияние на европейскую картографию, а стала прочной основой изображения северо-востока Азии на всех... западноевропейских картах» *(Е. Г. Кушнарев)*.



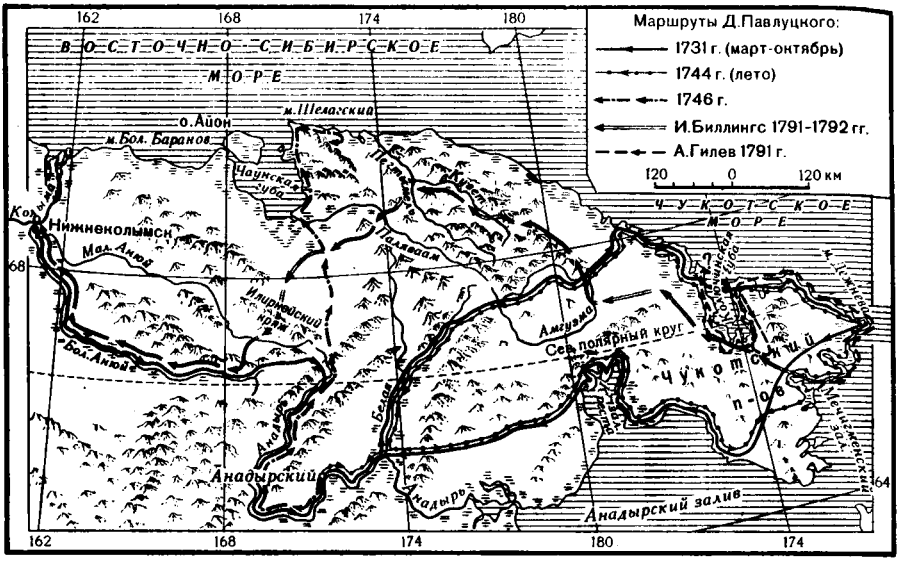
Деталь карты Беринга-Чирикова-Чаплина, 1729 г.

Судовой журнал, который вели А. Чириков и П. Чаплин («Юрнал бытности в Камчатской экспедиции»), представляет собой важный первоисточник по истории первой в России морской научной экспедиции.

Экспедиция Шестакова — Павлуцкого

По решению Сената для «призыва в подданство» коряков и чукчей, обследования и присоединения к русским владениям новых земель в Тихом океане в июне 1727 г. из Петербурга направилась экспедиция, возглавляемая якутским казачьим головой (полковником) *Афанасием Федотовичем Шестаковым*. В Тобольске к нему примкнули геодезист *Михаил Спиридонович Гвоздев*, подштурман *Иван Федоров* и капитан *Дмитрий Иванович Павлуцкий* с отрядом в 400 казаков. Экспедиция прибыла в Охотский острог в 1729 г. Оттуда осенью того же года Шестаков морем перешел в Тауйскую губу и во главе крупной партии (более 100 человек, включая лишь 18 служивых) в конце ноября выступил на северо-восток. Он двигался по южным склонам Колымского нагорья, собирая ясак с еще не попавших под «царскую руку» коряков, и по старой «традиции» брал аманатов. В пути он узнал, что незадолго до прихода русских на жителей, теперь уже подданных русского государя, напали «немирные» чукчи. Шестаков поспешил в погоню и недалеко от устья Пенжины погиб в бою 14 мая 1730 г. По неизведанным местам он прошел более 1000 км.

Участник Великой Северной экспедиции переводчик *Яков Иванович Линденау* в 1742 г. составил карту Северо-Востока Азии и



Походы Д. Павлуцкого, И. Биллингса и А. Гилева (по В. И. Магидовичу)

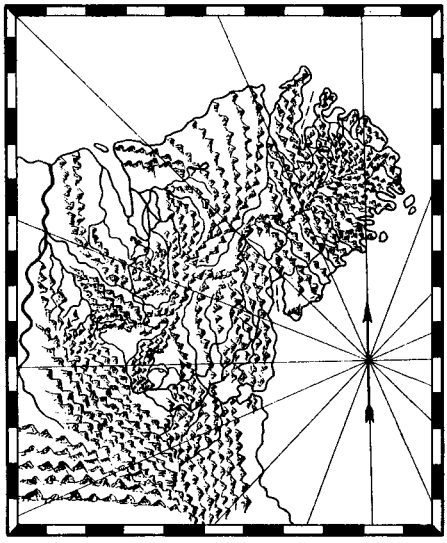
Камчатки. На ней по материалам А. Шестакова, ясачного сборщика *А. Пежемского,* работавшего по поручению Я. Линденау, и собственным данным между Охотским острогом и вершиной Пенжинской губы, т. е. на протяжении более 2000 км он нанес п-ов Тайгонос и около 30 коротких рек, впадающих в Охотское море, а также в р. Пенжину. Отчетливо показан водораздел между ними и бассейном Колымы — Колымское нагорье и горы к юго-западу, расположенные в верховьях Колымы.

Преемником А. Шестакова стал Д. Павлуцкий, совершивший в 1731—1746 гг. во главе военного отряда три похода по Чукотскому нагорью и побережью Северного Ледовитого и Тихого океанов. Первый поход (март—октябрь 1731 г.): из Нижнеколымска через верховья притоков Большого Анюя и Анадыря Д. Павлуцкий прибыл в Анадырский острог. Его отряд численностью 435 человек, включая 215 служивых, прошел оттуда на северо-восток к устью Белой, левому притоку Анадыря. По ее долине Павлуцкий поднялся к истокам (двигались очень медленно — не более 10 км в день) и, перевалив в бассейн порожистой Амгуэмы, в начале мая вышел к побережью Чукотского моря близ 178° з. д. Он планировал обойти весь Чукотский п-ов и повернул на восток вдоль берега. Вскоре он обнаружил небольшую бухту, которую пришлось обходить почему-то ночью, а затем другую, значительно крупнее, с обрывистыми берегами (Колючинская губа) — ее пересекли по льду.

Маршрут по побережью продолжался до начала июня, возможно, до окрестностей мыса Дежнева. К этому времени относится

и первое столкновение с крупным отрядом чукчей, проигравших бой и понесших большие потери.

Д. Павлуцкий оставил морской берег и в течение трех недель шел на юго-запад по безлюдной и безлесной гористой местности. 30 июня неожиданно появился новый, более крупный отряд чукчей. В завязавшемся сражении, потеряв многих воинов, чукчи отступили. От пленных Д. Павлуцкий узнал о местонахождении очень большого стада оленей и захватил до 40 тыс. голов. Без «приключений» он добрался к Анадырскому заливу примерно у 175° з. д. и повернул на запад. Близ гористого мыса в середине июля на русских вновь напали чукчи и снова потерпели поражение.



Эскиз чертежа Чукотского п-ова (составил Т. Перевалов, июнь 1746 г.); на оригинале север находится слева

Отряд Д. Павлуцкого обогнул залив Креста и по северной окраине Анадырской низменности вернулся в Анадырский острог 21 октября, выполнив первое обследование внутренних районов Чукотского п-ова (площадь около 80 тыс. км^2). По возвращении капитан направил тобольскому начальству рапорт, в котором дал весьма нелестную характеристику осмотренной территории: «Чухотия [Чукотский п-ов]... пустая земля; нет ни лесов, ни других угодий, рыбных и звериных промыслов никаких, а довольно [много] каменных гор [Чукотское нагорье] и шерлобов [скал, утесов] да воды, а больше... ничего не имеется...»[1]. Очень уважительно он отозвался о своем противнике: «Чукчи народ сильный, рослый, смелый... крепкого сложения, рассудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана, мстительный, а во время войны, будучи в опасном положении, себя убивают».

После длительного перерыва, летом 1744 г., Д. Павлуцкий совершил второй поход по Чукотке для усмирения чукчей: из Анадырского острога во главе отряда он проследовал через вершину залива Креста на восток — к Мечигменскому заливу, а затем «вокруг» Чукотского п-ова, т. е. по побережью, к Колючинской губе. Домой вернулись старым (1731) путем. Во время походов 1731 и 1744 гг. его отряд впервые выполнил четырехкратное пересечение Чукотского нагорья.

[1] Цит. по статье А. Сгибнева «Экспедиция Шестакова» (Морской сборник, т. 100, № 2, февраль. Спб., 1869).

В 1746 г. Д. Павлуцкий совершил третий поход: он поднялся к истокам Анадыря, перевалил горы (Илирнейский кряж наших карт) и по одной из речек вышел к Чаунской губе. По ее восточному берегу отряд проследовал к Шелагскому мысу: оттуда удалось усмотреть остров (Айон), лежащий у входа в губу. По побережью океана Д. Павлуцкий прошел на восток на некоторое расстояние и повернул назад.

Во всех трех походах принимал участие подпрапорщик *Тимофей Перевалов,* выполнивший с некоторыми перерывами съемку побережья Чукотского п-ова, берегов Чукотского и Восточно-Сибирского морей на протяжении более 1500 км. Он впервые положил на карту Мечигменский залив (губа Теняха), Колючинскую губу (Анахыя), несколько небольших лагун и Чаунскую губу с о. Айон. Существует, правда, мнение, что губа Теняха — это менее крупный залив Лаврентия, расположенный чуть севернее.

На составленном Т. Переваловым чертеже отчетливо вырисовывается гористый полуостров, заканчивающийся Шелагским мысом. Он заполнил горами внутренние районы Чукотки (Чукотское нагорье) и показал р. Анадырь с несколькими левыми притоками, а также много коротких рек бассейнов Тихого и Северного Ледовитого океанов — из наиболее крупных отметим рр. Амгуэму и Паляваам.

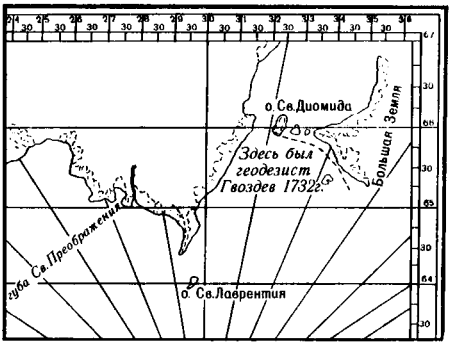
Гвоздев и Федоров — первооткрыватели Северо-Западной Америки

Еще в 1730 г. Д. Павлуцкий послал из Охотска два судна обложить ясаком жителей «Большой Земли», расположенной, как предполагали, к востоку от устья Анадыря. Одно судно разбилось у берегов Камчатки. После двух зимовок на полуострове (в Большерецке и Нижнекамчатске) экспедиция на уцелевшем боте «Св. Гавриил» (на нем в 1728 г. плавал В. Беринг) 23 июля 1732 г. отправилась на обследование «Большой Земли». Руководил походом геодезист М. Гвоздев[1], штурманом был тяжело больной цингой И. Федоров, перенесенный на корабль «против воли». На борту бота находились 39 человек, в том числе мореход К. Мошков, участник плавания И. Евреинова и Ф. Лужина.

15 августа бот вошел в Берингов пролив. Гвоздев высаживался на азиатском берегу пролива и на о-вах Диомида, завершив их открытие. 21 августа «Св. Гавриил» с попутным ветром подошел к «Большой Земле» — мысу Принца Уэльского, северо-западной оконечности Америки. На побережье моряки видели жилые юрты. О дальнейшем маршруте экспедиции имеются разноречивые сведе-

[1] Долгое время считалось, что И. Федоров и М. Гвоздев имели на борту равные права. Это как будто подтверждали и факты — рапорты самого М. Гвоздева. Но в 1980 г. *Л. А. Гольденберг* обнаружил ордер Д. Павлуцкого от 11 февраля 1732 г., по которому единоличным руководителем плавания назначался М. Гвоздев.

ния[1]. Ряд исследователей, ссылаясь на более поздний — от 1 сентября 1743 г. — рапорт М. Гвоздева (И. Федоров умер в феврале 1733 г.), полагают, что 22 августа 1732 г., взяв курс строго на юг от мыса Принца Уэльского, на обратном пути у 65° с. ш. и 168° з. д. «Св. Гавриил» обнаружил маленький клочок суши — о. Кинг (название дано впоследствии Д. Куком), но из-за сильного волнения пристать к берегу не удалось. На Камчатку бот прибыл 28 сентября 1732 г.



Берингов пролив (деталь карты М. Гвоздева и И. Федорова)

Однако показания участника плавания казака *Ивана Скурихина*, записанные, правда, спустя 10 лет после завершения экспедиции, находятся в явном противоречии с вышеприведенной версией. По И. Скурихину, от мыса Принца Уэльского «Св. Гавриил» двигался «подле ту землю [вдоль берега] в левую сторону [на юго-восток]... дней пять, однако ж конца той земли и усмотреть [мы] не могли...». Он сообщил также о лесистых берегах новооткрытой страны — «лес на той земле великой: лиственничник, ельник и тополник, и оленей много» — побережье Берингова пролива безлесно, деревья растут по берегам залива Нортон. Таким образом напрашивается вывод: экспедиция обогнула с юго-запада п-ов Сьюард и вошла в залив Нортон, а уже оттуда двинулась на Камчатку.

Итак, завершили открытие пролива между Азией и Америкой, начатое Поповым и Дежневым, не В. Беринг, чьим именем назван этот пролив, а Гвоздев и Федоров: они осмотрели оба берега пролива, острова, расположенные в нем, и собрали все материалы нужные для того, чтобы положить пролив на карту.

[1] Лагбух, т. е. журнал плавания, и рапорты М. Гвоздева, поданные Д. Павлуцкому по возвращении, не сохранились.

ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. ОТКРЫТИЕ РУССКИМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АМЕРИКИ И СЕВЕРНОГО ПУТИ В ЯПОНИЮ

Организация и задачи экспедиции

Через два месяца после возвращения из экспедиции, в конце апреля 1730 г., В. Беринг составил две докладные записки в Адмиралтейств-коллегию (морское ведомство); в Сенат они были представлены лишь в конце того же года. В первом «Предложении» он, в частности, высказывал уверенность в сравнительной близости Америки от п-ова Камчатка и целесообразности установления торговых контактов с местными жителями; он отмечал необходимость и возможность разрабатывать в Сибири железную руду, сеять хлеб и варить соль. Во второй записке В. Беринг выдвинул план «северные земли... выведывать», т. е. установить, как далеко к северу распространяется Азия, и нанести на карту северное побережье континента. Он предложил также выяснить возможность достижения морским путем устья Амура и Японских о-вов и, наконец, направить суда к берегам Америки. Иными словами, В. Беринг выдвинул план новой большой экспедиции и выразил готовность принять участие в ней.

В 1733 г. правительство поставило В. Беринга во главе Второй Камчатской экспедиции, назначив «ему в товарищи другого капитана, доброго, из русских» — А. И. Чирикова. Они должны были пересечь Сибирь и от Камчатки отправиться для исследования противоположных берегов Северной Америки («обыскание американских берегов от Камчатки»), а М. Шпанберг, положив на карту Курильские о-ва,— плыть к Японии и установить с ней связь («обсервация и изыскание пути до Японии»). Несколько отрядов должны были нанести на карты северные берега России от Печоры до крайнего северо-востока и по возможности до Камчатки («для подыскания известия... имеется ли проход Северным морем»), а Академический отряд — исследовать внутренние районы Сибири. Работу экспедиции предполагалось закончить через шесть лет. Общее начальство над всей экспедицией, величайшей по объему заданий, исследуемой территории и числу участников, возлагалось на В. Беринга. Но фактически, когда он перешел в Охотск, ему были подчинены только два отряда — его и М. Шпанберга. Хотя северные отряды и работали самостоятельно, вся их деятельность контролировалась В. Берингом. Подтверждением того служат не только его

рапорты в Адмиралтейств-коллегию и его детальный отчет о выполненных ими исследованиях, но, главное, переписка с начальниками отрядов.

Академия наук прикомандировала к экспедиции группу научных работников, которую обычно и называют Академическим отрядом Великой Северной экспедиции.

В начале 1734 г. вся экспедиция во главе с В. Берингом собралась в Тобольске. Оттуда он послал несколько сухопутных партий геодезистов для изучения побережья океана, выделив к уже имевшимся двух человек из свиты профессоров, и направился в Якутск, куда добрался в конце октября. Три года В. Берингу пришлось провести там: он организовал строительство железоделательного завода и канатной мастерской, наладил сбор смолы и изготовление такелажа для судов, оказал помощь попавшему в тяжелое положение отряду М. Шпанберга, обеспечил отправку в Охотск снаряжения и продовольствия.

В Якутске в конце концов скопилось до 800 участников разных отрядов — офицеры, иногда с женами и детьми, научные работники, топографы, мастеровые, матросы, солдаты и ссыльные для перевозки грузов. В ответ на настойчивые просьбы В. Беринга о помощи бездействующие местные власти начали писать доносы в столицу и всячески препятствовать заготовке продовольствия и снаряжения. Петербургское же начальство «помогло» по-своему: оно лишило В. Беринга прибавочного жалованья. Но он покинул Якутск, лишь убедившись, что команда вполне обеспечена провизией. В Охотске, куда перешел В. Беринг, за три года ему также пришлось преодолеть немало трудностей и открытую неприязнь коменданта Охотска.

Адмиралтейств-коллегия дошла до высшей точки раздражения: из полученных коллегией рапортов усмотрено только одно, что «леса заготовляются, и суда строются, и паруса шьются...». И начальство указало, что «лесам давно надлежало быть приготовленным, и судам построенным, и парусам сшитым», и потребовало от В. Беринга «в путь свой отправляться без всякого замедления, не утруждая, яко излишними, без всякого действия перепсками».

В начале сентября 1740 г. В. Беринг отплыл из Охотска на Камчатку. На восточном берегу полуострова, у Авачинской губы, в открытой его моряками прекрасной гавани, которую он назвал Петропавловской — по двум судам экспедиции: «Св. Петру» и «Св. Павлу»,— экспедиция перезимовала.

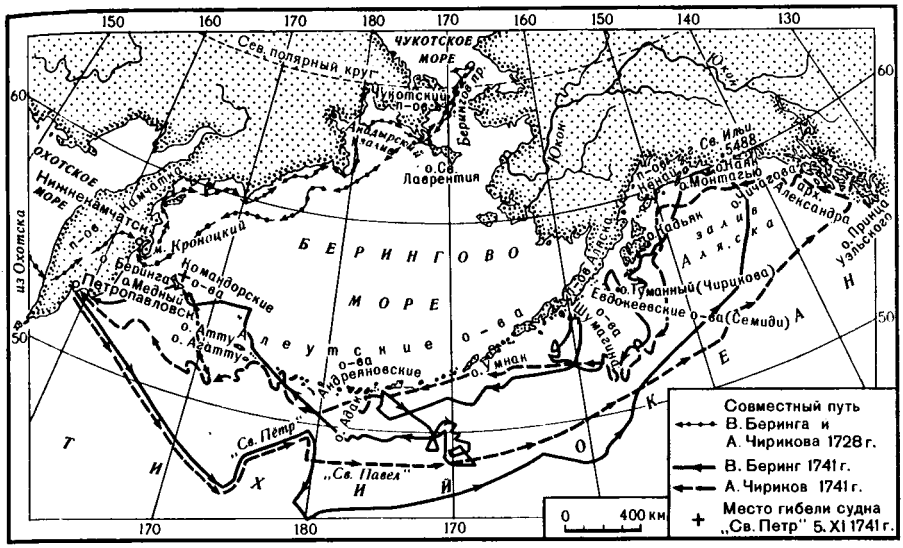
4 июня 1741 г. через восемь лет после отъеза из Петербурга В. Беринг и А. Чириков вышли к берегам Америки. Каждый из них командовал судном водоизмещением около 200 т с экипажем в 75 человек. На корабле В. Беринга «Св. Петр» находился молодой ученый *Георг Вильгельм Стеллер*, прославившийся описанием этого плавания. Помощником В. Беринга был швед *Свен (Ксаверий) Лаврентьевич Ваксель,* также оставивший интересное описание экспедиции.

Плавание Беринга: открытие Северо-Западной Америки, Алеутских и Командорских островов

В. Беринг пошел сначала на юго-восток (к 45° с. ш.) в поисках мифической «Земли Жуана-да-Гама». Эта крупная «земля» помещалась на некоторых картах XVIII в., в том числе на имевшейся в распоряжении В. Беринга, приблизительно между 46—50° с. ш. и 159—173° в. д. «...Кровь закипает во мне всякий раз,— отмечает С. Ваксель,— когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем. По [ее] вине... почти половина нашей команды погибла напрасной смертью». Потеряв напрасно больше недели и убедившись, что даже клочка суши в этой части океана нет, оба судна взяли курс на северо-восток. 20 июня на море пал густой туман, и корабли навсегда разлучились. Три дня «Св. Петр» потратил на поиски, пройдя в общем на юг около 400 км, а затем в одиночестве двинулся на северо-восток.

17 июля 1741 г. на 58°14′ с. ш. «Св. Петр» достиг наконец американского берега и команда увидела вдали величественный снеговой хребет Св. Ильи с одноименной вершиной (гора Св. Ильи, 5488 м,— одна из высших точек Северной Америки). Все поздравляли В. Беринга с великим открытием. Но шестидесятилетний капитан-командор не проявлял никаких признаков радости, завидев берег, к которому его впервые посылал 17 лет назад Петр I. Более того, как сообщает Г. Стеллер, он выглядел угрюмым и печальным. Он не знал точно, где находится, и с тревогой смотрел в будущее; чувствовал он себя плохо — началась цинга. Не решаясь подойти ближе из-за слабого переменного ветра, В. Беринг двинулся на запад вдоль побережья, отметил невдалеке ледник, ныне носящий его имя, через три дня открыл небольшой о. Каяк у 60° с. ш., а чуть севернее — маленькую бухту (Контроллер), образованную узким полуостровом «матерого» берега. Он отправил туда лодку за пресной водой под командой мастера флота (старшего штурмана) *Софрона Федоровича Хитрово* и отпустил на берег Г. Стеллера, правда на короткий срок. Тот позднее жаловался, что на подготовку экспедиции ушло 10 лет, а на исследование ему дали только 10 часов, будто приходили только «для взятия и отвозу из Америки в Азию американской воды». Тяжело больной, капитан-командор сам ни разу не сходил на американский берег. Не наполнив даже всех бочек водой, В. Беринг 21 июля пошел на запад в штормовую, дождливую, пасмурную погоду, дрейфуя к югу, вероятно, недалеко от острова Монтагью (22 июля) и Кадьяк (26 июля), так как со «Св. Петра» видели в тумане высокие берега. На судне уже треть команды была больна цингой, кроме того, не хватало пресной воды.

2 августа был открыт о. Туманный (переименован в конце XVIII в. по предложению *Джорджа Ванкувера* в о. Чирикова),



Плавания В. Беринга и А. Чирикова в 1728 и 1741 гг.

4 августа — Евдокеевские о-ва (иначе, Семиди, близ 56° с. ш.), у берегов п-ова Аляски, где видели снеговые горы. 10 августа, когда уже три недели «Св. Петр» лавировал против сильного встречного ветра и мало продвинулся вперед, а цинга усиливалась, В. Беринг решил идти прямо на Камчатку.

29 августа моряки открыли у юго-западной оконечности Аляски «безлесные и пустынные острова», на одном из которых через два дня похоронили первую жертву экспедиции, матроса *Никиту Шумагина*. Там «Св. Петр» стоял неделю, и за это время русские впервые встретились с местными «американцами» — алеутами, как их через несколько лет начали называть.

От о-вов Шумагина (название дано В. Берингом) с 6 сентября шли все время на запад в открытом море. Иногда на севере появлялась земля, и моряки принимали ее за Америку, так как вдали за островами поднимались горы,— на самом же деле это была Алеутская цепь. 25 сентября видели «островов немалое число» (вероятно, из центральной, Андреяновской группы), 25—29 октября — три острова из западных групп (Крысьих и Ближних). Почти все время была очень бурная погода, корабль носило по волнам, «как колоду». Не хватало воды и провизии. Наконец, 4 ноября, вдали показались высокие горы, покрытые снегом. Моряки решили, что подошли к Камчатке, и, не найдя удобной гавани, стали на якорь на некотором расстоянии от берега, у скал. Дважды рвались якорные канаты. Неожиданно высокая волна перебросила судно через бурун в бухту, сравнительно спокойную и достаточно глубокую. Это было исключительным везением после стольких несчастий, люди поспешили перейти на сушу.

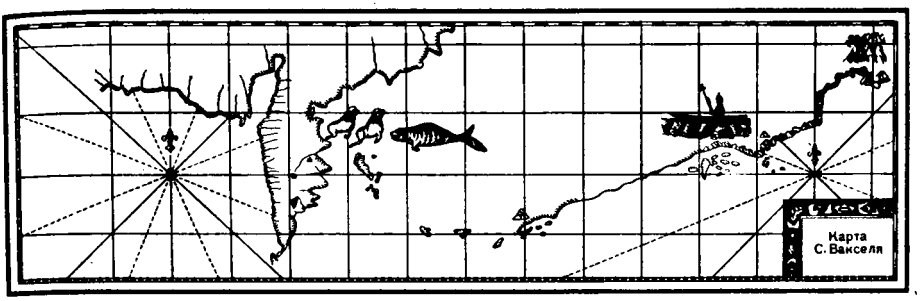
На берегу вырыли в песке шесть прямоугольных ям для жилья и прикрыли их парусами[1]. Когда закончилась перевозка больных и припасов на берег, только 10 моряков еще держались на ногах. 20 человек умерли; остальные болели цингой. Больной В. Беринг целый месяц лежал в землянке, полузасыпанный песком, считая что так теплее. 6 декабря 1741 г. он умер. Земля, к которой прибило его судно, получила позднее его имя — о. Беринга, а всю группу окрестили Командорскими о-вами, в честь погибшего капитан-командора. Море, открытое Ф. Поповым и С. Дежневым, по которому В. Беринг в 1728 г. так мало плавал, было названо Беринговым, пролив, через который не он первый прошел, а те же Ф. Попов и С. Дежнев, нанесенный на карту не им, а М. Гвоздевым и И. Федоровым, наречен по предложению Д. Кука Беринговым проливом. К несчастливому капитан-командору Витусу Берингу, как за 130 лет до него к другому несчастливцу, *Генри Гудзону*, пришла исключительная посмертная слава.

Зимовка на острове Беринга и возвращение на Камчатку

После смерти В. Беринга команду принял Свен Ваксель как старший офицер, но все вопросы решались на общих собраниях. (Он взял с собой в плавание сына *Лоренца — Лаврентия Ксаверьевича Вакселя*, десятилетнего мальчика, благополучно выдержавшего все испытания. Впоследствии Л. Ваксель стал офицером русского флота). Зимой моряки обошли кругом новую землю и убедились, что находятся на острове. На западе обнаружили выброшенный на берег камчатский лес, обломки лодок, саней и т. п. В середине зимы умерли еще 10 человек. 45 оставшихся в живых дотянули до лета 1742 г., преодолев многочисленные трудности и лишения. Зимовка протекала тяжело: часто налетали штормовые ветры, нередко достигавшие ураганной силы, дважды от подземных толчков[2] песок почти полностью засыпал землянки. Недостатка в топливе, правда, не было — волны выбрасывали на берег много леса, однако носить его приходилось на плечах за 10 верст. На острове водилось множество песцов. У берегов незамерзавшего зимой моря плавали так называемые камчатские бобры (морские выдры) и громадные, но безобидные млекопитающие — морские коровы, теперь вымершие; весной появились бесчисленные стада котиков. И команда занималась очень легкой на этом острове охотой, дававшей достаточно мяса, поскольку зверь здесь никогда раньше не видел человека и поэтому не боялся его. Каждый зимовщик получал и хлеб: из спасенных запасов ежедневно выдавалось 250—400 граммов муки.

[1] Летом 1981 г. советская комплексная экспедиция «Беринг-81» выполнила археологические работы на о. Беринга, раскопала землянки и обнаружила много предметов, а также семь пушек со «Св. Петра».

[2] Записи С. Вакселя о землетрясениях на о. Беринга оказались первыми сведениями о сейсмичности островов северной части Тихого океана.



Полуразрушенный корабль «Св. Петр» разобрали. Из его частей в мае 1742 г. начали строить новое, небольшое судно (гукор), также названное «Св. Петром». Среди офицеров и штурманов не нашлось специалиста-судостроителя, а все три корабельных плотника умерли от цинги. За дело взялся красноярский казак *Савва Стародубцев*, бывший простым рабочим во время постройки экспедиционных судов в Охотске, и успешно завершил его, возглавляя бригаду из 20 моряков. С. Ваксель писал, что ему «едва ли удалось бы справиться с делом без его[Стародубцева] помощи». (По представлению С. Вакселя, С. Стародубцев в 1744 г. был награжден званием сына боярского.)

9 августа судно спустили на воду. Длина его (по килю) составляла 11 м, а ширина — 3,7 м. Разместилось на нем 46 человек, конечно, в страшной тесноте. В море вышли 13 августа, увидели через четыре дня Кроноцкий мыс (54°45′ с. ш.), но не решились высадиться там и пошли к Петропавловску (53° с. ш.), причем из-за штиля или противных ветров вынуждены были большей частью идти на веслах и только 26 августа 1742 г. достигли Петропавловска.

Плавание Чирикова — открытие Северо-Западной Америки и Алеутских островов

Потеряв 20 июня из виду судно В. Беринга, А. Чириков на «Св. Павле» пошел на восток. В ночь с 15 на 16 июля, т. е. на полтора дня раньше капитан-командора, он увидел на 55°11′ с. ш. первую американскую землю, горы и лес, спускающийся к морю (о. Принца Уэльского или один из близлежащих островков у 134° з. д.). В поисках удобной гавани он повернул на северо-запад и через три дня, пройдя около 400 км вдоль островов, составляющих архипелаг Александра, нашел подходящее место. На берег (это был о. Чичагова или его мнимый выступ — о. Якоби, у 58° с. ш.) на разведку отправились 11 вооруженных людей, а после недели бесплодного ожидания — еще четверо. Все они пропали без вести. Потеря 15 человек и двух лодок, без которых невозможно обновлять запасы пресной воды, поставили экспедицию в тяжелое

Алеуты (по С. Крашенинникову)

положение, и 25 июля А. Чириков решил возвращаться на Камчатку.

Он продвинулся еще немного к северо-западу и увидел горный хребет (Св. Ильи), а затем повернул на запад, в море. У открытого им 1 августа п-ова Кенай он лег на юго-западный курс. До 3 августа моряки видели высокую землю,— несомненно, о. Кадьяк. Из-за штиля и туманов судно десять недель шло отсюда до Петропавловска. В пути были открыты некоторые Алеутские о-ва, вероятнее всего: 5 сентября Умнак, из группы Лисьих, наиболее близких к п-ову Аляска; 10 сентября — Адах, из центральной группы (здесь моряки со «Св. Павла» впервые встретились с алеутами); 22 сентября — Агатту и Атту, из группы Ближних. 10 октября 1741 г. «Св. Павел» вернулся в Петропавловскую гавань. В пути от цинги умерли шесть человек.

Рапорт А. Чирикова в Адмиралтейств-коллегию от 7 декабря 1741 г. о результатах его плавания является первым в истории описанием северо-западных берегов Америки.

В мае—июне 1742 г. А. Чириков повторил на «Св. Павле» плавание на восток от Камчатки, но дошел только до о. Атту и из-за туманов и противных ветров повернул назад. На обратном пути 22—23 июня он видел о. Беринга, где тогда еще томились люди со «Св. Петра», и открыл к юго-востоку от него о. Медный. Пришел «Св. Павел» в Петропавловск 1 июля. А. Чириков просил Адмиралтейств-коллегию отозвать его из Сибири, но это было сделано только в 1746 г. А через два года он умер в Петербурге (ноябрь 1748 г.).

Отряд Шпанберга и открытие северного пути в Японию

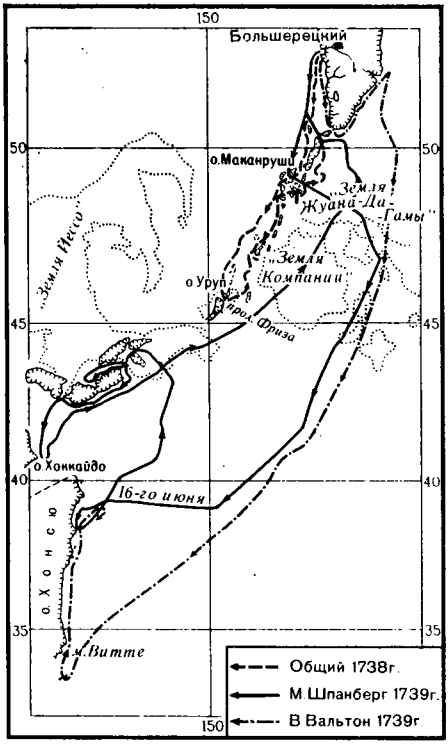
Для отряда М. Шпанберга в Охотске построили два судна и отремонтировали третье. Одним кораблем командовал сам М. Шпанберг, другим — выходец из Англии, *Вилим Вальтон*, третьим — *Алексей Елизарович Шельтинг*. В конце июня 1738 г. флотилия перешла из Охотска в Большерецк, а 15 июля направилась оттуда на юг. Через четыре дня в густом тумане отстал А. Шельтинг (на следующий день он повернул обратно); еще через пять дней отстал и В. Вальтон; М. Шпанберг один продолжал путь вдоль Курильской гряды. Обходя ее, он дошел до пролива Фриза и обогнул о. Уруп, приняв его за группу островов. М. Шпанберг побоялся один идти дальше, к Японии, и 17 августа вернулся в Большерецк (позднее он ссылался на недостаток провизии).

В. Вальтон, разлучившись с М. Шпанбергом, достиг восточного выступа Хоккайдо (п-ова Немуро, 43°20′ с. ш.), нанес на карту 26 островов и 27 августа вернулся к устью р. Большой. Во время зимовки в Большерецке моряки построили из березы восемнадцативесельный шлюп. 21 мая 1739 г. четыре судна отряда М. Шпанберга вышли из устья р. Большой. От о. Маканруши (один из северных Курильских о-вов, близ 50° с. ш., 154° в. д.) они двинулись прямо на юг до 42° с. ш. на поиски «Земли Жуана-да-Гамы». Не найдя ее, М. Шпанберг взял курс на юго-запад. На широте 39°30′ В. Вальтон опять отстал. Остальные три корабля 16 июня на 39° с. ш. подошли к о. Хонсю и шесть дней следовали на юг вдоль его восточного берега. По-видимому, они остановились в районе залива Сендай (между 38 и 38°15′ с. ш.). Японцы, по их донесениям, 17—21 июня 1739 г. видели там два-три неизвестных судна. Жители встретили русских далеко не враждебно. Но М. Шпанберг не решился высадиться на берег, не запасся даже свежей провизией, хотя у него на борту были больные цингой, и 23 июня снялся с якоря. На обратном пути он обогнул южные Курильские о-ва и подошел к о. Хоккайдо, но не высаживался на берег. Так М. Шпанберг и вернулся на Камчатку, не завязав сношений с японцами, т. е. не выполнив задания.

В. Вальтон и на этот раз отличился: он прошел до юго-восточного выступа Хонсю и выслал на берег за водой восемь человек. Японцы помогли им набрать воду. Оттуда В. Вальтон прошел на юг, мимо каких-то цветущих берегов, и на 33°28′ с. ш. бросил якорь у маленького острова (вероятно, из группы Идзуситито), где простоял день. В июле он вернулся в Охотское море.

Осенью 1741 г. А. Шельтинг вместе с геодезистом М. Гвоздевым на дубель-шлюпке[1] «Надежда» проследил западное побережье Охотского моря до устья Уды, а затем в поисках удобной якорной стоян-

[1] Дубель-шлюпка — военное парусно-гребное судно, имевшее две мачты, вооруженное несколькими малокалиберными пушками.



Пути М. Шпанберга и В. Вальтона в 1738—1739 гг. (по М. Шпанбергу)

ки осмотрел Шантарские о-ва. В августе 1742 г. А. Шельтинг, исследуя южную часть Охотского моря, подошел у 50°10′ с. ш. к восточному берегу Сахалина, принятому им по карте Фриза за Землю Йессо. Он спустился сначала на юг до широты пролива Лаперуза и, как и Фриз, не заметил его в тумане. Отсюда «Надежда» двинулась на восток, в напрасных поисках хотя бы клочка суши прошла 2000 км и повернула назад. На пути в Охотск (куда судно прибыло 10 сентября) А. Шельтинг проследовал вдоль всего восточного (более 600 км) берега Сахалина, тогда еще совершенно неизвестного. И вновь туманы мешали морякам видеть побережье, поэтому съемка, выполненная М. Гвоздевым, малоудовлетворительна.

М. Шпанберг оказался плохим руководителем исследовательской экспедиции, проявил за эти годы «чрезмерную осторожность», граничащую с трусостью, подозрительность, сварливость и зависть к более удачливым офицерам. И все-таки его отряд добился крупных географических результатов: был открыт путь от Камчатки к Японии; нанесена на карту, хотя и очень неточную, а местами невéрную, вся «гирлянда» Курильских о-вов от Камчатского Носа до Хоккайдо, западные участки побережья Охотского моря, включая восточный берег Сахалина (показанный, кстати, как остров, а не как полуостров Азии) и часть Северной Японии; доказано, что к востоку от Японских о-вов никакой суши не существует. Эти достижения были использованы уже при составлении восточной части «Генеральной карты Российской империи», изданной Академией наук в 1745 г.

Хметевский: опись Охотского моря

Участник Великой Северной экспедиции мичман *Василий Андреевич Хметевский* в 1743—1744 гг. выполнил первое детальное описание части северного берега Охотского моря. Вместе с помощником *Андреем Шагановым* он начал съемку 28 июня 1743 г. из

Охотска. Почти за два месяца «без проронку», т. е. пропусков, они прошли на боте[1], следуя всем крупным изгибам до устья р. Туманы, впадающей в Гижигинскую губу (у 156° в. д.). 25 августа из-за противных ветров пришлось приостановить работы и бросить якорь, а на следующий день разразился шторм, нанесший значительные повреждения судну. Только 2 сентября удалось продолжить съемку до устья р. Вилиги (у 157° в. д.). Нехватка провианта и сильные ветры вынудили В. Хметевского закончить опись. Бот двинулся на юго-восток, пересек залив Шелихова и после четырехдневного перехода коснулся побережья п-ова Камчатка близ 59° с. ш. Но никто из мореходов не мог сказать, где они находятся. В. Хметевский двинулся вдоль берега на юго-запад и лишь 12 сентября, пройдя более 400 км до устья р. Морошечной, наконец, определился.

Судно стало на зимовку немного севернее — в устье р. Хайрюзова (у 57° с. ш.). Зимой В. Хметевский составил карту заснятой части северного побережья (более 1500 км). Летом 1744 г. он и геодезист *Михаил Васильевич Неводчиков*, участник плавания М. Шпанберга в Японию, присланный вместо умершего А. Шаганова, провели съемку побережья Камчатки от пункта зимовки до Большерецка (600 км.).

Завершить исследование оставшихся неописанными Гижигинской и Пенжинской губ В. Хметевскому удалось лишь через 18 лет: осенью 1753 г., командуя пакетботом, он потерпел крушение у одного из Курильских о-вов и до 1761 г. находился под следствием. В два «приема» с отдыхом на р. Тигиль (17 марта — 5 апреля и 10 июня — 20 июля 1761 г.), на бригантине он и его помощник *Иван Андреевич Балакирев* засняли около 2 тыс. км побережья, общая протяженность съемки достигла 4,1 тыс. км. Составленная В. Хметевским карта, конечно, отличавшаяся от современных нам карт, все же довольно верно передавала конфигурацию северной, наиболее изрезанной, части Охотского моря — Гижигинской и Пенжинской губ. На ней выявлены относительно правильные контуры Тауйской губы, п-овов Кони и Пьягина[2], а также Ямской губы.

Первые исследователи Приамурья

Еще в 1734 г. В. Беринг поручил двум геодизистам — П. Н. Скобельцыну и В. Шетилову, несколько лет проработавшим в Забайкалье, отыскать более короткий, чем якутский, путь к Охотскому морю. Он должен был отвечать также другому требованию — не проходить по р. Амуру. Исходным пунктом путешествия геодезисты выбрали Нерчинск.

Попытка найти проводников в 1734 г. потерпела неудачу: местные жители, промышлявшие в тайге, не пользовались сухим путем, предпочитая двигаться по воде. Они выбирали какой-нибудь левый

[1] Бот — одномачтовое парусно-гребное судно.

[2] Эти полуострова получили названия лишь во второй половине XIX в.

приток р. Шилки и по нему поднимались в верховья, а затем возвращались той же дорогой.

Летом следующего года во главе партии, включавшей нескольких казаков и переводчиков, с проводниками, уверявшими, что знают, как выйти на р. Уду, П. Скобельцын и В. Шетилов сплыли по р. Шилке до устья р. Горбицы, ее небольшого левого притока (у 119° в. д.). Здесь они пересели на лошадей и медленно двинулись на восток через горную лиственничную тайгу, обходя болота и переправляясь через верховья многочисленных притоков Шилки и верхнего Амура.

Наступила зима — пришлось потерять несколько недель, чтобы сделать нарты и лыжи для продолжения путешествия на восток. Вскоре, правда, выяснилось, что проводники не знают дороги; стала ощущаться нехватка продуктов, ослабела дисциплина. И без того малочисленный отряд начал таять — несколько человек дезертировало.

После тяжелой зимовки где-то в верховьях р. Большого Ольдоя, притока верхнего Амура (у 123° в. д.), геодезисты решили завершить работы. Они перевалили в верховья р. Нюкжи и со съемкой спустились по ней и по р. Олёкме на р. Лену. В Якутск они добрались в начале июня 1736 г. и представили карты большей части течения р. Нюкжи и нижней Олёкмы.

По приказу В. Беринга геодезистам пришлось повторить поиски дороги на р. Уду. Через Иркутск они прибыли в Нерчинск и в начале июня 1737 г. во главе более крупного отряда снова направились на восток. На этот раз им удалось достичь верхнего Гилюя. По ноябрьскому снегу на нартах и лыжах они проследили его до впадения в р. Зею и, несомненно, видели хребет Тукурингра, сопровождающий правый берег реки. Целый месяц отряд поднимался по Зее, пока не иссякли запасы продовольствия. К тому же проводники не смогли указать дороги на р. Уду. Пришлось поворачивать назад. Через увалы и холмы в северо-западной части Амурско-Зейского плато геодезисты достигли р. Амура у 124° в. д. и вернулись в Нерчинск в конце декабря.

П. Скобельцын и В. Шетилов не выполнили приказа В. Беринга, но первые пересекли в широтном направлении приамурскую тайгу и «каменные россыпи» южных склонов гор, входящих, как мы теперь знаем, в системы Олёкминского Становика и Станового хребта. По их подсчетам, протяженность маршрута по этой совершенно неисследованной и безлюдной местности с учетом блужданий из-за отсутствия хороших проводников составила 1400 км.

Задача, поставленная В. Берингом, была решена только через 114 лет: от р. Горбицы до р. Уды в 1851 г. прошел топограф *В. Е. Карликов.*

ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. РАБОТА СЕВЕРНЫХ ОТРЯДОВ

«Для подыскания известия... имеется ли проход Северным морем», были организованы четыре отряда, получившие отдельные участки северного побережья Азии. Их общая задача заключалась в описи берегов Ледовитого океана от Печорского до Чукотского морей и проверка на практике возможности плавания вдоль берегов Сибири.

Первый отряд: путь вокруг полуострова Ямал

Западный отряд должен был пройти по двум трудным для судоходства участкам: проливу Югорский Шар (69°42′ с. ш.) — между материком и о. Вайгач — и проливу у 73° с. ш., тогда еще безымянному,— между п-овом Ямал и о. Белым. Отряд получил в Архангельске два новых коча (беломорское плоскодонное судно); одним командовал *Степан Воинович Муравьев* (он же — начальник отряда), вторым — *Михаил Степанович Павлов;* экипаж обоих кочей состоял из 51 человека. В конце июля 1734 г. оба судна прошли через Югорский Шар в юго-западную часть Карского моря, в то лето совершенно свободную ото льда, пересекли Байдарацкую губу и поднялись вдоль западного берега Ямала, что по-ненецки означает «край земли», до 72°35′ с. ш. 18 августа Муравьев приказал повернуть обратно. Зимовали моряки в устье Печоры, близ Пустозерска. Во время плавания и зимой «почитай все, хотя несколько времени, пребывали тяжкими, головными, грудными и цинготными болезнями, паче горячками, больны»,— писал С. Муравьев.

Летом 1735 г. С. Муравьев и М. Павлов повторили попытку. 18 августа они разлучились у северо-западного берега Ямала, затем С. Муравьев достиг 73°11′ с. ш., а М. Павлов — 73°04′ с. ш. Оба шли, следовательно, уже вдоль западного берега о. Белого и не заметили в тумане входа в пролив (73° с. ш.) между ним и Ямалом, хотя посланные заранее (зимой) на север казаки зажгли костры у западного входа в пролив и видели суда. Море опять было свободно ото льда, и все-таки оба 23 августа повернули обратно и опять

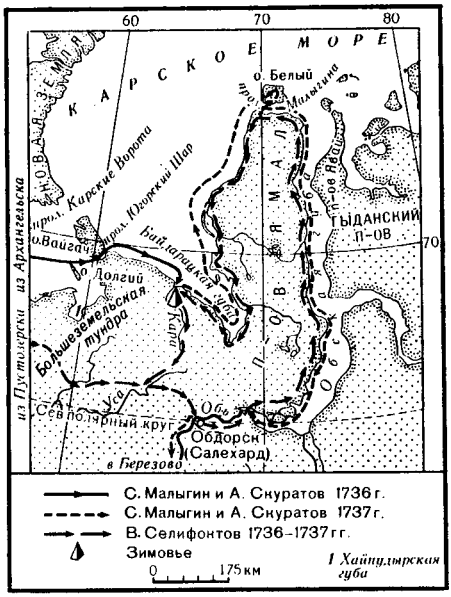
прошли мимо пролива. 9 сентября близ устья Печоры суда соединились, а через две недели остановились на зимовку. С. Муравьев и М. Павлов постоянно ссорились друг с другом, «сильно докучали» местным жителям и скверно обращались с подчиненными. На них поступило много жалоб и доносов, оба были отданы под суд и разжалованы в матросы «за многие непорядочные, леностные и глупые поступки».

Начальником западного отряда назначили *Степана Гавриловича Малыгина*, человека решительного, крутого и жестокого, но искусного и сведущего моряка, ученого-навигатора. Его помощники — лейтенанты *Алексей Иванович Скуратов* и *Иван Михайлович Сухотин*, командуя двумя только что построенными ботами, вышли из Архангельска на восток 22 июня 1736 г. У о. Колгуев сильные встречные ветры на целый месяц преградили им путь. Вынужденную стоянку моряки использовали для съемки острова и лишь 6 августа двинулись дальше. Через два дня они прибыли к о. Долгому, лежащему у входа в Хайпудырскую губу, и доставили суда в распоряжение Малыгина, командовавшего кочем «Обь». Затем флотилия проследовала к проливу Югорский Шар. Выяснив, что для дальнейшего плавания коч не пригоден, Малыгин приказал И. Сухотину вернуться в Архангельск на «Оби», находившейся в аварийном состоянии. 19 августа тот двинулся в обратный путь и выполнил опись побережья Баренцева и Белого морей на протяжении около 2,5 тыс. км от Югорского Шара до Архангельска. На карте, составленной им по материалам съемки, нанесены п-ов Канин, о. Колгуев, отмечены мели и указаны глубины.

Тем временем Малыгин и Скуратов в тяжелой ледовой обстановке (как мы теперь знаем, XVIII в. вообще отличался очень суровыми климатическими условиями) в начале сентября провели боты через Югорский Шар, достигли побережья Ямала и сделали попытку продвинуться к северу. Но льды вынудили их отступить, и 18 сентября суда стали на зимовку в устье р. Кары. 7 ноября 1736 г. к зимовщикам присоединился геодезист *Василий Михайлович Селифонтов*. Еще весной 1736 г. он проделал на оленях маршрут от устья Печоры через Большеземельскую тундру к устью Оби. Летом он описал восточный берег Ямала, поставил на северном участке несколько маяков и на карбасе осмотрел часть южного побережья о. Белого, а затем прошел вдоль северного и северо-западного берега Ямала, расставил и там маяки до 72°35′ с. ш., т. е. до пункта достигнутого Муравьевым. Повернув на юг, Селифонтов проследил всю западную береговую линию полуострова, а также побережье Байдарацкой губы до устья Кары, выполнив съемку побережья протяженностью 1800 км. Он стал первым исследователем Ямала (площадь около 122 тыс. км^2): в его журнале дано описание не только прибрежных, но и внутренних районов полуострова.

Выйти в море удалось лишь 6 июля 1737 г. Через 17 дней оба бота вошли в пролив Малыгина между Ямалом и о. Белым, ориентируясь по маякам В. Селифонтова. На плавание мелководным проливом длиной 63 км Малыгин и Скуратов затратили 19 дней. Кроме

мелей, движению мешали сильные противные ветры и льды, поэтому только 12 августа удалось обогнуть Ямал. По Обской губе суда двинулись на юг уже с попутным ветром, но прибыли в Березов, на р. Оби, лишь 3 октября. В Петербург Малыгин вернулся весной 1738 г. Скуратов же в начале июля 1739 г. на двух ботах (вторым командовал штурман *Марк Головин)* направился на запад, проделав морем тот же путь в Архангельск в обратном направлении с зимовкой на р. Каре, причем заснял участок побережья между р. Карой и восточным входом в Югорский Шар. Возвратившись в сентябре 1740 г. в Петербург, он и Малыгин составили первую сравнительно точную карту берегов Баренцева и Карского морей между Архангельском и устьем Оби протяженностью чуть более 4000 км. Впервые на этой карте появляется название «Карское море», данное в память об их зимовках на р. Каре, и изображен п-ов Ямал, об истинных размерах и форме которого до тех пор данных не имелось.



Пути отряда С. Малыгина в 1736—1737 гг.

Второй отряд: путь от Оби к Енисею и к полуострову Таймыр

У второго отряда экспедиции, первоочередная задача которого состояла в описи побережья между устьями Оби и Енисея, было два трудных для судоходства участка: к северу от Явая (73° с. ш.), длинного и узкого северо-западного выступа Гыданского п-ова, и у входа в Енисейский залив — через проливы между островами, тогда совершенно неизученные. Начальником отряда в 1733 г. был назначен *Дмитрий Леонтьевич Овцын.* Летом 1734 г. он спустился от Тобольска на дубель-шлюпке «Тобол» вниз по Иртышу и Оби и обследовал Обскую губу до 70°04′ с. ш. Здесь разразился сильный шторм, и поврежденное судно с трудом удалось довести до устья Оби. Для зимовки команды выбрали Обдорск (ныне Салехард), а сам Овцын с офицерами зимовал в Березове, где познакомился со ссыльной семьей князя А. Долгорукого. Летом 1735 г. Овцын достиг только 68°40′ с. ш., но из-за цинги среди команды (болел и он сам) решил вернуться.

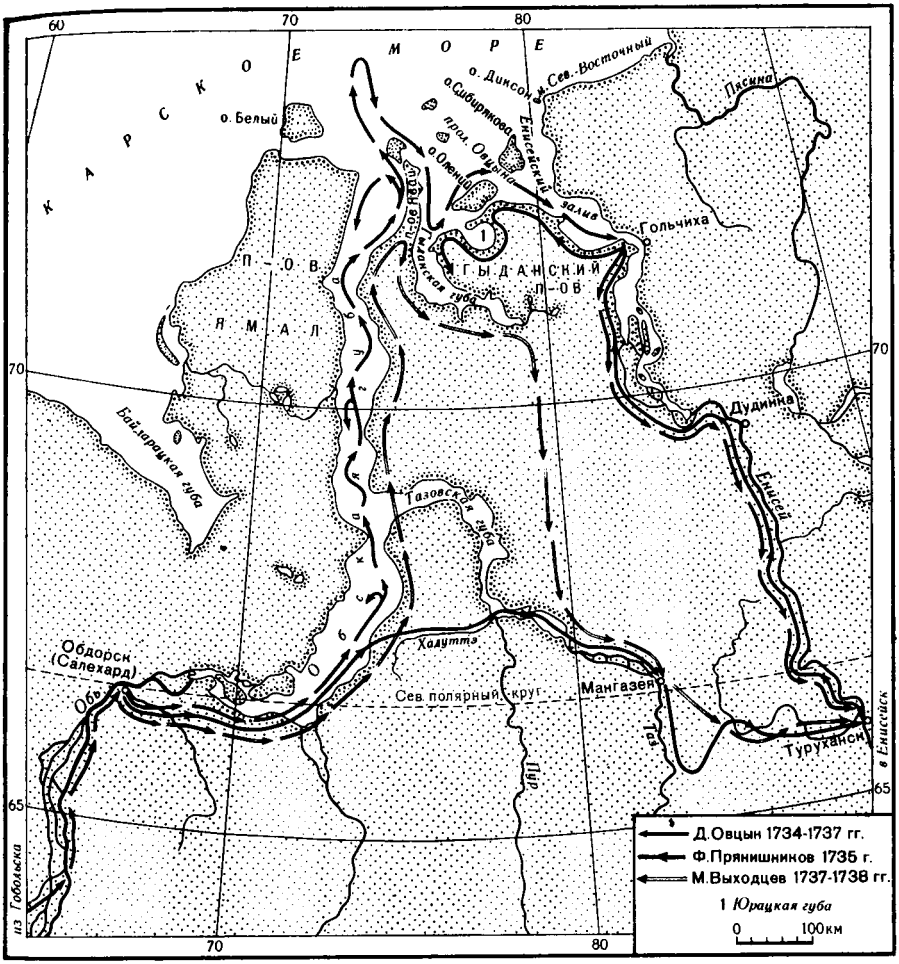
Д. Овцын

Тогда же из Обдорска сухим путем он направил на восток отряд из 13 казаков под командой «ученика геодезии» *Федора Степановича Прянишникова,* поручив ему разведать старую мангазейскую дорогу на Енисей. Отряд проследовал вдоль южного и юго-восточного берега Обской губы примерно до 75° в. д. и по небольшой р. Хадуттэ[1] добрался до вершины Тазовской губы. Оттуда он поднялся по р. Таз до зимовья, на месте которого ранее находилась Мангазея, через небольшие водораздельные высоты перевалил в бассейн р. Туруханн и осенью 1735 г. прибыл в Туруханск. Во время этого более чем тысячекилометрового маршрута Прянишников вел съемку, около 200 лет остававшуюся единственной: по М. И. Белову, в 20-х гг. нашего века она легла в основу карты Тазовской губы. Журнал Прянишникова, первого исследователя территории, прилегающей к Обской губе, содержит характеристику природы и животного мира крупного региона.

Овцын не добился успеха и в 1736 г., когда близко подходил к оконечности п-ова Явай, дойдя до 72°40′ с. ш. Зимой 1737 г. он вновь направил Ф. Прянишникова в пеший маршрут на север от Туруханска. Тот прошел по левому берегу Енисея до устья и выполнил съемку побережья Енисейского залива и Юрацкой губы на протяжении 500 км. Навстречу Прянишникову из Салехарда 21 июля 1737 г. выступил геодезист *Михаил Григорьевич Выходцев* во главе другого отряда. Ему удалось положить на карту почти все восточное побережье Обской губы. Отряд двигался в основном на оленях, по необходимости используя лодки (например, при формировании Тазовской губы). Из-за позднего времени года Выходцев смог заснять лишь часть западного берега Гыданского п-ова. Затем он повернул на восток и впервые описал южное побережье Гыданской губы. Отказ проводников от дальнейшей работы вынудил его двинуться на юг через центр Гыдана. В конце 1737 г. он вышел к р. Таз, а 14 февраля 1738 г. прибыл в Туруханск. Итогом исследований Ф. Прянишникова и М. Выходцева явилась первая, конечно несовершенная, карта Гыданского п-ова (около 150 тыс. км^2), опирающаяся на результаты инструментальной съемки.

Д. Овцын ожидал прибытия судов из Тобольска, где находился «Тобол» и строился бот (одномачтовое судно) «Оби-Почталион».

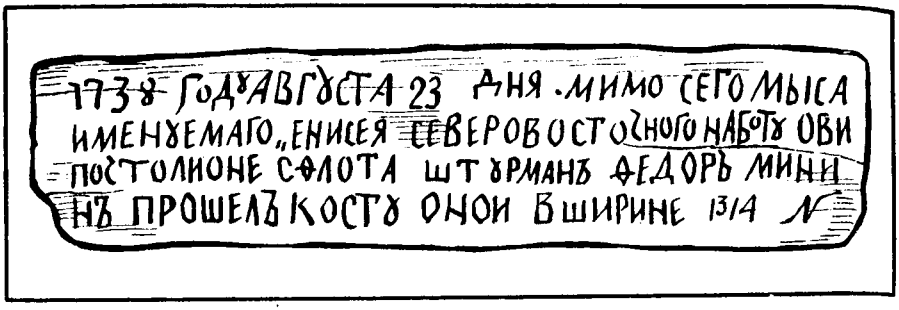
[1] Впадает в вершину Тазовской губы чуть западнее устья р. Пур.



Пути отряда Д. Овцына в 1734, 1736 и 1737 гг.

В начале июня 1737 г. в Обдорск их привел старший штурман *Иван Никитич Кошелев*. Д. Овцын назначил его командиром «Тобола», а сам перешел на новый бот. Оба судна прошли всю Обскую губу, в конце августа достигли в Карском море 74°02′ с. ш. и повернули на юго-восток. Обогнув Гыданский п-ов, они вошли в Енисейский залив проливом Овцына — между о-вами Оленьим и Сибирякова — и прибыли к устью Енисея. Зимовали они в низовьях реки. Весной 1738 г., когда Енисей вскрылся, Овцын на «Тоболе» поднялся до Енисейска и отправился оттуда сушей в Петербург с докладом о своем успехе — вторичном открытии морского пути с Оби на Енисей.

По дороге, в Тобольске, Овцына арестовали — по доносу — за связь с ссыльными Долгоруковыми, разжаловали в матросы и под



Доска, поставленная Ф. Мининым

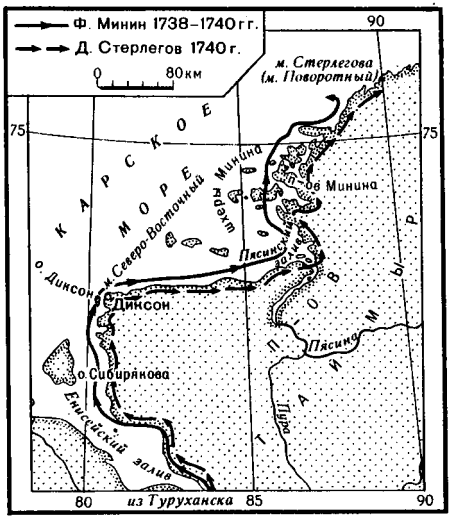
конвоем направили в Охотск в распоряжение В. Беринга. В 1741 г. в качестве адъютанта капитан-командора он плавал на «Св. Петре» к Америке и зимовал на о. Беринга. По возвращении в Петропавловскую гавань Д. Овцын узнал, что по ходатайству В. Беринга восстановлен в офицерском звании. И. Кошелев, оставленный за командира «Тобола», в 1739 г. представил в Адмиралтейств-коллегию «Краткое описание против зее [море] карт от города Тобольска реками Иртышом, Обью, Обским проливом и Северным морем-окияном и рекою Енисеем...». В этом труде он свел результаты работ отряда Д. Овцына за 1734—1737 гг.

После ареста Д. Овцына начальником отряда стал штурман *Федор Алексеевич Минин.* В 1738—1740 гг. на боте «Оби-Почталион» он трижды пытался выйти из устья Енисея и обогнуть с севера Таймыр: эту задачу, не предусмотренную инструкцией, дал ему Д. Овцын. Летом 1738 г. Ф. Минин проследил и нанес на карту весь восточный берег Енисейского залива и 18 августа обнаружил несколько прибрежных островов и мыс (Северо-Восточный), от которого земля повернула к востоку. Продвинуться дальше в этом направлении бот не смог из-за ледяных полей и начавшихся морозов, и Минин решил возвращаться, несколько дней простояв в удобной гавани чуть южнее мыса[1].

Лето 1739 г. пропало не по вине Ф. Минина — поздно подвезли снаряжение и провиант, поэтому в плавание удалось выйти лишь 31 июля 1740 г. Тяжелая ледовая обстановка в Енисейском заливе вынудила остаться еще на одну зимовку. В середине января 1741 г. он направил своего помощника, штурмана *Дмитрия Васильевича Стерлегова,* в поход на север. В марте—апреле, двигаясь на собачьих упряжках, тот произвел опись побережья Карского моря от мыса Северо-Восточного до 75°29′ с. ш., т. е. до мыса Приметного, на протяжении 500 км. Из-за снежной слепоты штурман вынужден был повернуть обратно 14 апреля, а через полмесяца добрался к устью

[1] Ныне здесь функционирует порт Диксон — важный пункт Северного морского пути. Открытие этой удобной гавани часто неверно приписывают *А. Норденшельду.*

речки, впадающей в Енисей близ 72° с. ш., где, по договоренности с Мининым, стал дожидаться прибытия бота. Минин вышел в плавание лишь 3 июля и вместе с захваченным по пути отрядом Стерлегова достиг пункта у 75°15′ с. ш., открыв за устьем Пясины группу островов (шхеры Минина) и выявив Пясинский залив. Сплошные льды заставили бот отступить и вернуться в Туруханск.



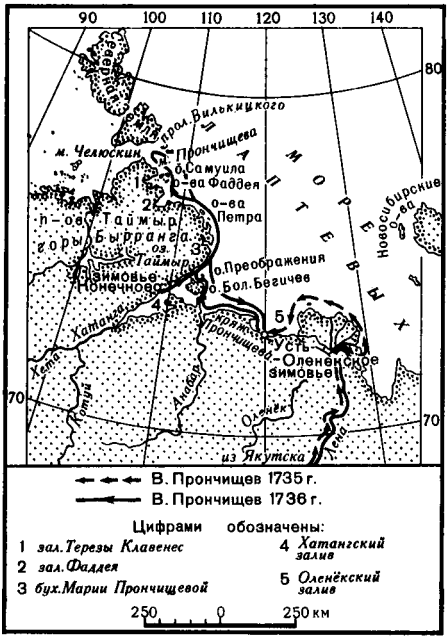
Пути Ф. Минина и Д. Стерлегова в 1738—1740 гг.

На составленной Мининым и Стерлеговым карте впервые нанесены около 1 тыс. км побережья Таймырского п-ова и многочисленные мелкие прибрежные острова, в том числе о. Диксон. Но в Адмиралтействколлегии Минину и Стерлегову просто не поверили — азиатский материк не может-де заходить так далеко к северу и на карте Морской академии (1741) вместо крупного выступа континента показана сравнительно ровная линия побережья.

Третий отряд: берега Таймыра и мыс Челюскин

Третий отряд экспедиции должен был описать побережье на запад от устья Лены. Основная трудность состояла в том, что за устьем Хатанги берег Таймыра уходил далеко на север — не к самому ли полюсу? Начальник отряда *Василий Васильевич Прончищев*, который взял с собой из Якутска в экспедицию молодую жену, 7 августа 1735 г. на дубель-шлюпке «Якутск» вышел в море, но уже в конце месяца, дойдя только до устья Оленека, остановился на зимовку: в судне открылась течь и ударили сильные морозы. Весной 1736 г. он заболел цингой, но все-таки 3 августа вышел в море и продвинулся вдоль берега на запад к устью Анабара; он дал краткую характеристику возвышенности (до 315 м), протягивающейся между устьями Оленька и Анабара (теперь кряж Прончищева, длина 180 км). После съемки лимана Анабара Прончищев повернул на север, принял о. Большой Бегичев за устье реки, но усмотрел остров (о. Преображения, названный так ровно год спустя, 14 августа 1739 г., *Х. П. Лаптевым*).

«Якутск» шел вдоль восточных и северо-восточных берегов Таймыра при попутном ветре и довольно хорошей погоде, открыл 16 ав-



Пути В. Прончищева в 1735 и 1736 гг.

густа небольшую бухту[1] и несколько островов, в том числе о-ва Петра, а на второй и третий день — большой залив (Фаддея), где стояли неподвижные льды, и о-ва Фаддея и Самуила (с 1935 г. о-ва Комсомольской Правды). Западнее их Прончищев увидел залив (Терезы Клавенес), ошибочно принятый им за устье р. Таймыры, а к югу в отдалении на материке отметил горы — восточное окончание гор Бырранга. Погода стала портиться, видимость ухудшилась из-за наступавшего с востока тумана. Но моряки продолжали медленное движение к северу, держась чуть восточнее кромки льдов и производя промеры глубин. Вскоре они потеряли из виду берег, на западе появились почти сплошные льды с редкими разводьями, глубины возросли. В момент кратковременного прояснения удалось определиться: «Якутск» находился на 77°29′ с. ш. Лавируя во льдах, судно прошло на север еще некоторое расстояние — советские историко-географы доказали, что 20 августа Прончищев достиг 77°50′ или даже 77°55′ с. ш., т. е. продвинулся севернее мыса Челюскин к восточному входу в пролив Вилькицкого. За время работы Великой Северной экспедиции в арктических морях только «Якутску» удалось проникнуть так далеко на север по чистой воде. Пасмурная погода помешала морякам увидеть архипелаг Северная Земля и самый северный мыс Евразии.

«Из-за великих льдов» и усиливающегося мороза по решению консилиума (совета) судно повернуло к югу. Командир был смертельно болен, и «Якутск» вел штурман *Семен Иванович Челюскин.* Ни полное безветрие, длившееся около 5 ч, вынудившее идти на веслах при больших холодах, ни сильные штормы, ни ледяные поля, грозившие раздавить суденышко, не смогли помешать полярным мореходам — 28 августа они подошли к устью Оленька. Через день от цинги скончался Прончищев[2], а его жена Мария умерла 12 сентября; их похоронили рядом. К декабрю Челюскин завершил со-

[1] С 1913 г. бухта носит имя *Марии Прончищевой* — первой известной нам полярной путешественницы. Большинство открытых В. Прончищевым объектов названы Х. Лаптевым.

[2] Его имя с 1913 г. носит восточное побережье п-ова Таймыр; общая длина открытой В. Прончищевым береговой линии полуострова составила около 500 км.

ставление карты побережья от устья Лены до залива Фаддея и обработку материалов отряда, не выполнившего главного задания — достичь Енисея морским путем. 14 декабря Челюскин двинулся в Якутск на собачьих упряжках и прибыл туда 28 июля 1737 г. В конце лета боцман *Василий Медведев* привел судно в Якутск.

Начальником отряда был назначен недавно произведенный в лейтенанты Харитон Прокофьевич Лаптев. На отремонтированном «Якутске» он вышел из дельты Лены в море 21 июля 1739 г. курсом на запад и вскоре обнаружил бухту, названную Нордвик. Опись ее, выполненная геодезистом *Никифором Чекиным*, была повторена лишь в XX в. Продвигаясь далее к западу, Х. Лаптев вышел в Хатангский залив и простоял за большой «ледяной горой» до 14 августа, пережидая сильные северные ветры, нагнавшие массу льда. Когда погода улучшилась, «Якутск» двинулся на север вдоль сначала высокого скалистого, а на третий день низкого берега Таймыра, повторяя маршрут В. Прончищева. В отличие от него Х. Лаптев вел более точную съемку и давал названия большинству обнаруженных объектов, уже открытых предшественником. Ему не удалось повторить успех В. Прончищева: дальнейший путь преграждали неподвижные льды, дожди все чаще сменялись снегопадом и заморозками. 21 августа одна из поисковых групп, направленных Х. Лаптевым на берег под командой Н. Чекина, усмотрела остров (о. Большой из о-вов Комсомольской Правды). В тот же день консилиум (т. е. совет всех унтер-офицеров судна) постановил вернуться в низовья Хатанги, так как подыскать в этих широтах место для зимовки не удалось. Через неделю «Якутск», подгоняемый штормовым попутным ветром, подошел к устью р. Блудной, правого притока Хатанги, открыв по пути остров (Малый Бегичев). На карту были нанесены оба берега Хатангского залива (западный более детально).

Стоянку для судна выбрали в заливчике между устьями рр. Блудной и Попигая. Во время зимовки Х. Лаптев ввел питание мороженой рыбой (строганиной) — и в его отряде никто не болел цингой. Зимнее время он решил использовать для изучения внутренних районов Таймыра. Зимой боцман В. Медведев дважды пересек Таймыр: 21 октября 1739 г. он двинулся на собаках на запад до открытой им р. Дудыпты и по ней и р. Пясине спустился к морю. Он смог осмотреть чуть более 40 км побережья к востоку от ее устья — помешали сильные морозы — и в конце апреля 1740 г. тем же путем вернулся к отряду. Длина его санного маршрута в оба конца составила около 2,3 тыс. км.

Весной 1740 г. геодезист Н. Чекин на собачьих упряжках пересек п-ов Таймыр с востока на запад. 23 марта он двинулся от нижней Хатанги к озеру Таймыр — самому крупному северному водоему Земли, а далее по р. Таймыре к ее устью, окончательно доказав, что она впадает в Карское море, т. е. значительно западнее, чем полагал В. Прончищев. Затем он осмотрел морской берег к западу от устья Таймыры на протяжении более 100 км. Оттуда он прошел на север, приняв прибрежные острова (архипелаг Норденшельда,

включая о. Русский) за выступ материка. Обойдя его с севера, Н. Чекин, потерявший почти всех собак, 17 мая вернулся на базу. Его поход утвердил Х. Лаптева в мысли, что надежнее всего (при условии обеспеченности продуктами и кормом для собак) производить опись берегов п-ова Таймыр зимой сухим путем, но решил сделать еще одну попытку прорваться через льды морем в устье Енисея.

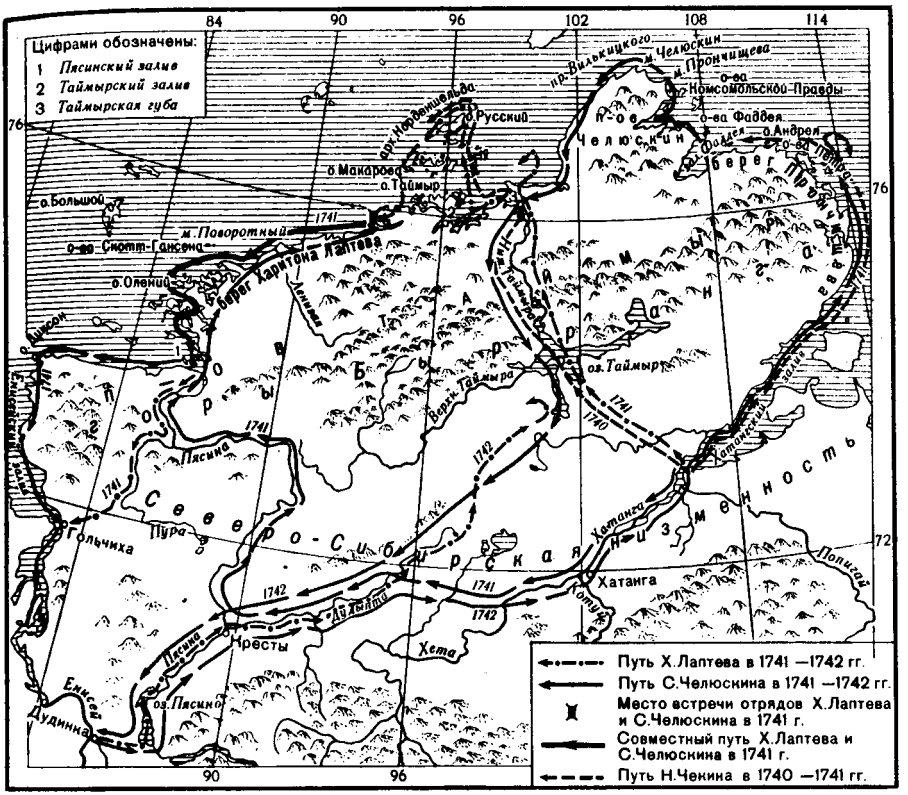
В конце лета 1740 г., как только позволила ледовая обстановка, Х. Лаптев двинулся на «Якутске» на север вдоль берега Таймыра. По выходе из Хатангского залива (начало августа) он убедился, что земля, принятая им в прошлом году за полуостров, расположенный севернее бухты Нордвик, отделена от материка проливом (о. Большой Бегичев). «Якутск» прошел до 75°26′ с. ш., попал в дрейфующие льды и был раздавлен. Вечером 15 августа команда покинула судно, выгрузила все запасы на льдину, а затем перебралась на берег. Около полумесяца ушло на переброску провианта и имущества, но все спасти не удалось — льдину отнесло от побережья. И Х. Лаптев принял верное решение — идти к месту прежней зимовки. 15 октября он вернулся на Хатангу, а через девять дней туда же прибыла группа С. Челюскина, вышедшая позже.

Для описи берегов Таймыра Х. Лаптев разбил свой отряд на три партии. Первая под командой С. Челюскина отправилась 17 марта 1741 г. Передвигаясь на трех собачьих упряжках, он к 1 июня описал р. Пясину и участок западного берега полуострова длиной около 500 км; у мыса Лемана он повстречал Х. Лаптева. В географической литературе до последнего времени местом встречи считался мыс Стерлегова. В. А. Троицкий доказал, что это произошло в 100 км севернее — у входного мыса залива Миддендорфа. 15 апреля на север двинулась партия Н. Чекина, также на трех упряжках. Он произвел съемку 600 км восточного берега Таймыра от устья Хатанги до 76°35′ с. ш., но из-за снежной слепоты 17 мая вернулся к зимовью. Последняя партия, руководимая Х. Лаптевым, на двух упряжках ушла в поход 24 апреля, т. е. в начале полярного дня, и по долине Таймыры 6 мая добралась до ее устья. Он первый сообщил о тавгийцах (ныне они называются нганасанами[1]).

Другая запись в путевом дневнике Х. Лаптева содержит первую характеристику центральной части гор Бырранга: «...северный берег [озера] весь состоит высокими горами каменными... и вниз по реке, по обе стороны [на протяжении первых 20 км] берега каменные, утесные»[2]; к югу и северу местность ровная. На морском берегу Х. Лаптев выполнил астрономические определения и ему стало ясно: устье Таймыры расположено дальше к западу, чем считали до тех пор. Изменив первоначальный план, он двинулся не на запад, к С. Челюскину, а на северо-восток, навстречу Н. Чекину, шедшему,

[1] Нганасаны — малочисленная (около 1 тыс. человек по переписи 1970 г.) народность, говорящая на языке, относящемся к самодийской группе уральской языковой семьи. Основное занятие нганасанов — оленеводство, охота, рыболовство.

[2] Цит. по кн. И. В. Глушанкова «Навстречу неизведанному», 1980.



Санные маршруты Х. Лаптева, С. Челюскина и Н. Чекина

как выяснилось, самым длинным маршрутом. Вместе с солдатом *Константином Хорошевым* Х. Лаптев смог пройти только до 76°42′ с. ш. 13 мая он поставил там для Н. Чекина знак и, страдая от снежной слепоты, вернулся в Таймырскую губу.

Едва оправившись от болезни глаз, Х. Лаптев пошел на запад, усмотрел и описал несколько островков (из архипелага Норденшельда), но из-за длительных сильных туманов, повторив ошибку Н. Чекина, принял более крупные острова за продолжение материка. Поднявшись к северу, по его данным, до 76°38′ с. ш. (истинная широта составляла 77°10′ с. ш.— северная оконечность о. Русского), 25 мая он повернул на юго-юго-запад, вновь увидел несколько островов того же архипелага и опять посчитал их за берег материка; правда, один он уверенно назвал островом (о. Макарова). Как уже отмечалось выше, 1 июня у мыса Лемана Х. Лаптев встретил С. Челюскина. Согласно В. Троицкому, в совместном походе они выявили и нанесли на карту ряд бухт, мысов (в том числе Штеллинга и Поворотный) и прибрежных островов.

9 июня оба вернулсь к устью Пясины, где вновь разделились: Х. Лаптев на лодке поднялся по реке до озера Пясино, а оттуда на

Эскиз северной половины карты Х. Лаптева

оленях добрался до Енисея. С. Челюскин же на собаках, оленях и лодках, вторично положив на карту берег между устьями Пясины и Енисея, догнал Лаптева. В устье р. Дудинки, куда они прибыли 11 августа, их встретил Н. Чекин. После того как были приведены в порядок материалы описи, выяснилось, что незаснятым остался самый тяжелый северный участок длиной 400 км, т. е. все еще не удалось установить, где на севере кончается Таймыр.

Этот важный географический вопрос разрешил С. И. Челюскин и два его спутника — солдаты *Антон Фофанов* и *Андрей Прахов*. Из Туруханска, куда отряд Х. Лаптева перебрался на зимовку, партия С. Челюскина вышла 5 декабря 1741 г. к устью Хатанги, а 3 апреля 1742 г. начала движение на север. Почти через месяц она добралась до мыса Фаддея — далее простирались неведомые берега. Пасмурные дни сменялись ясными, иногда бушевала метель. 6 мая в ясную погоду удалось определиться — партия находилась на 77°27′ с. ш. 8 мая после снежной бури наступило некоторое затишье. Продвинувшись за эти дни всего на 16 км, С. Челюскин увидел мыс, от которого берег поворачивал на юго-запад, и занес в свой походный журнал короткую запись, ставшую знаменитой: «Сей мыс каменный, приярный [обрывистый], высоты средней. Около оного льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оный мыс Восточно-Северный». Ныне этот мыс (77°41′ с. ш.) носит имя Н. Чекина, а самая северная точка Европейско-Азиатского материка и материковой суши вообще — мыс Челюскин (77°43′ с. ш.), пройденная С. Челюскиным в полночь с 8 на 9 мая после пересечения небольшого залива, не произвела на него впечатления: в журнале он отметил, что берег здесь очень низкий и песчаный с «небольшим выгибом»[1]. Оттуда С. Челюскин повернул на юго-запад и, страдая от снежной слепоты и голода, закончил опись берега у 76°42′ с. ш. — пункта, до которого в 1741 г. доходил с запада Х. Лаптев. Протяженность заснятого С. Челюскиным побережья составила около 1600 км, общая длина санных маршрутов — 6300 км. Его группу 15 мая выручил К. Хорошев, доставивший продовольствие, а главное, корм для ослабевших собак. Через озеро Таймыр С. Челюскин на собачьих упряжках добрался до верховьев р. Дудыпты, оттуда на лодках, оленях и вновь на лодках 20 июля прибыл в Туруханск. В начале 1743 г. весь отряд достиг Петербурга.

[1] Лишь в 1919 г., т. е. через 177 лет после открытия, норвежскому геофизику *Харалду Свердрупу*, члену экспедиции *Р. Амудсена*, удалось установить, что именно этот «невзрачный» мыс и есть «макушка» Евразии.

Х. Лаптев и его сотрудники, главным образом С. Челюскин, открыли крупный (площадью около 400 тыс. км^2) полуостров Таймыр[1] и засняли более 3,5 тыс. км побережья Азии между Енисеем и Леной. Адмиралтейств-коллегии Х. Лаптев представил карту, на которой впервые — и довольно точно[2] — нанесен п-ов Таймыр, рр. Пясина с одноименным озером в истоках, Хатанга с ее составляющими Хетой и Котуем, вытекающими из озера Исей (Ессей), ряд притоков этих рек, а также западная часть озера Таймыр с рр. Верхней и Нижней Таймырой. Практически верно «холмиками» показана южная граница Северо-Сибирской низменности на протяжении 1,5 тыс. км. Карту дополняла научная работа «Описание... [территории] меж реками Лены и Енисея...», содержащая большой географический и этнографический материал, тем более интересный, что он был собран первым образованным исследователем Таймыра. Западное побережье полуострова с 1900 г. получило название берег Харитона Лаптева.

Четвертый отряд: берега Восточной Сибири

Четвертый, Ленско-Камчатский отряд получил очень широкое основное задание — описать северные берега Азии на восток от Лены до пролива, ведущего в Тихий океан, если такой пролив существует. Адмиралтейств-коллегия, конечно, знала о плаваниях Первой Камчатской экспедиции и Федорова—Гвоздева, но, видимо считала их результаты недостаточно убедительными, так как они не доходили до устья Колымы. Начальником отряда был назначен швед *Питер Ласиниус*. В июле 1735 г. он на боте «Иркутск» с командой в 52 человека спустился из Якутска по Лене, вышел 7 августа в море и повернул на восток. Уже 14 августа тяжелые льды заставили «Иркутск» отступить. Бот зашел в губу Буор-Хая, в устье р. Хара-Улах, где стал на зимовку. Осенью Ласиниус направил в Якутск четверых людей с рапортом и картой. С наступлением холодов он сократил рацион, вскоре началась цинга, и 19 декабря он же стал ее первой жертвой; к весне 1736 г. умерли еще 39 зимовщиков. Об этом трагическом событии нарочным удалось сообщить в Якутск.

После смерти П. Ласиниуса во главе отряда В. Беринг поставил лейтенанта *Дмитрия Яковлевича Лаптева,* двоюродного брата

[1] Таймыр (точнее, таймур, таймир) означает «богатый, обильный» — так эвенки «окрестили» р. Таймыру, изобиловавшую рыбой. В 1843 г. А. Ф. Миддендорф распространил это название на весь полуостров. Выступающая к северу часть Таймыра с 1967 г. называется п-овом Челюскин.

[2] Изображение Таймыра на его карте на параллели 73°30′ с. ш. занимает 33°10′ по долготе, т. е. длиннее истинного всего лишь на 10 минут. С середины XIX в. из-за ошибки составителя на некоторых картах полуостров «вытягивался» на 38°15′ по долготе. Эту ошибку ряд историко-географов несправедливо приписали Х. Лаптеву.

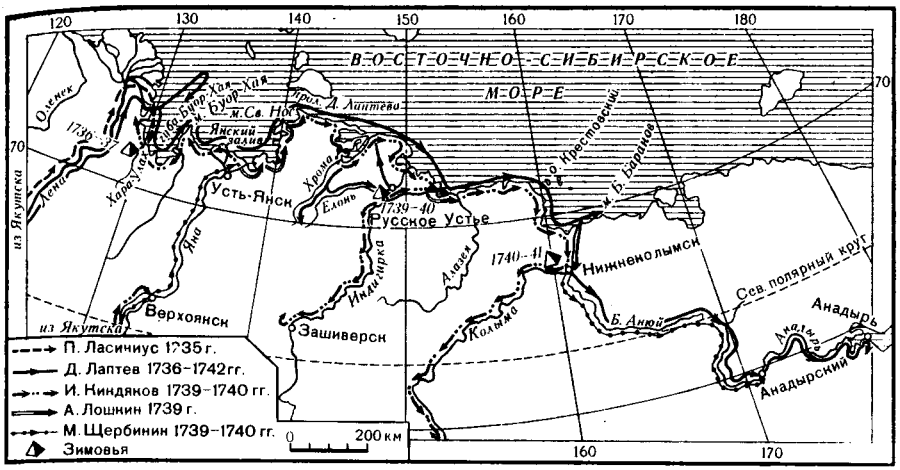
Х. Лаптева. 31 мая 1736 г. он вышел из Якутска на трех дощаниках[1] с провиантом и снаряжением, спустился по Лене до устья. Оставив здесь груз, отряд прошел до зимовки Ласиниуса. На заново оснащенном «Иркутске», захватив девятерых уцелевших, Д. Лаптев вернулся к устью Лены за припасами. 11 августа он вновь вышел в море и продвинулся до 73°16′ с. ш., но через три дня из-за сплошного льда отступил. Зимовал отряд на нижней Лене. Летом 1737 г. Д. Лаптев привел бот в Якутск и 16 августа поехал в Петербург за инструкциями. На обратном пути из Иркутска в сентябре 1738 г. Д. Лаптев направил своему заместителю штурману *Михаилу Яковлевичу Щербинину* распоряжение подготовить к морскому походу бот, забросить в дельту Индигирки продовольствие и выполнить по сухопутью ряд исследований. Согласно этому приказу, геодезист *Иван Киндяков* весной 1739 г. заснял бухту Буор-Хая[2] и побережье моря до дельты Яны на протяжении 500 км, а солдат *Алексей Лошкин* положил на карту берег между Яной и мысом Святой Нос (около 500 км).

Вернувшись весной 1739 г., Д. Лаптев спустился на «Иркутске» по Лене и 21 июня Быковской протокой вышел из дельты на восток, лишь через месяц добрался до мыса Буор-Хая, преодолевая за день около 5 км. Затем судно попало в узкий канал с плавающими льдинами между побережьем и мощным льдом. В двадцатых числах августа с попутным ветром Д. Лаптев прошел в Восточно-Сибирское море проливом, позже названным его именем. 7 августа на подходе к проливу и 16 августа в проливе к северу от курса судна Д. Лаптев усмотрел два маленьких островка, получивших названия о. Меркурия и о. Диомида, и нанес их на карту[3]. Он установил также, что мыс Святой Нос расположен не на 76°20′ с. ш., как было показано на имевшейся у него карте, а на 72°50′ с. ш., т. е. на 400 км южнее, и в начале сентября достиг устья Индигирки. Наступившие морозы захватили бот в ледяной плен, и Д. Лаптев решил зимовать в низовьях реки. Здесь произошла неожиданная встреча: сухопутная партия И. Киндякова, заснявшего летом побережье от Святого Носа до Индигирки (500 км), погибая от голода и холода, уже не надеялась на спасение. Из пункта зимовки осенью 1739 г. для изучения территории Д. Лаптев организовал несколько съемочных партий: А. Лошкин заснял берег от Индигирки до р. Алазеи (400 км), М. Щербинин — Яну, И. Киндяков — Индигирку, а сам Лаптев — р. Хрому. И. Киндяков и А. Лошкин положили на карту побережье северных морей на протяжении 2400 км, причем доля Киндякова

[1] Дощаник — одномачтовое плоскодонное парусное судно длиной около 28 м и шириной 7 м.

[2] Вероятно, М. Щербинин также принимал участие в работе — на карте, составленной по их описи, к востоку от устья р. Лены показана «губа Горелая» — на ее берегах в 1932—1934 гг. возник порт Тикси.

[2] До последнего времени они считались миражами. Ныне доказано, что Д. Лаптев не обманулся — эти клочки суши действительно существовали, но в начале XIX в. были разрушены морем и превратились в мелководные банки. Причина их гибели — в составе слагающих эти острова пород: на 80—90% они представлены льдом, прикрытым тонким слоем лёсса.



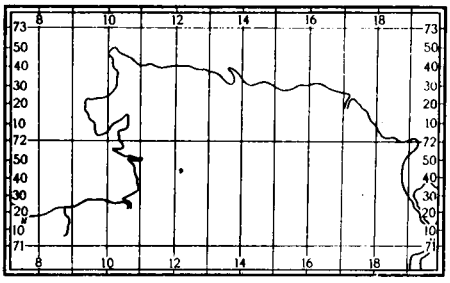
Пути отрядов Д. Лаптева в 1736—1740 гг.

составила 1500 км, выяснили, что на этом пространстве берег «самый низкий и мокрый, и на... [нем], как в болоте, сухой земли сыскать не можно»[1]. Это были первые достоверные указания на существование Яно-Индигирской и Колымской низменностей. К началу декабря Д. Лаптев составил карту обследованного огромного региона и вместе с материалами описи рек и побережья, а также выписками из судового журнала направил с А. Лошкиным в Петербург; тот быстро доставил их. Весной 1740 г. Киндяков описал берег от Алазеи до Колымы (500 км) и отметил его низменный плоский характер.

В июне 1740 г. с помощью команды из 85 человек из местных Д. Лаптев освободил бот из ледового плена, выведя его по пробитому во льду каналу на чистую воду, но лишь в августе, не задерживаясь у устья Колымы, двинулся на восток. Через 100 км, у мыса Большой Баранов (близ 164° в. д.), судно остановили льды — пришлось вернуться и 23 августа в Нижнеколымском остроге стать на пятую зимовку (для оставшихся в живых спутников П. Ласиниуса она оказалась шестой). И вновь Д. Лаптев организует исследовательские партии: осенью 1740 г. М. Щербинин заснял путь с Колымы по ее притоку Большой Анюй через горы в бассейн Анадыря, в то же время И. Киндяков описал Колыму от устья до верхнего течения.

Летом 1741 г. Д. Лаптев еще раз попытался обогнуть морем Большой Баранов мыс и, хотя теплая погода установилась рано, вновь потерпел неудачу. Тогда он решил закончить морскую часть экспедиции и, ведя опись побережья с судна, вернулся в Нижнеколымск, где доработал карту изученной территории. Общая длина заснятой его отрядом береговой линии составила 2,5 тыс. км. В конце октября 1714 г. Д. Лаптев, отправив в Петербург продолжительное время

[1] Цит. по кн. В. М. Пасецкого «Витус Беринг», 1982.



Эскиз карты побережья Сибири между устьями рек Яны и Индигирки (составил Д. Лаптев)

болевшего М. Щербинина[1] с картой, перебросил свой отряд на собаках по р. Большой Анюй на верхнее течение Анадыря и 17 ноября прибыл в Анадырский острог. Зимой того же года Д. Лаптев направил партию, выполнившую съемку пути от Анадыря до Пенжинской губы. Летом 1742 г. вместе с И. Киндяковым он описал Анадырь до устья и осенью вернулся через горы в Нижнеколымск.

Общие результаты работы всех северных отрядов

Результаты работы северных отрядов таковы, что независимо от открытия Северо-Западной Америки Берингом и Чириковым экспедицию с полным правом можно назвать Великой. За 10 лет изнурительного труда, ценою многих жизней ее отряды положили на карту берега Северного Ледовитого океана от устья Печоры до мыса Большой Баранов (более 13 тыс. км). Они завершили открытие всего материкового побережья Карского моря и той, лежащей к востоку от Таймыра, акватории Ледовитого океана, которая с 1913 г. по справедливости называется морем Лаптевых, в честь Харитона Прокофьевича и Дмитрия Яковлевича. К востоку от этого моря они положили на карту берега Восточно-Сибирского моря до устья Колымы и побережье за ней до Большого Баранова мыса. Отчетливо выявлены очертания п-овов Таймыр (с самой северной точкой материка — мысом Челюскин) и Ямал, менее отчетливо — форма Гыданского и Тазовского п-овов. Описаны большие участки нижнего, а иногда и среднего течения всех крупных рек бассейна Ледовитого океана к востоку от Печоры до Колымы включительно. Впервые сравнительно точно нанесены на карту части: Карского моря — Байдарацкая, Обская и Тазовская губы, Енисейский и Пясинский заливы; моря Лаптевых — Хатангский и Оленекский заливы, губа Буор-Хая и Янский залив. Собраны данные о климате, приливах и ледовом режиме обследованных морей, выявлены мели и скалы, представляющие опасность для судоходства, определены фарватеры.

[1] М. Щербинин скончался на пути в столицу в Иркутске 1 июня 1742 г.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОТРЯД ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Академия наук последовательно командировала для участия в экспедициях двух профессоров — историка *Г. Ф. Миллера* и натуралиста *И. Г. Гмелина-старшего,* адъюнкта Г. В. Стеллера и в помощь им пять студентов, «из коих,— как писал позднее М. В. Ломоносов,— один удался [*С. П.*] *Крашенинников...*». Работники этого Академического отряда получили задание: «географическое порядочное описание и осмотр или примечания о плодах земных и минералах и металлах и ботаническое, ежели найдутся, учинить».

Герард Фридрих Миллер выполнил в Сибири огромную работу по сбору исторических материалов. Он не сделал никаких географических открытий, но значение его организаторской деятельности по географическому исследованию Сибири нельзя переоценить, так как он был фактическим руководителем сухопутного (Академического) отряда. Г. Миллер и его геодезисты составили много карт страны, значительно более совершенных, чем имевшиеся в их распоряжении изображения этой огромной территории; они описали ряд крупных регионов, в том числе Якутию, и некоторые реки. Вскоре после возвращения в Петербург, в марте 1744 г., Г. Миллер закончил две монографии, оставшиеся в рукописи,— «Общая география Сибири» и «Особенная или специальная география Сибири». Несколькими статьями, опубликованными в 1737—1758 гг., он заложил прочное основание истории русских географических открытий и исследований в Северном Ледовитом океане и северной части Тихого океана; долгое время они оставались единственными работами по географии отдаленных восточных окраин России.

Гмелин-старший в Средней Сибири

В 1733 г. Иоганн Георг Гмелин в составе большого отряда прибыл в Тобольск, а оттуда поднялся по Иртышу до 51°50′ с. ш. и, пройдя на юго-восток, описал Кулундинскую степь до Семипалатинска. Затем он исследовал северо-западную часть Алтая в районе Усть-Каменогорска, проехал оттуда в Барнаул, отметив плодородие

И. Гмелин

почв края, и через Салаирский кряж прибыл в Кузнецк. Он спустился на лодках по р. Томи до Томска, прошел по долине Чулыма (система Оби) до Енисея, поднялся до Красноярска, а оттуда проехал в Иркутск.

В 1734 г. И. Гмелин исследовал Забайкалье — низовье Селенги, берега Ингоды и Шилки от Читы до Нерчинска (на плотах), р. Аргунь на протяжении более 150 км. Зимой 1734—1735 гг. он ездил по Ангаре до Братска и обследовал пороги реки. Затем зимним путем он проехал через Илимск в Усть-Кут на Лене и, повернув на юг, добрался до устья р. Илги (у 55° с. ш.). Весной 1735 г. он на судне спустился до Якутска, сделав боковой маршрут по Витиму до р. Мамы для изучения крупных слюдяных месторождений. И. Гмелин дал характеристику гор по берегам Витима, став первым исследователем Северо-Байкальского нагорья. По Лене он описал ее берега до Олёкмы, в том числе щеки (береговые крутизны). В 1736—1737 гг. он изучал месторождения Якутского края.

В августе 1738 г. И. Гмелин отправился из Иркутска на судах вниз по Ангаре до Енисея, подробно обследовал пороги. Зимовал он в Енисейске, а весной 1739 г. сплыл по Енисею до Туруханска; он первый описал северный отрог Енисейского кряжа и рукава Енисея ниже Туруханска. Поднявшись затем до Красноярска, И. Гмелин проехал оттуда на запад до Ачинска, повернул на юг и посетил рудники межгорной Минусинской котловины, ограниченной на юге хребтами Западного Саяна. От Абакана он на плотах сплыл по Енисею до Красноярска, охарактеризовав берега реки между этими пунктами. Зиму он провел в Томске, в 1741 г. пересек Барабинскую степь, кратко описал рельеф и озера края и добрался до Тюмени, а зимой ездил в Тобольск. Маршруты по Сибири позволили ему выявить различие в рельефе, флоре и фауне регионов, расположенных к западу и востоку от Енисея. И. Гмелин первый отметил это в предисловии к своей пятитомной работе «Флора Сибири»[1]. (Петербургская АН в 1747—1769 гг. издала на латинском языке лишь четыре тома.) Вслед за И. Гмелиным ученые стали выделять Западную и Восточную Сибирь — такое членение сохраняется и поныне. Правда, границей между Европой и Азией он предлагал принять

[1] Как заметил *Карл Линней*, один Гмелин и все остальные ботаники того времени открыли равное количество растений.

не Уральские горы, а Енисей, следовательно, считал, что Западная Сибирь относится к Европейской части России.

В 1742 г. И. Гмелин исследовал Урал, в основном восточный склон, примерно от 50°30′ с. ш. до 60° с. ш. В Петербург он возвратился в начале 1743 г., закончив свое десятилетнее путешествие по Сибири.

В 1747 г. И. Гмелин получил годичный отпуск для поездки на родину, но не вернулся из Германии. Свои исследования он опубликовал на немецком языке в четырехтомной работе «Путешествия по Сибири с 1733 по 1743 г.». (Гёттинген, 1751—1752.) Обобщив сведения, полученные от многих промышленных и торговых людей, краеведов, как мы теперь говорим, и сопоставив эти данные с личными наблюдениями, он создал первую орографическую схему Южной Сибири. Между верхними течениями Иртыша и Оби он выделил «Алтанский хребет» (Алтай), между верховьями Енисея и Байкалом — Саянский хребет (Западный и Восточный Саяны). От этих горных сооружений, по Гмелину, к северу отходят отроги (Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау). Главным водоразделом бассейнов Тихого и Северного Ледовитого океанов И. Гмелин считал Становой хребет, начинающийся в «Мунгальской земле» (Монголии) и заканчивающийся на крайнем северо-востоке Азии[1].

Итак, И. Гмелин доставил первые научные сведения об Алтае, Кузнецком Алатау, Салаире, Западном Саяне, Становом и Яблоновом хребтах, Кузнецкой и Минусинской котловинах. Он был вторым — после Мессершмидта — научным исследователем Среднесибирского плоскогорья, Прибайкалья и Забайкалья. Гмелин продолжил его работы по изучению вечной мерзлоты и создал в Сибири первые метеорологические станции.

Исследования Стеллера и Крашенинникова

Георг Вильгельм Стеллер, зоолог и врач, был зачислен в 1737 г. как адъюнкт Академии наук по его просьбе во Вторую Камчатскую экспедицию. В сентябре 1740 г. он прибыл на Камчатку, в Большерецк, а оттуда в конце марта 1741 г. добрался до Петропавловска.

В июне он вышел в плавание вместе с Берингом на «Св. Петре», а 20 июля подошел к о. Каяк. За 10 часов, проведенных там, Стеллер отметил мягкость климата острова по сравнению с Камчаткой, расположенной на 10° южнее, и сделал вывод, что к северу от Каяка (за 60° с. ш.) простирается суша, защищающая остров от северных ветров. За такое короткое время Стеллер описал 163 вида растений

[1] Такая схема (с некоторыми изменениями), как это ни парадоксально, продержалась примерно до середины нашего века. Заменить устаревшую концепцию удалось лишь в последние три десятилетия — после выполнения комплексных геолого-географических исследований.

С. Крашенинников

и животных Каяка. Словом, он стал первым ученым-исследователем Северо-Западной Америки.

На обратном пути Стеллер высаживался на один из Шумагинских о-вов (видимо, Нагай), описал его фауну и собрал небольшое количество противоцинготных растений. Он дал первую этнографическую характеристику алеутов. Во время тяжелой зимовки на о. Беринга Стеллер изучил его физическую географию и фауну и набросал одну из важнейших своих работ — «О морских животных», где впервые описал морскую (стеллерову) корову, сивуча, морского кота (рыба семейства скатовхвостоколов) и калана (камчатского бобра), а также «сухопутных» голубых песцов. С остальными уцелевшими моряками 26 августа 1742 г. он вернулся в Петропавловск.

Стеллер прожил на Камчатке в общей сложности два года, исследуя ее природу и население. Интерес представляет его «Описание земли Камчатки, ее обитателей, их нравов, имен, образа жизни и различных обычаев» (1744); оно сильно уступает работе на ту же тему С. П. Крашенинникова, материалами которого он частично воспользовался.

Однако Стеллер все же дал некоторые дополнительные сведения о полуострове, в основном о его рельефе. Он первый правильно указал, что к западу от Главного (Срединного) хребта Камчатки вдоль Охотского моря простирается неширокое, низменное, «слабо наклоненное, мшистое» пространство, дренируемое множеством мелких рек; что на востоке полуострова имеются «другие большие горы, [которые] тянутся с юга-запада на северо-восток, спускаются многочисленными длинными шпицами и мысами в море и образуют значительные изгибы» берега. В Охотск Стеллер прибыл в 1743 г., провел в Сибири еще около трех лет и на пути в Петербург умер «от горячки» в Тюмени в 1746 г.

Студент академии Степан Петрович Крашенинников, сын солдата, был «из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков и сами достойны называться начальниками своего благополучия» (Г. Миллер). Зачисленный во Вторую Камчатскую экспедицию и прикомандированный к И. Г. Гмелину, он в 1733—1736 гг. путешествовал с ним по Сибири.

В 1737 г. С. Крашенинникова направили из Якутска на Камчатку. Он прибыл в Охотск и в начале октября перешел морем в Большерецк. Во время перехода судно дало течь, в воду сбросили почти весь груз, в том числе и чемодан с бельем С. Крашенинникова: «И больше у меня не осталось,— писал он в первом (с Камчатки) рапорте,— как только одна рубашка, которая в ту пору на мне была».

На Камчатке русские тогда строили только курные избы, но и такие «черные» жилища казались студенту уютными, так как, случалось, его помещали в каморку, в которую «...пущается тепло окнами из черных изб. Но в оных каморках зимою как ради стужи, так и ради угару жить невозможно...»[1]. Его зачислили на хлебное довольствие, но жалованья не платили два года — забыли прислать приказ из Охотска. А когда (в 1741 г.) Стеллер прибыл на Камчатку, то Крашенинников получил двести рублей за два года, но его сняли с хлебного довольствия. В таких условиях студент начал и с несколькими помощниками из служивых, т. е. солдат или казаков, за четыре года завершил всестороннее исследование Камчатки (площадь полуострова 370 тыс. км^2).

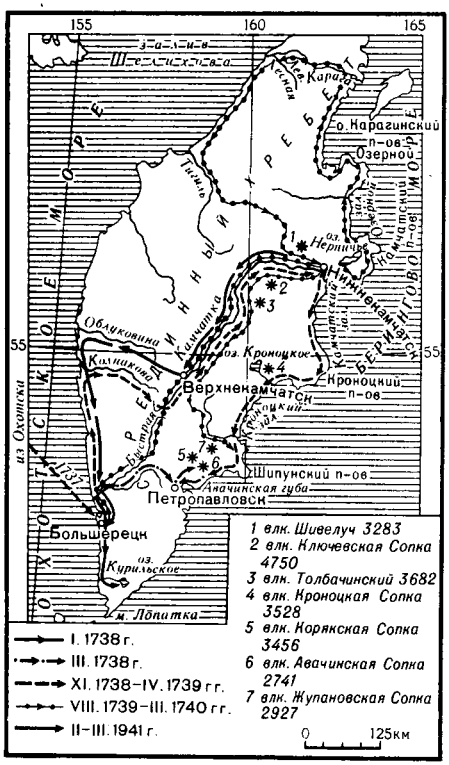
В 1738 г. С. Крашенинников дважды пересек полуостров в его южной части. Весной, посетив долину р. Паужетки, левый приток р. Озерной, он обнаружил и впервые описал камчатские гейзеры, бьющие «во многих местах как фонтаны, по большей части с великим шумом, в вышину на один и на полтора фута». Вторую группу гейзеров, «вода [которых] бьет вверх аршина на два [1 м 42 см] с великим шумом», он отметил в долине р. Банной, бассейн р. Быстрой[2].

Между устьями р. Большой и Авачинской губой, немного не доходя до нее, он обследовал Авачинскую Сопку. Вернувшись в Большерецк той же дорогой, он осмотрел юго-западное побережье Камчатки, но не дошел около 60 км до мыса Лопатки (Курильское озеро посетил один из его служивых).

В ноябре 1738—апреле 1739 г. С. Крашенинников прошел от устья Большой вдоль западного берега Камчатки до 54°30′ с. ш., по долине р. Колпаковой поднялся до Срединного хребта, перевалил его, дошел до верховья Камчатки, а по ней спустился до устья и, таким образом, пересек полуостров в третий раз — в северо-восточном направлении. Затем осмотрел восточный берег до Авачинской губы и пересек Камчатку в четвертый раз, возвращаясь в Большерецк. В августе 1739—марте 1740 г. С. Крашенинников в пятый раз пересек полуостров, пройдя от Большерецка до Нижнекамчатска, и обследовал северо-восточное побережье до устья р. Караги (против о. Карагинского).

[1] Цит. здесь и далее из работы С. П. Крашенинникова «Описание Земли Камчатки».

[2] В настоящее время деятельность гейзеров обоих районов значительно ослабела. Крупные горячие фонтанирующие источники, аналогичные гейзерам Исландии, о. Северного (Новая Зеландия) и США, были открыты Т. И. Устиновой в 1944 г. в долине р. Гейзерной, приток р. Шумной, близ вулкана Кихпиныч.



Маршруты С. Крашенинникова по Камчатке

По расспросным данным, С. Крашенинников собрал сведения о жителях этого острова (племя ительменов), исчезнувших в XIX в. по невыясненным причинам, и записал ряд слов их диалекта. Затем он в шестой раз пересек Камчатку в северной, самой узкой ее части. Изучив северо-западный берег от р. Лесной до Тигиля, он в седьмой раз пересек полуостров в восточном направлении до Нижнекамчатска. Вернулся он в Большерецк пройденным уже ранее путем, закончив восьмое пересечение Камчатки.

В конце 1740 г. С. Крашенинников в девятый раз пересек полуостров — от Большерецка до Нижнекамчатска, а в феврале—марте 1741 г. совершил десятое пересечение. Он поднялся по р. Камчатке до Верхнекамчатска, вышел затем к Охотскому морю (у 55° с. ш.) и обследовал берег до Большерецка.

Десятикратное пересечение полуострова дало Крашенинникову основание для обобщенной характеристики его рельефа: «Камчатский мыс [полуостров] по большей части горист. Горы от южного конца к северу непрерывным хребтом простираются и почти на две равные части разделяют землю [Срединный хребет]; а от них другие горы к обоим морям лежат хребтами... Низменные места находятся только около моря, где горы от оного в отдалении, и по широким долинам, где между хребтами знатное расстояние...» (долина р. Камчатки). С. Крашенинников проследил Срединный хребет приблизительно на 900 км (длина его 1200 км).

Впервые весь этот водораздел многочисленных коротких рек, принадлежащих бассейнам Охотского и Берингова морей, нанесен на карту в 1742 г., очевидно, по материалам Г. Стеллера и С. Крашенинникова. Автор ее — уже упоминавшийся нами Я. Линденау. Ему, между прочим, принадлежит первая характеристика Парапольского дола — узкой и длинной (425 км) межгорной впадины, отделяющей Пенжинский хребет, также показанный на его карте, от Корякского нагорья.

С. Крашенинников описал четыре восточных камчатских носа (полуострова) — Шипунский, Кроноцкий, Камчатский и Озерный —

и образуемые ими заливы — Кроноцкий, Камчатский и Озерный, а также ряд бухт (Авачинская и др.). Он проследил течение крупных рек, в том числе Камчатки (758 км), описал ряд озер, включая Нерпичье и Кроноцкое. «Что касается до огнедышащих гор и ключей, то едва может сыскаться место, где бы на столь малом расстоянии... такое их было довольство»[1]. Он лично исследовал почти все высочайшие «горелые сопки» — Авачинскую, Корякскую, Кроноцкую, вулкан Толбачик, поднимающиеся на 2741—3682 м над уровнем моря, и величайший действующий вулкан Евразии — Ключевскую Сопку (4750 м).

Общая длина пройденного С. Крашенинниковым камчатского побережья — более 1700 км, а внутренних учтенных маршрутов — более 3500 км. Не осмотрены им только два береговых участка: западный, между 55 и 58° с. ш., и юго-восточный — от мыса Лопатки до 53° с. ш., всего около 700 км. При этом он один представлял собою комплексную экспедицию, выступая то как геолог и географ, то как ботаник и зоолог, то как историк и этнограф, то как лингвист.

В июне 1741 г. С. Крашенинников оставил Камчатку и через Сибирь вернулся в Петербург в конце 1742 г. В апреле 1750 г. он был утвержден «профессором натуральной истории и ботаники», т. е. стал академиком.

В 1751 г. он закончил «Описание земли Камчатки» — монументальный труд, лучшее в мировой литературе XVIII в. страноведческое описание малоизвестной земли, но оно увидело свет лишь в 1756 г. — через год после его смерти. Эта работа вскоре была переведена на четыре европейских языка, стала образцом для нескольких поколений географов и сохранила большое значение до нашего времени.

[1] На Камчатке 28 действующих вулканов. На Курильских о-вах — 38, но С. Крашенинников тогда этого не мог знать.

Глава 11

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ КАЗАХСТАНА, СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА (КОНЕЦ XVII—XVIII ВЕК)

Посольства Неприпасова и Скибина

В 1691 г. в плен к русским попали два знатных феодала (мурзы), приближенные казахского хана *Тауке,* владевшего Средним жузом[1]. В следующем году к нему в город Туркестан из Тобольска направилось посольство *Андрея Неприпасова.* Воспользовавшись торговым путем, он прошел в общем на юг по р. Вагаю до истоков и по р. Ишиму до его колена. Затем А. Неприпасов форсировал р. Ишим и через верховье р. Тургай проследовал далее на юг по западной окраине Казахского мелкосопочника и нижнему течению р. Сарысу. Южнее низовьев р. Чу он пересек хребет Каратау и прибыл в Туркестан.

Хан Тауке задержал А. Неприпасова в качестве заложника и обратился к русским властям с грамотой, содержащей просьбу возобновить дружеские отношения и освободить мурз. В ответ в Туркестан в начале апреля 1694 г. отправилось другое русское посольство, возглавлявшееся тобольским казаком *Федором Любимовичем Скибиным.* Двигался он путем А. Неприпасова и отмечал наиболее характерные особенности дороги: «многие грязные речки»[2], дубравы и боры левобережья Вагая, топкие и мелкие болота в его верховьях, колено р. Ишим («лука Улутугай»); по расспросам выяснил, что к востоку от дороги находится сравнительно крупное озеро (Тенгиз), а на той же широте к западу другое (Сарыкопа), в которое впадает р. Тургай; отметил горный массив восточнее линии маршрута — «камень Улутау» (высота до 1133 м), сообщил о пустыне — западной части Бетпак-Дала; собрал первые сведения о бассейнах р. Сарысу и р. Чу, текущей с востока почти в широтном направлении и за полдня пути до р. Сарысу уходящей «озером под землю» (р. Чу действительно теряется во впадине Ащиколь).

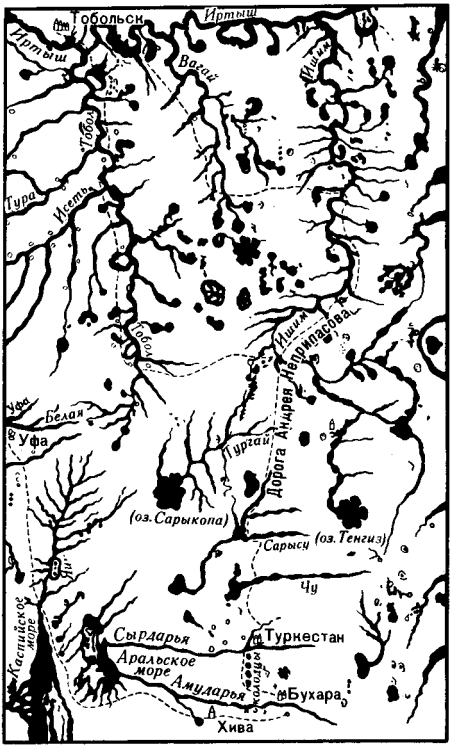
22 июля, пройдя по «голой степи» с мелкими озерами, орошаемой пересыхающими реками и речками, близ которых «по пескам... растет древо соксоун [саксаул], а большого леса никакого нет»,

[1] Жуз (устаревшее название «орда») — группа казахских племен и родов, населяющая определенную территорию. Средний жуз занимал бóльшую часть современного Казахстана, кроме западных областей и Семиречья.

[2] Здесь и далее цит. по сб. «Русский архив», вып. 1. М., 1867, с. 395—402.

Ф. Скибин прибыл в Туркестан. Хан Тауке задержал и его, заточив в тюрьму вместе с А. Неприпасовым, вскоре умершим. В неволе Ф. Скибин пробыл 15 месяцев, а в октябре 1695 г. совершил удачный побег и через Бухару пешком добрался до Хивы, где тайно прожил три месяца. В конце марта 1696 г. через плато Устюрт он направился к низовьям р. Яика (Урала), далее — в Уфу, а в начале июля достиг Тобольска.

По материалам статейного списка Ф. Скибина и его рассказам картограф С. У. Ремезов составил чертеж — первую схему гидрографии Северного и Центрального Казахстана.



Первая схема гидрографии Северного и Центрального Казахстана (эскиз карты С. Ремезова)

Каспийские экспедиции первой четверти XVIII века

Петр I надеялся через Каспий проложить путь в Среднюю Азию и Индию. Но имевшиеся в его распоряжении карты этой акватории не удовлетворяли молодого царя, и в 1699 г. он направил на Хвалижское море капитана астраханского морского флота *Еремея Мейера* для составления общего чертежа Каспия. В 1704 г. Е. Мейер представил свою карту царю и приложил к ней описание Каспия. Работа Е. Мейера не увидела света, возможно, из-за его гибели в 1705 г. во время восстания стрельцов в Астрахани, а может быть потому, что она не отвечала требованиям Петра I. В 1714 г. он поручает гвардии капитан-поручику *Александру Черкасскому*[1], кабардинскому князю, воспитанному в России, составить новую карту Каспия. Он должен был с отрядом в 1500 человек ехать «от Астрахани возле левого берегу [морем]... и делать карту как берегу морскому, так и рекам и пристанищам».

Осенняя экспедиция 1714 г. оказалась безрезультатной. В апреле 1715 г. А. Черкасский во главе эскадры из 20 бригантин вновь вышел в море. Он проследил и описал весь северный и восточный берега Каспия до его юго-восточного угла. Во время похода вдоль вос-

[1] При рождении названный *Жансохом*, он имел и другое (мусульманское) имя — *Девлет-Гирей* или *Девлет-Кизден*.

точного побережья за мысом Песчаным (у 43° с. ш.) он обнаружил залив, названный его именем, описал к югу от него, за мысом Ракушечным, Казахский залив и, по расспросным данным, Кара-Богаз-Гол, у 41° с. ш. Он посетил затем «Красные Воды» (это название заливу дано им), где опросил местных туркменов и, не совсем правильно поняв их, сделал вывод, что Амударья впадала сравнительно недавно в Каспийское море. А. Черкасский даже «отыскал» ее прежнее устье, а его разведчики собрали сведения, будто хивинцы запрудили устье, из-за чего река потекла в Аральское море. Следуя на юг, Черкасский прошел мимо о. Челекен[1] до Астрабадского (Горганского) залива.

Рассказ о недавнем заграждении течения Амударьи основывался на местной туркменской легенде, но об этом узнали только впоследствии. Во всяком случае, один важный географический результат был достигнут: А. Черкасский правильно установил, что — по крайней мере во время его посещения — Амударья впадает не в Каспий, а далеко к северо-востоку — в Аральское море.

В Астрахань А. Черкасский вернулся в конце октября «со всеми во благополучии», не потеряв ни одного человека. Тотчас же он сообщил Петру I: «...сделана карта оным местам, где мы были», т. е. северного и восточного берегов. На приложенной же к письму карте изображалось все Каспийское море.

Не доверяя карте, составленной А. Черкасским, Петр I в 1719 г. приказал снарядить новую экспедицию для съемки Каспия под начальством *Карла Петровича Вердена,* пленного голландца, состоявшего раньше штурманом на шведском флоте (на русскую военно-морскую службу его приняли в качестве гидрографа). Помощником его был назначен *Федор Иванович Соймонов.* Летом 1719 г. на трех шнявах (двумачтовых судах) и двух ботах экспедиция вышла из Астрахани и к осени провела опись западного берега моря до устья Куры. «От устья Волжского... берега низки до Кумского прорана [устья], из которого протекли в море многие протоки и частые заливцы...» (Ф. Соймонов). До наступления зимы — к 9 октября — на шлюпках К. Верден и Ф. Соймонов успели описать дельту Волги. Летом 1720 г. они обследовали и закартировали часть западного и все южное побережье Каспия между устьями Куры и Горгана, связав таким образом свою съемку с работой Черкасского. Общая длина заснятой за два летних сезона береговой линии составила более 2,5 тыс. км. В результате они создали «Картину плоскую моря Каспийского», впервые дающую приблизительно верные контуры величайшего озера Земли. С наибольшим искажением было изображено восточное побережье.

Карту моря исправила Каспийская экспедиция Ф. Соймонова 1726 г. В частности, он видел вход в Кара-Богаз-Гол, но не решился войти в залив, так как боялся потерпеть крушение. За полгода он обошел все берега Каспия. По материалам экспедиции Ф. Соймо-

[1] Во второй четверти XX в. из-за падения уровня Каспийского моря Челекен превратился в полуостров.

нов составил «Описание Каспийского моря от устья реки Волги до устья реки Астрабадской» (Горган) с генеральной картой моря и атласом частных карт.

Хивинский поход Черкасского

Узнав о том, что Амударья будто бы впадала в Каспий, что на этой реке есть золотые россыпи и по ней можно дойти до Индии, Петр I заключил, что Амударью удастся снова повернуть в Каспийское море, и приказал немедленно организовать в Астрахани большую экспедицию (свыше 6000 человек под начальством А. Черкасского). Он должен был построить крепость у Каспия, в том месте, где прежде было устье Амударьи, оставить там крепкий гарнизон, войско же повести вдоль старого русла реки, осмотреть плотину, заградившую ее течение, определить, можно ли снова направить ее воды в Каспий, и постараться запереть рукава, ведущие в Аральское море.

Для перевозки войска на восточный берег Каспия была построена специальная флотилия, почти сто судов. 15 сентября 1716 г. А. Черкасский вышел из устья Волги и 9 октября прибыл к п-ову Тюб-Караган. Там он заложил крепость, теперь форт Шевченко, и прошел к заливу Александр-бай (ныне Александра Бековича-Черкасского), где заложил вторую крепость, а у «Красных Вод» — третью (на этом месте в XIX в. вырос город Красноводск). Оттуда А. Черкасский отправил к хивинскому хану трех человек с сообщением, что намерен идти в Хиву и требует помощи, но посланцы не возвратились.

А. Черкасский отплыл в Астрахань, откуда решил идти прямо на Хиву. Так как много солдат было распределено по трем закаспийским гарнизонам, в его войске осталось около 3000 человек; кроме того, к нему присоединились около 200 торговых людей. Часть войска сухим путем направилась к устью Урала, в Гурьев, А. Черкасский же с другой частью перешел туда морем в июне 1717 г. Из Гурьева объединенный отряд двинулся на восток, на плотах переправился через р. Эмбу, повернул на юго-восток и пересек плато Устюрт в самый разгар лета, очень страдая от жары и жажды. В середине августа показались озера, образуемые сбросовыми водами оросительных каналов, отведенных от Амударьи, на окраине Хивинского оазиса.

В ста верстах от Хивы хан во главе большого отряда пытался остановить русских, но был отбит, отошел к городу и вступил в переговоры с А. Черкасским, сообщившим, что прибыл как российский посол. Тогда же он получил «известие, что жена его... утонула с двумя своими детьми в Волге. Он впал в уныние и обезумел» (А. С. Пушкин, История Петра). А. Черкасский согласился на предложение хана — по частям впустить отряд в город, с тем чтобы русские были расквартированы там небольшими группами. А затем по приказу хана хивинцы напали на русских и перебили всех. Убит был и А. Черкасский. «К несчастию, ...[он] был легковерен, упрям

и несведущ, и предприятие великое с ним вместе погибло» (А. С. Пушкин). Когда весть о гибели отряда дошла до начальников гарнизонов, распределенных по восточному берегу Каспия, они эвакуировали крепости. (Примерно через полвека, когда у Красноводского залива появилась новая русская экспедиция, она нашла там лишь одни развалины крепостей, построенных А. Черкасским).

Миссия Унковского

Для дипломатических переговоров с хунтайджи, т. е. правителем, Ойратского (Джунгарского) ханства[1], а также для изыскания речных путей из Сибири в Среднюю Азию в конце февраля 1722 г. Петр I направил миссию капитана артиллерии *Ивана Степановича Унковского.* В ее состав вошли геодезии ученик *Григорий Путилов* и несколько специалистов горного дела для поисков «песошного» золота, что придало посольству характер научной экспедиции. Позиция хунтайджи (русские переименовали его в «контайшу») была двойственной: он добивался помощи России в борьбе с маньчжурскими завоевателями, пытавшимися захватить его владения, но стремился не допускать русских в пределы своего государства.

11 апреля 1722 г. И. Унковский прибыл в Тобольск, на дощаниках поднялся по Иртышу до Семипалатинска и в начале октября направился на юго-юго-восток вверх по долине р. Чар (левый приток Иртыша). Здесь впервые ему пришлось ночевать «без воды и без дров»[2] (в дальнейшем такое случалось не раз). К востоку он отметил горы Телегул (Калбинский хребет). Посольский караван в глубоком снегу с трудом перевалил горы Камадабан (хребет Тарбагатай) и переправился через р. Эмель в среднем течении. И. Унковский выяснил, что эта река западнее впадает в озеро Алак-Тугул (Алаколь). Далее к югу он двигался по горам Алтын-Имиль (скорее всего, хребты Бирликтау и Майлитау). 25 октября он прошел «между гор щелью [Джунгарские Ворота], и по обе стороны превеликие каменные горы... и во многих местах в утесе яко стена руками человеческими построена», а к юго-востоку от прохода увидел озеро (Эби-Нур), куда, как он узнал, впадает р. Боро-Тала. В начале ноября караван проследовал на юго-запад по сухой степи (западное окончание Джунгарской равнины), форсировал р. Боро-Тала и, пройдя близ озера Зютьхоль (Сайрам-Нур), пересек горы Канзога (хребет Борохоро). После преодоления нескольких мелких речек и более крупной р. Хоргос, правого притока р. Или, И. Унковский вышел к р. Или и 20 ноября достиг резиденции хана где-то в среднем течении реки, извивавшейся по широкой котловине.

[1] Образованное в 30-х гг. XVII в. и уничтоженное в 1758 г. это феодальное государство располагалось в пределах Джунгарской равнины, занимало горы Восточного Тянь-Шаня и южные склоны Монгольского Алтая.

[2] Цит. и названия в кавычках взяты из работы «Посольство к Зюнгарскому Хан-Тайчжи Цэван-Рабтану капитана артиллерии Ивана Унковского...», опубликованной в «Записках ИРГО» по отделению этнографии. Вып. 2. Спб., 1887, т. X.

Здесь посольство провело зиму, а затем около полугода — с конца марта 1723 г. по середину сентября — кочевало вместе с ханом по долине р. Или, по южным склонам хребта Кетмень, в бассейне верхнего Чарына, левого притока р. Или. Почти два месяца (19 июля—10 сентября) И. Унковский прожил в районе двух горных речек, впадающих в восточные глубокие заливы озера Иссык-Куль. Во время кочевки он безуспешно пытался выполнить основное задание Петра — убедить хана перейти в российское подданство. Не удалось послу получить согласие джунгарского правителя и на строительство в его владениях крепостей с русскими гарнизонами. 18 сентября И. Унковский двинулся в обратный путь, повторив в основном прежний маршрут. За Джунгарскими Воротами он прошел близ побережья озера Алаколь и в конце октября достиг Иртыша.

Чрезвычайно скупые географические сведения, собранные миссией, послужили основой для составления карты большого региона (около 300 тыс. км^2 — приблизительно между 44—50° с. ш. и 75—85° в. д.), опирающейся на ряд астрономических определений. Авторами ее были И. Унковский и Г. Путилов. Карта дает представление о восточной оконечности Казахского мелкосопочника, широтном хребте Тарбагатай, об озерах Алаколь и Эби-Нур, Джунгарских Воротах в безымянных горах широтного простирания, о северной части Восточного Тянь-Шаня (горы Мусарт) и стекающих с него речках, принадлежащих бассейну р. Или.

На карту И. Унковский и Г. Путилов нанесли ряд очень важных расспросных сведений; два озера Балгуш (Балхаш)[1], в восточный впадает р. Аягуз, в западный — р. Или, показанная почти на всем протяжении, включая одну из ее составляющих (Кунгес). Близ Алаколя они отметили другое озеро — Сасыкколь — и, следовательно, впервые изобразили, конечно весьма схематически, крупную Балхаш-Алакольскую котловину. Южнее р. Или они показали восточную часть озера Иссык-Куль, а далеко на юге — несколько рек Кашгарской равнины — Тарим, Яркенд (одна из его составляющих) и Керия, в прошлом его приток.

Таким образом, путевой журнал и карта давали первое, практически совершенно новое для европейских географов, достоверное представление о восточных районах Казахстана и части Западного Китая.

Русские исследователи Средней Азии 30—40-х годов XVIII века

С 1703 г. на русском флоте служил уроженец одной из южнославянских областей *Марко Дуброви*ч (в России его звали *Марк Дубровин*). В 1729 г. он был отправлен на три года в Среднюю

[1] Они неправильно поняли сообщения ойратов: Балхаш действительно состоит из двух водоемов — с пресной и солоноватой водой, но они соединены узким (3,5 км) проливом.

Азию — «в Бухары», т. е. в Хивинское и Бухарское ханства. Состав его отряда и маршруты по региону не выяснены. Известен лишь итог работы М. Дубровича — карта, вошедшая в Атлас Кирилова (1731). На ней в общих чертах правильно отражена гидрография междуречья Сырдарьи и Амударьи и течение этих главных среднеазиатских рек.

М. Дубрович показал, что Сырдарья образуется из двух рек — северной, более длинной, имеющей приток, и южной, короткой. Однако с очень большой натяжкой северную составляющую можно принять за р. Нарын, а южную — за р. Карадарью, так как конфигурация обеих далека от действительности. В среднем течении р. Сырдарья с севера принимает р. Ташкент (Чирчик), вытекающую из гор. Амударья, очень сильно изогнута к северу, имеет, судя по карте, протяженность 1900 км (истинная — 2540 км). В междуречье нанесены две реки — Зарафшан, вытекающая из озера (на самом деле она берет начало из ледника), и р. Карши (Кашкадарья), протекающая по волнистой равнине — Каршинской степи.

Юго-западнее нижней Амударьи М. Дубрович поместил две крупные, длиной более 1000 км, реки — Мавра (Мургаб) и Меше (Теджен), впадающих в озеро «Камыш-Тежень»: видимо, он так представлял себе ирригационный веер или сухие дельты этих рек. Созданная им карта, основанная главным образом, на расспросах, давала новое представление о гидрографии Средней Азии.

В ответ на просьбу хана Младшего жуза поставить город близ устьев Сырдарьи в 1740 г. из Орска направился отряд кавалерийского поручика *Дмитрия Гладышева*. Его путь проходил через Мугоджары на юго-юго-восток, близ восточного побережья Аральского моря в низовья Амударьи.

По всему маршруту геодезист *Иван Муравин* вел съемку. Он в основном верно охарактеризовал рельеф приморской полосы Северного Кызылкума: «место ровное», участками «бугорки песчаные и сырты», т. е. ровные или слабо волнистые поверхности. Это вполне соответствует нынешним представлениям о песчано-глинистой приаральской равнине, окаймляющей юго-восточное побережье моря; ее ровный характер нередко нарушают котловины и песчаные всхолмления. И. Муравин отметил также «горки песчаные» (грядовые пески), высота которых достигает 12 м, и «места крепкие и низкие» (такыры). Он упомянул несколько рек (ныне не имеющих поверхностного водотока), через которые пришлось переправляться, в том числе Куандарью.

В апреле 1741 г. отряд возвратился в Орск, не выполнив просьбы хана. Итогом работы И. Муравина была карта, содержавшая первые достоверные сведения об очертаниях восточного берега Арала (около 100 км он следовал близ моря, более 750 км — не видя его). Она давала также верное представление о дельте Сырдарьи и дельтовых протоках Амударьи. По мнению Л. С. Берга, карта И. Муравина, основанная на реальных знаниях о Приаралье,— исходный материал для последующих изображений Аральского моря.

Посольство Карла Миллера

В 1742 г. к хану Джунгарии из Орской крепости была послана дипломатическая миссия майора русской армии *Карла Миллера.* Результаты похода он изложил в недошедшем до нас отчете и составил карту. Описание пути дается по нанесенному на нее маршруту. Правда, направление движения К. Миллер не показал, поэтому пока нельзя установить шел ли он в Джунгарию южной дорогой, а возвращался северной или наоборот (мы приняли «южную» версию). Итак, отряд двинулся на юго-восток через низовья р. Тургая у озера Аскакаль (солончак Шалкартениз), северную часть Приаральских Каракумов и многочисленные пересыхающие речки, берущие начало с гор Улутау (они остались к северу). Далее миссия форсировала р. Сара (Сарысу) в самом низовье — в районе озера и впадины Ащиколь. Севернее маршрута, вне сомнения, по расспросам, но довольно точно, К. Миллер показал место, где теряется в песках р. Цуй (Чу) — озеро Акжайкын наших карт.

Затем отряд достиг хребта Каратау, закартированного русскими землемерами еще в XVII в. (на карте К. Миллера отмечены горы на протяжении около 100 км), пересек ряд коротких рек, стекающих с хребта, и вышел к окрестностям крепости Торкустант (Туркестан). Севернее маршрута К. Миллер нанес, по расспросам, озеро, в которое впадает р. Талас. Нижний участок ее течения (около 250 км) довольно правильно изображен на его карте[1]. В этом районе отряд разделился: одна партия пошла на северо-восток, переправилась через р. Талас, преодолела пески Муюнкум, р. Чу и вышла к западным склонам возвышенности Айтау (близ 44° с. ш.).

Вторая партия проследовала прямо на восток, форсировала р. Талас и, пройдя вдоль всего Киргизского хребта (длина 375 км), переправилась через р. Чу там, где она выходит из гор. Вскоре К. Миллер добрался до самой восточной точки своего маршрута — правого притока р. Чу, впадающего в него примерно у 74°30′ в. д. Отсюда он направился на северо-запад (что помешало ему выполнить основное задание — встретиться с ханом, остается не выясненным) и соединился с другой частью миссии. После пересечения пустыни Бетпак-Дала, плоской, нередко полого-волнистой равнины с многочисленными мелкими солеными озерами, К. Миллер форсировал р. Сарысу близ устья р. Кара-Кенгир, перевалил невысокие голые и скалистые горы Улутау и вышел к р. Кара-Тургай, недалеко от впадения его в р. Тургай (у 65°30′ в. д.). Следуя далее в общем на запад-северо-запад, отряд переправился через р. Улькаяк, правый приток р. Тургая, и прибыл в Орскую крепость весной 1743 г.

По северной части Средней Азии и южной окраине Казахстана К. Миллер проделал около 4 тыс. км, причем некоторые территории не посещались путешественниками до него и много лет спустя.

[1] В наше время р. Талас теряется в песках Айгене, не доходя до небольшого озера.

В начале мая 1743 г. он, как мы уже отмечали, составил карту похода, обнаруженную русским географом и этнографом *Я. В. Ханыковым* в середине XIX в. На ней, конечно схематично, нанесены следующие реки: Тургай (более 450 км) с характерным коленом у 49° с. ш. — то же и на наших картах; Сарысу с почти меридиональным течением (около 600 км); широтная Чу (почти 600 км) и Талас (250 км), образующая довольно правильно показанную дугу выпуклостью к северу. По мнению Я. В. Ханыкова, эта карта — первое достоверное известие о регионе к востоку от Аральского моря или по крайней мере (добавим мы) единственный до середины XIX в. источник сведений о бассейнах Сарысу и Чу.

Гильденштедт на Северном Кавказе и в Закавказье

Крепость Кизляр, расположенную на р. Тереке, И. Гильденштедт сделал своей базой (см. гл. 3) и весь 1770 г. посвятил изучению Северного Кавказа, в частности р. Терека и его притока Сунжи. В следующем году он описал верхний Терек и его притоки Ардон и Малку, осмотрел выходы минеральных источников района Пятигорска и пересек в разных направлениях Ставропольскую возвышенность, затем он поднялся к истокам Терека, перевалил Главный Кавказский хребет по Дарьяльскому ущелью и долиной Арагви добрался до Тифлиса (Тбилиси). В 1772 г. И. Гильденштедт изучил долину средней Куры и бо́льшую часть течения р. Риони, включая ее верховья. Летом следующего года, посетив побережье Черного моря в районе Батуми, он вернулся в Кизляр.

По материалам, собранным во время путешествия, он составил карту Кавказа и дал в общих чертах верную орографическую схему этой горной системы, имеющей, по И. Гильденштедту, широтное простирание (что справедливо для центральной части). Он выделил Главный хребет, состоящий в основном «из снежных гор»[1] с ледниками, назвав его «Льдистым гранитным кряжем», к северу — «высочайшую полосу» сланцевых гор (Боковой хребет наших карт, действительно включающий наибольшие кавказские вершины) и параллельно ему «Северный передовой хребет», рассеченный рр. Малкой, Баксаном и Тереком — несомненно, имелся в виду центральный участок Скалистого хребта.

Он выяснил также, что северные предгорья Кавказа переходят «частью при реках Кубани и Терека, частью за ними к северу в большую, сухую... соляную, безлесную степь, называемую около [Западного] Маныча Кубанской, а около Кумы Куманской степью и простирающуюся между нижним Доном и нижней Волгой»,— в наше время физико-географы включают их соответственно в Причерноморскую и Прикаспийскую низменности.

[1] Здесь и далее цит. из работы И. Гильденштедта «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа». Спб., 1809.

Глава 12

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И В XVIII ВЕКЕ

Русские дипломаты в Китае — Байков и Милованов

Летом 1652 г. в Москву прибыло монгольское посольство, возбудившее интерес русских властей подарками китайского производства и сообщением о возможности торговли с этой страной. На следующий год в Китай отправилось русское посольство, второе после *И. Петлина,* во главе которого стоял сын боярский *Федор Исакович Байков,* человек неграмотный, но больших способностей. Составленный с его слов «Статейный список» (1658) — важнейший географический документ, в котором указаны расстояния в днях караванного пути, характер дороги, броды, мосты и т. п.

Ф. Байков оставил Тобольск осенью 1654 г. Поднимаясь по Иртышу до его верховьев, он перечислил все большие и даже многие малые притоки реки и характер ее берегов. Затем он прошел близ южного побережья озера Зайсан, а далее отметил Камень (хребет Саур): «А на том камени лежат снега великие... никогда на сходят». О пустынных пространствах Северной Джунгарии он сказал кратко, но образно: «Камень, степь голая, только лес небольшой, называют его соскоул [саксаул], растет невысоко, а дерево тяжело, а на огне горит, что дуб, топко». Восточнее его путь пролегал вдоль верховьев Иртыша, об истоках которого он получил туманные сведения: «вверх [в горы к северу] пошел в россыпь мелкими речками...».

Далее Ф. Байков охарактеризовал южные пустынные склоны Монгольского Алтая, лежащие по линии маршрута: «...горы добре высоки [до 4362 м]... а скота, ни воды, ни корму нет». Миновав хребет Гурван-Сайхан, посольство проследовало через центральную часть пустыни Гоби к торговому городу Гуйсуй (Хух-Хото, близ 112° в. д.), а оттуда уже в 1655 г. через Калган (Чжанцзякоу) прибыло в Пекин. Итак, Ф. Байков пересек в широтном направлении всю Южную Монголию и Северный Китай.

Дипломатические переговоры в Пекине длились более полугода и ни к чему не привели из-за отказа Ф. Байкова выполнить унизительные, по его мнению, дворцовые церемонии. Вернулся он в Тобольск в 1656 г.

В середине апреля 1670 г. в ответ на китайское предложение о переговорах нерчинский воевода направил в Пекин небольшую

миссию, которую возглавил уже упоминавшийся нами (см. гл. 7) И. Милованов. Поручение у него было прямо скажем, весьма щекотливое: предложить китайскому императору *Канси* (что по-китайски означает «мирное спокойствие»; настоящее его имя — *Сюань Е*) «навеки и неотступно» стать русским данником. И. Милованов, хорошо знавший Забайкалье, прошел в Китай новым путем: из Нерчинска он двинулся на лошадях на юг, пересек горную полосу Юго-Восточного Забайкалья и вышел к р. Аргуни — «река велика, большими судами ходить можно»[1].

Через пять дней путешествия по голой степи И. Милованов вышел к р. Хайлар — верхнему течению Аргуни — и по ее левому притоку р. Чжадуньхэ первым из европейцев перевалил Камень — хребет Большой Хинган: «...а тот камень невысок, на лошадях верхи и на телегах ездить можно». К р. Нуньцзян, притоку Сунгари, миссия спустилась по р. Ялухэ, а затем, повернув на юго-запад, пересекла степь, горы в верховьях р. Силяохэ и достигла Пекина. Принят И. Милованов был пышно,— видимо, приближенные императора не решились перевести дословно содержание ноты.

Тем же путем в середине августа миссия благополучно вернулась в Нерчинск с ответной нотой. В ней Канси сообщал, что намеревался начать войну с Россией, но изменил планы. Для доклада и передачи ноты И. Милованов двинулся в Москву, куда прибыл в августе 1671 г.

Посольства Спафария и Идеса

В 1675 г. царь *Алексей Михайлович* отправил в Китай большое посольство (150 человек, включая конвой) во главе с молдавским греком *Николаем Гавриловичем Милеску-Спафарием*, образованным человеком, переводчиком Посольского приказа. Кроме основного задания — уладить недоразумения на амурской границе и завязать торговые сношения с Китаем — Н. Спафарий должен был составить обстоятельное описание новых русских владений в Забайкалье и по Амуру, а также пограничных с ними стран.

Дойдя до Енисейска, Н. Спафарий, отрядил служившего там И. Милованова в Пекин с сообщением о целях русского посольства и времени его прибытия в китайскую столицу. И. Милованов поднялся по Ангаре до Байкала и по р. Селенге до устья р. Уды. Оттуда он двинулся на северо-восток вдоль правого берега реки до озера Большое Еравное, затем перевалил Яблоновый хребет и по рр. Чите и Ингоде (система Амура) прибыл в Нерчинск. Эта дорога позже стала основной трассой из Иркутска на р. Шилку.

Из Нерчинска по Шилке и Амуру И. Милованов добрался до городка Албазин (у 124° в. д.) и, переправившись через Амур, первым из европейцев прошел на юг, в Пекин, вдоль восточного склона хребта Большой Хинган (длина около 1200 км).

[1] Цит. из работы «Русско-китайские отношения», т. 1.

Между тем посольство Н. Спафария проследовало из Енисейска к Байкалу, маршрутом И. Милованова пересекло Забайкалье и, перевалив в середине января 1676 г. Большой Хинган, остановилось на р. Нуньцзян в ожидании И. Милованова. Выполнив поручение, тот прибыл к месту встречи 18 февраля и с письмом посла поехал в Москву; через несколько лет он вернулся в Нерчинск.

После встречи посольство продолжило путь через Маньчжурию и в середине мая прибыло в Пекин. Не добившись дипломатического успеха в Китае, Н. Спафарий вернулся той же дорогой в Восточную Сибирь весной 1677 г. Свой дневник он назвал так: «Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского...». По форме эта работа практически не отличается от «скасок» и «расспросных речей» землепроходцев или «статейных списков» посольств. Но она значительно превосходит их по подробности и точности изложения маршрута. В дневнике приведены в общих чертах верные описания Оби, двух ее притоков (Иртыша и Кети), а также р. Ангары.

Среднее течение Оби между устьями Иртыша и Кети (около 1000 км) он охарактеризовал подробно с указаниями проток, которыми так богат широтный отрезок великой реки. Истоком ее, использовав расспросные сведения, он считал Телецкое озеро, питающееся водами Бии и Катуни, ошибочно предполагая, что они «издали текут из степи»[1]. Кеть, по его словам,— река «стоскливая [так как], по ней ни елани [целины], ни поля нет, только лес непроходимый, болота и озера».

Н. Спафарию принадлежит первое в географической литературе детальное описание озера Байкал, ибо для древних и современных Спафарию географов это «море неведомое есть». Он перечислил все впадающие в него реки, в том числе Селенгу, Баргузин, Верхнюю Ангару, охарактеризовал о. Ольхон и заливы. Он верно указал на очень большую глубину озера («великая пучина»), лежащего в горном обрамлении: «от Верхней Ангары до устья Нижней Ангары везде подле моря — утесы каменные и горы высокие и места самые страшные... а по Селенгинской стране [стороне] — земля низкая...».

Обобщив сведения землепроходцев, Н. Спафарий дал первую, правда весьма далекую от истинной, орографическую схему Восточной Сибири: в Лено-Амурском междуречье от Байкала до Охотского моря протягивается «великий хребет» — водораздел бассейнов этих рек. Неверное представление о едином очень длинном Становом хребте просуществовало до наших дней: еще в 1947 г. считалось, что восточнее Станового нагорья, от правого берега р. Олёкмы до 60° с. ш., идет непрерывный 1500-километровый хребет, имеющий форму дуги, выпуклой к юго-востоку[2].

[1] Цит. здесь и далее из работы Н. Спафария «Сибирь и Китай», 1960; впервые была опубликована в 1882 г.

[2] В начале XX в. к Становому или Яблоновому хребту относили систему горных поднятий — главный водораздел между Тихим и Северным Ледовитым океанами, протягивающихся от границ Монголии (у 50° с. ш.) до Берингова пролива.

Большим успехом пользовался другой труд Н. Спафария — «Описание первой части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство...». Известны многие его списки XVII и XVIII вв. В этой работе по «скаскам» землепроходцев и расспросам он дал первое описание Амура, считая его не только крупнейшей рекой Сибири, что справедливо, но и всего мира (явное преувеличение). Он верно указал, что Амур образуется слиянием Аргуни и Шилки, составляющие которой — Онон и Ингода; он отметил ряд притоков Амура, в том числе главный Сунгари.

Н. Спафарий сообщил расспросные сведения об о. Сахалин, но ошибочно преувеличил его длину и ширину (1500 и 300 км; истинные размеры соответственно 948 и около 100 км), так как присоединил к нему о. Хоккайдо; он отметил суровость климата острова («великие снега и стужи») и первый привел правдивую и точную характеристику гиляков, о которых в те времена, да и значительно позже, достоверных данных было крайне мало.

Роль топографов в посольстве играли два помощника посла — *Никифор Венюков* и *Иван Фаворов,* составившие много маршрутных чертежей, послуживших основой для общего чертежа (не сохранился). Этот картографический документ имел градусную сеть — пересекая просторы Сибири, Н. Спафарий выполнил с помощью астролябии первые определения географической широты ряда пунктов.

Материалами Н. Спафария воспользовались иезуиты, проявлявшие тогда интерес к Китаю, где они прочно обосновались.

В середине марта 1692 г. из Москвы в Китай двинулось еще одно русское посольство. Петр I поручил своему первому послу — купцу *Избранту Идесу,* голландцу по происхождению, разузнать как можно больше о Китайском государстве: о традиционных товарах, о торговых путях и партнерах, о местах добычи драгоценных камней или их иностранных поставщиках, наконец об отношении императора Канси к Нерчинскому трактату 1689 г. (ратификация договоров тогда еще не практиковалась).

Путем И. Милованова и Н. Спафария посольство прибыло в Пекин в начале ноября 1693 г., а в феврале следующего года отправилось домой той же дорогой и вернулось в Москву 1 февраля 1694 г. И. Идес привез известие о мирных намерениях Канси, сыгравшее немаловажную роль: Петр I считал необходимым сохранить мир на восточных границах.

Дневники, которые вели как сам посол, так и его секретарь немец *Адам Бранд,* были опубликованы в 1698 г. (книга А. Бранда) и в 1704 г. (работа И. Идеса), а затем неоднократно переводились на ряд европейских языков; последнее издание на русском языке появилось в 1967 г. Труды обоих путешественников получили широкую известность и считаются классическими произведениями мировой географической литературы. Они, однако, значительно уступают работе Н. Спафария, так как содержат мало новых географических сведений о пройденном пути. И все же некоторые наблюдения И. Идеса заслуживают упоминания. Путь от Нерчинска через Юго-Восточное Забайкалье шел по высоким каменистым и лесистым го-

рам, среди которых временами встречались красивые широкие долины и мелкие реки, кедровники и березовые рощи. И. Идес верно подметил, что река «Аргунь разделяет область на две совершенно различные местности. Один берег [левый], гористый, довольно сильно заросший лесом и кустарником, подходит к самой реке, другой [правый]... почти безлесный...». После пересечения Большого Хингана И. Идес первый обратил внимание на асимметричность хребта: «Северные [западные] склоны этих гор... в три раза менее круты, чем южные [восточные], по которым мы спускались». За хребтом началась ровная, бесплодная степь, небо здесь редко покрыто облаками, но в воздухе носится белая, трудно переносимая пыль.

И. Идес и А. Бранд первые собрали и изложили, не всегда, правда, достоверные расспросные сведения о зырянах (коми), вогулах (манси), остяках (хантах) и тунгусах (эвенках).

Во время маршрута по Сибири И. Идес — вслед за Н. Спафарием — выполнил определения широты ряда географических пунктов.

Паллас, Соколов и Георги в Южной Сибири

Продолжая исследование России, П. С. Паллас в начале лета 1771 г. пересек Ишимскую степь, достиг Омска, а затем поднялся по Иртышу до Семипалатинска (конец июня), по пути описывая небольшие соленые озера. Из-за простуды он смог приступить к работе лишь в середине июля и осмотрел северо-западную часть Алтая — бассейн верхнего Алея, причем в излучине этого левого притока Оби выделил Колыванский хребет.

В начале июля он направил в горы своего спутника — студента академии Н. Соколова, вернувшегося почти через месяц. Его проводники не знали верной дороги, пришлось продираться через густой лес, в итоге вся одежда была изорвана в клочья. По небольшому потоку Н. Соколов поднялся на центральную часть Тигирецкого хребта, к востоку усмотрел другой хребет — Коргонский и обратил внимание на вертикальную зональность растительности гор.

Из Семипалатинска в начале сентября П. С. Паллас двинулся на север через Барнаул в Томск и отметил горы с плоскими вершинами (Салаирский кряж). Из Томска он направился в общем на юго-восток, пересек северную часть Кузнецкого Алатау, переправился в конце сентября через р. Чулым и вступил в пределы Минусинской котловины. Он обратил внимание на ее «прекрасные степи»[1] и хорошие климатические условия. Из Абакана он отправил коллекции и вещи в Красноярск на плотах вниз по Енисею, а сам прошел берегом реки и прибыл туда в октябре 1771 г.

В начале марта 1772 г. П. С. Паллас двинулся на юго-восток, в Забайкалье, и по льду пересек Байкал. В низовьях Селенги путе-

[1] Цит. здесь и далее из работы П. С. Палласа «Путешествия по разным провинциям Российского государства». В 5 кн. Спб., изд-во АН, 1786—1788, ч. 1—3.

шественника поразили «страшные горы и леса... где Селенга хребет пробивает» — об этом писал и Д. Мессершмидт. По рр. Селенге и Чикою П. С. Паллас проследовал на юг, к купеческому городу Кяхте — его интересовали объем и содержание торговли. В начале апреля, после возвращения в низовья Селенги, он направился в «Даурию, которую здесь обыкновенно Закаменной называют», пройдя на восток вверх по долине р. Уды и через истоки р. Хилка к Чите, т. е. перевалил Яблоновый хребет. «За перевалом местность стала более открытой, вольной и приятной».

Из Читы П. С. Паллас прошел на юго-восток, к монгольской границе, описал бессточное озеро Торей (Барун-Торей), отметив, что в него впадают две реки — Ималка и Улдза. Озеро окружает «высокая открытая степь», изобилующая мелкими озерами. Здесь водится дикая лошадь «джигеттей», впервые описанная Д. Мессершмидтом; Паллас считал ее онагром (диким ослом).

Для обследования границы с Китаем и Монголией и «неведанных еще сей страны гор» Паллас направил Н. Соколова. В конце мая тот проехал по дороге на северо-восток примерно до 120° в. д., а оттуда направился берегом вверх по долине Аргуни, до ее колена близ озера Далайнор. Небольшой безымянный массив с отметкой 881 м в степи на китайской стороне показался ему высокими горами. Окружающая степь «совсем бесплодна, песчана и камениста», горы переходят в «отлогие пригорки». Затем Н. Соколов прошел вверх по левому берегу Онона и в конце июля достиг его притока р. Кыры (у 112° в. д.). Оттуда он выполнил восхождение на Сохондо (2499 м) в нагорье Хэнтей, долгое время считавшуюся высшей точкой Южного Забайкалья. Соколов верно определил, что снеговые горы в районе этой вершины — истоки ряда рек — простираются в северо-восточном направлении. Он направился близ гребня Хэнтея, на юго-запад и достиг верховьев Онона.

Поднявшись еще на один двухтысячник — Кумыльский Голец, Соколов продвинулся далее к западу и отметил «превысокие и непроходные горы» по р. Ашинге, небольшому притоку Онона. В наше время здесь выделяют Чикоконский хребет, в центральной части которого находится вершина Южного Забайкалья — Барун-Шабартуй (2519 м). Продолжая маршрут на запад, Н. Соколов пересек несколько притоков р. Чикоя, вышел к этой реке у 108° в. д. и завершил первое обследование горной страны в пограничной полосе на протяжении более 1200 км.

Тем временем П. С. Паллас из района озера Барун-Торей продвинулся к северу, в низовья р. Борзи, описал небольшой массив Адун-Чолон, знаменитый своими минералами, и небольшое озеро. В начале июня он вернулся в Читу по дороге, пересекавшей ряд хребтов. Завершая работы в Забайкалье, П. С. Паллас направился на запад и отметил «высочайший хребет», отделяющий рр. Уду и Хилок: «он... неширок, покрыт... лиственничным лесом». В наше время между этими правыми притоками Селенги выделяют два основных хребта (Цаган-Хуртэй и Цаган-Дабан, принятых Палласом за единое целое) и четыре второстепенных.

Перевалив Цаган-Дабан у 108°30′ в. д., П. С. Паллас по рекам системы Селенги добрался до Гусиного озера, крупнейшего в Забайкалье, выполнил его описание и 20 июня вернулся в Селенгинск. По его собственному признанию, за все время путешествия по Сибири наиболее богатые ботанические и зоологические сборы пришлись на Южное Забайкалье и Прибайкалье. Он дал общую характеристику Забайкальской горной страны: «Пространство меж Байкалом и границей большей частью наполняют сухие открытые, прерывистые крутые каменные горы», среди которых раскинулись долины и равнины, приуроченные к отлогим склонам; по сравнению с территорией Западной Сибири они приподняты «весьма высоко» — такой верный вывод он сделал при сопоставлении растительности этих регионов; он отметил также суровость климата страны.

В августе 1772 г. П. С. Паллас вернулся в Красноярск. Ботанические сборы на территории Сибири позволили ему отвергнуть мнение И. Гмелина, проводившего границу между Европой и Азией по Енисею; она, по Палласу, должна проходить по Уралу. Осенью 1772 г. он вновь изучал Минусинскую котловину, отметил множество старинных могил и памятников, описав наиболее интересные и выполнив раскопки некоторых могильников.

С августа 1770 г. доктор медицины Иван Иванович Георги начал изучение Оренбургского края, Общего Сырта и прикаспийских степей. В 1771 г. И. Георги исследовал Алтай, а в следующем году его откомандировали в экспедицию Палласа. Летом 1772 г. он описал более 900 км побережья Байкала: от устья р. Бугульдейки (у 106° в. д.) до Верхней Ангары и оттуда — уже по восточному берегу озера — до устья р. Селенги; он плавал по Байкалу, описал о. Ольхон и составил карту озера.

Вернувшись к устью р. Баргузина, Георги прошел вверх по его долине до 100° в. д., а оттуда к верховьям р. Ины, левого притока Баргузина, перевалил Икатский хребет и вышел в бассейн Витима на р. Кыдымит; он был первым ученым, посетившим Витимское плоскогорье. Добравшись до Витима, Георги двинулся на север по Витимскому плоскогорью, вновь перевалил Икатский хребет и вернулся в долину Баргузина. Осенью он прошел до устья Селенги через Читу в Нерчинский край и обследовал забайкальские рудники.

Шангин на Алтае

Открытие в начале XVIII в. ряда рудных месторождений собственно Алтая, т. е. северо-западной части горной системы Алтая, повлекло за собой строительство первых медеплавильных заводов, принадлежавших императорской фамилии. С 1745 по 1786 г. в этой, тогда почти неизученной, области побывало несколько небольших партий, отрядов и даже сравнительно крупных экспедиций, в задачу которых входили поиски руд и поделочных камней. В ряде случаев поисковикам придавались топографы, выполнившие съемки

посещенных районов. К 1786 г. русским исследователям стали довольно хорошо известны несколько левых притоков Оби (в том числе Алей и Чарыш), а также ее составляющие — Бия с низовьями Чулышмана и течение Катуни до устья ее правого притока Чуи. Истоки всех этих рек оставались неизученными: на картах их верховья показывались схематически и «уводились» далеко в горы.

Наиболее крупным исследователем Алтая XVIII в. был врач и натуралист *Петр Иванович Шангин*. В 1786 г. его назначили руководителем поисково-разведочной экспедиции с задачей отыскать новые месторождения руд и поделочных камней и описать весь Алтай в пределах России. В мае — начале июня того же года он положил на карту долину р. Чарыша, а также заснял до истоков короткие левые притоки Чарыша, проследив высокий и крутой Коргонский хребет — страшную стену скал, по его описанию.

В середине июня П. Шангин поднялся к истоку обнаруженного им правого притока Чарыша и открыл самую высокую часть Бащелакского хребта. В июле, перевалив Коргонский хребет, он проследовал на юг и попал в долину Коксы, левого притока Катуни. Выяснилось, что из этого района легко проникнуть в долину Чарыша по плоским горам, обильно поросшим травой. Пройдя к истоку реки, П. Шангин выявил Коксуйский хребет. Затем он спустился по Коксе примерно до 85° в. д. и по долине одного из левых притоков реки вышел к его истокам в Теректинском хребте.

В конце июля П. Шангин обследовал небольшой южный приток Коксы и, перевалив хребет Холзун у 50° с. ш., добрался до какого-то притока Бухтармы. Но он не стал задерживаться здесь, а вернулся на Коксу и по ней спустился к Катуни. По так называемым степям широкой долины реки он прошел некоторое расстояние по течению и в середине августа, свернув к югу, впервые достиг северных склонов Катунского хребта. Вернувшись на Коксу, он вновь побывал в центральной части Коксуйского хребта, а затем — уже в середине сентября,— перевалив Коргонский хребет в долину р. Чарыша, отправился в обратный путь.

За пять месяцев работы в горах Алтая П. Шангин открыл около 150 месторождений полезных ископаемых и составил карту горной страны, убрав ряд «белых пятен». Однако, вне пределов его исследований осталась самая труднодоступная юго-восточная часть Алтая, включавшая истоки р. Катуни. С «легкой руки» П. Шангина, вторично посетившего долину р. Чарыша в 1796 г., началось ее заселение. В 1816 г. русский Генеральный штаб издал карту Алтая: гидрографическая сеть нанесена по данным П. Шангина.

Первый исследователь Саян

О горной стране в средней части Южной Сибири, между Алтаем и озером Байкал, впоследствии получившей название Саяны, практически никаких географических сведений не имелось вплоть до начала 70-х гг. XVIII в. Первые достоверные данные об этом суро-

вом горном крае, включающем две горные системы (Западный Саян и Восточный Саян), собрал в 1772—1781 гг. пограничный комиссар и геодезист сержант *Егор Пестерев*. По поручению тобольского губернатора в течение десяти летних сезонов ежегодно он совершал поездки по долинам многочисленных горных рек, прорезающих себе дорогу в каменных ущельях, причем всегда достигал их истоков. Во время скитаний с помощью компаса и мерительной веревки он составлял карту обследуемой местности.

Две рекогносцировки верховьев Абакана, притока Енисея,— на западе и р. Чуни, система Ангары,— на востоке, выполненные летом 1772 г., позволили Е. Пестереву сделать неутешительный вывод: эти места «никем и никогда описаны не были»[1]. Затем он посетил верховья р. Кана (впадающего в Енисей справа) и его притока Агул, т. е. обследовал район Восточного Саяна близ 54° с. ш.— так называемые белогорья.

В следующие два сезона, поднявшись к истокам Уса, другого правого притока Енисея, Е. Пестерев вышел в центральную часть Западного Саяна. При спуске по реке он отметил вдоль ее левого берега высокие горы с крутыми склонами — Куртушибинский хребет. Затем в поисках истоков р. Амыла, одной из составляющих Тубу, притока Енисея, он заблудился и двинулся по течению какой-то речки, направляющейся на юго-восток. Вскоре от местных жителей он узнал, что это один из притоков верхнего Енисея (Бий-Хема). Спустившись на короткое расстояние по реке, Е. Пестерев по небольшому притоку Бий-Хема вновь вышел на водораздел близ 94° в. д., проследовал вдоль гребня центральной части Западного Саяна на северо-восток (конец августа 1774 г.) и по долине речки, впадавшей в Амыл, вернулся на равнину.

При обследовании летом 1775 г. истоков р. Оны, система Абакана, и р. Кантегира, левого притока Енисея, близ 90° в. д., Е. Пестерев открыл хребет Сайлыг-Хем-Тайга, западное окончание Западного Саяна. В последующие годы он побывал в истоках левых притоков Ангары — от Оки до Бирюсы — и, следовательно, открыл почти весь Восточный Саян, длина более 1000 км. Поднявшись к истокам р. Кизира, впадающей в Казыр, правую составляющую Тубы, он обнаружил «вершину Эльго [имеющую]... вид... высокого столба» — пик Грандиозный, 2922 м, но неверно посчитал эту гору самой высокой в Саянах (высшая точка — Мунку-Сардык, 3491 м).

Летом 1779 г., вновь посетив истоки Уса, ряда мелких рек, впадающих справа в Енисей, а также Казыра, Е. Пестерев завершил в основном открытие всего Западного Саяна, длина около 600 км. Итогом его десятилетних странствий по неизведанным горам Южной Сибири явилась первая, конечно, схематическая, географическая карта Саян. Ему же принадлежит первая этнографическая характеристика жителей этой горной страны — бурят, тофаларов и родственных им тувинцев, тюркоязычной нации.

[1] Цит. здесь и далее из статьи Е. Пестерева «Примечания о прикосновенных около Китайской границы жителях...». Новые ежемесячные сочинения. Спб., 1793.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ТИБЕТА, ИНДИИ И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И В XVIII ВЕКЕ

Иезуиты в Тибете

В апреле 1661 г. два иезуита, австриец *Иоганн Грюбер* и бельгиец *Альбер Орвиль*, направились сухим путем из Пекина в Рим с тайным поручением (морская дорога из Китая в Европу была тогда блокирована голландцами). Обычным маршрутом буддийских пилигримов они достигли г. Синин в верховьях р. Хуанхэ (у 102° в. д.) и, обогнув с юга озеро Кукунор, двинулись новым (для европейцев) путем — не на юг, а сначала на запад — вдоль южной границы впадины Цайдам. Затем Грюбер и его спутник пересекли в юго-западном направлении ряд хребтов и 8 октября прибыли в Лхасу. После полуторамесячного пребывания там они направились вверх по р. Цангпо (Брахмапутра) до г. Шигацзе (у 89° в. д.) и далее в столицу Непала — Катманду. В марте 1662 г. иезуиты достигли Агры (Северная Индия), где умер Орвиль, не выдержав тягот путешествия. Грюбер же повернул на запад, пересек Пенджаб, долину Инда, всю южную полосу Иранского нагорья, Месопотамию и Малую Азию до Смирны, а оттуда морем направился в Рим, куда прибыл в феврале 1664 г. Грюбер и Орвиль были первыми европейцами, пересекшими с северо-востока на юго-запад Тибетское нагорье и, несомненно, побывавшими в Лхасе. Отчет Грюбера о его путешествии короток и сух, но он все-таки содействовал расширению европейских знаний о Центральной Азии[1], а

[1] Самым ранним настоящим исследователем Центральной Азии был правитель Кашмира, полководец и историк первой половины XVI в. *Мирза Мухаммед Хайдар*, уроженец Ташкента. В 1531 г. он сделал попытку захватить Лхасу и во главе армии проник в Южный Тибет из Леха, на верхнем Инде (близ 78° в. д.), до Шигацзе — примерно на 1500 км. Потеря лошадей вынудила его повернуть обратно. На р. Гартанг, истоке Инда, его армия была разгромлена. Жители приютили остатки обмороженного умирающего от голода войска Мирзы Хайдара и помогли ему собрать свежие силы, с которыми он разграбил западные районы страны своих спасителей. Во время этого похода Мирза Хайдар получил расспросные сведения обо всей территории Тибета.

В работе «Рашидова история» («Тарихи Рашиди», написанной в 1541—1546 гг.) одну главу Мирза Хайдар посвятил общей географической характеристике Тибета. Он верно отметил, что — цит. по *Х. Хасанову* — «из-за высоты местности климат Тибета холодный. Во всех [его] районах... не растут деревья и даже травы редки. Там имеются горы шириною больше Памира, протяженностью в 20 дней пути... Большие горы [поднимаются] на границе Тибета и Индии.

его определения большого числа астрономических пунктов по линии маршрута позволили значительно улучшить карту региона.

В 1715 г. итальянский иезуит *Ипполито Дезидери* был отправлен в Тибет под официальным предлогом — восстановить миссию в Цапаранге, закрытую в 1641 г. Вряд ли он смешал Цапаранг с Лхасой: эти пункты находятся на различных речных системах и отстоят друг от друга почти на 1200 км по прямой линии. Вероятнее, что Дезидери получил задание непосредственно снестись с центральной тибетской властью, тогда еще фактически независимой от маньчжурской династии, захватившей власть в Китае. Так или иначе, но он совершил длинное путешествие по Южному Тибету, минуя Цапаранг. Из Агры Дезидери прошел в Сринагар (Кашмир), где прожил полгода, а оттуда в Лех, на верхнем Инде, перевалив Центральные Гималаи. Далее он поднялся по долине Инда до его истока (Гартанг), посетил озеро Манасаровар (у 81°30′ в. д.) и вскоре вышел к верховьям р. Мацанг, текущей на восток и ниже по течению называвшейся Цангпо (верхняя Брахмапутра). По ее долине Дезидери достиг Лхасы в марте 1716 г. Он отметил, что горы Кайлас, вдоль южных склонов которых пролегал его путь, видимо, не только местоположение истока Инда, но и водораздел западных и восточных речных бассейнов. Он оказался прав: истоки Инда и Брахмапутры действительно находятся в хребте Кайлас (длина 300 км). Таким образом, Дезидери разведал важнейшую горную дорогу, соединяющую Юго-Западный Тибет с Юго-Восточным, где находится Лхаса, и связал свой маршрут с маршрутом своих предшественников — католических миссионеров. Он отправил одного из своих спутников-монахов через Непал в Северную Индию, а сам прожил пять лет в Юго-Восточном Тибете. На следующий год после вступления в Лхасу китайских войск (1720) Дезидери покинул Тибет и вернулся через Непал в Индию. Он составил подробное географическое описание Южного Тибета, но оно было извлечено из ватиканских архивов лишь в 1875 г., а опубликовано в 1904 г. И только тогда выяснилось, что Дезидери — единственный исследователь XVIII в., уверенно отождествивший р. Цангпо с Брахмапутрой и прямо указывавший, что она пересекает бóльшую часть Южного Тибета в широтном направлении. Однако географическую проблему Цангпо (Брахмапутры) удалось окончательно разрешить лишь в конце XIX в.

Крупным путешественником по Тибету считается голландец *Самюэл Ван-дер-Пютте*, хотя о его работе по исследованию Тибета материалов не сохранилось: перед смертью (1745) он завещал сжечь все свои рукописи. Вероятно, через Непал он достиг Лхасы около 1729 г. и предпринял полное приключений путешествие по Тибету на северо-запад через верховья рр. Салуин и Янцзы, пройдя

Начало всех рек [Северной] Индии находится на тибетской земле. И все [они]... текут на запад и на юг. Есть еще другие реки, [направляющиеся] ... на восток и север...». Из этих сведений Мирза Хайдар правильно заключил, что Тибет — высокоприподнятая страна, ибо любой желающий проникнуть туда, должен подняться на очень высокие перевалы, не имеющие наклона на другой стороне.

маршрутом буддийских пилигримов. К озеру Кукунор он добрался в октябре 1731 г. и провел здесь длительное время, занимаясь топографической съемкой. По прибытии в район Пекина С. Пютте оставался в буддийском монастыре, а затем в обличье погонщика верблюдов проник в столицу Китая. В Лхасу он вернулся в мае 1737 г. и в том же году через озеро Манасаровар и Кашмир достиг Индии. На Востоке, особенно в Тибете, С. Пютте почитался как святой.

Первые топографические съемки Тибета

Император Китая Канси, проявлявший интерес к географии своих обширных владений, вознамерился получить достоверные известия о Тибете. Это, скорее всего, было связано со стратегическими планами. Канси воспользовался разногласиями среди тибетских лам, возникшими около 1705 г., и для их улаживания направил туда миссию во главе с мандарином. К ней были прикомандированы два чиновника, получившие задание заснять владения Великого ламы. В 1711 г., после более чем пятилетней работы, они вернулись в Пекин с картами, забракованными иезуитами — составителями атласа Китая: карты не опирались на астрономические определения. И в следующем году Канси направил в Тибет двух лам, специально подготовленных для более точных съемок. Они засняли на карту большую территорию, но в 1717 г. вынуждены были срочно покинуть страну. Представленные ими карты, грубые и неточные, все же имели значительную ценность, так как были первым картографическим изображением Тибета. Между прочим, исток Ганга составители показали из озера Ламкен (Лангак), расположенного чуть западнее Мапама (Манасаровар), и эта географическая ошибка продержалась около столетия. Большая заслуга съемщиков в хорошем изображении верхних течений Сатледжа и Инда, а также сравнительно правильном нанесении Тсанпу (Брахмапутры).

Съемочные работы иезуитов в Индии

Иезуиты разных национальностей действовали на п-ове Индостан уже с 1542 г. Помимо выполнения своих прямых обязанностей, они занимались сбором различной информации о стране, вели съемку местностей, по которым им приходилось путешествовать «по делам службы», составляли маршрутные карты. И все же вплоть до XVIII в. ученые располагали весьма скудными материалами по географии Индии. Карты страны, опубликованные в ряде европейских государств, базировались на представлениях древних и средневековых географов, а также на рассказах — часто с большой долей фантазии — путешественников и моряков. Из-за нехватки фактов сказочные сведения перекочевывали с одной карты на другую, видоизменяясь и обрастая мифическими деталями.

Первые, сравнительно небольшие, но достоверные знания о внутренних районах южной части субконтинента собрал за более чем 30-летнее (1688—1722) пребывание в тех областях французский иезуит-миссионер *Жан Венан Буше.* Его исследования охватили территорию более 200 тыс. км^2; он описал также восточное побережье Индостана от мыса Кумари, лежащего, по его данным, на 7° 58′ с. ш. (истинное положение 8° 04′ с. ш.), до 14° с. ш., т. е. на протяжении боле́е 1 тыс. км. К 1722 г. по своим материалам он составил первое картографическое изображение изученного им региона, ставшее основой двух (1737 и 1752) карт известного французского географа Ж. Б. д'Анвиля.

В 1759 г. король Португалии запретил деятельность иезуитов в своих индийских колониях. Члены ордена, миссионеры разных национальностей, были под конвоем высланы по домам. Среди избежавших изгнания оказался австриец *Йозеф Тиффенталер,* проведший к тому времени 16 лет в скитаниях по стране, один из наиболее ревностных географов-энтузиастов среди миссионерской братии. В 1744—1747 гг. он прошел от Камбейского залива на север до 24° с. ш. вдоль восточных склонов хребта Аравали, а в 1750—1751 гг. пересек с севера на юг плато Малва и, дойдя до Камбейского залива, вновь повернул на север, выполнив маршрут через многочисленные пересыхающие реки, дренирующие территорию между пустыней Тар и западными склонами хребта Аравали. В обоих случаях он проводил определения астрономических пунктов. Понимая, что без сильного покровителя ему придется весьма туго, Тиффенталер в 1765 г. решил обратиться за поддержкой и финансовой помощью к администрации английской Ост-Индской компании. Он спустился по рр. Джамна, Гангу и его рукаву Хугли в Калькутту и там получил задание обследовать до истоков ряд левых притоков Ганга между 80° и 84° в. д. (центральная часть нынешнего штата Уттар-Прадеш).

В октябре И. Тиффенталер поднялся по Гангу на маленькой лодке до устья р. Джамны. Во время маршрута с компасом в руке он засекал все изгибы реки на протяжении более 1 тыс. км, уточнив карту Ганга французского иезуита *Клода Будье,* составившего карту Ганга до устья р. Джамны и этой реки до 78° в. д. по материалам своих наблюдений 1733—1734 гг. Сделав своей базой город Лакхнау (у 81° в. д.), И. Тиффенталер за пять лет, вплоть до 1770 г., детально описал более 20 рек, орошающих исследуемую территорию, в том числе р. Гомати (длина около 800 км) и ранее не известный европейским географам наиболее многоводный левый приток Ганга — р. Гхагхра (длина 950 км). Специально обученного им индийца он направил для съемки верховьев этих притоков в Сиваликских горах. Однако главным вкладом И. Тиффенталера в географию Индийского субконтинента современники с полным основанием считали его «Описание Индии». В этом труде, охватывающем все стороны жизни страны, центральное место отведено географической характеристике всех 23 провинций, главным образом их речных систем; течения многих рек описаны от истоков до устьев.

Работы Тавернье и Бюсси-Кастельно

Наиболее крупным французским исследователем Индии XVII в. был торговец алмазами *Жан Батист Тавернье*[1]. Он исколесил субконтинент во многих направлениях, определяя расстояния в шагах. Внимательный и точный наблюдатель, Тавернье, в отличие от подавляющего большинства купцов, наводнявших Индию, заносил в свой дневник географические характеристики посещенных им районов, описывал горы и реки. В 1652—1667 гг. он выполнил два путешествия по Южной Индии и проделал кольцевой маршрут между Камбейским заливом, Дели и дельтой Ганга, причем в 1665 г. получил возможность осмотреть, описать и, конечно, оценить крупнейшую в мире коллекцию самоцветов властителя Индии из династии Великих Моголов. В 1681 г. в Париже вышла его книга «Шесть путешествий Жана Батиста Тавернье».

К середине XVIII в. империя Великих Моголов, занимавшая бóльшую часть территории п-ова Индостан и почти всю Северную Индию, распалась на ряд феодальных государств, ожесточенно враждующих друг с другом; среди них одним из крупнейших было Хайдарабадское княжество. В разгоревшейся вскоре борьбе за хайдарабадский престол большую роль сыграл молодой французский офицер *Шарль Жозеф Патисси Бюсси.* За заслуги перед французской короной он получил титул маркиза и стал именоваться *де Бюсси Кастельно.* О нем упоминал К. Маркс в своих «Хронологических выписках по истории Индии (664—1858 гг.)». Интриги, заговоры наемных убийц — весь этот «набор» грязных средств, а также силу своего военного отряда использовал он для того, чтобы стать фактическим властителем всего Декана. В тот период центральная часть плоскогорья все еще была для европейских географов совершенно неизвестным регионом. Маршруты Ш. Бюсси пересекли междуречья средних течений рр. Кришны и Годавари, Годавари и Тапти. В результате съемочной работы самого Ш. Бюсси и, главное, его помощника *Жана Батиста Сен-Поля* на карту впервые была положена территория между 17 и 21° с. ш. и 75—79° в. д., по площади практически равная Белорусской ССР. Географические сведения об этой части Декана, собранные обоими исследователями, до конца XVIII в. оставались единственными.

Бретонский дворянин *Мишель Пьер Жакуа* с 1784 г. находился на службе раджи княжества Джайпур, входящего в крупный союз Маратхских княжеств. В течение 10 лет он блуждал по стране к северу от р. Тапти, выполнив несколько пересечений гор Сатпура

[1] Первые путешествия Ж. Б. Тавернье по Индии относятся к более раннему периоду: в 1640—1641 гг. он прошел из Ирана по Индо-Гангской равнине в дельту Ганга, оттуда — по рр. Гангу и Джамне поднялся к Агре, а затем проследовал на юго-запад, к Камбейскому заливу. В 1645—1649 гг. от Камбейского залива он проник на копи Голконды, близ Хайдарабада, и через верхнее течение р. Кришны вышел к западному побережью Индостана у 16° с. ш. Два с половиной столетия — с середины XVII до конца XIX в.— для оценки стоимости ювелирных алмазов специалисты пользовались правилом Тавернье.

и Виндхья, а также плато Малва и хребта Аравали. Итогом его скитаний явилась карта бассейнов рр. Чамбала и Луни (теряется в Большом Качском Ранне близ 25° с. ш.), средней и нижней Нармады.

С начала 90-х гг. XVIII в. до 1804 г. с перерывами М. Жакуа заснял почти всю р. Джамну (длина 1384 км) — от устья до первых порогов в горах Сивалик. Сначала он вел съемку с лодки, а когда река стала несудоходной — прошел берегом, но к истокам проникнуть не решился. В горах его ограбили, отняв все инструменты и пожитки. Результатами его работы воспользовались англичане при составлении карты Индии.

Английские исследователи Индии

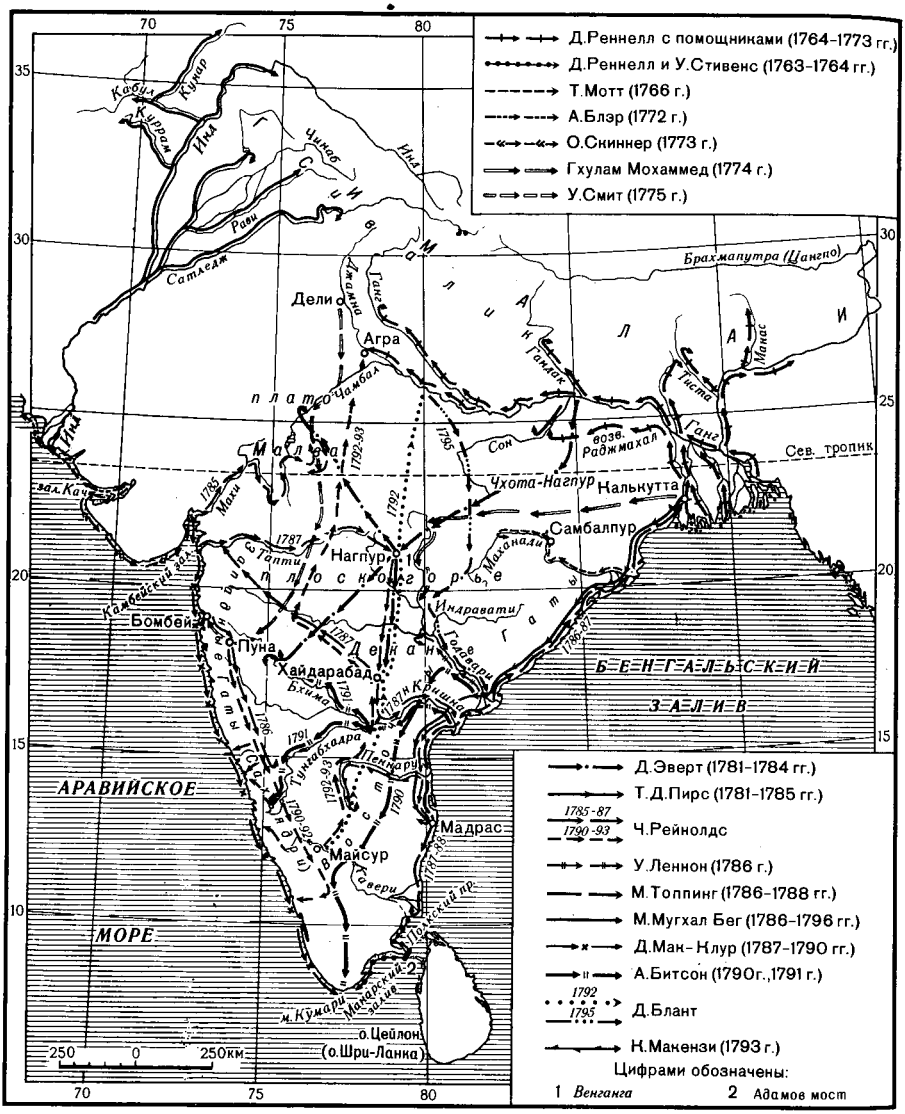
Английская Ост-Индская компания, остро нуждающаяся в средствах и поначалу лишенная поддержки государства, во второй половине XVII в. стала набирать силу. Но в 1698 г. возникла новая английская торговая компания, и дела старой ухудшились. Правда, вскоре они слились, и «объединение», с 1708 г. официально признанное английским парламентом, стало грозным врагом не только для индийских княжеств, французской компании, но и владений Франции в Индии. Однако лишь после семилетних военных операций, начавшихся в 1757 г. победой под бенгальским селением Плесси и закончившихся в 1764 г. битвой близ г. Баксар (на Ганге, у 84° в. д.), англичане завершили завоевание Бенгалии и стали «фактическими хозяевами Индостана» (К. Маркс)[1].

С лета 1764 г. систематические топографические работы в Северной Индии начал молодой военный инженер *Джеймс Реннелл*[2], назначенный главным съемщиком Бенгалии в 22-летнем возрасте. За восемь лет с девятью помощниками он обследовал долины Ганга и Джамны от 78° в. д. до восточных пределов Бенгалии (у 94° в. д.). Из 500 его маршрутов отметим лишь наиболее важные. В мае—июле 1765 г. Д. Реннелл проследил Брахмапутру на 500 км выше ее слияния с Гангом, т. е. примерно до 92° в. д. Дальше его не пустили власти Ассама, а главное, река неожиданно вышла из берегов (начался период дождей). Он установил — и был удивлен этим открытием, что Брахмапутра течет почти точно с востока. Вслед за И. Дезидери он правильно считал тибетскую Цангпо и Брахмапутру одной и той же рекой; большой объем переносимой ею воды утвердил Д. Реннелла в мысли о ее значительной длине.

Со своим помощником *Уильямом Ричардсом* с середины декабря 1765 г. Д. Реннелл провел съемку территории, орошаемой много-

[1] Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947, с. 68.

[2] Ранее (октябрь 1763—февраль 1764 г.) он заснял часть берега пролива между п-овом Индостан и о. Шри-Ланка (в то время Цейлон). Эту работу продолжил другой военный инженер — *Уильям Стивенс*, получивший задание найти судоходный канал через Адамов Мост для сокращения морского пути (судам приходилось обходить остров с юга). У. Стивенс назвал пролив Полкским, в честь губернатора Мадраса *Роберта Полка*, но удобного прохода не обнаружил.



Маршруты исследователей Индии XVIII в. (по В. И. Магидовичу)

численными левыми притоками Ганга, включая р. Махананду, и правыми Брахмапутры, в том числе рр. Манас и Тиста. В конце февраля 1766 г. на отряд Д. Реннелла напала банда разбойников и в стычке он получил серьезное ранение. С большим трудом его удалось доставить в Дакку и спасти.

Хотя съемщики делали главный упор на обследование рек, долгое время служивших в Индии основными торговыми путями,

некоторое внимание они уделяли и горам. Так, Д. Реннелл после выздоровления в феврале—сентябре 1767 г. сравнительно верно положил на карту горы Ассама между 90 и 92° в. д. в колене Брахмапутры. У. Ричардс — горы у восточных границ Бенгалии, а *Генри Хайгенс* впервые заснял возвышенность Раджмахал, северо-восточное окончание плато Чхота-Нагпур. Его работу к западу вдоль границ плато продолжил еще один съемщик — *Луи Де Глосс*, французский военный инженер, помощник Д. Реннелла, описавший также нижние течения рр. Сона и Гандака — правого и левого притоков Ганга.

Вместе с У. Ричардсом и военным инженером *Клодом Мартеном* (или *Сен-Мартеном*) в 1769—1773 гг. Д. Реннелл выполнил съемку дельты Ганга и Брахмапутры (одну из самых крупных на планете — около 100 тыс. км^2), многочисленных рукавов и низменных островков. Особенно большие трудности выпали на долю съемщиков в Сундарбане, южной заболоченной и безлюдной части дельты, лабиринте бесчисленных речек и рек, где добывается огромное количество соли. Карта дельты всегда будет представлять интерес для изучения изменений в конфигурации русел обследованных ими потоков.

После 1772 г. Д. Реннелл обосновался в Дакке и около 10 лет составлял различные карты и атласы, в том числе общую карту Индии и «Атлас Бенгалии», изданный в 1779 г. По возвращении в Англию в 1782 г. он был избран членом Королевского общества и ряда иностранных академий, включая российскую, опубликовал несколько работ по географии. Умер Д. Реннелл в возрасте 88 лет и похоронен среди великих людей Англии в Вестминстерском аббатстве.

Преемником Д. Реннелла стал военный топограф *Томас Вуд*. Его прикомандировали к карательному отряду, направленному англичанами в конце 1792 г. в Ассам для подавления восстания. С декабря 1792 г. по апрель 1794 г. с перерывом он заснял около 500 км течения Брахмапутры, считая от того пункта, где закончил работу Д. Реннелл. После разгрома восставших (март 1793 г.) Т. Вуд побывал на границе с Бутаном, о котором в то время европейским географам практически ничего не было известно, но подняться в горы, по-видимому, не отважился. После Т. Вуда попыток проникнуть в Ассам англичане не предпринимали до 1824 г.

Вторая англо-майсурская война[1] (1780—1784) велась английской Ост-Индской компанией за захват южноиндийского княжества Майсур, правителя которого поддерживали французы. В конце января 1781 г. на помощь английским войскам в Мадрасе, участвующим в военных операциях, из Бенгалии был направлен крупный (3500 человек) отряд под командованием полковника артиллерии *Томаса Дина Пирса*. Англичане двигались только по ночам по

[1] Историки насчитывают четыре англо-майсурских войны: 1767—1769, 1780—1784, 1790—1792, 1799 г. В итоге Майсур превратился в зависимое от Ост-Индской компании княжество.

враждебной, совершенно незнакомой им стране, держась кромки леса, неподалеку от восточного побережья Бенгальского залива. На остановках Т. Пирс выполнял определения долготы и широты местности. В августе его отряд прибыл в Мадрас, но в сражениях не участвовал — это был подарок судьбы, ибо отсутствие дисциплины, болезни (от холеры, например, умерло 500 человек) и частые дуэли сильно подорвали боевой дух «войска».

После заключения между Англией и Францией Версальского мира 1783 г. майсурская армия в одиночестве долго не смогла продержаться против англичан, и в марте 1784 г. был подписан Майсурский мирный договор. А уже в апреле Т. Пирс во главе отряда отправился в обратный путь. Он поручил лейтенанту *Роберту Хайду Колбруку* вести съемку, сам же выполнил серию астрономических определений, фиксируя положение практически каждого важного географического объекта, например низовьев или устьев рек, впадающих в Бенгальский залив, в том числе Пеннару, Кришну, Годавари и Маханади. Отряд вернулся в Бенгалию в середине января 1785 г. По мнению Д. Реннелла, Т. Пирс и Р. Колбрук внесли наиболее важный вклад в познание географии Индии.

С такой высокой оценкой их труда вряд ли можно согласиться, так как в последней четверти XVIII в. на п-ове Индостан проводили съемку несколько топографов, работа которых имела не меньшее значение, что, кстати, отмечал и сам Д. Реннелл. Через неизвестную европейским географам территорию в «сердце» субконтинента прошел маршрут бывшего учителя преподобного *Уильяма Смита,* участника миссии полковника *Джона Аптона.* Миссия была направлена в конце октября 1775 г. в Пуну, столицу Маратхских княжеств, расположенную у 74° в. д. близ Бомбея, по просьбе пешвы (правителя этого союза), который обратился к англичанам за военной помощью. В течение двух месяцев У. Смит проводил определения долгот и широт и составил точную карту пути длиной 1300 км от г. Дели до Бомбея. Он впервые получил данные о среднем течении р. Чамбал, центральной части Декана, верховьях рр. Годавари и Бхимы (бассейн р. Кришны). Д. Аптону удалось заключить мирный договор, вскоре, однако, нарушенный самими же англичанами.

Работы помощников Д. Реннелла по исследованию северо-западной окраины Декана продолжил лейтенант *Джеймс Симон Эверт.* В конце 1781 г. он вошел в качестве съемщика в состав политической миссии в Нагпур, столицу княжества Берар (у 21° с. ш. и 79° в. д.). Из долины Ганга миссия поднялась на Деканское плоскогорье близ 85° в. д., прошла по плато Чхота-Нагпур, перед которым отступили Г. Хайгенс и Л. Де Глосс, и проследовала к юго-западу через центр Декана в Нагпур. На протяжении всего маршрута (800 км), пересекшего многочисленные левые притоки верхней Маханади и верховья р. Венганги[1] (система Годавари), Д. Эверт вы-

[1] На берегах Венганги (или Вайнганги) действуют герои романов *Д. Р. Киплинга* «Книга джунглей» и «Вторая книга джунглей» (в сокращенном русском переводе «Маугли»).

полнил съемку практически неизвестных районов (см. след. раздел). Из Нагпура как базы за три следующих года он проделал три маршрута — на северо-запад, юго-запад и юг, позволившие ему ознакомиться с центральной частью Декана в радиусе около 500 км; параллельно со съемкой он установил координаты многих пунктов и, вероятно, первым в Индии для определения географической долготы использовал хронометр. В 1784 г. Д. Эверт вернулся в долину Ганга, повторив в обратном направлении путь 1781 г.

Ч. Рейнолдс

На равнине левобережья Ганга близ границы с Непалом в 1789—1793 гг. работал брат Р. Колбрука — *Генри Томас Колбрук*. Он первый сделал попытку определить высоту усмотренных им пиков непосредственно к югу от района горы Джомолунгма и других гигантов Гималаев между 86° и 88° в. д. Полученная им цифра оказалась весьма внушительной — 26 тыс. футов, т. е. 7925 м.

Четырнадцатилетним подростком прибыл в Индию в 1772 г. *Чарлз Рейнолдс*. Вскоре он включился в съемочные работы, через несколько лет получил первое боевое крещение, а затем принимал участие еще в четырех сражениях и был трижды ранен. В марте—мае 1785 г. в составе политической миссии к радже княжества Гвалиор, входившего в Маратхский союз, он выполнил пересечение все еще слабо изученного плато Малва. Маршрут проходил от Камбейского залива на северо-восток. Ч. Рейнолдс нанес на карту истоки р. Махи (длина более 550 км, впадает в Камбейский залив) и выяснил ее истинное направление течения. Он обследовал многие реки, дренирующие плато. Оказалось, что они не являются притоками р. Нармады, так как текут не на юг, как предполагалось ранее, а на север, т. е. относятся к системе р. Чамбал и, следовательно, принадлежат бассейну Ганга. Иными словами, Ч. Рейнолдс полностью изменил гидрографические представления о центральной части п-ова Индостан.

В последующие годы (1786 и 1788) ему удалось выполнить ряд маршрутов по Южной Индии. Это был период, когда войны между Маратхским союзом и княжеством Майсур, сильнейшим государством юга Индостана, сменялись кратковременными перемириями или вооруженной борьбой майсурского правителя с англичанами, стремившимися уничтожить врага, который препятствовал их планам завоевания всей страны.

В начале 1786 г. Ч. Рейнолдс из Бомбея поднялся на плоскогорье Декан и прошел со съемкой на юг 400 км вдоль склонов Западных Гат через верхнее течение р. Кришны. Спустя год, получив разрешение проделать маршрут в Нагпур, он двинулся от Камбейского залива почти точно на восток по долине р. Тапти. Из Нагпура ему удалось попасть в Хайдарабад (в 470 км южнее), в конце года он вышел к устью р. Кришны и вдоль берега моря проследовал на юг — в Мадрас.

Возвратившись в Хайдарабад, Ч. Рейнолдс выбрал новый маршрут — на северо-запад через верхнее течение р. Годавари к Камбейскому заливу. В апреле 1790 г. в разразившейся третьей англо-майсурской войне он был направлен из Бомбея на юг и в течение двух лет снимал Западные Гаты на протяжении 800 км, а также некоторые проходы к морю. По заключении мира Малабарский берег отошел к Ост-Индской компании. Ч. Рейнолдс воспользовался благоприятной обстановкой и выполнил съемку плоскогорья Декан по линии верховья р. Кавери-Хайдарабад через средние течения рр. Пеннару и Кришны к верховьям Годавари. Оттуда он повернул на север и, пересекая плато Малва, вышел к р. Джамне (у 78° в д.). За восьмилетний период работы Ч. Рейнолдс получил представление о большей части плоскогорья Декан, дренирующих его крупных реках и о его западной границе (Западных Гатах) почти на всем их протяжении.

Воспользовавшись передышкой в войне, армейский капитан *Александр Битсон*[1] провел в 1790 г. съемку и исследование Восточных Гат — системы низкогорных и средневысотных массивов, образующих восточную окраину Декана. На протяжении 1300 км — от низовьев р. Годавари до мыса Кумари — он изучил и описал более 60 проходов, ведущих с приморской равнины на плоскогорье. Вскоре свои знания о них А. Битсону пришлось применять на практике: он провел армию с артиллерией и обозами через один из наиболее доступных проходов.

В том же или в следующем году А. Битсон заснял течение р. Кришны от устья до впадения ее крупнейшего левого притока Бхимы. Он, видимо, посчитал ее за главную реку и поднялся по ней со съемкой на 250 км. Затем он обследовал всю р. Тунгабхадру (длина около 600 км), другой большой приток Кришны. Собранные сведения о Восточных Гатах и большей части бассейна р. Кришны (330 тыс. км^2) он нанес на карту. Проникая с охраной из шести сипаев в самые дикие лесные и горные уголки страны, А. Битсон постоянно встречал, как он сам отмечает в одном из писем, дружелюбное и внимательное отношение жителей юга п-ова Индостан.

После заключения «очередного» (март 1792 г.) мирного договора с Майсуром у англичан вновь появилась возможность продолжить

[1] Его предшественником по исследованию Восточных Гат был швейцарский военный инженер на английской службе *Ной Антуан Бонжур*. Во время войны 1766 г. между правителем Майсура и княжеством Карнатик (расположенном между Восточными Гатами и Коромандельским берегом, в основном южнее 15° с. ш.) он осмотрел, описал и нанес на карту часть проходов на плоскогорье Декан.

съемочные работы на полуострове. Эта задача была возложена на лейтенанта *Джеймса Бланта.* С верховьев р. Кавери он прошел на север через среднее течение р. Годавари к Хайдарабаду, а оттуда (в конце 1792 г.) продолжил съемку далее к северу через Нагпур к р. Джамне (у 80° в. д.). Спустя два года Д. Блант возглавил крупную съемочную партию из 150 человек на верблюдах и лошадях. В ее состав, кроме слуг и охраны из сипаев (т. е. солдат из местного населения, завербованных в армию европейскими колонизаторами), вошли женщины и дети. В конце января 1795 г. отряд двинулся на юг, форсировал р. Сон и вышел к истокам р. Маханади (близ 20° с. ш.). Дальнейшее движение к югу Бланту преградили воинственно настроенные гонды[1]. Пришлось сделать небольшой крюк к западу, к низовью р. Венганги, и на юго-восток, к р. Индравати. И вновь партия была остановлена огнем гондов, вскоре, правда, отступивших после завязавшейся перестрелки. Но и Д. Блант не рискнул идти далее, переправился на правый берег р. Годавари и 25 мая добрался до вершины дельты реки, завершив почти двухтысячекилометровый поход по неисследованной территории. До середины XIX в. данные, собранные Д. Блантом, оставались единственным источником географических сведений об этой части плоскогорья Декан.

Индийские съемщики

Большой вклад в изучение и картографирование Индии и особенно бассейна р. Инда (ныне территория Пакистана) внесли индийские съемщики, прошедшие подготовку у английских специалистов. С 1863 г. таких обученных искусству съемки индийцев, направляемых для исследования мало известных стран, стали называть пандитами (буквально — ученый; не следует смешивать с почетным званием брахмана, хорошо овладевшего санскритом и знающего священную индусскую литературу). Первым стал офицер-сипай *Гхулам Мохаммед,* отправленный в 1774 г. для обследования путей от дельты Ганга на плато Декан. Видимо, по его данным Д. Реннелл положил на карту р. Венгангу (длина около 500 км), протекающую почти точно по 80° в. д. в южном направлении.

Более десятилетия (1786—1796) вел съемку *Мирза Мухгал (Могул) Бег,* имея лишь карманный компас. По его маршрутам на сравнительно точную карту удалось нанести течение р. Инда на протяжении более 1500 км — от северного колена реки в Гималаях (близ 36° с. ш.) до низовья (у 28° с. ш.), а также его правые притоки — р. Кабул с Кунаром и р. Куррам (М. Бег достиг истоков Куррама в горах Афганистана); он заснял и левые притоки Инда — реки Пенджаба (Тринаб, Джелам, Чинаб, Рави и Сатледж).

Безымянные индийские съемщики, перевалив средневысотный Сиваликский хребет, впервые проникли в горы Кумаун, южные

[1] Название нескольких племен и народностей, говорящих на гонди, который относится к гондванской группе дравидийских языков Южной Индии.

склоны Малых Гималаев (у 30° с. ш.) и в конце 1788—начале 1789 г. провели там съемочные работы (этот горный район впоследствии получил широкую известность благодаря тиграм-людоедам).

Много усилий на исследование Северо-Западной Индии затратили индийские сотрудники Ч. Рейнолдса (их имен он, к сожалению, не сообщает). В 1793—1800 гг. они убрали «белые пятна» в Пенджабе и низовьях р. Инда, включая дельту, а также на п-ове Катхиявар и в районе Большого и Малого Качских Раннов. Они установили, что показанный на карте Д. Реннелла высокий хребет, протягивающийся на 800 км параллельно течению Инда примерно в 80 км восточнее не существует. По их данным, в «абсолютной» пустыне, помещенной на той же карте на территории Раджпутаны (пустыня Тар), разбросано множество поселков и деревень, тяготеющих к колодцам. Река Гхаггар не достигает океана, как считали прежде, а теряется в песках близ 29° 30′ с. ш., что соответствует действительности.

Турнефор, Нибур и Джордж Форстер в Передней Азии

Французский ботаник *Жозеф Турнефор* в 1701 г. побывал в ряде областей Закавказья — на Карсском плоскогорье, на средней Куре, в горах к северу от озера Севан и в долине среднего Аракса. Он пытался подняться на гору Большой Арарат (5165 м), но потерпел неудачу. Правда, это несостоявшееся восхождение «обернулось» крупным научным открытием: Ж. Турнефор подметил смену флор от местной (армянской) до арктической через южноевропейскую и французскую по мере подъема к вершине. (К аналогичным выводам он пришел несколько раньше — при изучении вулкана Этна.) Ж. Турнефор также первый указал на закономерное изменение растительности по мере удаления от экватора. Таким образом он стал предшественником *А. Гумбольдта,* заложившего основы учения о вертикальной и широтной флористической зональности. Из путешествия по Передней Азии Ж. Турнефор вывез около 1400 новых видов растений, включая много кавказских форм.

Немец *Карстен Нибур,* математик по образованию, в 1760 г. переехал на жительство в Данию и в 1761 г. возглавил датскую научную экспедицию на Ближний Восток. Из Египта он с шестью спутниками в конце октября 1762 г. переправился в Аравию, на восточный берег Красного моря (у 19° с. ш.), и оттуда прошел по низменности Тихама на юг. Летом 1763 г. умерло двое членов экспедиции от истощения и перегрузок. Закончив исследование горной части Йемена, К. Нибур с оставшимися товарищами сел в Адене на судно, отправлявшееся в Бомбей; в пути скончались еще двое, а вскоре после прибытия последний спутник — К. Нибур остался один. Через некоторое время он вернулся в Аравию, в Маскат (Оман), а в январе 1765 г. прибыл на южное побережье Ирана.

В этой стране и в Ираке особенное внимание он уделил развалинам древних городов, в том числе Персеполя, где точно скопировал ряд клинописных надписей[1]. Через Сирию. Палестину и Кипр он в 1767 г. вернулся в Данию.

Нибур первый сделал точные астрономические определения многих пунктов Аравийского п-ова и Южного Ирана, составил планы посещенных им крупных городов и карты приморских областей, в частности первые точные карты Красноморского побережья Аравии и всего Йемена. Он дал географическое описание Йемена, которым в Европе пользовались до конца XIX в. как наиболее содержательным и полным.

Агент английской Ост-Индской компании англичанин *Джордж Форстер,* переодетый восточным купцом, совершил путешествие из Индии в Россию через Иран. Из Бенареса (ныне Варанаси), на Ганге, он прошел через Пенджаб и Кашмир в Кабул, а оттуда на юго-запад — в Кандагар, в Иране (у 32° с. ш.), куда прибыл 8 октября 1783 г. Затем он обогнул с юга и запада Среднеафганские горы, последовательно переправился через несколько рек, впадающих в группу пресноводных озер Хамун, расположенных в Систанской впадине, и в начале ноября добрался до Герата (близ 34° с. ш.). Он посчитал, что все пересеченные им реки текут на юг. Ошибка Д. Форстера легко объяснима: он вынужден был передвигаться только ночью и воздерживаться от сбора любых материалов о территориях, по которым проходил.

Через три недели Д. Форстер двинулся из Герата на запад, обошел с юга горы Хорасана (Кухе-Сорх, вершина 3020 м) и, задержавшись из-за холодов в одном из промежуточных пунктов, прибыл в Шахруд, у южных склонов хребта Эльбурс (близ 36° с. ш.), в начале января 1784 г. Спустя неделю Д. Форстер уже был на побережье Каспия, отметив, что перевалил горы, и на русском судне перешел в Астрахань, а оттуда через центральные районы России прибыл в Петербург.

Свои дорожные впечатления он изложил в книге «Путешествие из Бенгалии в Англию», опубликованной в Лондоне в 1798 г. Д. Форстер не имел специальной подготовки, и его ошибочные представления об отсутствии гор в Восточном Иране и южном направлении всех пересеченных им рек, в том числе и Герируда, текущего сначала на запад, а затем круто сворачивающего на север, попали на карту и продержались на ней до первой четверти XIX в.

[1] Их изучил в начале XIX в. *Георг Гротефенд* — немецкий ученый, положивший начало дешифровке древнеперсидской клинописи.

Глава 14

СЪЕМКИ ПОБЕРЕЖЬЯ ЮЖНОЙ АЗИИ, ОСТРОВОВ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА, ЯПОНСКОГО АРХИПЕЛАГА И САХАЛИНА

Англо-французское противоборство на Индийском субконтиненте, закончившееся победой англичан, шло и на море. Британия намеревалась навсегда — или, во всяком случае, надолго — стать хозяйкой не только стран Южной Азии и прибрежных островов, но и атоллов, затерянных в морских просторах и удаленных на многие сотни километров от материка. Поэтому капитаны английских военных и торговых судов стали получать задания, продиктованные чисто военными соображениями и сводившиеся к детальной съемке побережья захваченных территорий и островов, а также изысканию удобных гаваней для организации стоянок соединений британского флота. Кроме этих задач, имевших стратегическое значение, капитанам предписывалось собирать данные не только о природе и населении прибрежных районов, но и об особенностях морей — течениях, преобладающих ветрах, мелях и т. п.

Съемки побережья Южной Азии

Начало детального картирования связано с именем английского капитана *Бартоломью Плейстеда*. Работы по описи части северного и восточного берегов Бенгальского залива (со всеми банками, мелями и прибрежными островками) и составлению лоции от Читтагонга[1] как базы к западу и югу до 20° с. ш. на протяжении 700 км были выполнены им с перерывами в 1760—1765 гг. Во время съемок берегов дельты Ганга Б. Плейстед едва не стал жертвой аллигатора. В 1767 г. другой английский капитан — *Джон Ритчи* — заснял рукава Ганга и западное побережье Бенгальского залива до Мадраса включительно (около 2 тыс. км). Составленные им карты, очевидно, не отличались большой точностью — правление Ост-Индской компании в ноябре 1786 г. поручило морскому съемщику и астроному *Майклу Топпингу* заняться картированием того же побережья, но судна для этой цели не предоставило. И он берегом («по суху») прошел от

[1] Ныне крупнейший порт Республики Бангладеш, важный транспортный узел и второй после столицы Дакки экономический центр страны.

устья р. Кришны к северо-востоку до Калькутты, фиксируя положение каждого важного пункта и исправляя многочисленные ошибки карт. По завершении (в ноябре 1787 г.) этой работы М. Топпинг вернулся к устью Кришны и весь следующий год потратил на съемку побережья к юго-западу, до Полкского пролива, причем использовал ее результаты для вывода длины градуса по меридиану.

Съемочные работы Б. Плейстеда вдоль побережья Бирмы к югу от 20° с. ш. продолжил шотландский военный инженер *Александр Кид*. Отпуск по болезни из действующей армии он провел не в Читтагонге, как предполагал, а «в поле». Несколько месяцев (сентябрь 1784—начало 1785 г.) он исследовал Араканский берег в безуспешных поисках защищенной бухты для стоянки английского флота, осматривая проливы между прибрежными островками и устья мелких речек. У 16° с. ш. А. Кид описал дельту р. Иравади, но южнее продвинуться не смог: страна была охвачена восстанием.

Часто посещавшиеся судами многих стран берега Аравийского моря, казалось, были хорошо изучены. Однако их истинное положение оставалось недостаточно верно установлено до работ, начатых английскими моряками в 1772 г. Исследовательская экспедиция, в состав которой вошел молодой съемщик *Арчибалд Блэр*, только еще начинавший морскую службу, закартировала побережье Индии от залива Кач к северо-западу, а также берега Ирана, Ирака и Аравии. Капитан *Огастес Скиннер* в 1773 г. положил на карту береговую линию п-ова Катхиявар и Камбейского залива. *Джон Мак-Клур*, другой морской офицер, в 1785 г. выполнил съемку Персидского залива; составленные им карты отличались от карт предшественников значительно большей точностью. В 1787—1790 гг. он продолжил работы О. Скиннера, засняв берега Индостана далее к югу — до мыса Кумари, но из-за враждебности правителя Майсура вынужден был сделать ряд довольно больших пропусков.

Съемки островов Индийского океана

Об островах в северо-восточной и центральной частях Индийского окена европейские географы практически не располагали сведениями. Исключение составил лишь о. Шри-Ланка: все его побережье с заливами и заливчиками, устьями рек и речек длиной около 1,5 тыс. км было заснято голландскими моряками во второй половине XVII в. Внутренние же районы острова, принадлежавшие государству Канди, оставались для европейцев терра инкогнита до первого десятилетия XIX в. Эта детальная съемка позволила нидерландскому картографу *Николаусу Вискеру*-сыну составить в 1680 г. карту острова с удивительно точно нанесенной береговой линией, почти полностью совпадающей с истинной. (Напомним, что в XVI в. побережье о. Шри-Ланка нанесли на карту арабский мореход *Сулейман* и португальская экспедиция *Л. Албергария* — см. т. 2, гл. 10 и 11.)

Прошло 90 лет, прежде чем начали знакомство с островами Индийского океана англичане. Первым стал Д. Ритчи, в 1771—1773 гг. заснявший гирлянду Андаманских и Никобарских о-вов, отделяющую Бенгальский залив от Андаманского моря. 32 наиболее крупных острова Мальдивской цепи[1] (в нее входит более 2000 атоллов) описал и положил на карту в 1785 г. М. Топпинг перед началом своей деятельности в Индии в качестве съемщика.

Расположенный в центральной части океана (у 4—8° ю. ш.), архипелаг Чагос, включающий пять групп коралловых атоллов (самый крупный — Диего-Гарсиа), был захвачен британской военной экспедицией в мае 1786 г. Участник аннексии А. Блэр на двух кораблях до конца января 1787 г. провел картирование всех «приобретенных» островов и мелей. На обратном пути в Бомбей он определил координаты южного атолла Лаккадивских о-вов, а также многочисленных банок между ними и Малабарским берегом Индостана. Съемку всей Лаккадивской цепи выполнил в конце 80-х гг. XVIII в. помощник Д. Макклура лейтенант *Джон Уэджборо*.

Через два года А. Блэр был направлен для детального картирования Андаман (под его командой находилось два брига). Он получил также задание описать их природу, выявить минеральные богатства и найти удобную гавань для кораблей Ост-Индской компании. После работ, занявших почти три года (март 1790—октябрь 1792 г.), в течение которых он завершил обход всего архипелага, А. Блэр до конца 1792 г. провел в основанном им поселке на берегу бухты — теперь Порт-Блэр, административный центр принадлежащей Индии Союзной территории Андаманские и Никобарские о-ва.

Поиски Южного материка

Большая активность, проявленная французами в южных морях с целью открытия мифического Южного материка, была вызвана практическими, а не научными интересами. Инициатива исходила от купеческой французской Ост-Индской компании, заботившейся, конечно, только о своем обогащении (экспедиции Ж. Буве, 1738—1739 гг.). Через 30 лет уже колониальные власти в лице губернатора о-вов Маврикий и Реюньон направили на юг две экспедиции на поиски новых земель. Перед ними были поставлены две основные задачи: разыскать на побережье мачтовые леса, что позволило бы резко снизить затраты и обнаружить хорошую гавань для судов королевского флота. Вторая задача имела уже стратегическое значение: опираясь на эту базу и на о. Мадагаскар, французы могли бы держать под контролем британские пути через южную часть Индийского океана, а в случае войны перерезать их.

[1] На южном острове Мальдивов норвежский исследователь *Тур Хейердал* в 1982 г. впервые обнаружил развалины строений (в том числе храм бога Солнца) и иероглифические тексты. Эти следы древней цивилизации (III—II тысячелетия до н. э.), по его мнению, свидетельство контактов хараппанцев с жителями архипелага.

Первую экспедицию на двух судах возглавил землевладелец и моряк *Никола Тома Марион-Дюфрен,* отплывший с о. Маврикий 18 октября 1771 г. на юго-запад к мысу Доброй Надежды для пополнения запасов продовольствия. Оттуда корабли двинулись на юго-восток, подгоняемые господствующими западными ветрами. 13 января 1772 г. французы усмотрели землю, оказавшуюся двумя небольшими гористыми островами. Н. Марион-Дюфрен посчитал их предвестниками материка и окрестил «Южными островами». Один из них получил имя «Земля Надежды» — теперь о. Марион. (Вся группа, расположенная между 47° 30′ и 47° 51′ ю. ш., у 38° в. д., ныне называется о-вами Принс-Эдуард и принадлежит ЮАР.) Детально обследовать вновь открытые клочки суши ему не удалось: на следующий день суда столкнулись, скорее всего по вине малоопытного *Амбруаза Бернара Дюклемера,* командира второго корабля. Выполнив за три дня необходимый ремонт, французы направились на восток в сильном тумане. 23 и 24 января они наткнулись на четыре высоких острова, два из них получили название «Холодных», другие — «Пустынных» (на наших картах вся группа носит имя *Жюльена Крозе,* первого помощника Н. Марион-Дюфрена). Утром 24 января, когда туман рассеялся и прекратился дождь, Ж. Крозе на маленькой лодке осмотрел самый крупный остров архипелага. Птицы кружились над ним, пингвины играли в волнах, на юго-западе на горизонте висели облака. И моряки решили, что они находятся неподалеку от материка.

Н. Марион-Дюфрен намеревался продвинуться к югу по крайней мере до 54° ю. ш., но неисправность судов вынудила его отказаться от этих планов. Он взял курс на Тасманию, а в середине апреля достиг Новой Зеландии. 12 июня 1772 г., возглавляя отряд из 16 человек, он высадился в заливе Даутлесс-Бей, у северо-восточного побережья Северного острова, и был убит маори: по несчастливому стечению обстоятельств суда Н. Марион-Дюфрена попали в ту же бухту, где в декабре 1769 г. другой французский капитан — *Ж. Ф. Сюрвиль* — в отместку за украденную шлюпку сжег несколько хижин (см. гл. 19).

Несколько позже — в середине января 1772 г. — с о. Маврикий точно на юг направилась другая французская экспедиция на двух кораблях под командой *Ива Жозефа Кергелена.* В начале февраля за 41° ю. ш. погода испортилась и сильно похолодало, а через девять дней моряки заметили птиц, летящих на восток. И капитан, повернув в том же направлении, утром 13 февраля, когда туман рассеялся, открыл землю, протягивающуюся к югу. Кергелен решил, что перед ним часть материка, хотя видел не более 50 км ее побережья. В действительности же это был остров, впоследствии названный его именем[1]. Почти не стихавший шторм измотал команды обоих судов, и, когда ненадолго стихло и прояснилось, капитан

[1] Площадь этого сравнительно крупного острова и почти 300 мелких островков, входящих в одноименный архипелаг, расположенный в Индийском секторе Южного океана у 50° ю. ш. и 70° в. д., составляет около 7 тыс. км^2.

направил к берегу шлюпку. Вновь налетевший ветер подхватил его корабль и погнал на северо-запад. 16 марта Кергелен бросил якорь в порту о. Маврикий.

В составленном отчете Кергелен писал, твердо убежденный в своей правоте, что, в отличие от А. Тасмана и Ф. Дрейка, обнаруживших лишь мысы Южного континента, он открыл, возможно, центральную часть этого материка, протягивающегося на восток и северо-восток. Широта, на которой он расположен, позволяет надеяться на наличие там поселений и всевозможных растительных продуктов. Кергелен был уверен, что совершил великое открытие, и заразил своим энтузиазмом французское правительство, снарядившее под его командой новую экспедицию для колонизации «Южной Франции».

Но нашлись скептики, что было вполне объяснимо, и явные недруги, несправедливо обвинившие Кергелена в неумелом руководстве, которое привело к гибели второго судна. Между тем «погибший» корабль (капитан *Франсуа Сент-Аллуарн*), разлучившись с Кергеленом, прошел невдалеке от западного берега о. Кергелен к северу и добрался до юго-западной оконечности Австралии (у 35°30′ ю. ш.). Держась близ побережья, он поднялся почти до 25°30′ ю. ш., не сделав никаких открытий, и 8 августа благополучно вернулся на Маврикий.

Командуя группой из 700 человек, размещенных на двух судах, Кергелен отправился от о. Маврикий прямо на юг и после непродолжительных поисков 14 декабря 1773 г. вновь увидел «свою» землю, покрытую снегом и окутанную туманом. На этот раз он подошел к северной оконечности о. Кергелен и попытался найти якорную стоянку. Погода стояла очень холодная, туман не расходился, шел сильный снег при шквальном ветре (три дня, правда, было ясно и тихо), и 18 января Кергелен приказал завершить экспедицию и взял курс на Мадагаскар, в бухту Антонжиль, где намеревался дать отдых команде. Через месяц он прибыл туда, получил от французских колонистов продовольствие и в благодарность направил группу моряков для участия в карательной экспедиции против малагасийцев.

По возвращении во Францию Кергелен был предан суду и заключен в крепость, где просидел около четырех лет. Так бесславно закончились попытки обнаружить Южный континент на юге Индийского океана.

Начало исследования внутренних районов Калимантана

На протяжении XVII и XVIII вв. сведения о Калимантане, третьем по величине острове планеты, ограничивались узкой прибрежной полосой. Этому способствовала политика голландской Ост-Индской компании: руководствуясь чисто торговыми интересами, она запрещала проникновение в глубинные районы, а составление

карт расценивала как кражу. Не мудрено поэтому, что литература о Калимантане была крайне бедна, а единственный отчет о путешествии в «глубинку» относился к концу XVIII в., да и тот затерялся в колониальных архивах. Случайно обнаруженный и опубликованный в 1864 г., т. е. почти через три четверти века, этот материал неопровержимо свидетельствует, что его автор — сержант голландских колониальных войск *Х. Хартман* — был первым исследователем девственных, заросших тропическим лесом дебрей Юго-Восточного Калимантана.

В этой части острова находилось феодальное княжество Бенджермасин, которому компания навязала несколько неравноправных договоров, а в 1787 г.— и нового султана, своего ставленника, признавшего вассальную зависимость страны от голландцев. Лишь после этого по поручению компании Х. Хартман выполнил три экспедиции.

В 1790 г. он обследовал небольшую р. Негару, затем соединяющиеся с нею протоками низовья р. Барито (длина около 880 км, впадет в Яванское море у 114°30′ в. д.). В следующем году на лодке с гребцами он поднялся по Барито, текущей по заболоченной равнине, примерно на 400 км и обследовал четыре ее притока.

По возвращении на Яву он получил повышение — чин прапорщика, составил отчет, дающий хорошее представление о бассейне среднего Барито. В июле 1792 г. Х. Хартман пытался проникнуть к истокам одного из восточных притоков Барито и был там убит — населявшие «глубинку» даяки[1] к пришельцам относились резко враждебно.

Х. Хартман — единственный исследователь Калимантана XVIII в.: на следующий год после его гибели обстановка на юге острова вынудила компанию не только отказаться от дальнейших планов изучения центральных районов, но и ликвидировать свои дела на острове вообще.

Исследование Японского архипелага

К последней четверти XVIII в. японские власти располагали большим количеством чертежей многочисленных феодальных владений на о-вах Хонсю, Кюсю и Сикоку[2]. Эти картографические материалы, составленные государственными чиновниками по приказам правителей в конце XVI в., середине и конце XVII в., были чрезвычайно детальны, но обладали по крайней мере четырьмя существенными недостатками: они не опирались на астрономические определения

[1] Под этим наименованием объединяется ряд племен и народностей — коренное население Калимантана, говорящих на нескольких языках индонезийской группы, которая входит в малайско-полинезийскую семью языков.

[2] Площадь о. Хонсю 223, 4 тыс. км^2 (т. е. чуть больше территории Закавказских республик и Молдавии, вместе взятых), протяженность береговой линии более 8 тыс. км; площадь о. Кюсю — 42,6 тыс. км^2, о. Сикоку — 18,8 тыс. км^2.

координат; каждое владение изображалось на многих — от нескольких дюжин до нескольких сотен — листах; географические объекты имели искаженные очертания; на границах соседних территорий зачастую наблюдались значительные несоответствия.

Кроме чертежей отдельных владений, власти располагали также картами всей страны на одном листе, дающими лишь грубое (эскизное) изображение Японских о-вов. Карты Японии, появлявшиеся за рубежом на протяжении почти всего XVIII в., были не намного лучше, хотя число экспедиций, изучавших побережье дальневосточных морей, все возрастало. Причина, очевидно, заключалась в строгой изоляционистской политике японских правителей, запрещавших иностранцам заниматься съемкой берегов страны.

Во второй половине XVIII в. большую работу по уточнению картографического лика Японии проделал *Генсу Нагакубо*. Он не занимался съемкой, но, многократно пересекая страну в различных направлениях, проверял и исправлял старые чертежи. Для составления своей карты он использовал малочисленные астрономические наблюдения, выполненные его предшественниками по ряду пунктов.

Итогом его труда явилась опубликованная в 1778 г. мелкомасштабная (1:1,3 млн.) карта, дававшая довольно сносное изображение Японии. Хотя положение и конфигурация горных хребтов и рек, мысов и заливов часто оказывались искаженными в сравнении с чертежами, появившимися ранее, ее точность, как отмечают японские историко-географы, была высокой.

Земля, расположенная к северу от пролива Цугару, заселенная айнами и получившая название остров Йессо (о. Хоккайдо), долгое время оставалась для японцев малознакомой. Достаточно сказать, что к концу XVI в. японские поселения имелись только в юго-западной части Хоккайдо и лишь в 1636 г. посланный властями острова отряд выполнил объезд всего Хоккайдо (протяженность береговой линии более 2 тыс. км) и составил его карту.

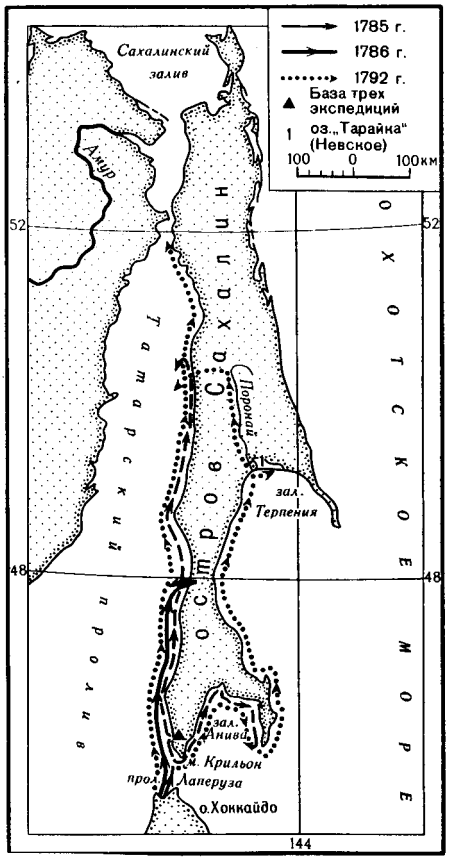
В 1785 г. японское правительство, обеспокоенное активностью русских в северной части Тихого океана, организовало довольно крупную экспедицию с задачей исследовать Хоккайдо, Курильские о-ва и о. Сахалин. К Северному Йессо, т. е. Сахалину, японцы проявляли интерес с давних пор. Так, еще в 1636 г. на Южный Сахалин с о. Хоккайдо была направлена экспедиция, но собранные ею материалы не сохранились.

Однако на карте Японии, составленной несколько позже по приказу властей, Сахалин изображен как остров, в южной части которого помещено несколько названий. Такая заинтересованность объяснялась желанием ознакомиться с жизненно важным для японцев каналом так называемой «сантан-торговли»: в итоге посреднического обмена китайские товары из Манчжурии попадали на Сахалин, поступали затем к айнам о. Хоккайдо и достигали, наконец, жителей Северного Хонсю.

Один из отрядов экспедиции завершил съемку всего побережья Хоккайдо, а пять человек, оставшиеся зимовать на северном мысу

острова с целью изучения климатических условий этого района, умерли от голода и нехватки теплой одежды. Появление у берегов Хоккайдо русского судна (1792) и дважды (в 1796 и 1797 гг.) британского корвета вынудило японские верховные власти объявить весть остров своим владением и отправить туда инспекционную партию.

Один из ее сотрудников впервые исследовал «глубинку» Северо-Западного Хоккайдо: он поднялся по р. Тесио до истоков в хребте Китами, продвинулся затем к югу, на верховья р. Исикари, и спустился по ней до устья.



Маршруты Могами Токунай (по В. И. Магидовичу)

Токунай на Сахалине

В состав второго отряда экспедиции 1785 г., о которой говорилось выше, в качестве носильщика топографических инструментов вошел сын крестьянина *Могами Токунай* (подлинная фамилия *Такамия*), знакомый с основами астрономии и географии, но не имевший опыта полевых работ. При съемке восточного побережья Хоккайдо к лету 1785 г. он приобрел необходимые навыки и в августе на торговом судне переправился через пролив Лаперуза в поселок, расположенный на западном берегу Сахалина (у 46° с. ш.), близ мыса Крильон, южной оконечности острова. Опираясь на него как на базу, М. Токунай намеревался провести исследования внутренних районов. Когда же выяснилось, что никаких дорог там нет, он изменил план. На нанятой у айнов лодке он впервые проследил 600 км побережья Северного моря (Татарского пролива) до 50°45′ с. ш., закончив плавание за 10 дней. Из-за нехватки продуктов пришлось вернуться обратно в поселок. Здесь он пополнил запасы продовольствия, на лодке обследовал все побережье залива Анива и в сентябре вернулся на Хоккайдо, где зимовал.

В начале 1786 г. М. Токунай уже в качестве официального съемщика положил на карту о-ва Итуруп и Уруп Курильской гря-

ды (причем по окончании съемки он овладел айнским языком: его проводником был представитель народности айнов), а в июне вновь прибыл на Сахалин и на пяти лодках со съемкой прошел вдоль западного побережья до 48° с. ш. Далее к северу продвинуться он не решился и, выполнив несколько коротких пеших экскурсий в «глубинку», вернулся на родину. Отчет, составленный М. Токунаем, заинтересовал первого министра Японии, и его автор был вызван для беседы.

В результате М. Токунай получил задание организовать новую экспедицию на Сахалин. Однако некоторое время его преследовали неудачи. В одно из посещений Хоккайдо, где он намечал основать базу, его ограбили, и, чтобы добыть средства к существованию, он работал то дровосеком и разносчиком лекарств, то торговцем табаком и учителем. В другой раз, в 1789 г., по ложному обвинению он просидел какое-то время в тюрьме. В 1792 г. М. Токунай все же попал на Сахалин. Ему удалось проследить западное побережье острова еще на 150 км, до 52° с. ш., а на восточном пройти около 500 км вдоль берега залива Терпения до вершины и открыть лагунное озеро Тарайка (Невское). Снарядившись в небольшом поселке, он впервые поднялся по р. Поронай до верховьев и, перевалив хребет, вышел к западному побережью острова.

Итогом исследовательской деятельности М. Токуная, крупнейшего японского топографа XVIII в., были карты Хоккайдо и Сахалина, составленные в основном им самим и представлявшие значительный шаг вперед по сравнению с имевшимися до него. Японские историки выделяют также его работу «Заметки о Хоккайдо». Однако относительная известность пришла к нему уже после смерти — в конце XIX в.: сведения о Сахалине власти считали секретными и большая часть его материалов осталась неопубликованной.

Глава 15

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ВНУТРЕННИХ ОБЛАСТЕЙ АФРИКИ И МАДАГАСКАРА

Путешественники по Восточной Африке

По материалам португальских разведчиков и иезуитов уже в 80-х гг. XVII в. была составлена карта Эфиопии, и европейцы знали ее лучше любой другой африканской страны, кроме, конечно, средиземноморских. А в конце XVII в. французский врач *Шарль Жак Понсе* окончательно установил ее связь по Нилу со Средиземным морем (португальцы проникали туда со стороны Красного моря). В 1698 г. Понсе, находясь в Каире, был приглашен в Эфиопию ее больным государем (негусом) Иясу I. Присоединившись в конце мая к иезуитской миссии, Ш. Понсе поднялся по Нилу — с обходом через Нубийскую пустыню порогов выше Асуана — и по Голубому Нилу в феврале 1699 г. добрался до Сеннара (у 13°30′ с. ш.), где провел три месяца. Из этого города он проехал на восток к столичному Гондару, лежащему на Эфиопском нагорье к северу от озера Тана. Вылечив негуса, Ш. Понсе отправился в дальнейший путь. Он пересек нагорную Северную Эфиопию от Гондара до порта Массауа на Красном море, куда прибыл в сентябре 1699 г., увязав таким образом свой маршрут с обычным португальским. Через Красное море он вернулся в Нижний Египет, а оттуда во Францию.

В 1762 г. в Алжир был назначен английским консулом шотландский врач *Джеймс Брюс*. Он изучил — во время службы — арабский и некоторые другие языки Северной Африки, посетил, «исследуя руины римского периода», все южные средиземноморские страны от Марокко до Египта. В 1768 г. Д. Брюс отправился из Александрии в Эфиопию, вероятно, с каким-то специальным заданием. Он поднялся по Нилу до города Кена (у 26° с. ш.), караванным путем через Аравийскую пустыню проехал до Кусейра на Красном море, обошел на судне его северные берега и вдоль аравийского побережья перешел к проливу Баб-эль-Мандеб, а оттуда к африканскому берегу и дошел до Массава, выполнив изучение более 3 тыс. км береговой полосы Красного моря. От Массава он доехал до Гондара (февраль 1770 г.).

Д. Брюс жил в Эфиопии, занимаясь медицинской практикой, до 1772 г., побывал на озере Тана и снова — после *Педру Паиша* (см. т. 2) — установил, что из него вытекает Аббай — Голубой Нил,

ошибочно принятый Д. Брюсом за главный исток Нила; понаслышке он знал о втором истоке, но посчитал его небольшой рекой. Вернулся Д. Брюс в Египет, следуя вниз по Голубому Нилу и Нилу, т. е. повторил в обратном направлении путь Ш. Понсе. «Брюс сделал мало настоящих открытий, но сам очень неохотно признавал достижения своих предшественников-иезуитов» (Д. Бейкер). Книга его «Путешествия для открытия истоков Нила в 1768—1773 гг.» в пяти томах, законченная изданием в 1790 г., произвела большое впечатление в Англии и привлекла внимание географов к Африке вообще и к проблеме Нила в частности. Еще одним важным результатом его экспедиции явились астрономические определения многих пунктов по линии маршрута.

Левобережье Бахр-эль-Абьяда (Белого Нила) — плато Кордофан и особенно лежащий к западу от него Дарфур — оставалось для европейцев 90-х гг. XVIII в. «таинственной страной», хотя оно было связано оживленными торговыми караванными путями с Эфиопией (через Сеннар, на Голубом Ниле) и с Верхним Египтом (через Асьют, на Ниле). Из Асьюта в Эль-Фашер, столицу Дарфура, вел так называемый «сорокадневный путь» — около 1700 км через цепь оазисов впадины Харга, пустыни и сухие саванны; и по нему первым из европейцев прошел в 1793 г., примкнув к суданскому каравану, английский археолог *Уильям Джордж Браун*. Кроме торговли, которая, возможно, была маскировкой, он хотел заняться исследованием Дарфура, но местный султан этого не разрешил. И Браун около трех лет провел в Эль-Фашере и его окрестностях, пока султан не позволил ему... вернуться в Египет тем же «сорокадневным путем» (1796). Несмотря на ограниченные возможности для наблюдений и сбора материалов, Браун написал ценный отчет, который до конца 20-х гг. XIX в.[1] оставался единственной книгой, дававшей некоторые представления о Дарфуре (площадь этой страны, входящей теперь в Республику Судан, около полумиллиона квадратных километров).

Англичане и французы в Западной Африке

В Западной Африке европейцы в интересах работорговли в первую очередь исследовали реки «Сенегамбии». В XVII в. англичане действовали главным образом в бассейне р. Гамбии и в первой четверти этого века поднимались по ней на 600 км от устья, но на этом остановились. Только в 1723 г., т. е. через сто с лишним лет, англичанин *Бартоломью Стибс* проследовал еще примерно на 500 км выше по долине р. Гамбии, до северо-восточных массивов Фута-Джаллон. Он установил, что она не связана с Нигером, и

[1] В 1824 г. через Дарфур и (впервые) через Кордофан прошел во время своего шестилетнего путешествия по Северо-Восточной Африке немец *Эдуард Рюппель*.

пришел к правильному выводу, что Гамбия начинается где-то недалеко, на массиве. Через несколько лет английские офицеры *У. Смит* и *Д. Лич* произвели съемку всей р. Гамбии и нанесли ее на точную карту (1732).

Рабы, брошенные на произвол судьбы

Большим размахом отличались исследования французов, действовавших в бассейне Сенегала. Ко второй четверти XVII в. они хорошо разведали нижнее и среднее течение Сенегала. К концу века как колонизатор-исследователь выделился *Андре Брю,* директор торговой Сенегальской компании. Он управлял колонией с 1697 по 1702 г. и с 1714 по 1725 г. За этот период, обследовав Атлантическое побережье между 16 и 12° с. ш., Брю первый из европейцев в Тропической Африке перешел от «точечной колонизации» португальского типа, т. е. от основания торговых факторий на побережье, к организации колониальных территориальных массивов путем проникновения во внутренние области материка. Он дважды поднимался по Сенегалу до впадения в него крупнейшего (левого) притока Фалеме и поставил на нижнем Фалеме форт Сен-Пьер (теперь Сенудёбу). Один из его агентов проследил Фалеме до первых порогов. Группа других сотрудников А. Брю после месячного путешествия вверх по Сенегалу добралась до водопадов, т. е. вышла на плато Фута-Джаллон, с которого берет начало р. Бафинг, после слияния с р. Бакой получающая название Сенегала. Но истоки реки оставались еще неизвестны, и предполагалась ее связь с Нигером. Отчеты А. Брю, составленные на основе его наблюдений и по расспросным данным, были обработаны колонизатором Гваделупы миссионером *Жаном Батистом Лаба* и опубликованы в 1728 г. в Париже под названием «Новое описание Западной Африки». Эта книга является ценным первоисточником по изучению быта и доколониальной истории народов тропической Западной Африки.

Основные африканские географические проблемы

В 1788 г. по инициативе *Джозефа Банкса* (спутника Д. Кука) возникла британская «Африканская ассоциация». Задача нового общества состояла в исследовании внутренних областей Африки для развития там британской торговли и утверждения британского господства. В последней четверти XVIII в. эти области мате-

рика были известны гораздо больше, чем обычно считают европейские историки и географы, но знакомы не ученым, а «практикам», главным образом арабским работорговцам, проникавшим далеко в глубь материка с севера и востока. О многом располагали сведениями и европейские работорговцы — португальцы, англичане и французы, производившие свои нечистые операции на атлантических берегах Африки, от устья Сенегала до устья Кунене включительно. Но, в отличие от арабов, они сами редко ходили в глубинные районы, так как действовали преимущественно через местных агентов и африканскую племенную верхушку. Эти работорговцы очень неохотно делились с научным миром своими географическими познаниями. Перед европейскими географами в конце XVIII в. стояли в первую очередь четыре важнейшие проблемы, связанные с четырьмя великими африканскими реками: 1) Где находятся истоки Белого Нила? 2) Где начинается, как течет и куда впадает Нигер? 3—4) Где начинаются и как текут Конго и Замбези? (Известны были только их низовья.)

Пятая проблема — это исследование притоков великих африканских рек для определения их бассейнов и возможной связи между ними. Предполагалась, между прочим, вероятность бифуркации их сближающихся притоков, следовательно, возможность трансафриканских внутренних водных путей от Атлантического к Индийскому океану (Конго—Замбези), от Средиземного моря к Индийскому океану (Нил—Конго—Замбези) и к Гвинейскому заливу (Нил—Нигер). Шестая проблема — исследование восточноафриканских великих озер и озера Чад и их связи с великими реками. Седьмая проблема — выяснение основных черт рельефа Африканского материка — разрешалась попутно.

Первое путешествие Парка

Поскольку интересы Англии и ее соперницы Франции были в то время больше всего связаны с Западной Африкой, «Африканская ассоциация» вначале наибольшее значение придавала разрешению проблемы Нигера. Она направила несколько экспедиций с целью достигнуть этой реки со стороны Средиземного моря, так как караванные пути через Сахару к Томбукту, лежащему на среднем Нигере, были хорошо известны уже много веков. Но все такие попытки заканчивались неудачей или гибелью путешественников. Тогда ассоциация решила организовать исследования со стороны Верхней Гвинеи и для этой цели пригласила 24-летнего врача шотландца *Мунго Парка*. Вероятно, он нуждался в работе и согласился рисковать жизнью за небольшое вознаграждение: его экспедиция стоила ассоциации всего 200 фунтов стерлингов.

В 1795 г. М. Парк прибыл в Гамбию. В декабре он выступил на восток с двумя слугами-африканцами: взрослым (он же переводчик) и мальчиком. Для себя он приобрел верховую лошадь, а для груза (припасы, безделушки и табак для обмена) — двух ослов. М. Парк старался проходить через местности, куда не проник

еще ислам; все же несколько раз он попадал в руки мавров (мусульман), которые, по его словам, иногда грабили его, но не причиняли другого вреда. Через некоторое время взрослый слуга отказался идти дальше. 21 июля 1796 г. М. Парк, продвигаясь на восток, достиг у горы Сегу большой реки, которую африканцы называли Джолиба. М. Парк не сомневался, что это и есть Нигер: «Под утренним солнцем предо мной искрился... величественный Нигер, который... в этом месте почти так же широк, как Темза у Вестминстера. Он медленно катил свои воды на восток...»

М. Парк

В это время М. Парк болел тропической малярией, был очень истощен, одежда его превратилась в лохмотья, «товары» израсходованы или раскрадены. Он решил ограничиться расспросными сведениями о дальнейшем течении реки, услышал, что от Сегу до Томбукту около двух недель пути, но ничего не узнал о том, куда течет дальше река и где она кончается. «Кто знает?.. Может быть, на краю света!». Через несколько дней, пройдя берегом Джолибы около 50 км (до поселка Сансандинг), он повернул назад, сославшись в отчете на наступление дождливого сезона и на возможную опасность со стороны «беспощадных фанатиков» — мусульман. Из-за болезни он несколько месяцев провел в деревне между Сегу и устьем Гамбии. Только в апреле 1797 г. он смог продолжить путь к морю. В Англию он прибыл в конце 1797 г. Его книга «Путешествие в глубь Африки в 1795—1797 гг.», изданная в 1799 г., произвела сильное впечатление на публику. Однако специалисты отчетливо понимали, что М. Парк, собственно говоря, даже не подошел к решению проблемы Нигера: ведь он видел только короткий участок несущей свои воды на северо-восток Джолибы, чьи верховья, среднее течение и устье остались неизвестными. (О второй экспедиции М. Парка и его гибели см. т. 4.)

Португальцы в бассейнах Конго и Замбези

В середине XVII в. португальцы несколько раз пытались проникнуть во внутренние области Экваториальной Африки. На Конго действовали главным образом миссионеры-францисканцы: от устья Конго они поднимались выше озера Стэнли-Пул, достигали, по-ви-

димому, устья р. Ква (Касаи), левого притока Конго; поднимались по нижнему Касаи до устья р. Кванго, а по последнему — на большое расстояние к югу. Хотя эти достижения и держались в секрете, в Европу проникали кое-какие сведения о них: у географов конца XVII в. полоса между р. Кванго и океаном описывалась как исследованная область. Южнее хорошо была известна территория между р. Кванза и океаном, где возникли важнейшие центры Анголы — города Луанда и Бенгела.

В отличие от францисканцев итальянские проповедники-капуцины, направленные папой в Конго с согласия португальского короля[1], не делали тайн из своих географических наблюдений. Один из них, *Джованни Антонио Кавацци,* в 1654—1670 гг. исколесил всю Анголу, проявляя «такое непомерное «апостольское усердие», что приобщал негров к христианству репрессивными мерами: сжигал идолов, сурово осуждал племенных вождей за древний обычай многоженства, подвергал мучительным пыткам тех, кто отказывался принять новую веру». (Ж. Верн). В 1687 г. в Риме он издал записки, содержавшие наиболее достоверную характеристику природы Анголы и Конго. Эта работа составила основу труда уже упоминавшегося Ж. Б. Лаба. Из записок Д. Кавацци можно определить, что он проникал «в глубинку» на 1100 км от побережья, побывав на верхнем Кванго и через верховья многочисленных левых притоков Касаи добрался к истокам ее правых притоков близ 10° ю. ш. и 23°30′ в. д.

Значительных успехов достигли португальцы в бассейне Замбези, где действовали не только работорговцы и миссионеры, но и искатели золота. Особенно их продолжала привлекать золотоносная страна Мономотапа. Несомненно, что португальские работорговцы, золотоискатели и торговцы слоновой костью проникали уже в XVII в. по Замбези на запад, в глубь материка, гораздо дальше порогов Кебрабаса. Об этом свидетельствуют карты XVII—XVIII вв., дающие некоторое представление о Центральной Африке по обе стороны Замбези. Однако вполне достоверные, исторически доказанные португальские путешествия в глубь Центральной Африки относятся к концу XVIII в.

Франсишку Жузе Ласерда, португальский колонизатор (родом из Бразилии), в 80-х гг. служил в Анголе. В 1787 г. он исследовал Кунене — крупнейшую реку Западной Африки, между Конго и Оранжевой (длина ее 945 км),— и обнаружил, что она судоходна в среднем течении до порогов. Тогда же он убедился, что ее верховья сближаются с верховьями другой большой реки — Кубанго[2], текущей на юго-восток, и решил, что та река связана с Замбези. Это неверное предположение только через полвека опровергнуто *Давидом Ливингстоном.*

[1] Это была вынужденная мера: местные жители «почему-то» упорно не желали переходить в христианскую веру.

[2] Река Кубангу (в низовье Окаванго) теряется в болотах, так называемый Бассейн Окаванго, в Центральной Африке, у 20° ю. ш.; длина ее — 1600 км.

В 90-х гг., находясь на службе в Мозамбике, Ф. Ласерда был встревожен британской экспансией в Южной Африке: он считал, что она грозит разобщенным португальским приморским колониям. Чтобы предотвратить опасность, следовало связать Анголу и Мозамбик сплошной полосой португальских владений в бассейне верхней и средней Замбези, тогда почти неизвестного европейцам. Ф. Ласерда соблазнил португальское правительство значительными выгодами, которые сулит прямой трансафриканский торговый путь между Анголой и Мозамбиком, и получил средства на организацию большой экспедиции в «страну Казембе»[1], располагавшуюся в бассейне р. Луапула, правого притока р. Луалаба (верховья р. Конго). Экспедицию, в состав которой вошло несколько купцов-африканцев, возглавил странствующий торговец *Мануэл Пирейра.* В 1796 г. из Тете, на р. Замбези, сопровождаемый отрядом вооруженных рабов, он направился на северо-запад через гористую местность и вышел на среднее течение р. Лвангва, крупного левого притока Замбези. После форсирования реки он перевалил горы Мучинга, водораздел бассейнов Замбези и Конго, и добрался до другой крупной реки — р. Чамбеши. Хотя спутники-африканцы называли ее Замбези, они объяснили М. Пирейре, что это другая река.

Продолжая маршрут к северо-западу, экспедиция пересекла большое мелководное озеро — скорее всего путешественники двигались через болото Бангвеулу, в дождливый сезон образующее с одноименным озером единый водоем площадью до 15 тыс. км^2. Спутники М. Пирейры сообщили ему, что это озеро-болото соединено протоками с р. Чамбеши и с р. Луапулой, по которой экспедиция добралась до резиденции правителя «страны Казембе» (близ 11° ю. ш.), к востоку от Луапулы. Получив аудиенцию, М. Пирейра в сопровождении посла страны вернулся в Тете прежним путем, проделав в оба конца по неисследованной местности более 2,5 тыс. км. Он преувеличенно расценил возможности торговли со «страной Казембе», но его сообщение было лишним козырем в руках у Ф. Ласерды.

М. Пирейра стал первым из европейцев, проникшим в бассейн Конго со стороны Индийского океана. Описание его путешествия было опубликовано на английском языке в 1824 г. в Лондоне. Но географы первой половины XIX в., как и современники М. Пирейры, не сумели оценить важность для географической науки доставленных им известий о системе р. Луапулы, считающейся иногда главным истоком Конго.

Маршрутом М. Пирейры воспользовался Ф. Ласерда. В октябре 1798 г. с несколькими спутниками он достиг «страны Казембе», но вскоре умер там от малярии. Остальные члены экспедиции в

[1] Казембе (военачальник) - титул наследственных правителей окраинных областей государства Лунда, существовавшего в XVII—XVIII вв. в южной части бассейна Конго и в прилегающей части бассейна Замбези.

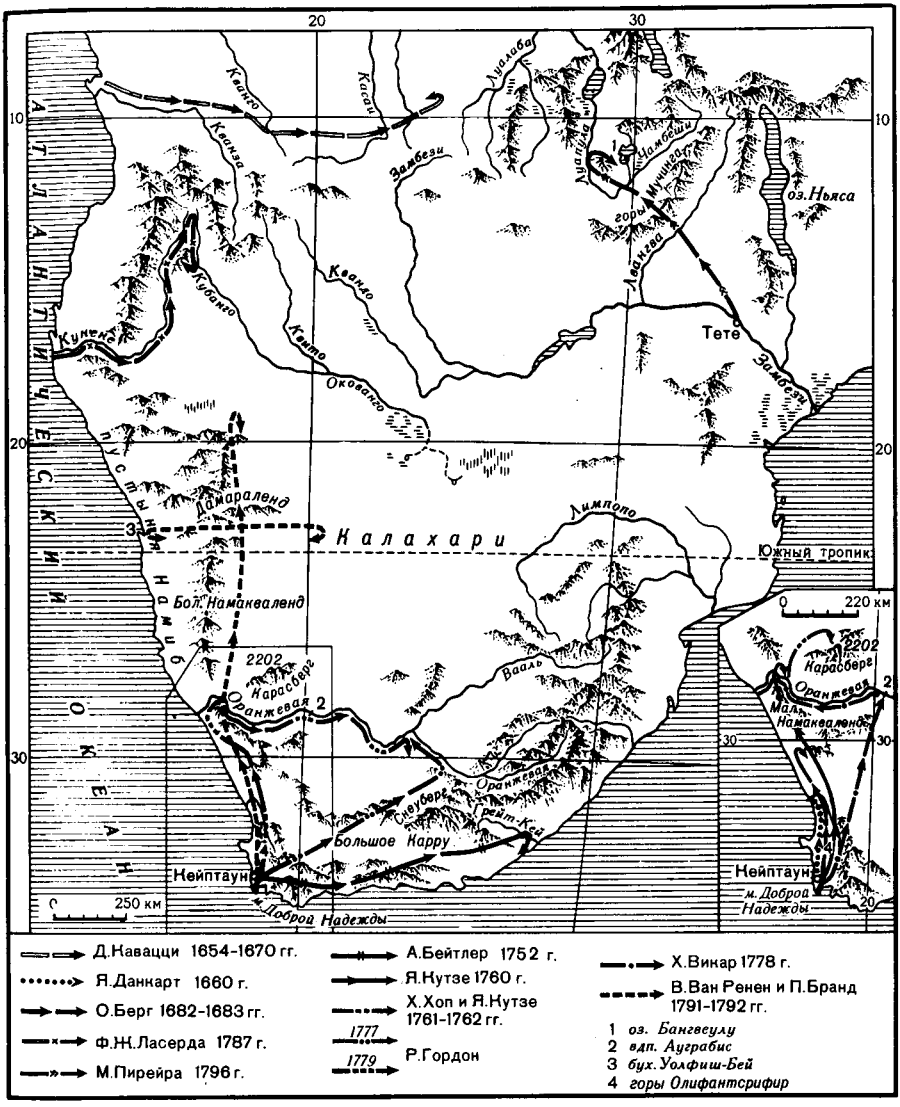
июле двинулись в обратный путь и в ноябре вернулись в Тете. Они собрали большой географический материал, но он, как всегда, был засекречен. И через полвека Д. Ливингстону пришлось почти наново исследовать пути в Центральную Африку.

Голландцы и шведы в Южной Африке

Португальцы в районе мыса Доброй Надежды не организовали постоянного поселения. Когда же они были вытеснены из южных морей, победители-голландцы обосновались у Столовой бухты и построили там в 1652 г. поселок, из которого вырос «Город Мыса» — Капштадт (теперь Кейптаун), ставший отправной базой для экспансии в глубинные районы Южной Африки на восток и на север. К востоку от Мыса поисковые экспедиции до середины XVIII в. исследовали все приморские области Южной Африки до Наталя включительно. Отметим экспедицию *Августа Фредерика Бейтлера,* которая в 1752 г. проникла за р. Грейт-Кей, впадающую в Индийский океан у 28°30′ в. д. Из-за враждебности банту пришлось вернуться.

К северу от Мыса партия *Яна Данкарта* в 1660 г. открыла р. Олифантс, впадающую в Атлантический океан у 31°30′ ю. ш., и горы Олифантсрифир, протягивающиеся на 150 км вдоль ее левого берега. Дальнейшее продвижение на север замедлилось: голландцы нашли там непривлекательное для них полупустынное плато Верхнее Карру, где лишь изредка встречались бродячие охотники-бушмены. Только в 1682—1683 гг. швед *Олаф Берг* в поисках «Медных гор» выполнил две экспедиции на север от Мыса. За р. Олифантс, дойдя примерно до 30°30′ ю. ш., он столкнулся с большими трудностями и отступил. Его попытки побудили губернатора колонии *Симона Ван-дер-Стела* в 1685 г. организовать новую экспедицию. В декабре, в конце феноменально дождливого сезона, он достиг полупустынной страны Малого Намакваленда (у 29°30′ ю. ш.) и обнаружил месторождение меди. К северу местность казалась еще более бесплодной (голландцы не знали, что в 80 км протекает большая река) и в конце января 1686 г. вернулись домой. Поиски в северном направлении были надолго остановлены.

Лишь в 1760 г. голландский фермер и охотник на слонов *Якоб Кутзе,* пройдя от Мыса на север, пересек Малый Намакваленд и впервые достиг крупной реки, которую он так и назвал «Большой» (а это была р. Оранжевая, правильно Оранская — см. ниже). Я. Кутзе проследил ее примерно на 80 км, форсировал ее близ устья короткого пересыхающего притока и впервые оказался на территории Намибии. Я. Кутзе встретил здесь нескольких готтентотов, рассказавших ему о людях с длинными волосами, одевающихся якобы в льняные одежды и живущих в шести днях пути к северу. На их поиски в середине августа 1761 г. отправилась крупная исследовательская экспедиция правительственного комиссара *Хендрика Хопа,* включавшая нескольких научных специалис-



Маршруты Д. Кавацци, М. Пирейры, Ф. Ласерды и походы голландцев по Южной Африке (по В. И. Магидовичу)

тов и Я. Кутзе в качестве проводника. Севернее р. Оранжевой в октябре голландцы открыли пустынную горную страну плато Большой Намакваленд. После удачной охоты на жирафов Х. Хоп с основной частью экспедиции в поисках людей в льняных одеждах проник примерно к 26° ю. ш. — за северную оконечность гор Карасберг (вершина 2202 м). Дальше на север, в иссушенную страну с

пересохшими реками, опаленные жаром голландцы идти не рискнули и в апреле 1762 г. вернулись на Мыс.

Шведский натуралист *Андреас Спаррман,* ученик К. Линнея[1], участник второго плавания Д. Кука, выполнил 10-месячное (конец июля 1775 г.— середина апреля 1776 г.) путешествие по самой южной части Африки, довольно хорошо известной голландским колонистам. А. Спаррман не сделал никаких географических открытий, но в 1779 г. составил первую карту приморской полосы шириной около 200 км между Мысом и р. Грейт-Фиш, впадающей в океан близ 27° в. д. Он дал также первую научную характеристику бушменов и готтентотов, представляющую и в наши дни историко-этнографический интерес, описал кваггу, двурогого носорога, гну и гиппопотама.

В 1777 г. голландский капитан шотландского происхождения, позднее полковник, *Роберт Якоб Гордон,* пройдя на северо-восток через впадину Большое Карру с редкой растительностью, поднялся на Большой Уступ западнее гор Снеуберг и вышел на верхнее течение «Большой реки» у ее самой южной излучины (близ 25° в. д.). В честь правящей тогда в Нидерландах Оранской династии он окрестил реку Оранской (позднее искажено в Оранжевую). Спустившись по долине реки, он обнаружил устье р. Вааль, ее крупнейшего притока. Годом позже служащий голландской Ост-Индской компании швед *Хенрик Викар* — неизвестно каким путем — достиг р. Оранжевой близ 20° в. д. и открыл водопад Ауграбис — один из самых крупных в мире (высота 146 м). Он проследил течение реки до устья[2] на протяжении 500 км. В том же, 1778 г. шотландский ботаник *Уильям Патерсон,* собирая растения для имения направившей его шотландской графини, проследовал от Мыса до р. Грейт-Фиш, попутно выполнив определения координат ряда пунктов. В середине августа 1779 г. он и Р. Гордон посетили устье р. Оранжевой. Возвращаясь на Мыс, У. Патерсон наблюдал многочисленные стада африканских газелей, насчитывающие 20—30 тыс. голов (эти животные вскоре были полностью истреблены), и дал первое описание жирафов. А. Р. Гордон прошел со съемкой 850 км вверх по долине р. Оранжевой до устья р. Вааль.

В конце XVIII в. далее всех к северу от Мыса проникла экспедиция голландского фермера *Виллема Ван Ренена,* уверенного, что в пустынях к северу от р. Оранжевой должно быть золото. Переправившись в ноябре 1791 г. через низовье реки, он разбил базовый лагерь в горах Большого Намакваленда и выполнил оттуда

[1] Другой его ученик — ботаник *Карл Петер Тунберг* — почти за три года пребывания в Южной Африке совершил три длительные экспедиции, открыл и описал много новых видов растений. Его фундаментальный труд «Капская флора» создал ему славу «отца ботаники Мыса». Опубликованные путевые дневники К. Тунберга содержат этнографическую характеристику ряда южноафриканских племен и их взаимоотношения друг с другом.

[2] В XX в. район устья р. Оранжевой «подарил» сенсацию: в 1908 г. к северу, а в 1926 г. к югу от него были обнаружены богатые россыпи алмазов, причем морские россыпи района, по оценкам специалистов, «фантастически богаты».

ряд поисковых маршрутов. К западу голландцы продвинулись до Китовой бухты, ныне Уолфиш-Бей, близ Южного тропика, и открыли полосу приморской пустыни Намиб — одной из самых бесплодных в мире, а к востоку впервые ознакомились с полупустынной и пустынной частью огромной (около 630 тыс. км^2) впадины Калахари. Самый длительный (15-дневный) маршрут на север, приблизительно к 19° ю. ш., совершил участник экспедиции *Питер Бранд,* впервые пройдя через полупустынное нагорье Дамараленд. Он нагрузил повозки «золотой» рудой — в действительности медной — и вернулся в лагерь. Экспедиция В. Ван Ренена возвратилась на Мыс в июне 1792 г.

Французы на Мадагаскаре

Агент французской Ост-Индской компании, богатый и образованный дворянин *Этьен Флакур,* обосновавшийся в Форт-Дофин (юго-восточное побережье о. Мадагаскар), не смог установить с малагасийцами, соседними и дальними, мирных отношений, но все же в течение пяти лет (1650—1654) во главе экспедиций выполнил ряд маршрутов во внутренние районы острова. Не получив согласия компании, в феврале 1655 г. он отбыл во Францию, где в 1658 г. опубликовал свою «Историю Великого острова Мадагаскара» — детальную и основательную сводку собранных им сведений о природе, ресурсах и жителях страны. Его «История» до XIX в. оставалась единственной и до настоящего времени является ценнейшим историческим документом, как и его вторая работа «Отчет...». Оба труда были опубликованы в Париже в 1671 г., в начале XX в. появилось последнее издание. Э. Флакур первый сообщил о гигантской птице, получившей в XIX в. название эпиорнис; она была уничтожена человеком в XVII—XVIII вв.

Малочисленные французские поселенцы не раз подвергались нападению малагасийских племен, населявших южные внутренние районы острова. Компания, объявив в 1665 г. весь Мадагаскар своим владением под названием «Остров Дофина», была заинтересована в увеличении числа колонистов и всячески содействовала всем желающим отправиться туда на поселение. Она явно поторопилась: французы к тому времени закрепились лишь на узкой приморской полосе восточного побережья, да и то далеко не везде. Официально французской колонией эта часть Мадагаскара стала в 1670 г. В 1667 г. в Форт-Дофин прибыло около 2 тыс. французов, в том числе женщины и дети. В городе сразу же возникла угроза голода, и тогда выдвинулся купец *Франсуа Мартен.* По восточному побережью он прошел более 900 км и организовал закупку риса на р. Манингури, впадающей в океан близ 17° ю. ш.

Для того чтобы раздобыть крупный рогатый скот у сиханаков, т. е. озерного народа, он возглавил отряд из 19 французов и 4 тыс. береговых малагасийцев, на которых сиханаки издавна совершали набеги. С этими силами Ф. Мартен проник в центр северной части Мадагаскара, поднявшись по Манингури. В разгар сезона летних

дождей через лесные дебри отряд в конце декабря 1667 г. достиг мелководного проточного озера Алаотра, единственного сравнительно крупного (около 200 км^2) природного водоема острова. Но сиханаков было много, селения их хорошо укреплены — и береговые малагасийцы бежали, а Ф. Мартен отступил.

Его «Воспоминания», опубликованные, правда, лишь в XX в.,— очень ценный первоисточник: постоянно торгуя с бецимисарака, восточными малагасийцами, Ф. Мартен хорошо ознакомился с приморской полосой и дал первые точные сведения о части Высокого плато[1].

До третьей четверти XVIII в. европейцы не сделали никаких попыток исследования внутренних районов Мадагаскара, имели о них очень слабое представление, не знали даже о путях, связывающих восточное и западное побережье острова. Для расширения географических сведений о Высоком плато много сделал французский колонист *Никола Мэер,* знавший малагасийский язык и совершивший несколько путешествий к царькам Мадагаскара. Неутомимый ходок, Н. Мэер обошел восточное побережье острова от устья р. Мангуру (у 20° ю. ш.) до крайнего севера и часть северо-западного берега до о. Нуси-Бе. Он первый посетил и описал область «бедуинов Мадагаскара» — народа цимихети, в XVII в. расширившего свои владения, расположенные севернее р. Манингури, к западу и совершавшего набеги на соседнее царство сакалавов (северо-западная приморская полоса острова).

Еще важнее оказались маршруты Н. Мэера во внутренние области Мадагаскара. В 1774 г. от вершины бухты Антонжиль он поднялся на плато к верховьям р. Суфиа, впадающей в Мозамбикский пролив близ 15°30′ ю. ш., и проследил почти все ее течение. Он подходил к бухте Бомбетука (у 16° ю. ш.), но не был принят царьком сакалавов и вернулся тем же путем назад, выполнив двойное пересечение северной части острова. Через три года от устья р. Мангуру Н. Мэер поднялся до устья ее верхнего правого притока и по нему первый из европейцев проник в самый центр Высокого плато, в район Анцировбе (у 20° ю. ш.). Оттуда он прошел на север в Антананариву, столицу царства Имерина[2], где прожил месяц. Н. Мэер описал это феодальное царство как самую просвященную, промышленно развитую и организованную страну на острове. Он вернулся туда в разгар междоусобной войны, в 1785 г., участвовал в одной битве и предсказал успех царя Имерины, которому в конце концов удалось объединить все земли Мадагаскара в единое королевство. Отчеты, составленные Н. Мэером, до конца XIX в. оставались практически единственными; опубликованы они были лишь в начале XX в., но ими пользовались в рукописи.

[1] Высокое плато — занимающее почти весь Мадагаскар плоскогорье, расчлененное на отдельные массивы с преобладающими высотами 800—1200 м, имеет наклон в западном направлении и протягивается с севера на юг более чем на 800 км.

[2] Государство, возникшее на Высоком плато в XIV в. В конце XVII в. оно распалось на ряд мелких владений.

Глава 16

ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Завершение открытия Аппалачской горной системы

Английские поселенцы в атлантической полосе Северной Америки, и в первую очередь виргинцы, в середине XVII в. начали энергично продвигать границы своих колоний на запад, в предгорную полосу Аппалачей — Пидмонт и в горы Аппалачской системы. При этом колонизаторы преследовали двоякую цель: расширить свои земельные владения и принять участие в торговле пушниной, дававшей высокие прибыли. Для достижения поставленной цели англо-американцам не хватало цепи приморских городов, уже возникших к этому времени на Атлантическом побережье и в низовьях аппалачских рек. Необходимы были глубинные опорные пункты — форты, которые разрешали бы две основные задачи: держать в повиновении индейские племена, жившие на Пидмонте и в аппалачских горных долинах, и в то же время служить базами «индейских торговцев», как обычно назывались англо-американские бродячие скупщики мехов.

Западную «Границу» («Фронтир») английское правительство и местные власти со времени основания первых североамериканских колоний всегда рассматривали как временную; она должна была передвигаться на запад по мере освоения атлантической полосы. Однако организация фортов и их беспрерывное снабжение воинскими припасами и продовольствием стоили немалых денег. Для получения таких средств требовалась «солидная мотивировка» — и постройку западных фортов инициаторы англо-американской экспансии объясняли «индейской опасностью», несмотря на то что во второй половине XVII в. набеги индейцев уже не представляли серьезной опасности для атлантических поселений.

Исследования речной сети *Кристофером Ньюпортом, Джоном Смитом* и их последователями в первой половине XVII в. показали, что все значительные реки Виргинии, текущие в Атлантический океан, образуют пороги и водопады. У этой Линии водопадов, вдоль уступа Пидмонта, колонисты и стали строить форты.

Начало англо-американскому исследованию Аппалачской горной системы для дальнейшего ее захвата положил плантатор *Авраам Вуд*, первый комендант первого форта, поставленного виргинцами в 1646 г.,— Форт-Генри на р. Джемс, возле устья ее притока Аппо-

матокс. В конце августа 1650 г. А. Вуд с пятью спутниками и проводником ознакомился с полосой Пидмонта длиной более чем 150 км между рр. Джемс и Роанок.

Осенью 1671 г. А. Вуд с четырьмя колонистами и индейцем-проводником отправился в новый поход с целью разыскать на западе, по ту сторону гор, «воды, текущие в Южное море». Трудно сказать, что именно понимал А. Вуд под «Южным морем» — Мексиканский залив или Тихий океан. Дело в том, что среди прочих домыслов И. Ледерера, с которым А. Вуд, несомненно, встречался, было и утверждение, будто Тихий океан (Ледерер называл его «Индийским») вдается со стороны Калифорнии так далеко в глубь материка, что доходит до западного подножия Аппалачских гор и что он-де даже видел с вершины Голубого хребта море на западе. Сам А. Вуд и на этот раз прошел не очень далеко: вероятнее всего, только повторил свой старый маршрут от Форт-Генри к р. Роанок. Но два участника его второй экспедиции — *Томас Батс* и *Роберт Фаллам* — поднялись до верховьев Роанока и убедились, что северная из горных рек, составляющих Роанок, течет через седловину на гребне Голубого хребта, а начало берет на его западном склоне. Седловина эта оказалась очень доступным горным проходом. Они взошли на вершину горы и увидели «...высокие горы, простирающиеся к северу и югу, насколько глаз хватал. Хоть и страшное это было зрелище, но мы радовались,— писал Р. Фаллам,— глядя, как горы и холмы громоздятся одни на другие». Перед путешественниками простирались центральные гряды Аппалачских гор, которые ранее видел несколько севернее и И. Ледерер.

Пройдя несколько километров дальше на запад, Т. Батс и Р. Фаллам увидели «Новую реку» (Нью-Ривер), которая текла с западных склонов гор, открывшихся перед ними. Теперь ясно, что они находились на одной из рек, составляющих р. Канову (приток Огайо), и что она принадлежит к системе Миссисипи. Т. Батс и Р. Фаллам этого еще не знали, но правильно решили, что открытый ими поток никак не связан с виргинской речной сетью и что, следовательно, они перешли водораздел между знакомыми им реками и какой-то другой речной системой. К их чести нужно сказать, что они не претендовали на славу первого открытия. Р. Фаллам писал, что они нашли на водоразделе деревья, на корнях которых были сделаны углем какие-то условные отметки латинскими буквами — дело рук безвестных первооткрывателей, вероятнее всего, англо-американских «индейских торговцев», а может быть, и франко-канадских «лесных бродяг», иногда заходивших далеко на юг.

В апреле 1673 г. А. Вуд отправил из Форт-Генри колониста *Джемса Нидхема* и своего служащего *Габриеля Артура* с восемью индейцами далеко на юго-запад, за р. Роанок. После предварительной разведки Д. Нидхем и Г. Артур летом того же года перевалили южный участок Голубого хребта и вышли к верховьям р. Теннесси (системы Миссисипи). У местных жителей, горных индейцев племени чироки, путешественники видели испанские товары. Так как торговые посредники индейцев выражали недовольство испанцами — либо

из-за обращения, либо из-за плохого качества испанских товаров, то чироки охотно согласились торговать с виргинцами. Д. Нидхем отправился с этим сообщением в Форт-Генри. Г. Артур остался у индейцев, с тем чтобы обучиться их языку.

На обратном пути к р. Теннесси Д. Нидхем поссорился с одним индейцем-проводником и был убит. Вождь племени чироки, у которого «гостил» Г. Артур, обещал доставить его с оказией в Форт-Генри. Но удобный случай долго не представлялся: вождь медлил, боясь мести английских колонистов за убийство Д. Нидхема, хотя чироки к этому не имели отношения. И Г. Артур несколько месяцев бродил с индейцами по огромной территории — от р. Огайо (бассейн ее притока Кановы) на севере до р. Саванны, впадающей в Атлантический океан, на юго-востоке и низовьев аппалачских рек, текущих в Мексиканский залив, на юге. Во время этих скитаний Г. Артур ознакомился и с центральными и с южными районами Аппалачской горной системы. Он стал невольным участником двух набегов чироки — на индейское приморское селение на северо-востоке испанской Флориды и на испанский пост на северо-западе полуострова. Чироки очень бережно относились к Г. Артуру. Летом следующего, 1674 г. их вождь выполнил, наконец, свое обещание и в сентябре доставил Артура «домой» — на р. Джемс, в Форт-Генри.

Таким образом, к последней четверти XVII в. английские колонисты-виргинцы закончили в основном исследование своей новой родины. Они ознакомились достаточно подробно с береговой линией Виргинии, с ее речной сетью и — пока в общих чертах — с ее рельефом. Они укрепились на Линии водопадов, исходили центральную полосу Пидмонта во всех направлениях, перевалили в нескольких местах Голубой хребет, получили некоторое представление о протягивающихся за ним параллельных горных грядах и открыли (вторично) ряд аппалачских рек системы Миссисипи.

Первые французы на Миссисипи

Лесные бродяги, а за ними иезуиты пришли в середине XVII в. к Верхнему озеру, и в это время бретонец *Медар Шуар Грозейлье,* удачно скупавший пушнину к западу от озера Мичиган (1654—1657), услышал там от индейцев о западной «Большой Воде» как о реке, текущей к югу, а не как о море. В 1658—1659 гг. он снова промышлял за озером Мичиган со своим родственником *Пьером Эсприи Радиссоном;* они, вероятно, добрались до озеровидного расширения верхней Миссисипи (у 44°30′ с. ш.), возможно, плавали по ней. (Такие осторожные формулировки объясняются тем, что географические сведения, сообщаемые П. Радиссоном, очень неопределенны. Одно лишь очевидно — первыми на верхней Миссисипи были эти два бретонца, обнаружившие «прекрасную реку, полноводную, широкую, глубокую» *(Дж. Бейклесс).*)

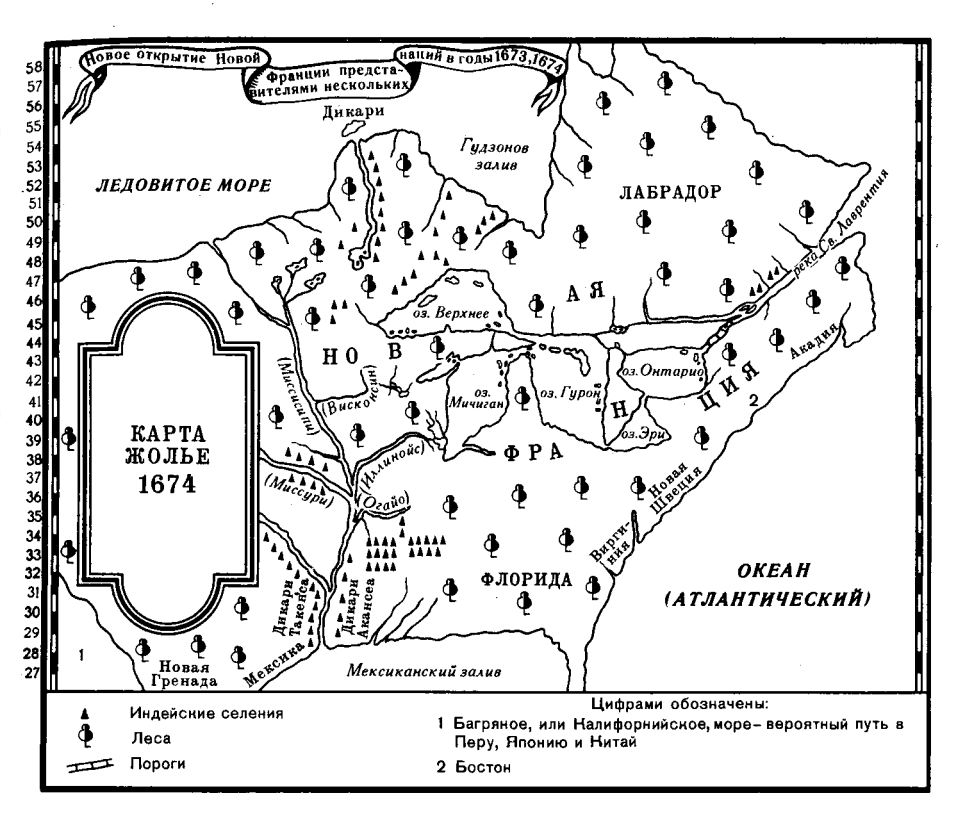
В 1665 г. иезуит *Клод Жан Аллуэ* организовал миссию у западной окраины Верхнего озера, а осенью 1669 г. — другую на побе-

режье залива Грин-Бей (северо-западная часть озера Мичиган). Около 1670 г. была основана миссия Сент-Мари («Святой Марии») на южном берегу одноименной порожистой реки (по-английски — Сент-Мэри), соединяющей озера Верхнее и Гурон. С того времени местные пороги получили французское название Су-Сент-Мари. В 1670 г. К. Аллуэ пришел на р. Висконсин (истоки к югу от Верхнего озера) и тоже услышал здесь о «Большой Воде». Несомненно, то был великий поток. Никто, однако, не знал, где он кончается, впадает ли в Мексиканский залив или в Тихий океан. Иезуиты надеялись, что этот поток течет именно в Тихий океан, из-за чего область Верхнего озера приобретала в их глазах огромное значение. Стремясь закрепить эту территорию за Францией, или, точнее говоря, за своим орденом, они в присутствии представителей 14 индейских племен в 1671 г. у Су-Сент-Мари торжественно провозгласили французское верховное господство над всеми странами, которые прилегали к озерам Верхнему и Гурону.

Ученик иезуитов скупщик пушнины *Луи Жолье* был послан губернатором Новой Франции для исследования «Западного потока». Иезуиты прикомандировали к нему члена ордена *Жака Маркетта*. Оба француза, говорившие на нескольких индейских языках, отправились в путь 17 мая 1673 г. от залива Грин-Бей (у 45° с. ш.), вместе с пятью торговыми агентами перешли через водораздел на индейских челнах, спустились по р. Висконсину до устья и ровно через месяц вошли в широкую реку, медленно несущую в зеленых берегах свои чистые воды на юг. Л. Жолье назвал ее «рекой Кольбера» (по имени *Жана Батиста Кольбера*, всесильного министра финансов *Людовика* XIV).

Первую неделю французы плыли, казалось, через совершенно безлюдную местность, на берегах паслись большие стада бизонов. Ниже стали встречаться деревни индейцев-иллинойсов, у которых Л. Жолье и Ж. Маркетт видели — хотя нога «белого» еще не ступала здесь — французские железные изделия, одежду и английское огнестрельное оружие. Европейские товары шли впереди самих европейцев: торговыми посредниками были индейские племена, жившие близ приморских колоний. От индейцев путешественники узнали, что великая река Миссисипи начинается несколькими истоками в небольших озерах далеко на севере, убедились, что она течет на юг, но не могли пока выяснить, куда она впадает,— они верили и надеялись, что в Калифорнийский залив. Ранее они слышали множество пугающих рассказов о кровожадных индейцах. Но ни в стране иллинойсов, ни южнее они ни разу не подвергались серьезной опасности: индейцы не нападали на европейцев, если те вели себя мирно.

Они проплыли сотни километров вниз по течению, и река не меняла своего южного направления. Ниже страны иллинойсов в нее впадала с запада (у 39° с. ш.) другая огромная река — в спокойные и чистые воды Миссисипи вливалась бурная и грязная Миссури. Французы видели на воде массу деревьев, иногда целые плавучие острова. Но Миссисипи, приняв этот огромный приток,



Эскиз карты Л. Жолье, 1674 г.

продолжала течь на юг с некоторым уклоном к востоку. Еще ниже в Миссисипи, ставшей к тому времени мутной, вливались чистые воды другой огромной реки, теперь уже с восточной стороны,— Огайо (у 37° с. ш.), открытой несколько раньше Ла-Салем (см. ниже). Но Миссисипи и на этот раз только незначительно изменила свое направление — на юго-западное.

Ниже р. Огайо французы также находили у местных жителей европейские товары, пришедшие сюда с востока от английских колонистов. Те еще не перевалили через Аппалачи, а товары их распространялись с помощью посредников-индейцев на сотни километров к западу от гор. А еще ниже французы иногда встречали испанские товары, доставленные, очевидно, из Мексики, и видели индейцев верхом на укрощенных мустангах (одичавших лошадях). За 34° с. ш. ниже р. Арканзас Миссисипи текла прямо на юг. Надежды Л. Жолье и Ж. Маркетта рухнули в начале июля 1673 г., когда они узнали от индейцев, что от Арканзаса до моря только десять дней пути. Великая река никак не могла впадать ни в Тихий, ни непосредственно в Атлантический океан. Она, скорее всего, кончалась у Мексиканского залива. Л. Жолье и

Ж. Маркетт прошли первыми верхнее и среднее течение Миссисипи. Но спуститься до ее устья французы не решились: они умели ладить с «дикими язычниками» индейцами, но боялись попасть в руки европейцев — испанцев. 17 июля они двинулись в обратный путь, поднялись по Миссисипи до устья р. Иллинойс, а по нему до низкого водораздела, отделяющего его от озера Мичиган, у южного берега которого они провели зиму 1674 г., а весной по системе Великих озер вышли на р. Св. Лаврентия. Недалеко от Монреаля каноэ Л. Жолье перевернулось в водовороте у порогов — он спасся, но журнал и заметки о путешествии поглотила стремнина. По возвращении он составил карту открытого ими «отрезка» Миссисипи — почти всего течения реки.

Л. Жолье и Ж. Маркетт доказали, что между ее бассейном и Великими озерами лежат только низкие и очень доступные водоразделы. Скоро французам удалось установить, что во время разлива на челноках можно переправляться от Мичигана на верхние левые притоки Миссисипи. Теперь они получили некоторое представление о гигантской системе водных путей, прорезывающих дугой длиной более 4 тыс. км всю внутреннюю область Северной Америки. Составные части этой дуги: р. Св. Лаврентия, озера Онтарио, Гурон, Мичиган и, наконец, р. Миссисипи, которую французские географы позднее метко назвали «меридианом в движении».

Французы уже формально завладели р. Св. Лаврентия и Великими озерами; благодаря Л. Жолье и Ж. Маркетту они получили «право первого открытия» на Миссисипи, кроме ее низовьев. Оставалось только приобрести формальные права на низовья реки и укрепиться у Мексиканского залива.

Ла-Саль и присоединение Луизианы к Франции

Иезуиты не терпели, чтобы монахи других орденов, а тем более светские люди направлялись в «открытые» ими земли. Пользуясь своим влиянием при французском дворе, они всякими способами мешали другим исследователям бассейна Миссисипи, в частности «великому неудачнику» *Роберу Кавелье де Ла-Саль.*

Переселившись из Франции в Канаду, Ла-Саль, как и другие, мечтал обнаружить кратчайший путь из Атлантического океана в Тихий. Продвигаясь на юго-запад от озера Онтарио в легких челнах, он открыл в конце 1669 г. и проследил почти на всем протяжении р. Огайо[1] (1580 км), мощный левый приток Миссисипи. Покинутый всеми спутниками за исключением одного индейца *Ника,* проводника и переводчика, Ла-Саль вернулся тем же путем

[1] В 70-е гг. XVIII в. торговец пушниной *Жан Кутюр* первым прошел р. Теннесси, самый длинный и многоводный приток р. Огайо, от устья до истоков, посчитав, очевидно, р. Холстон, одну из ее составляющих, за главную реку (длина Теннесси от истока р. Холстон на западных склонах Аппалачей — 1470 км).

в Канаду в конце 1670 г. с картой маршрута и записями (в XVIII в. они были утеряны). Осенью 1671 г. Ла-Саль и Ника (сопровождавший Ла-Саля во всех остальных экспедициях и побывавший с ним во Франции) с группой лесных бродяг прошли на челнах по озерам Эри и Гурон к западному берегу озера Мичиган — в этих водах еще не плавал никто из европейцев. Идя вдоль побережья на юг, они добрались до южного конца озера Мичиган. После недолгих поисков отряд перебрался на р. Иллинойс, которая «доставила» их челны в р. Миссисипи у 39° с. ш. Ла-Саль установил, что великий поток имеет в этом районе в общем юго-восточное направление, но все же надеялся, что он впадает в Тихий океан. На обратном пути в Канаду весной 1672 г. Ла-Саль поднялся по Иллинойсу и его левому притоку Канкаки до истоков и через короткий волок перешел на речку, впадающую в озеро Мичиган у 42° с. ш. Обследовав все восточное побережье Мичигана, он вернулся в Канаду в конце 1672 г.

Ла-Саль мечтал проследить все течение Миссисипи и присоединить ее бассейн к владениям французского короля. Заинтересовав своим планом *Луи Фронтенака*, губернатора Канады, Ла-Саль построил форт у Ниагары и снарядил судно для плавания по Великим озерам и рекам системы Миссисипи до ее устья. Для этого он вошел в долги, и кредиторы описали его канадские имения. Современники считали его гордым, холодным, беспощадным человеком. Торговцы мехами предполагали, что он хочет получить для себя монополию на пушной промысел в Северной Америке. Иезуиты возненавидели его и пытались отравить. Не оправившись еще от последнего отравления, больной Ла-Саль глубокой осенью 1678 г. пустился в путь и через озера Эри и Гурон достиг южного края Мичигана.

Оттуда он отослал судно обратно с грузом мехов, чтобы расплатиться с кредиторами и запастись провизией, а сам с 15—20 людьми перешел зимовать на р. Иллинойс и построил там форт. Не получая вестей из Канады, Ла-Саль с пятью спутниками ранней весной 1679 г., в распутицу, пешком отправился в Монреаль. Здесь он узнал, что его судно пропало без вести, а другое, отправленное для него из Франции, погибло. Он вернулся на запад, в форт на Иллинойсе. Но гарнизон форта восстал во время его отсутствия. Ла-Саль склонил на свою сторону местных индейцев, подстрекаемых К. Аллуэ, в союзе с ними победил мятежников и с грузом мехов летом 1680 г. прибыл в Монреаль, чтобы снарядить новую экспедицию.

Сборы заняли почти год. В конце июня 1681 г. он наконец отправился в дорогу и по льду замерзшего Иллинойса 6 февраля 1682 г. прибыл к устью. По Миссисипи плыли огромные льдины; потеряв неделю на ожидание, когда река очистится, Ла-Саль впервые спустился по ней до Мексиканского залива. 9 апреля весь бассейн Миссисипи он объявил владением французского короля *Луи (Людовика)* XIV и назвал его Луизианой. На следующий день Ла-Саль двинулся в обратный путь и, поднявшись по Миссисипи,

через Великие озера вернулся в Восточную Канаду, а оттуда отправился во Францию. Он привез в Париж весть о присоединении к королевским владениям гигантской страны. Людовик XIV дал ему средства на снаряжение нескольких судов для новой экспедиции и назначил его губернатором Луизианы. Однако иезуиты не могли примириться с возвышением опасного соперника. Они добились того, чтобы командование флотилией поручили их ставленнику — личному врагу Ла-Саля. Экспедиция должна была в 1684 г. идти из Франции в Мексиканский залив и подняться по Миссисипи. Командующий флотилией в конце 1684 г. прошел мимо дельты великой реки, «не заметив» ее, а затем обвинил Ла-Саля в обмане. Тому с небольшим отрядом пришлось высадиться на безлюдный о. Матагорда (28° с. ш., у побережья Техаса) и там перезимовать. Весной 1685 г. он перешел на материк, к заливу Матагорда, и в устье р. Лавака построил форт. Осенью 1686 г. он решил идти сухим путем к Великим озерам, а оттуда в Восточную Канаду, иначе говоря, пересечь материк с юго-запада на северо-восток. Зимой 1687 г. Ла-Саль выступил в поход, но 19 марта был изменнически убит своими спутниками-французами, зарезавшими тремя днями раньше и Ника.

Возникновение Компании Гудзонова залива

Радиссон и Грозейлье слышали от индейцев у Верхнего озера не только о западной «Большой Воде», но и о «Северном море» (Гудзоновом заливе). В начале 60-х гг., скупая меха к северу от Верхнего, они открыли крупное озеро Нипигон (4840 км^2) и получили сведения о пути к Гудзонову заливу и о выгодах, которые может принести там скупка пушнины. Они предлагали организовать экспедицию к Гудзонову заливу, чтобы закрепить за французами господство на его берегах. Не встретив поддержки ни в Канаде, ни во Франции, скупщики отправились в Англию и связались с *Рупертом Баварским*, адмиралом британского флота.

В 1667 г. принц Руперт основал английскую Компанию Гудзонова залива. Летом 1668 г. в Гудзонов залив был послан английский военный корабль (на борту находился Грозейлье) под командой *Захарии Гиллама*, и тот открыл в заливе Джемс устья лабрадорских рек, позднее получивших названия Руперт и Истмейн. Во время зимовки Грозейлье вел успешную торговлю с индейцами. После их возвращения в Англию в 1669 г. это во многом способствовало официальному признанию компании: в 1670 г. она получила королевскую хартию. Ее власть формально распространялась на всю область залива до водораздельных высот, но в действительности было освоено только южное побережье между рр. Истмейн и Черчилл. К 1688 г. здесь имелось семь фортов-факторий в устьях семи больших рек: Истмейн, Руперт, Мус, Олбани, Северн, Нельсон и Черчилл.

Пушные богатства окрестностей Гудзонова залива привлекали не только англичан. С 1659 г. французы из Квебека сделали несколько безуспешных попыток достичь «сухим путем» этой акватории. Ближе всех к ней подошел иезуит *Гийом Кутюр:* летом 1663 г. он с двумя спутниками поднялся по р. Сагеней через озеро Сент-Джон к верховью одного из его притоков и открыл за почти незаметным водоразделом длинное и узкое озеро Мистассини. Это крупный водоем (2190 км^2), из которого вытекает, проходя затем через лабиринт озер, р. Руперт. По ней или параллельно реке Г. Кутюр добрался до небольшого проточного озера Немиско (у 51°20′ с. ш.). Его проводники дальше идти отказались (до залива Джемс оставалось 150 км), и после торговых операций с местными индейцами группа вернулась в Квебек.

Выйти к берегам Гудзонова залива французам удалось лишь через девять лет: в июне—июле 1672 г. иезуит *Шарль Альбанель*, больше исследователь, чем миссионер, повторил маршрут Г. Кутюра до озера Немиско (по пути открыв узкое озеро Альбанель) и по р. Руперт прошел к заливу Джемс, где обнаружил два пустых дома, построенных англичанами; в заливе он увидел английское судно. Не смущаясь этим обстоятельством, Альбанель объявил французским владением все побережье Гудзонова залива.

Радиссон и Грозейлье, видимо, обойденные принцем Рупертом, вернулись в Канаду и организовали Северную торговую компанию. Они напали в 1682 г. на форт Нельсон, разрушили его, захватили в плен находившихся там англичан и поставили вместо него французский форт. А через два года Радиссон снова перешел на английскую сторону и передал форт Компании Гудзонова залива. Оттуда в 1683 г. он первым прошел на запад около 150 км по прибрежной низменности. Об этой четырехдневной экскурсии он составил записку, содержащую очень мало географических сведений.

Весной 1694 г. в Квебеке для торговых целей была организована экспедиция, возглавлявшаяся Л. Жолье. Проследовав на судне вдоль южного побережья п-ова Лабрадор к 52° с. ш., он вместо торговли, или помимо нее, начал съемку береговой линии. Обратно экспедиция повернула 15 августа у 56° с. ш. и в середине октября вернулась в Квебек. Л. Жолье составил детальный отчет и карту атлантического берега Лабрадора длиной около 1 тыс. км между 52 и 56° с. ш.

Англичане Келси и Хендей в бассейне Саскачевана

Первыми в Центральную Канаду проникли, по-видимому, безвестные французские скупщики пушнины — лесные бродяги, часто преследуемые французскими колониальными властями. Они жили среди индейцев, женились на индианках, сохраняя свой французский язык и передавая его своим детям. В поисках новых охот-

ничьих угодий они шли все дальше и дальше на запад от Верхнего озера через прерии, пока не достигли Скалистых гор. Но первое дошедшее до нас описание канадской прерии — северной части Великих равнин — составили не они, а пришедший туда со стороны Гудзонова залива английский торговый агент.

В 1684 г. в торговую факторию Компании Гудзонова залива, в устье р. Нельсон, прибыл из Англии четырнадцатилетний мальчик *Генри Келси*. Как и французские «юнцы» в Канаде, из которых выросли лесные бродяги, он искал общества индейцев, приходящих в факторию с торговыми целями, восхищался ими, бродил и охотился с ними, выучился их языку. Чтобы завязать торговлю с местными индейцами, Г. Келси ходил и на восток от Нельсона, к р. Северн, и на север, за р. Черчилл, совершая переходы в сотни километров. Так в одном из маршрутов летом 1689 г. он первый увидел и описал, конечно в общих чертах, мускусного быка (овцебыка) — парнокопытное животное семейства полорогих, ныне малочисленное, взятое под строгую охрану. В факторию иногда приходили менять меха на английские товары группы индейцев-ассинибойнов (ветвь языковой группы сиу): их страна находилась в центре материка, далеко к юго-западу от Гудзонова залива.

В середине июня 1690 г. двадцатилетний «юнец» Г. Келси был отправлен из фактории Йорк, расположенной в устье р. Хейс, в сторону ассинибойнов с поручением — «призывать, поощрять, побуждать дальних индейцев к торговле с нами» (компанией). Вместе с группой ассинибойнов Г. Келси шел сначала на юг обычным торговым путем индейцев, уже разведанным европейцами: поднялся на челнах по р. Хейс до 55° с. ш., где река проходит через несколько озер. Оттуда, следуя на запад и юго-запад «по стремительным порожистым рекам, через тридцать три перевоза и пять озер», Г. Келси обогнул северный берег озера Виннипег и в июле вышел к р. Саскачеван, которая течет с запада и, пройдя «Кедровое озеро» (Сидар), впадает в северную часть Виннипега. Там он завязал мирные сношения с ближними индейцами, уговорил их ежегодно ходить к Гудзонову заливу и посещать факторию Йорк.

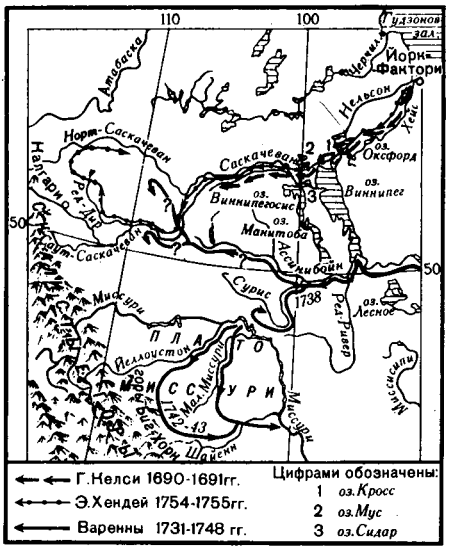
Осенью Г. Келси присоединился к ассинибойнам, отправлявшимся на охоту в прерии, к юго-западу от Саскачевана. Он первый описал канадские прерии. Прибыв из лесной озерной страны с густой речной сетью, Келси был потрясен, когда попал на равнину, где «нет ничего, кроме зверей и травы», и обрадовался, когда увидел, что и там иногда встречаются деревья и текут реки. Он рассказывал о стадах «больших черных буйволов» (канадский подвид бизона) и об «огромных медведях [гризли] с очень вкусным мясом».

Перезимовав среди ассинибойнов, Г. Келси в середине июля 1691 г. выступил на запад «открывать и вовлекать в торговлю» дальние индейские племена. Вероятно, он поднимался по р. Каррот, правому нижнему притоку Саскачевана, пока это было воз-

можно. Затем он бросил челны и бродил по прерии, охотясь или отыскивая племена, еще не вовлеченные в торговлю с европейцами. К индейцам он приходил «вооруженный» только трубкой мира. По расчету Г. Келси, он прошел до сентября, когда отправился в обратный путь, около 1000 км, главным образом пешком. Снова перезимовав к западу от больших озер Центральной Канады, Г. Келси летом 1692 г. вернулся к Гудзонову заливу «с доброй индейской флотилией». Его путевые журналы, письма и заметки, обнаруженные лишь в 1926 г. в Ирландии, впервые увидели свет через три года под названием «Бумаги Келси». Последние годы жизни — он умер не позднее 1730 г. — Г. Келси провел в бедности.

Доклад губернатора об интереснейшем путешествии Г. Келси дошел до лондонских директоров Компании Гудзонова залива, но их-то он нисколько не заинтересовал. Исследование англичанами внутренних областей Канады приостановилось более чем на полвека. Продолжали это дело франко-канадцы, среди которых в первой половине XVIII в. выделились отец и сыновья *Варенны* (см. ниже). Но независимо от них в бассейне Саскачевана в середине XVIII в. побывал английский торговый агент *Энтони Хендей*. По профессии контрабандист, Э. Хендей вынужден был спешно покинуть родину и поступить на службу Компании Гудзонова залива. По собственной инициативе он решил «исследовать внутренние области страны и попытаться увеличить торговые обороты компании». Значительную роль в этом вопросе сыграл офицер и исследователь *Джеймс Айшем*, проживший на берегах Гудзонова залива 30 лет. Он не оставался равнодушным к географии глубинных районов, что было так характерно для людей компании, и настаивал на более тщательном их исследовании. Д. Айшем одним из первых в Америке описал вечно мерзлые грунты и перенос валунов льдом.

Присоединившись к группе ассинибойнов (среди них очень хорошим знанием страны выделялся *Аттикасиш*, ставший проводником отряда), Э. Хендей выступил из фактории Йорк 26 июня 1754 г., поднялся по р. Хейс до озера Оксфорд (у 54°50′ с. ш.), повернул на запад и перебрался на озеро Кросс. Оттуда отряд свернул на юго-запад, через «Лосиное озеро» (Мус), и 22 июля вышел на нижний Саскачеван. Дойдя до слияния его составляющих, Э. Хендей поднялся по Саут (Южному)-Саскачевану — почти до 52° с. ш. Там он бросил челны и пересек прерии в западном направлении до подножия Скалистых гор в верховьях р. Ред-Дир, крупнейшего притока Саут-Саскачевана. Здесь он оставался с конца октября по конец декабря, промышляя пушного зверя и охотясь на бизонов. Зимовал Э. Хендей на верхнем течении Норт (Северного)-Саскачевана, среди индейцев «черноногих», сходных по языку и культуре с алгонкинами, которые уже были хорошо известны европейцам. Сами себя они называли сиксиками; европейцы прозвали их «черноногими», так как они обувались в мокасины, сшитые из черной замши. «Черноногие» стали к тому времени конным наро-



Открытие Центральной Канады и плато Миссури

дом: Э. Хендей видел в их стране табуны мустангов.

В конце апреля 1755 г. Э. Хендей и его спутники ассинибойны начали отправку пушнины почти на 70 челнах по Норт-Саскачевану. Он убедился, что бассейн Саскачевана является золотым дном для скупщиков пушнины. 20 июня 1755 г. Э. Хендей вернулся к Гудзонову заливу. Он проник так далеко на запад через канадское плато Прерий (размеры которого просто ошеломили его), как ни один европеец до него; он открыл канадские Скалистые горы, первый обследовал почти все крупные реки бассейна Саскачевана и дал хорошее описание индейских племен, живущих в этом бассейне. У подножия Скалистых гор Э. Хендей вторично побывал в 1759—1760 гг. и вернулся в факторию Йорк с 61 каноэ пушнины. После этого путешествия одно из племен «черноногих» стало регулярно торговать с англичанами. Журнал Э. Хендея, составленный в форме поденных записей о приключениях, существует в трех вариантах; оригинал не обнаружен.

Варенны и «Укрепленная линия Западного моря»

В 1717 г. к северу от Верхнего озера, на озере Нипигон, обосновался *Пьер Готье Варенн де ла Верандри* (Варенн-старший). Он услышал здесь от индейцев и лесных бродяг о больших озерах и реках к западу и северо-западу от Нипигона и решил, что они представляют собой водный путь к «Западному морю» (Тихому океану). Разбогатев, он организовал торговую компанию, и французский король дал ему монополию на скупку пушнины в западных областях. В 1731—1748 гг. Варенн и его сыновья (Варенны-младшие) совершили ряд поисковых путешествий в отведенной для их компании огромной области. Они обследовали и нанесли на карту большие озера Центральной Канады — Лесное[1], Виннипег, Мани-

[1] Оно открыто в 1689 г. французом *Жаком Нойоном*: к западу от Верхнего озера (за 48° с. ш.) он проследил цепь небольших озер, через которые протекает р. Рейни (теперь пограничная), впадающая у 95° з. д. в озеро Лесное (4860 км^2).

тоба, Виннипегосис — и много небольших озер. Первым к берегам озера Виннипег (24 390 км^2) по р. Виннипег летом 1732 г. вышел *Жан Батист Варенн,* старший сын П. Варенна, убитый вместе с двадцатью его спутниками в 1736 г.

Варенны поднимались по р. Саскачеван и составляющим его рекам — Норт-Саскачевану и Саут-Саскачевану, а на юго-западе пересекали северную полосу Великих равнин в районе р. Малой Миссури и в 1742 г. доходили до гор Биг-Хорн — восточных отрогов Скалистых гор у 44° с. ш. Они установили связь трех больших озер Центральной Канады с крупными реками, текущими с юга и запада и впадающими в Гудзонов залив; они положили начало исследованию бассейна верхней Миссури и сравнительно точно нанесли его на карту. Они открыли труднопроходимую низкогорную полосу, позднее названную «дурными землями» (бедленд[1]).

Варенны основали цепь укрепленных факторий на открытых или исследованных ими озерах и реках. В конце 1749 г. Варенн-старший умер. Его торговая монополия была передана другому лицу, агенты которого в 1751 г. проследили — по более распространенной версии — все течение Саут-Саскачевана от устья до верховьев, у 50-й параллели, и на одном из его истоков, р. Боу, у подножия Передового хребта Скалистых гор, близ нынешнего Калгари, построили форт. Цепь этих фортов-факторий изестна под названием «Укрепленной линии Западного моря».

«Западным морем» казалось каждое большое озеро, до которого доходили французы, пока не обнаруживалось, что за ним начинается обширная лесная или степная полоса. Они проникали все дальше и дальше на запад, а гигантский материк как будто отступал перед ними, пока их не остановила преграда — Скалистые горы. Но недалеко за этими горами они надеялись открыть настоящее «Западное море» — Тихий океан. Со слов франко-канадских пионеров парижские географы предполагали, что огромный морской залив на западе глубоко вдается в материк Северной Америки. Так как тогда уже была известна р. Нельсон, вытекающая из озера Виннипег и впадающая в Гудзонов залив, то казалось, что через нее, озера и реки Центральной Канады проходит великий внутренний водный путь между Атлантическим и Тихим океанами.

Первые исследователи Северной Канады

Заинтересованная в увеличении доходов Компания Гудзонова залива в конце июня 1715 г. направила из форта Йорк в глубинные районы Северной Канады своего служащего *Уильяма Стьюарта* во главе отряда из 150 индейцев племени кри (алгонкинской

[1] «Дурные земли» восточных подножий Скалистых гор, в том числе по р. Малой Миссури,— классический пример особой формы рельефа: невысокое полупустынное нагорье, сильно расчлененное ветвящимися оврагами и, как правило, непригодное для земледелия.

языковой группы). Проводником и переводчиком была женщина из племени чипевайан, находящегося в состоянии войны с кри. Задача У. Стьюарта состояла в заключении мира между ними и установлении торговых контактов с чипевайанами.

Только через два месяца отряд добрался до форта Черчилл, в устье одноименной реки, в 250 км к северу от форта Йорк. Оттуда У. Стьюарт двинулся на северо-запад. Обходя бесчисленные озера и озерки, переправляясь через множество рек и речек, он пересек «Бесплодные пустыни». Так У. Стьюарт окрестил тундру с озерно-холмистым рельефом — северную часть Лаврентийской возвышенности. Открытая им страна была прибежищем мириадов насекомых. У. Стьюарт повернул к запад-северо-западу и попал, по его выражению, в «чудесную страну для всякого зверья». Ему удалось установить мир между враждовавшими племенами и уговорить 10 молодых чипевайанов сопровождать его на обратном пути. После зимовки отряд вернулся в форт Йорк в начале мая 1716 г.

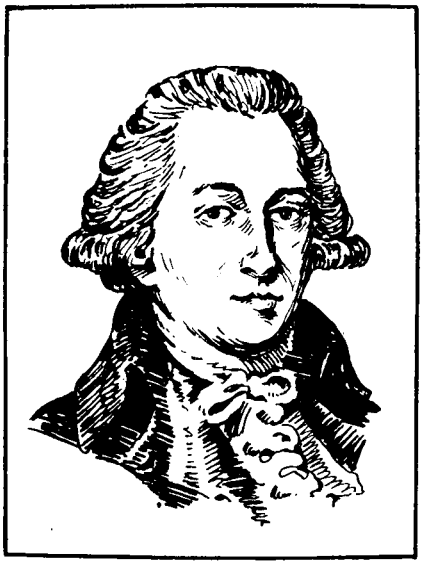
Рассказ У. Стьюарта, проделавшего, по его оценке, 1600 км и достигшего приблизительно 63° с. ш., был записан в журнале форта. Точный его маршрут не установлен, но канадские историко-географы сходятся во мнении, что он прошел по тундре 1100 км и первым проник в субарктическую область к юго-востоку от Большого Невольничьего озера, т. е. примерно к 61° с. ш. и 110° з. д.

В 1741 г. капитаны двух английских кораблей — *Кристофер Мидлтон* и *Уильям Мур* — получили задание отыскать Северо-Западный проход со стороны Гудзонова залива. Они достигли устья р. Черчилл и перезимовали там, во время зимовки от цинги умерло 10 человек. В июле 1742 г. они двинулись от р. Черчилл вдоль западного берега Гудзонова залива и у 65°30′ с. ш. открыли узкую и длинную (около 150 км) бухту — Уэйджер, которую сначала приняли за Северо-Западный проход. Обследовав ее на лодках, англичане убедились, что вода в ней почти пресная и, следовательно, пролива здесь нет. Они продолжили путь на север через пролив Рос-Уэлком и у полярного круга в начале августа обнаружили бухту Репалс («Отбой»); к юго-востоку от нее виден был Фрозен-Стрейт («Замерзший пролив»), который выводил — через Бассейн Фокса — обратно в Гудзонов залив. Разочарованные моряки 9 августа повернули назад. Но они все-таки улучшили карту Гудзонова залива: проследили более 1 тыс. км его западного побережья и окончательно доказали, что «земля» Саутгемптон не часть материка, а большой остров (его площадь — 44,1 тыс. км^2), или, как тогда думали, архипелаг. Судовой журнал К. Мидлтона о плавании 1741—1742 гг. опубликован в виде приложения к работе другого английского капитана — *Уильяма Котса* «География Гудзонова залива», изданной обществом Хаклюйта в 1852 г. У. Котс в 1721—1751 гг. многократно посещал залив и дал очень хорошее описание его берегов. Но характеристика глубинных районов, составленная им со слов индейцев, показывает, что в середине XVIII в. англичане, в отличие от французов, имели весьма туманное представление об этих территориях.

В Англии нашлись люди, не поверившие утверждениям К. Мидлтона, что из Гудзонова залива нет выхода в Тихий океан. В 1745 г. парламент назначил премию в 20 тыс. фунтов стерлингов тем британским подданным, которые «откроют Северо-Западный проход через Гудзонов пролив к Западному и Южному океанам Америки». По подписке собрали 1000 фунтов стерлингов на снаряжение новой экспедиции на двух судах под командой капитана У. Мура; в качестве съемщика в ее состав вошел натуралист *Генри Эллис,* написавший отчет об этом плавании. Англичане, оставившие Лондон 20 мая 1746 г., перезимовали в устье р. Нельсон, летом 1747 г. плавали вдоль западного берега Гудзонова залива и открыли вход в очень узкий залив — Честерфилд (63°20′ с. ш.), который уходил в глубь материка в северо-западном направлении. Суда достигли бухты Уэйджер, вершины и северные берега которой были внимательно осмотрены на баркасах. У. Мур и Г. Эллис подтвердили показания К. Мидлтона, что через пролив Рос-Уэлком нет выхода в Тихий океан. Оставалась, однако, еще надежда на залив Честерфилд, который мог оказаться проливом. В 1731 г. его обследовал капитан *Уильям Кристофер,* командуя одним кораблем: он обнаружил узкий залив, прошел по нему около 150 км, но из-за противных ветров отступил. В 1762 г. уже на двух судах он вернулся туда для завершения исследования. Надежда на открытие прохода угасла: в конце июля У. Кристофер дошел до вершины залива, открыл за ним проточное озеро Бейкер (у 64° с. ш., 95° з. д.), в которое с северо-запада впадала полноводная р. Телон. Так окончательно было доказано, что из Гудзонова залива нет прохода в Тихий океан.

После Семилетней войны (1756—1763) вся Канада отошла Англии, французская организация скупки была уничтожена, и индейцы западных лесов и прерий снова начали доставлять меха в английские северные приморские форты. Приходили туда также и индейцы с северо-запада — из областей, куда европейцы еще не проникали, и иногда, кроме мехов, приносили медные изделия и куски меди, которая, по их словам, добывалась на «большой воде». Рассказы индейцев возродили веру в существование текущей в Тихий океан «Западной реки», которая, как надеялись, была и «Меднорудной». Задание найти эту реку получил агент компании в форте Принца Уэльского, в устье Черчилля, бывший военный моряк *Сэмюэл Херн.* Он искал со стороны Гудзонова залива и Северо-Западный проход, и «Меднорудную» реку, искал по морю и по суше, но на море, конечно, потерпел полную неудачу.

В конце февраля 1770 г. С. Херн отправился по суше на поиски «Меднорудной» реки на север с пятью индейцами. Из приречной лесной полосы он вскоре перешел в тундру. Путешествовал он налегке, без запасов продовольствия и за отсутствием топлива питался сырым мясом и сырой рыбой, нередко голодал. Он пересек широкую полосу тундры между 59 и 64° с. ш., причем на одном участке следовал вдоль южного и западного берегов озера Яткайед, через которое у 63° с. ш. протекает р. Казан, впадающая с юга



С. Херн

в озеро Бейкер. Повернув на юго-запад, он открыл р. Дубонт, крупный южный приток Телона, и, присоединившись к большой группе индейцев, прошел вверх по долине реки до озера Дубонт (около 3000 км^2). Обогнув его с запада и описав большую петлю, С. Херн вернулся в конце ноября 1770 г. в форт Принца Уэльского. Он оправдывался тем, что вынужден был в разгаре лета отказаться от поисков «Меднорудной» реки, так как сломал свой единственный квадрант, да и проводники оказались ненадежными. К счастью, на обратном пути он встретился с опытным индейским охотником *Матонабби,* который согласился повести его к «Меднорудной» реке.

7 декабря 1770 г. С. Херн и Матонабби вышли из форта на северо-запад. Сопровождали их по настоянию Матонабби только индианки. Маршрут Херна не совсем ясен: не имея при себе никаких астрономических инструментов, он делал грубые ошибки в определении координат. И все же после тщательного изучения его дневников и сопоставления их с материалами, собранными в конце XIX и в XX в., удалось установить пути С. Херна в 1770—1771 гг.

Благодаря заботам Матонабби и усердию индианок С. Херн ни в чем не испытывал недостатка. До весны 1771 г. они шли на лыжах в лесной полосе, где зимуют дикие олени карибу. У озера Нуэлтин (60° с. ш., 100° з. д.) они встретили группу индейцев, сородичей Матонабби и двинулись дальше вместе. Они пересекли верховья Казана, Дубонта и Телона, часто останавливаясь для охоты на карибу. В конце апреля они находились за группой озер, из которых вытекает Телон, и провели там месяц, готовя каноэ для летнего плавания в тундре по рекам и озерам.

Матонабби повел теперь С. Херна на север, а от озера Эйлмер (60° с. ш., 109° з. д.) повернул на северо-запад. Они присоединились к индейским воинам, «вступившим на тропу войны» против эскимосов. Поэтому близ озера Контуойто (66° с. ш., 111° з. д.) Матонабби оставил женщин. В июне и июле при очень скверной погоде (мокрый снег, дожди) индейцы неуклонно стремились вперед, скудно питаясь и все же совершая большие дневные переходы. В середине июля отряд достиг нижнего водопада на р. Коппермайн («Меднорудной»), и разведчики обнаружили там мирных эскимосов, занятых ловом рыбы. Ночью индейцы подкрались к их лагерю и перебили всех. На карте Северной Америки запечатлено

название, которое С. Херн дал этой местности — Блади-Фолс («Кровавый водопад», у 67°40′ с. ш., 115°20′ з. д.). 18 июля, на следующий день после бойни, С. Херн спустился по р. Коппермайн к устью и впервые вышел к северному побережью материка, открыв забитый льдом залив Коронейшен. Ошибки в определении положения устья реки (С. Херн отнес его почти на 320 км севернее истинного) и в оценке высоты прилива (он завысил ее чуть ли не втрое) позволили ряду историко-географов отрицать факт пребывания С. Херна на побережье залива. Однако *Джон Франклин*, английский полярный исследователь начала XIX в., через 50 лет подтвердил правильность его описания. Погода сначала стояла ясная. В море близ побережья и в отдалении С. Херн рассмотрел многочисленные острова и отмели (было время отлива); на льдинах лежали тюлени. Вскоре после полудня пал туман, пошел дождь, С. Херн решил не дожидаться прилива и двинулся в обратный путь, правильно посчитав, что залив — часть Ледовитого океана. Индейцы довели его до пункта, где эскимосы добывали медь; месторождение показалось С. Херну небогатым.

Вернувшись за женщинами к Контуойто, Матонабби повел С. Херна оттуда на юг, через лабиринт рек и озер, в лесную полосу. В конце декабря они открыли Большое Невольничье озеро (28 570 км^2), по льду пересекли его восточный рукав и в январе 1772 г. достигли 60° с. ш. Следуя затем на восток через ряд небольших озер и рек, С. Херн 30 июня вернулся в свой форт после полуторалетнего отсутствия. Через несколько лет по совету француза *Ж. Ф. Лаперуза* (см. ниже гл. 23), который во время войны за независимость в Северной Америке (1775—1783) захватил форт Принца Уэльского, С. Херн обработал свои дневники и выпустил в свет книгу «Путешествия от форта Принца Уэльского на Гудзоновом заливе к Северному океану» (Лондон, 1795).

С. Херн стал вторым после У. Стьюарта исследователем гигантских внутренних районов Северной Канады. Вслед за ним в центральные и западные области страны начали проникать и другие европейцы в поисках новых путей к «Западному морю» и новых охотничьих угодий. Восточная часть Северной Канады площадью около 1 млн. км^2 в течение 120 лет после путешествий С. Херна оставалась почти сплошным «белым пятном».

«Атлантический Нептун»

В ходе Семилетней войны Великобритании удалось захватить большую часть французских колоний в Северной Америке. По Парижскому мирному договору (30 января 1763 г.) территория к востоку от р. Миссисипи, кроме Нового Орлеана, и Канада стали английскими владениями. И вскоре *Жозеф Фредерик де Барре*, по происхождению швейцарец, и *Сэмюэл Холланд*, выходец из Голландии, два наиболее активных и квалифицированных съемщика, получили задание — провести картирование Атлантического побе-

режья материка от устья р. Св. Лаврентия до 40° с. ш. с соседними островами. Возглавляя два сухопутных отряда, Ж. де Барре и С. Холланд за десятилетие (1764—1774) нанесли на карту береговую линию на протяжении 3,5 тыс. км с п-овами Новая Шотландия и Кейп-Код, заливами Фанди, Мэн и Массачусетс, а также многочисленными бухтами и островами, в том числе о. Принс-Эдуард и о. Кейп-Бретон.

Итогом их съемочных работ явился четырехтомный атлас «Атлантический Нептун», на составление которого Ж. де Барре затратил следующее десятилетие (1774—1784). Включенные в этот атлас карты стали незаменимым путеводителем для капитанов многочисленных кораблей, посещавших восточные берега Северной Америки.

«Страна мехов Атабаска»

К началу 70-х гг. в Монреале обосновались главным образом шотландские купцы, которые организовали несколько пушных компаний, позднее слившихся в Северо-западную компанию. Они вступили в жестокую конкуренцию с Компанией Гудзонова залива и в этой борьбе отодвинули границы Канады далеко на запад, до Скалистых гор. Для такого продвижения их агенты широко использовали франко-канадских странствующих скупщиков пушнины, франко-индейских креолов и, конечно, индейских проводников, с их помощью совершив ряд крупнейших открытий. Сначала монреальские купцы сделали своими основными торговыми базами на западе два пункта у Великих озер: один — у пролива Макинак, соединяющего Гурон и Мичиган, в самом центре Озерной области; другой — на западном берегу Верхнего озера, у «Большого Волока» (Гранд-Портидж), на обычном торговом пути западных индейцев к Гудзонову заливу. Затем они восстановили французские посты «Укрепленной линии Западного моря», начали перехватывать индейских торговцев и даже продвигаться от р. Саскачеван на север и северо-запад.

В 1772—1774 гг. монреальский торговец мехами *Джозеф Фробишер* проник от большой луки Саскачевана к верхнему Черчиллю, чтобы перехватить западных индейцев, идущих по этой реке к Гудзонову заливу. Для защиты своих торговых интересов Компания Гудзонова залива послала в 1774 г. на запад группу во главе с С. Херном, построившим форт Камберленд-Хаус на 54° с. ш., близ самой северной точки луки Саскачевана, но это мало помешало успехам монреальцев. Вместе с Д. Фробишером в 70-х гг. движение монреальцев на северо-запад Канады возглавляли два полуграмотных авантюриста-янки, *Александр Хенри* и *Питер Понд*.

В начале сентября 1775 г. Фробишер, Хенри и Понд на время объединились и выступили на северо-запад от озера Виннипег с отрядом в 130 человек на 30 индейских челнах. На одном из многочисленных «Бобровых» озер (Бивер-Лейк) в ноябре они построили первую англо-канадскую факторию на Дальнем Западе (Форт-

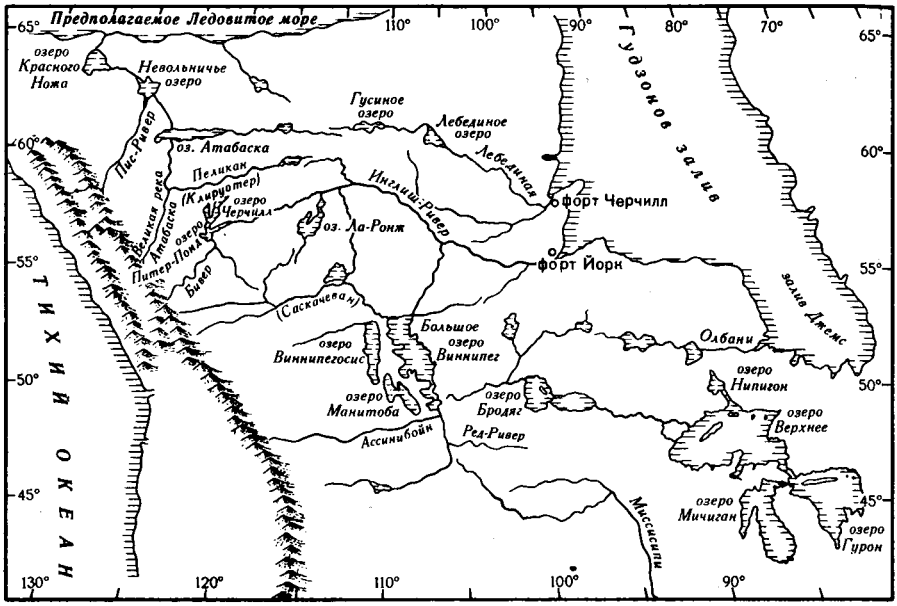
Хенри), к северо-востоку от Камберленд-Хауса, чтобы затруднить связь этого форта с Гудзоновым заливом. В ответ агенты Компании Гудзонова залива поставили еще один форт — на Норт-Саскачеване. Тогда в конце 70-х гг. тройка монреальцев решила обосноваться «в сердце неведомой страны мехов Атабаски», названной так по ее хозяевам, западным индейцам атабаскам.

Пути С. Херна и монреальцев в 1770—1788 гг.

Двинулись монреальцы туда летом 1778 г. по рекам и озерам на индейских челнах, перетаскивая их и грузы в случае необходимости в обход порогов или через короткие водоразделы (самый длинный и трудный волок — около 20 км). От Саскачевана они перешли к р. Черчилл и открыли в его верховьях (у 56° с. ш.) группу озер, в том числе Фробишер, Черчилл и Питер-Понд, из которого вытекала р. Мети. Она довела монреальцев до р. Клируотер, текущей на запад, а по Клируотеру они спустились до большой р. Атабаски, поворачивающей здесь прямо на север и в 250 км ниже впадавшей в юго-западный угол озера Атабаска (7936 км^2). Таким образом, оказалось, что озеро Питер-Понд связано и с р. Черчилл и с системой рек Атабаска — Маккензи. По другой версии, исходящей от самого П. Понда, в 1778 г. он один открыл озера Черчилл и Питер-Понд, первый достиг озера Атабаска («Озеро Холмов», как он иногда называл этот водоем), поставил там форт и зимовал в нем. Он вступил в торговые контакты с индейцами и привез более 80 тыс. бобровых шкурок, но значительно больше припрятал, вернувшись за ними на озеро осенью 1779 г., и вновь зимовал там.

Недалеко от устья р. Атабаски воды озера через несколько коротких проток поступали в р. Невольничью, в которую с запада впадал полноводный приток. Про него А. Хенри слышал от встречных индейцев, что он называется «рекой мира [по-английски — Пис-Ривер] и спускается с Каменных, или Скалистых, гор, а от этих гор до соленого озера расстояние невелико». И Хенри на этот раз сделал правильный вывод, что «соленым озером» индейцы называют море и что это море — часть Тихого океана. Но маршрут по р. Пис-Ривер был долог и труден. Нельзя ли найти другой, более легкий путь?

В середине 80-х гг. в Монреале уже слышали, будто Джеймс



Эскиз части карты П. Понда, апрель 1785 г.

Кук открыл «реку Кука», впадающую в Тихий океан близ 60° с. ш. (см. гл. 22). П. Понд и А. Хенри, естественно, предположили, что она является верховьем «реки Кука», а Невольничья — участком среднего течения этой мнимой реки. Летом 1785 г. П. Понд спустился по р. Невольничьей и достиг юго-восточного угла Большого Невольничьего озера. Он — или группа его людей — определенно пересекали озеро и торговали на берегах северного залива. В следующие два года он выполнил туда еще две летние экскурсии, побывал на побережье восточного, богатого островами залива, причем в июле 1787 г. отметил льды в этой части озера — из-за сильно задержавшейся весны. В одно из посещений П. Понд узнал, что в западном углу озера берет начало большая река, текущая на запад, иногда даже с уклоном к югу (верхний участок р. Маккензи). Однако П. Понду не довелось завершить ее исследование.

Возможно, во время двух зимовок 1781—1784 гг, на берегах озера Атабаска он попытался «графически» изобразить свои открытия, а также сведения, полученные от индейцев и пушных торговцев. К весне 1785 г. он составил две карты северо-западной части материка, а в июле 1787 г.— третью. (Ни одна из картографических работ П. Понда до сих пор не найдена, сохранились лишь копии.) На этих творениях картографа-любителя протяженность Северной Америки по долготе уменьшена почти вдвое, ряд озер нанесен предположительно, некоторые просто вымышлены. И все же они давали первое сравнительно полное и правильное представление о глубинных районах Северо-Западной Канады.

П. Понд выявил главные географические черты огромной территории. Он показал, что р. Атабаска, начинаясь на восточных склонах Скалистых гор, проходит через озера Атабаска и Большое Невольничье и впадает в Северный Ледовитый океан; он изобразил Скалистые горы в виде длинного непрерывного барьера на пути к Тихому океану; он отметил единственную реку (Пис-Ривер), которая прорывает эту горную цепь, протягивающуюся к 40° с. ш. и ограниченную рамкой карты.

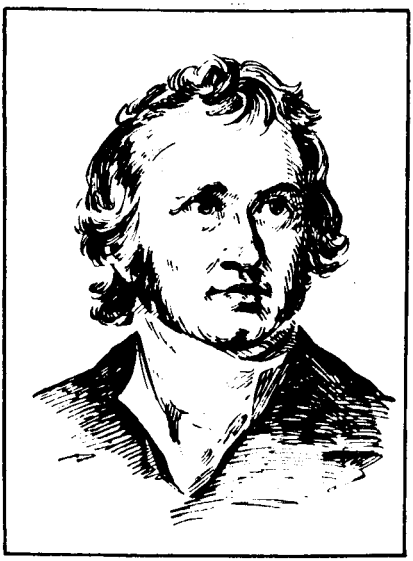
Но не только географические достижения П. Понда, одного из выдающихся исследователей Северо-Американского материка XVIII в., вызывают уважение американских историко-географов. Они отмечают также его способность постоянно находить общий язык с «краснокожими» различных племен и восстанавливать мирные отношения между ними.

Открытие реки Маккензи

Шотландец *Александр Макензи* еще юношей переехал в Монреаль и поступил на службу пушной компании, вскоре поглощенной Северо-западной компанией. В 1787 г. его, уже опытного агента, послали к озеру Атабаска на смену П. Понду. Они провели вместе зиму, и А. Макензи при участии П. Понда составил план дальнейшего исследования «реки Кука».

В 1788 г. по поручению А. Макензи его двоюродный брат *Родерик Макензи* построил близ устья р. Атабаски форт Чипевайан (в 1804 г. перенесенный в устье), где оба перезимовали. 3 июня 1789 г., оставив Родерика временным начальником форта, А. Макензи выступил с 12 спутниками в речной поход на челнах из березовой коры. Проводником экспедиции стал индеец чипевайан по кличке *«Английский вождь»,* принимавший участие в походе С. Херна к Северному Ледовитому океану. 9 июня они достигли Большого Невольничьего озера, почти сплошь покрытого льдом, только у самого берега виднелась узкая полоса чистой воды. Вскоре под дождем и при сильном ветре лед начал разламываться, но так медленно, что для пересечения на челнах понадобилось около двух недель. Еще шесть дней А. Макензи потратил на поиски дальнейшего пути: северный берег Большого Невольничьего озера очень расчленен, особенно на северо-западе, где р. Мариан впадает в длинный и узкий залив Норт-Арм. Лишь 29 июня он нашел могучий поток, вытекающий из западного угла озера на широте «реки Кука» и несущий свои воды на запад. Через несколько дней плавания А. Макензи встретил три группы индейцев, поведавших ему страшные истории об огромной длине реки, невозможности найти пищу в низовьях — и ему едва удалось уговорить своих проводников не покидать его.

В 350 км от озера река круто повернула на север и вступила в горную область. С левой стороны к ней подходили высоты (горы Маккензи), с правой — другие высоты (горы Франклин), которые



А. Макензи

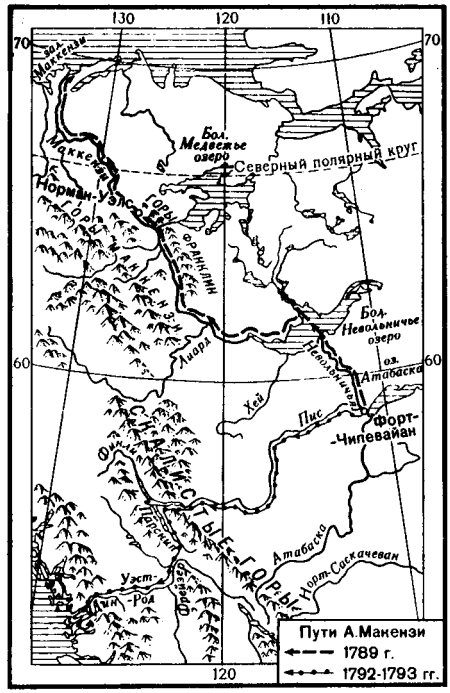
к 65° с. ш. прерывались широкой долиной полноводного восточного притока. А. Макензи не стал исследовать этот поток, уводивший его в сторону от основной цели. У 67° с. ш. главная река вышла на низменность, но на западе виднелись горы, простирающиеся в меридиональном направлении (горы Ричардсон).

10 июля А. Макензи записал: «Совершенно ясно, что река эта впадает в Великое Северное море». Еще три дня он спускался по текущей в низких берегах реке, от которой отходили по обе стороны многочисленные рукава. Вместо индейских поселков, ранее изредка встречавшихся на ее берегах, кое-где видны были жилища эскимосов. 13 июля у 69°30′ с. ш. с холма одного из островов дельты путешественник увидел на западе полосу открытого моря — залив Маккензи моря Бофорта, а на востоке — забитый льдом залив (может быть, озеро Эскимо). Ночью при незаходящем солнце он наблюдал прилив, утром видел, как в западном заливе играли в воде киты. Несомненно, он достиг Северного Ледовитого океана. Но, так как он не проследил в обе стороны прилегающие участки морского побережья, в правдивости его сообщения еще долго сомневались. Сам А. Макензи оправдывался тем, что провизия у него была на исходе. 16 июля он повернул обратно; подъем по реке, естественно, отнимал значительно больше сил, и отряд двигался в два раза медленнее. Через шесть дней от встречных индейцев А. Макензи узнал, что восемь-девять лет назад далеко на западе эскимосы имели контакт с белыми людьми, пришедшими на больших кораблях и менявшими железо на шкуры. Не исключено — так считает канадский историко-географ *Рой Дэниэллс,* что это были суда русских промышленников, а встреча произошла предположительно в окрестностях мыса Барроу, самой северной оконечности п-ова Аляска (71°23′ с. ш., 156°12′ з. д.). В нашей историко-географической литературе сведения или просто упоминания об этом выдающемся достижении отечественных мореходов отсутствуют.

Поход к Северному Ледовитому океану А. Макензи закончил 12 сентября 1789 г. в форте Чипевайан, пройдя за 102 дня почти 5 тыс. км. Великий поток, вытекающий из Большого Невольничьего озера и впадающий в море Бофорта, получил название р. Маккензи.

Пересечение Александром Макензи Северной Америки

1791 г. А. Макензи провел в Шотландии, где изучал топографию и географию, готовясь к новому большому путешествию с целью найти речные пути, ведущие от Атабаски к Тихому океану. Вернувшись в Канаду в 1792 г., он прошел от р. Св. Лаврентия, пользуясь сухими и речными путями, до озера Атабаска. Он выбрал для исследования большую реку (Пис-Ривер), впадающую с запада в Невольничью у ее выхода из озера (у 59° с. ш.). Он надеялся, что, поднимаясь по этой реке, может близко подойти к Тихому океану. Но долина повернула на юго-запад, затем — прямо на юг. Так он и плыл вверх по реке, пока не достиг 56° с. ш. Было позднее время года, и Макензи остановился на зимовку близ устья «Дымящейся реки» (Смоки-Ривер).



Пути А. Макензи от озера Атабаска

В начале мая 1793 г., когда река вскрылась, А. Макензи с девятью спутниками, включая «Английского вождя» продолжил плавание вверх по Пис-Ривер на большом, но очень легком индейском челне. Он прошел приблизительно еще 250 км и, обойдя каньон длиной 20 км, вновь сел в челн. Поднявшись по реке до другого каньона, прорезанного ею в Передовом хребте Скалистых гор, и перетащив суденышко через каньон, путешественники достигли у 56° с. ш., 124° з. д. двух рек, текущих в прямо противоположных направлениях — северном (Финли) и южном (Парснип); они составляли здесь Пис-Ривер. Куда идти — на север или на юг?

Посоветовавшись с местными индейцами, А. Макензи выбрал южное направление и поднялся по р. Парснип до истока близ 54°30′ с. ш. и 122° з. д. После разведки оказалось, что на юге, за коротким и удобным волоком, течет на запад какая-то река, которая довела его до другой крупной и судоходной реки (Фрейзер), текущей за горным хребтом в южном направлении. Он надеялся спуститься по ней к Тихому океану и начал сплав, преодолевая пороги. Но через несколько десятков километров индейцы предупредили его, что дальнейшее плавание невозможно из-за порогов. Тогда А. Макензи вернулся к устью р. Уэст-Род (в 100 км выше

по течению) и в сопровождении местных индейцев проследил ее до истока. На плотах он переправился через р. Дин, а затем повернул к югу и, пройдя через небольшую долину, окруженную заснеженными горами, вершины которых скрывались в облаках, достиг новой короткой реки (Белла-Кула). На индейских челнах отряд спустился к ее устью (у 52°30′ с. ш.), она впадала в короткий рукав фьорда. Дабы рассеять всяческие сомнения, А. Макензи продвинулся далее к юго-западу, через два дня вышел к Тихому океану, к заливу Королевы Шарлотты, и на скале сделал надпись: «Александр Макензи, из Канады, по суше, 22 июля 1793».

При первом пересечении Северной Америки он проследил всю р. Пис-Ривер (1923 км), перевалил Передовой и Береговой хребты Скалистых гор, открыв между ними Внутреннее плато и верхний участок течения р. Фрейзер. Тем же путем в сентябре 1793 г. А. Макензи вернулся к озеру Атабаска, а после зимовки прибыл в 1794 г. на р. Св. Лаврентия, совершив второе пересечение материка и пройдя в обоих направлениях более 10 тыс. км.

Дальнейшие исследования гидрографической сети Западной и Северной Канады

Действия агентов Северо-Западной компании, устроивших свою основную базу у озера Атабаска, и поиски ими водных путей к Тихому океану встревожили правление Компании Гудзонова залива. Состоящий на службе компании квалифицированный топограф *Филипп Тернор* был послан на нижний Саскачеван, в Камберленд-Хаус, и в 1790—1792 гг. провел большую работу по исследованию и нанесению на карты гидрографической сети Западной Канады между р. Саскачеван и Большим Невольничьим озером. Крупных географических открытий он не сделал, но канадские историко-географы справедливо считают Ф. Тернора первым научным исследователем Запада своей страны. В его путевом дневнике, опубликованном лишь в 1934 г., содержится детальная характеристика рельефа тех областей, где он побывал. На картах, составленных им или его учениками, исправлены многие ошибки, допущенные предшественниками.

Ф. Тернор произвел съемку и составил первую, сравнительно точную карту Саскачевана от Камберленд-Хауса до того места, где Норт-Саскачеван и Саут-Саскачеван сливаются в одну реку. Западные индейцы, сбывающие пушнину агентам компании, сообщили, что обе составляющие Саскачевана берут начало в Скалистых горах. Ф. Тернор нанес на карту Норт-Саскачеван по расспросным данным и этим ограничился, так как считал, что путь от его верховьев к Тихому океану и очень долог, и слишком тяжел. В дальнейшем он обратился к исследованию бассейна р. Атабаска—Невольничья.

От низовья Норт-Саскачевана Ф. Тернор перешел на север, к р. Черчилл, и открыл в ее верховьях еще одно озеро, названное его именем; узкой перемычкой оно отделено на юге от озера Фробишер, а на севере близко подходит к р. Клируотеру. Ф. Тернор заснял эту реку и нижнюю Атабаску от устья Клируотера до озера Атабаска (7936 км^2) и довольно точно описал его берега. Затем он произвел съемку р. Невольничьей от ее истока до устья. Весь путь от нижнего Саскачевана до Большого Невольничьего озера Ф. Тернор проделал на индейских челнах в два летних сезона в сопровождении своего ученика *Питера Фидлера*. Однако Ф. Тернор не выполнил специального задания компании — исследовать также главный приток р. Невольничьей, р. Пис-Ривер, которая рассматривалась как возможный удобный путь к Тихому океану. И в этом случае он ограничился только тем, что нанес на карту р. Пис-Ривер по расспросным данным.

Не ясно, сам ли Ф. Тернор немедленно после этой экспедиции оставил службу Компании Гудзонова залива или его уволили. Сменил его П. Фидлер, занимавший должность штатного топографа компании с 1792 по 1821 г. Его путевые дневники не дошли до нас, поэтому ныне нельзя выяснить, как эта работа распределяется между последним десятилетием XVIII в. и первыми двумя десятилетиями XIX в. По сохранившимся же картам можно только сказать, что он лично или его помощники провели очень большую топографическую работу в Западной и Северной Канаде: П. Фидлер впервые проследил все течение Черчилля от его верховьев до устья (1609 км); он руководил исследованием среднего и верхнего течения Атабаски и ряда рек ее системы, а также Норт-Саскачевана и Саут-Саскачевана. Он доказал, что р. Маккензи представляет собой нижний участок (около 1600 км) огромной водной артерии, берущей начало в Передовом хребте Скалистых гор (у 52° с. ш. и 118° з. д.); ее верхний участок называется р. Атабаской, средний — р. Невольничьей (менее 500 км — между озерами Атабаска и Большим Невольничьим), а общая длина всей речной системы Атабаска — Маккензи составляет 5472 км[1].

Компания Гудзонова залива в 90-х гг. XVIII в. не проявляла никакого интереса к области, лежащей к северу от Большого Невольничьего озера. Если до директоров компании и дошло известие о р. Маккензи, то они, несомненно, считали ее открытие таким же бесплодным, как открытие С. Херном р. Коппермайн. Вряд ли директора Северо-Западной компании держались иного мнения. Но Р. Макензи, находившийся, как мы знаем, под сильным влиянием своего двоюродного брата, не мог успокоиться при мысли о неразведанной восточной реке, впадающей в р. Маккензи у 65° с. ш. Летом 1792 г. он отправился в этот район и открыл у полярного

[1] Как мы теперь знаем, система Атабаска—Маккензи — одна из величайших речных систем мира, пятая по длине; она на одну тысячу с небольшим километров длиннее Амура, имеющего практически такую же (1,855 млн. км^2) площадь бассейна.

круга Большое Медвежье озеро, величайшее из приполярных озер нашей планеты (31 329 км^2), из которого вытекает р. Большая Медвежья — правый, самый полноводный, приток р. Маккензи.

Летом 1796 г. Компания Гудзонова залива направила молодого топографа *Дэвида Томпсона*[1], другого ученика Ф. Тернора, в неизвестный регион к северу от среднего течения р. Черчилл. В сопровождении двух индейцев, почти без снаряжения и провизии, рассчитывая лишь на удачную рыбную ловлю, Д. Томпсон прошел на каноэ к западному берегу озера Оленьего (6,3 тыс. км^2; не исключено, что он оказался его первооткрывателем) и за коротким волоком обнаружил другой водоем, поменьше, позднее названный озером Вулластон. От его северного конца маленькая группа проследовала к северо-западу и, открыв по пути небольшое озеро Блэк-Лейк, в начале июля появилась на восточном берегу Атабаски. На порогах каноэ Д. Томпсона разбилось, весь нехитрый скарб утонул. Он уже совсем было распрощался с жизнью, но его спасли местные индейцы. Вскоре после возвращения на р. Черчилл Д. Томпсон вновь пришел на озеро Оленье и перезимовал в основанном им торговом посту, охотясь и занимаясь рыбной ловлей, составлял заметки о флоре и фауне окрестностей.

В 1797 г. Д. Томпсон перешел на службу Северо-Западной компании. Работая агентом по скупке мехов, он «по совместительству» занимался съемкой обширных территорий и описью рек Южной Канады и пограничной полосы США. Так, осенью 1797 г. он закартировал всю р. Ред-Дир, приток Саут-Саскачевана, до истоков. В конце ноября при очень плохой погоде он двинулся оттуда на юг и, затратив 33 дня на съемку 370 км, вышел к верхней Миссури. При благоприятных условиях на этот путь, по его мнению, потребовалось бы всего 10 дней. Весной 1798 г. он заинтересовался истоком Миссисипи и верно установил район, где берет начало великая река, но ошибся на несколько миль в точном определении положения небольшого озера, из которого она вытекает[2]. От истока Миссисипи Д. Томпсон направился к западному концу озера Верхнего и в мае закончил опись южного побережья у порогов Су-Сент-Мари. Там он встретил агентов компании, поручивших ему провести съемку всего озера Верхнего. Он не только выполнил задание, закартировав около 2 тыс. км береговой линии этого крупнейшего на Земле (84 130 км^2) пресноводного водоема, но и произвел канадско-американское разграничение в этом районе. В 1799 г. Д. Томпсон описал Малое Невольничье озеро (около 1200 км^2) в Западной Канаде.

[1] Как сын бедняка, он учился в одной из тех лондонских благотворительных школ, о которых с такой ненавистью и гневом через шесть десятков лет писал *Чарлз Диккенс*. Пятнадцатилетний Д. Томпсон прибыл из Лондона в Канаду и в 1785 г. поступил на службу Компании Гудзонова залива. После обучения геодезии у Ф. Тернора (зима 1789/90 г.) он принимал участие в картировании р. Саскачеван.

[2] Из-за этого слава открытия истока Миссисипи досталась *Генри Скулкрафту* (1832).

АРКТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ XVIII ВЕКА

Ханс Эгеде, вторичная колонизация Гренландии и исследование ее восточного побережья

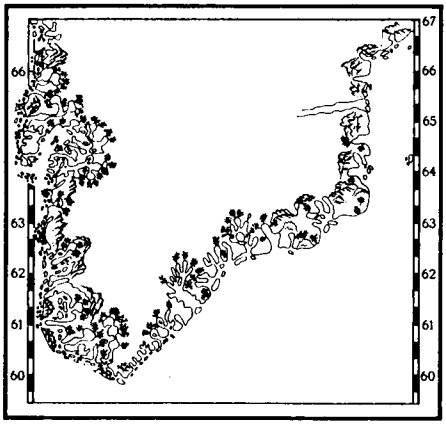
«В противоположность той удивительной энергии, которую обнаружили русские при исследовании северного прибрежья Азии, открытия северо-запада арктической полосы шли чрезвычайно медленно»,— писал крупнейший немецкий историк Арктики XIX в. *Ф. Гельвальд.*

В XVII в. известны по крайней мере десять скандинавских экспедиций к гренландским берегам. Датские корабли под командой англичан *(Джон Найт, Джеймс Холл* и другие) или датчан *(Годше Линденов, Давид Данел)* при этом доходили вдоль Западной Гренландии до 69° с. ш. и вдоль восточной до 65°30′. Моряки высаживались на берег, иные даже захватывали двух-трех эскимосов и привозили их в Данию, но дело этим и ограничивалось.

Во второй половине XVII в. Гренландское море к западу от Шпицбергена стало часто посещаться китобоями, в том числе голландцами. Один из них, *Гел Хамке,* открыл на 74° с. ш. у восточного берега Гренландии обширную бухту Гель-Хамкес. В 1655 г. *Рейс* обнаружил близ 73° с. ш. о. Бонтеку, а в 1671 г. *Ламберт* за 79° с. ш. нанес на карту Землю Ламберта.

В 1721 г. Норвежская торговая компания, организованная в городе Бергене, послала в Гренландию священника-миссионера *Ханса Эгеде,* родом с Лофотенских о-вов. С ним отправились и его семья и несколько других норвежцев. Х. Эгеде высадился на островок у юго-западного побережья Гренландии (на 64° с. ш.) и основал там первый (после погибших норманнских) европейский поселок. В 1728 г. он был перенесен на берег Гренландии и под названием Готхоб стал центром датской колонии и основной базой дальнейшего исследования Гренландии и Баффиновой Земли. Местные эскимосы не проявляли враждебности к пришельцам, и Х. Эгеде начал распространять среди них христианство. Он провел в Юго-Западной Гренландии пятнадцать лет, а после смерти жены вернулся в Европу (1736), в Копенгаген, где стал первым учителем эскимосского языка.

В 1737 г. он составил карту Южной Гренландии между 60 и 67° с. ш. Наибольшей достоверностью отличается изображение западного побережья, осмотренного Х. Эгеде в летние периоды 1723 и 1724 гг. В книге «Естественная история Гренландии», опубликован-



Эскиз карты южной Гренландии Г. Эгеде, 1739 г.

ной в 1741 г., он дал первое описание южной части острова и быта эскимосов, базирующееся не на беглых впечатлениях, а на многолетних наблюдениях.

Новые колонисты к середине XVIII в. знали только юго-западное побережье Гренландии до залива Диско, на берегах которого датская фирма *Якоба Северина* основала два промысловых поселка. В 1751—1752 гг. датская торгово-промысловая экспедиция *Педера Валле* исследовала юго-восточное побережье острова и пыталась подняться на север вдоль восточного берега. П. Валле надеялся найти там остатки древних норманнских поселений, но в его распоряжении имелся лишь эскимосский умиак — большая грузовая лодка с открытым верхом, где гребут только женщины. В команде Валле были четыре женщины-гребца и двое мужчин, поэтому он не дошел даже до 61° с. ш. и из-за тяжелых льдов вернулся обратно.

Вторую попытку ознакомиться с Восточной Гренландией со стороны Исландии совершил в 1768 г. *Кристиан Эгеде*, внук «апостола Гренландии». В середине августа у 64° с. ш. он увидел глубокий и широкий фьорд, окруженный ледяными горами. Девять дней он пытался пробиться через широкую полосу прибрежного льда, чтобы подойти к берегу, но вынужден был отступить из-за шторма, во время которого льды повредили его судно, и он вернулся в Исландию.

То, что не удалось сделать скандинавскому мореходу, совершил через десять лет русский кормщик-помор *Павков*. Около 1797 г., направляясь на промыслы от Мурманского берега к Груманту (Шпицбергену), он был отнесен ветрами и течением далеко на запад. После долгого плавания он увидел землю. Пробравшись сквозь льды, Павков проник «в реку или узкий пролив», по которому прошел более 30 км. На берегах пролива он увидел следы людей, в частности кляпцы (капканы) для ловли зверей. Затем Павков благополучно вышел обратно через льды в свободное море и достиг Груманта. Приведенные выше детали, несомненно, свидетельствуют, что он побывал на восточном берегу Гренландии. Люди, следы которых он видел,— эскимосы.

Экспедиция Василия Чичагова

В 1763 г. М. В. Ломоносов разработал план освоения кратчайшего морского пути от Северной Европы в Тихий океан. Он предполагал, что летом в 500—700 верстах от берегов Ледовитый океан свободен от тяжелых льдов и суда могут пройти от Шпицбергена к Кам-

чатке через Полярный бассейн и Берингов пролив. По инициативе М. В. Ломоносова в 1764 г. была организована секретная правительственная «Экспедиция о возобновлении китовых и других звериных и рыбных промыслов». Ее начальником назначили военного моряка капитана I ранга *Василия Яковлевича Чичагова,* получившего задание «учинить поиск морского проходу Северным океаном в Камчатку». Предполагалось, что она встретится в Тихом океане с другой секретной экспедицией — *П. К. Креницына* (см. ниже). Летом 1764 г. в Архангельске начали строить три судна для полярного плавания. Командирами их, кроме В. Чичагова, были назначены *Василий Бабаев* и *Никифор Панов.*

В начале мая 1765 г. все три судна вышли из Колы на северо-запад. Пройдя западнее Шпицбергена, они достигли 23 июля 80°26′ с. ш., дальше пробиться через льды не смогли и повернули в Архангельск. Летом 1766 г. В. Чичагов повторил попытку пройти через Полярный бассейн в Тихий океан. Тем же путем 18 июля 1766 г. он достиг 80°30′ с. ш., но опять вынужден был отступить перед непроходимыми льдами. «...С морской точки зрения обе экспедиции В. Чичагова были проведены безукоризненно. Три парусных корабля среди льдов, в штормах и туманах все время держались вместе. Что же касается маршрута, предложенного В. Чичагову, то теперь мы знаем, что задача, поставленная ему Ломоносовым, невыполнима» *(Н. Зубов).* Действительно, пройти через Полярный бассейн так и не удалось не только парусным судам, но даже современным дизель-электроходам; это оказалось под силу лишь атомному ледоколу «Арктика», 17 августа 1977 г. достигшему Северного полюса.

Открытие Новосибирских островов

Летом 1690 г. в качестве приказчика на Колыму был послан сын боярский *Максим Мухоплев (Мухоплеев).* От устья Лены на коче он направился на восток и на третий день плавания усмотрел пустынный остров, лишенный растительности. Высадившись на нем, М. Мухоплев обнаружил множество крестов — красноречивое свидетельство посещения острова русскими мореходами задолго до 1690 г. Впервые этот остров, названный «о. Крестовым», появляется на чертеже С. Ремезова (1698) — о. Столбовой наших карт, самый западный из Ляховских о-вов.

Летом 1710 г. якутский казак *Яков Андреевич Пермяков,* промышлявший в Ледовитом океане от Лены до Колымы, видел в море два острова: один — против Святого Носа (мыс к северо-востоку от Яны), другой — против устья Колымы. С 1711 г. розыском новых островов занялся по приказу якутского воеводы *Меркурий Вагин* с десятью казаками, в том числе вож (лоцман) Я. Пермяков. В марте 1712 г. отряд М. Вагина, к которому присоединилось несколько промышленников, вышел на нартах, запряженных собаками, из Усть-Янска к морю. От Святого Носа Я. Пермяков провел отряд через покрытый прочным льдом пролив прямо на север на необитаемый

«Ближний» остров, где было много диких оленей, волков и песцов,— один из южных Новосибирских о-вов, позднее названный Большим Ляховским. А с него казаки увидели в море другую землю, очевидно о. Малый Ляховский. Но перейти на него на нартах было опасно, так как приближалось лето, к тому же подошли к концу съестные припасы, и М. Вагин по льду вернулся с отрядом на материк, к Святому Носу. Зимой казаки голодали. М. Вагин собирался снова начать поиски «великого острова», о котором грезили землепроходцы, начиная с М. Стадухина. Но когда его казаки узнали об этом намерении, против него составился заговор. Пятеро заговорщиков напали на М. Вагина с сыном и на Я. Пермякова, когда они ловили рыбу на Носе, вдали от лагеря, и убили всех троих, а вернувшись в лагерь, зарезали одного промышленника, но пощадили двух других. Те их и выдали после возвращения в Усть-Янск. Убийцы были приговорены к смертной казни, но двоим из них виселицу заменили наказанием кнутом. В честь трагически погибшего Меркурия Вагина место убийства — длинная коса, отделяющая Омуляхскую губу от Восточно-Сибирского моря,— названо Меркушиной Стрелкой.

Зимой 1759/60 г. якут *Этерикан,* промышленник с низовьев Лены, открыл богатейшие залежи ископаемых остатков мамонтов на «Ближнем» острове. Продвигаясь далее на север, он первый посетил «Малый» остров (о. Малый Ляховский), перейдя через пролив, в 1909 г. названный Этерикан, отделяющий его от «Ближнего».

С середины XVIII в. якутский купец *Иван Ляхов* промышлял мамонтовую кость на материке, в тундре, между устьями рр. Анабара и Хатанги. В апреле 1770 г. в поисках мамонтовой кости И. Ляхов по льду перешел от Святого Носа через пролив Дмитрия Лаптева на «Ближний» остров, а от его северо-западной оконечности — на о. «Малый». После возвращения в Якутск купец получил от правительства монопольное право промышлять на посещенных им островах, переименованных в Большой и Малый Ляховские. Они оказались настоящим «кладбищем мамонтов». В 1773 г. И. Ляхов вновь посетил «свои» острова. К северу от о. «Малого» он усмотрел большой «Третий» остров и перешел на него; на зимовку он вернулся на «Ближний». Один из промышленников оставил на «Третьем» медный котел, отчего новооткрытая земля стала называться о. Котельным (крупнейший в Новосибирском архипелаге). Весной 1775 г. землемер *Степан Хвойнов* на нартах обошел о. Большой Ляховский и обследовал его внутренние районы. В 1776—1777 гг., по материалам своей описи и по расспросам, С. Хвойнов составил карту Новосибирского архипелага, которой пользовались до 20-х гг. XIX в.

Соймонов, Плениснер и «Земля Андреева»

В 30-х гг. XVIII в. *Федор Иванович Соймонов* занимал высокие правительственные должности, но в 1740 г. был обвинен в участии в заговоре против всесильного временщика при императрице *Анне Ивановне Э. Бирона,* наказан кнутом и сослан в Сибирь на вечную

каторгу. Через два года императрица *Елизавета* приказала освободить его и восстановить в правах, но он добровольно остался в Сибири. В 1753—1757 гг. Ф. Соймонов как ученый-гидрограф руководил секретной Нерчинской экспедицией «для описи Шилки и Амура и постройки ботов» с заданием пройти по этим рекам в «Северо-Восточное море до Японии и берегов американских»; затем его назначили сибирским губернатором. На этом посту (1757—1762) Ф. Соймонов стал инициатором ряда исследовательских экспедиций в Северном Ледовитом и Тихом океанах.

Одним из подчиненных Ф. Соймонова был *Федор Христианович Плениснер,* плававший «за живописца» в 1741—1742 гг. на «Св. Петре» к Северо-Западной Америке. В 1761 г. Ф. Соймонов направил его в Анадырск начальником, и Ф. Плениснер организовал там сбор материалов о «Большой земле» в Чукотском море. По поручению Ф. Плениснера ученый-чукча *Тангитан — Николай Иванович Дауркин* — совершил путешествие по Чукотке. В начале сентября 1763 г. от устья р. Анадыря он прошел берегом на северо-восток, переправился через залив Креста и близ его восточного входного мыса организовал базу. Оттуда в течение осени и зимы 1763/64 г., продвигаясь от одного жилища чукчей до другого, Н. Дауркин пересек Чукотское нагорье в разных направлениях: на северо-западе он доходил до Чаунской губы, на северо-востоке — до Колючинской. К устью р. Анадыря он вернулся в середине августа 1764 г., побывав на о. Св. Лаврентия. В конце зимы 1765 г. Н. Дауркин составил «скаску» о Чукотке и приложил к ней карту. Оба эти документа были направлены Ф. Плениснеру, собиравшему сведения об островах в Ледовитом и Тихом океанах и об Америке у местных жителей. За служебные провинности в 1772 г. Ф. Плениснера отрешили от должности. В 1777 г. он представил в Академию наук объяснительную записку и интересный чертеж «Чукотской земли». Это была новая карта Н. Дауркина, законченная в 1774 г., с уточненной конфигурацией побережья Чукотки[1] и Северной Америки.

Сержант *Степан Андреев* по приказу Плениснера в марте—апреле 1763 г. на собаках объехал Медвежьи о-ва[2] и дал их беглое описание. С о. Четырехстолбового он заметил на севере синевато-черное пятно. Вторично посланный туда в апреле 1764 г., С. Андреев с четырьмя казаками и проводником-юкагиром двинулся с о. Четырехстолбового на северо-восток. За восемь дней они прошли на собаках по льду не более 120 км и утром 22 апреля обнаружили «щель» — так С. Андреев в своем журнале назвал большую заприпайную полынью Восточно-Сибирского моря, преодолеть которую не смогли. За нею С. Андреев увидел «остров весьма не мал... Гор и стоячего леса на

[1] В 1976 г. ее северо-восточная часть, ограниченная Колючинской и Мечигменской губами, названа п-овом Дауркина.

[2] Летом 1655 г. на один из островов — вероятно, Крестовский — случайно наткнулся промышленный человек *Яков Васильевич Вятка.* В 1755—1756 гг. охота на белых медведей и песцов привела казака *Федора Татаринова* на все пять островов; он впервые описал их. В 1763—1764 гг. он сопровождал С. Андреева.

нем не видно, низменной, одним концом на восток, а другим на запад, а в длину так, например, быть имеет верст восемьдесят». Верстах в двадцати от острова они заметили следы «незнакомых людей» на восьми санях с оленьими упряжками и, «будучи малолюдны», повернули обратно. На своей карте Ф. Плениснер показал «Землю Андреева» в Восточно-Сибирском море к северо-востоку от Медвежьих о-вов, где, как доказано в наше время, никакой земли нет.

В 1769 г. на поиски «Земли Андреева» были посланы прапорщики-геодезисты *Иван Леонтьев, Иван Лысов* и *Алексей Пушкарев*. В марте—апреле в сопровождении Н. Дауркина они переехали на собаках по льду из Нижнеколымска на Медвежьи о-ва и сделали их сравнительно точную опись. В феврале 1770 г. от о. Четырехстолбового они проехали по льду на северо-восток около 300 км в поисках «Земли Андреева», которую смешивали с «Большой Американской землей». В феврале 1771 г. они, пройдя по льду около 90 км на восток от Медвежьих о-вов и не найдя земли, повернули на юго-запад — к мысу Большой Баранов.

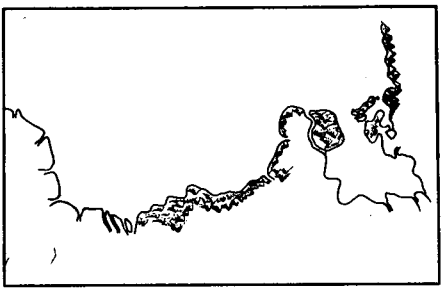
А в марте И. Леонтьев один проследовал на восток до Чаунской губы. В 1773 г. через Тобольск он направился в Петербург с материалами и составленной им «картой секретному вояжу» (она была опубликована в советское время). Именами трех геодезистов названы три центральных острова группы Медвежьих.

Плавания Шалаурова

Сложный и тяжелый маршрут с Лены на Камчатку через якутское бездорожье, горы и бурное Охотское море заставлял возвращаться к вопросу о северной морской трассе в обход Чукотского п-ова. Эту идею решил воплотить в жизнь промышленник-мореход *Никита Павлович Шалауров*. Возможно, он знал об экспедиции русских якутских купцов, которые в начале XVIII в. с одной зимовкой прошли с Лены на Камчатку через Берингов пролив. Сведения об этой безвестной экспедиции крайне скудны. Кроме краткого упоминания в рапорте М. Шпанберга от 30 декабря 1745 г., сохранился более «весомый» документ — карта Сибири, опубликованная в Амстердаме в 1727 г. На ней, по *М. И. Белову*, против мыса Дежнева, названного Чукотским Носом, помещена надпись: «Русские, выйдя из Лены и других рек к осту от Лены, прошли здесь на своих судах, направляясь торговать с камчадалами». Начинание Н. Шалаурова поддержали губернские власти: в ноябре 1755 г. ему вручили ордер, определявший научные задачи плавания — доказательство возможности прохода из Северного Ледовитого океана в Тихий, открытие новых островов и земель, а также описание Чукотского п-ова. Для составления карты к экспедиции были прикомандированы «морские служители» *Филипп Вертлюгов и Максим Старков*.

С самого начала (Н. Шалауров отправился в плавание из Якутска в конце лета 1757 г.) его стали преследовать неудачи: ему трижды пришлось зимовать — дважды на р. Лене и один раз близ

устья р. Яны; снаряженное на его собственные средства судно едва не сгорело, а приказ о передаче в его распоряжение бота «Иркутск» не выполнен. Лишь в конце июля 1761 г. он вышел на своем отремонтированном к тому времени судне в море. Плавание на восток проходило очень медленно: за два месяца экспедиция продвинулась лишь до Святого Носа, где ее остановили плотные льды. Всю первую половину сентября судно преодолевало ледовый барьер в проливе Дмитрия Лаптева. Н. Шалауров видел о. Диомида, а на севере усмотрел гористую землю, но идти туда не рискнул. Очевидно, он видел о. Большой Ляховский. Вскоре удалось выбраться на свободную от льдин воду и 18 сентября достичь устья р. Колымы. Зимовала экспедиция в Нижнеколымске.



Побережье Восточно-Сибирского моря от устья р. Колымы до Шелагского мыса (эскиз восточной части карты Н. Шалаурова, 1762 г.)

21 июня 1762 г. Н. Шалауров предпринял еще одну попытку пробиться на восток, но из-за противного, правда, несильного ветра потерял два месяца у мыса Большой Баранов и лишь в конце августа подошел к Шелагскому мысу. Ф. Вертлюгов и М. Старков выполнили с судна опись побережья моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря от устья р. Яны, причем впервые нанесли на карту 600 км береговой линии от мыса Большой Баранов, где закончил опись Д. Лаптев, до Шелагского мыса, где видели морских коров. Далее к востоку Н. Шалауров продвинуться не смог: кончились продукты, усилились восточные ветры, да и время было позднее. На обратном пути Ф. Вертлюгов и М. Старков засняли всю Чаунскую губу с о. Айон[1]. Подходящего места для зимовки здесь найти не удалось. На Колыму мореходы вернулись 11 сентября.

Неудача не обескуражила Н. Шалаурова: он приехал в Москву, добился решения Сената о финансовой поддержке и возвратился на Колыму. К моменту отплытия Н. Шалауров был уже очень серьезно болен и не смог даже подписаться на своем рапорте Сенату; оба съемщика в плавание не пошли.

В середине июля 1764 г. Н. Шалауров вновь отправился морем на восток и, обогнув Шелагский мыс, попал в тяжелые льды, раздавившие судно у устья р. Веркунь (Пегтымель), которая впадает в море у 174° в. д. Команде удалось выбраться на берег, часть осталась в построенной у реки избушке, другая подалась в верховья р. Пегтымель. Некоторые, вероятно, добрались до устья р. Элькан (Эльхкаквун, притока р. Паляваам), впадающей в вершину Чаунской губы. Все группы шалауровцев погибли от голода и холода.

[1] Высокая точность съемки Ф. Вертлюгова и М. Старкова была отмечена *Ф. П. Врангелем*, работавшим в тех же местах спустя 60 лет.

РУССКИЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Первые промышленники на Алеутских островах

С 1745 г. началась тяга промышленников в «Восточный океан» на поиски «незнаемых островов», усмотренных В. Берингом и А. Чириковым в 1741 г. Толчком к этому движению был исключительный успех сержанта *Емельяна Софроновича Басова* и промышленника *Евтихия Санникова*: они зимовали на о. Беринга в 1743/44 гг. и вернулись 13 августа 1744 г. на Камчатку с богатейшим грузом ценных мехов (более 5 тыс. шкур котиков и морских бобров). Летом 1745 г. они снова занимались там промыслом, причем 30 июля впервые высадились на о. Медный, закончив, таким образом, открытие Командорской группы. После зимовки летом 1746 г. они плавали дальше на восток и видели Ближние Алеутские о-ва, но не могли пристать к ним. Вновь побывав на о. Медном (7 июня — 25 июля), Басов описал его. На Камчатку промышленники вернулись 31 июля с огромной добычей — около 8 тыс. шкур котиков, морских бобров и голубых песцов.

19 сентября 1745 г. мореход, геодезист М. В. Неводчиков вышел во главе промысловой артели на шитике[1] из Нижнекамчатска в море и направился на юго-восток. Перед ним стояли также географическая и политическая задачи — искать новые острова и приводить в русское подданство «неясашных иноземцев». «Внезапным случаем» судно достигло неизвестных островов — Агатту, Атту и Семичи (группа Ближних Алеутских о-вов), где русские промышляли до осени 1746 г. На обратном пути шитик более полутора месяцев носило по морю и 30 октября он разбился у берега Камчатки о скалу о. Карагинского. Люди спаслись и зимовали у местных жителей на острове; часть их умерла от голода и цинги. Летом 1747 г. уцелевшие промышленники вернулись в Нижнекамчатск на байдарах. Несмотря на крушение, М. Неводчиков привез с собой более 1300 шкур каланов и карту посещенных островов. Позднее по обвинению в убийствах алеутов («незнаемого тамошнего вновь обысканного народа без всякой от него противности») на

[1] Шитик — парусное судно длиной до 10 м при ширине до 4,3 м с днищем, выдолбленным из ствола одного дерева; ивовыми прутьями к нему нашивались (отсюда — шитик) боковые доски; паруса и снасти в основном из оленьих кож.

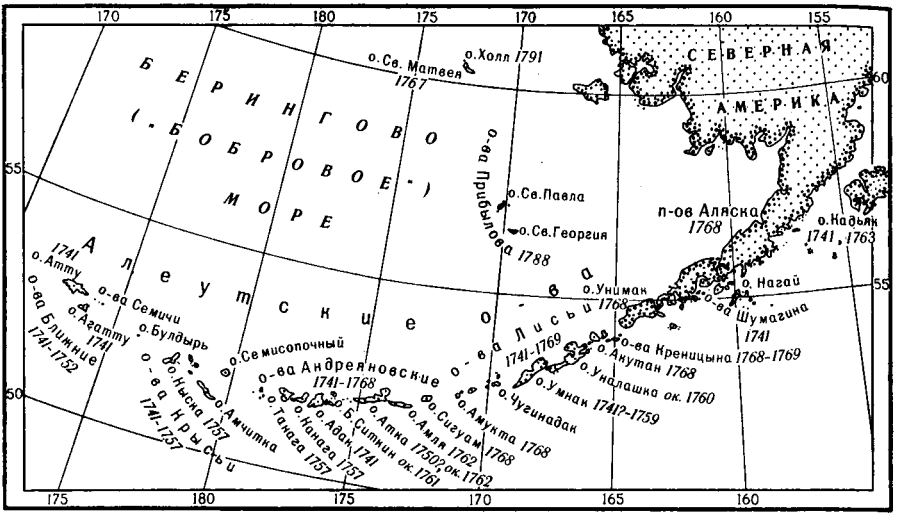
Ближних о-вах он вместе с несколькими другими промышленниками был предан суду, но оправдан. В материалах следствия по этому делу впервые встречается название «Алеутские острова».

Мореход *Андреян Толстых* на службе у купеческой компании в 1748 г. плавал в Тихом океане к юго-востоку от Камчатки в поисках мифической «Земли Жуана-да-Гамы». В 1750—1752 гг. он вместе с Е. Санниковым удачно промышлял два года на о. Атту. А. Толстых выпустил на свободу взятых им с о. Беринга голубых песцов, которые размножились на о. Атту. Оба промышленника вернулись на Камчатку в 1752 г. богатыми людьми.

Между тем в 1750 г. артель промышленников во главе с мореходом *Дмитрием Наквасиным* достигла центральной части Алеутской цепи. Они видели около десятка островов и высаживались на один из них — вероятно, о. Атха, затем пристали к о. Атту. Во время шторма их шитик был выброшен на берег и разбился. Люди спаслись и были вывезены оттуда в 1752 г. купцом *Никифором Трапезниковым*.

В июне 1753 г. купец *Андрей Михайлович Серебренников* и мореход *Петр Башмаков* двинулись с о. Беринга на восток и видели во время шторма пять островов; на берег шестого (вероятно, о. Адак) их шитик 2 сентября был выброшен волной, весь груз затонул. На острове они провели два года и за это время построили из обломков шитика судно, на котором летом 1755 г. без добычи вернулись на Камчатку. Летом 1757 г. П. Башмаков и купец *Андрей Всевидов* плавали у центральной Алеутской группы, видели восемь островов, но приставали только к двум: на западе — к Кыске (из группы Крысьих), на востоке — к Танаге — и устроили там базу, откуда ходили на промыслы еще к двум островам — Канаге и Адаку. Зиму 1757/58 г. они провели на базе, а 26 августа 1758 г. вернулись на Камчатку с грузом пушнины. Во время зимовки сбежали 12 промышленников, в поисках которых казак-мореход *Максим Лазарев* открыл еще восемь островов из группы Крысьих.

В 1756—1759 гг. разбогатевший А. Толстых на собственном судне вторично промышлял на Ближних островах. В 1760—1764 гг. он в третий раз плавал на промыслы к Алеутской гряде, посетил уже известные острова — Канагу, Адак и Атху, открыл между ними Большой Ситкин и Тагалах, а к востоку от них — Амля. Все шесть, а вскоре и другие центральные острова стали называть Андреяновскими. 17 сентября 1764 г. он потерял при крушении у берегов Камчатки судно и часть груза; люди спаслись. Со слов участвовашего в плавании морехода М. Лазарева и по материалам судового журнала, который вел А. Толстых, было составлено первое описание Андреяновских о-вов. Разорившись, А. Толстых снова поступил на службу к купцам-предпринимателям. Летом 1766 г., командуя ботом, он опять искал «Землю Жуана-да-Гамы» — плавал от Большерецка к югу, вдоль Курильской цепи. 2 октября на обратном пути во время шторма он потерпел крушение у мыса Шипунского (юго-восточный берег Камчатки) и погиб почти со всем экипажем: из 63 человек спаслись только трое.



Ход открытия Алеутских о-вов

В 50-х гг. XVIII в. мореход *Гавриил Гаврилович Пушкарев* промышлял на Алеутских о-вах. Летом 1760 г. он перешел к п-ову Аляска, принятому им за остров («Алякса»), и остался зимовать на юго-западном берегу. Это была первая исторически доказанная зимовка русских на полуострове, т. е. на Американском материке.

Зимовавший в 1759—1760 гг. на о. Беринга мореход *Степан Яковлевич Черепанов* независимо от В. Стеллера дал описание морской коровы. Затем он перешел на Ближние о-ва и оставался там до лета 1762 г. По возвращении в Охотск он представил «скаску» с первой этнографической характеристикой алеутов.

1 августа 1759 г. промышленник *Степан Гаврилович Глотов* и казак *Савин Трофимович Пономарев* от о. Медного вышли на боте на восток и через месяц достигли о. Умнака. Промышляя там до конца мая 1762 г. они открыли к северо-востоку о. Уналашка и привели в русское подданство его жителей. На восточных островах было много лисиц, и их стали называть Лисьими. Пономарев и Глотов составили описание посещенных ими земель. В августе 1763 г., обогнув с юга п-ов Аляска, Глотов продвинулся на северо-восток и 5 сентября 1763 г. впервые достиг Кадьяка, крупнейшего острова в заливе Аляска (9515 км^2). Он промышлял на Лисьих о-вах до июля 1766 г., а 13 августа вернулся на Камчатку.

Итак, благодаря выполненным до 1764 г. плаваниям русских промышленников, искавших новые богатые пушным зверем острова, была открыта почти вся цепь Алеутских о-вов и составлена их карта, конечно очень неполная и неточная. Авторы ее пока не установлены[1]. Относительно этих американских островов в 1764 г. в Пе-

[1] Во II издании «Очерков...» (1967, с. 384) авторство приписано С. Глотову, С. Пономареву и П. Шишкину.

тербург поступил доклад сибирского губернатора *Дениса Ивановича Чичерина,* который доносил Екатерине II об открытии русскими «неизвестных мест и нового промысла». Д. И. Чичерин характеризовал промышленников как «самых простых и неученых людей». Он докладывал о необходимости назначения на их суда морских офицеров, чтобы те, не вмешиваясь в промыслы, вели судовые журналы и составляли подробные описания плаваний.

Секретная экспедиция Креницына — Левашова

По докладу Д. И. Чичерина Екатерина II приказала Адмиралтейств-коллегии немедленно послать в Тихий океан секретную экспедицию, официально названную «Экспедицией для описи лесов по рекам Каме и Белой». Несомненно, ее основной задачей была не только опись открытых островов, но и формальное и фактическое закрепление их за Российской империей: приведение «американцев» (алеутов) в российское подданство, урегулирование сбора ясака и контроль — в интересах казны — за действиями промышленников. Начальником экспедиции и его помощником были назначены боевые моряки *Петр Кузьмич Креницын* и *Михаил Дмитриевич Левашов.* В распоряжении Креницына были четыре судна, но два из них погибли во время перехода из Охотска к Камчатке зимой 1766—1767 г., а третье судно сгнило. Взамен экспедиция получила в Нижнекамчатске в сентябре 1767 г. другое судно, но, так как оно нуждалось в основательном ремонте, Креницын отложил плавание и вторично зимовал на Камчатке.

22 июля 1768 г. два судна, выйдя из устья р. Камчатки в открытое море, двинулись на восток. У Креницына под командой находилось 75 человек, у Левашова — 65. 11 августа при сильном ветре и пасмурной погоде суда потеряли друг друга на широте 54°05′. Через три дня Креницын впервые увидел два острова — Сигуам, самый восточный из Андреяновских, и Амухта, самый западный из Четырехсопочных. 21 августа он вошел в пролив между Умнаком и Уналашкой.

Левашов 14—18 августа усмотрел к югу и нанес на карту ряд мелких и два значительных острова — восточная часть Андреяновской цепи, но какие именно, установить трудно из-за больших ошибок в определении долготы. 19 августа Д. Левашов достиг о. Амухты, а через день — Уналашки, где соединился с П. Креницыным. В пути он встретил о. Акутан, крупнейший из группы, названной в XIX в. о-вами Креницына (к северо-востоку от Уналашки). Забрав воду, Креницын и Левашов двинулись дальше на северо-восток и 25 августа подошли к Унимаку, самому крупному и дальнему из Алеутских о-вов, обогнули и описали его за пять дней, причем открыли узкий Исаноцкий пролив, отделяющий о. Унимак от п-ова Аляска. Два дня они осматривали аляскинский берег и еще три дня искали удобную для зимовки гавань. Совмест-

ный осмотр северных берегов Уналашки, Унимака и Аляксы был первым плаванием европейцев в юго-восточной части Берингова моря. Но продвинулись они на северо-восток от Унимака недалеко: Алякса на карте Левашова показана островом, несколько уступающим по размерам Унимаку.

5 сентября в густом тумане суда надолго разлучились. Левашов один продолжал поиски земель к западу и юго-западу от Унимака: 16 сентября он пришел к Уналашке, с 1 по 5 октября плавал возле Унимака, снова вернулся к Уналашке и выбрал для зимовки бухту (порт Левашова) в глубине Капитанского залива, теперь Датч-Харбор. Выбор был исключительно удачен: этот залив — лучшая гавань на Алеутских о-вах.

На Уналашке Левашов нашел русских, которые захватили несколько десятков заложников — детей алеутских старейшин. 33 таких «аманатов» промышленники передали Левашову по его требованию, чтобы обеспечить безопасность его команды. Он наладил отношения с алеутами и через них весной 1769 г. связался с Креницыным.

Бóльшая часть людей Левашова зимовала на судне, остальные — в юрте, построенной из плавника. Моряки страдали от сырости, недостатка пищи и топлива: «Пищу худую имеем и малую, а от стужи и дождя нигде не можно сыскать покою!» К лету умерло трое больных; двое пропали без вести. Во время зимовки Левашов делал наблюдения и подготовил материалы (собрав их у промышленников) для разностороннего, правдивого, точного и яркого описания алеутов — «О жителях того острова», т. е. Уналашки.

Зимовка Креницына на Унимаке протекала в гораздо худших условиях. До середины октября его люди строили юрты из выброшенного на побережье леса, затем вытащили судно на берег, чтобы оно не пострадало от зимних бурь. Глубокой осенью отряд штурмана *Михаила Федоровича Крашенинникова* при участии С. Глотова на трех байдарах за 12 дней описал 160 км северного побережья п-ова Аляска. В районе зимовки не было постоянного населения. Иногда приезжали на своих байдарах алеуты за подарками, но, как правило, встречи с ними были неприязненными. «Для предосторожности» по приказу Креницына в сторону приближающихся алеутов стреляли из пушек или ружей; изредка моряки отвечали огнем на стрелы, пущенные алеутами. Хотя команда болела цингой и смертность была велика, Креницын держал людей в постоянном напряжении. «Он имел четыре поста для ночного караула; приказывал через несколько минут каждую ночь делать ружейные и пушечные выстрелы для устрашения диких...» (из «Наставления» Адмиралтейств-коллегии Биллингсу). От цинги за все время умерло около 60 человек, в том числе 4 мая С. Глотов.

6 июня 1769 г. в гавань, где зимовал Креницын, пришел Левашов. 22 июня они двинулись на юг, обнаружили небольшой о. Санак, а затем повернули на запад; за три дня завершили открытие

и описание всех о-вов Креницына и снова разлучились. 30 июля Креницын вернулся в Нижнекамчатск. Левашов описал еще Четырехсопочные о-ва (западная группа Лисьих) и после долгого и тяжелого плавания прибыл туда же 28 августа 1769 г.

Зиму 1769/70 г. экспедиция провела в Нижнекамчатске. Зимовка была тяжелой: не хватало продовольствия, так как летом прошедшего (1769) года улов рыбы оказался очень бедным да и рыбаков почти совсем не осталось из-за эпидемии оспы, унесшей около 6 тыс. человек. Левашов и штурман *Яков Иванович Шабанов* составили общую карту Алеутской цепи, а также карты о. Унимак и осмотренной части п-ова Аляска. 5 июля, когда экспедиция уже подготовилась к выходу в море, Креницын утонул: челнок, в котором он плыл по реке, опрокинулся. 10 июля суда вышли из устья р. Камчатки и 4 августа 1770 г. прибыли в Охотск. Из 187 человек, покинувших Охотск осенью 1766 г., погибла почти половина, главным образом во время зимовки на о. Унимак. В Петербург Д. Левашов приехал 22 октября 1771 г. Через месяц его досрочно повысили в чине: ни Екатерина II, ни Адмиралтейств-коллегия вовсе не считали секретную экспедицию неудачной, несмотря на большие расходы, ничтожный сбор ясака, потерю трех судов и около сотни людей, в чем Левашов был неповинен.

Географические результаты экспедиции были очень велики. Креницын и Левашов завершили в основном открытие всей гигантской Алеутской дуги, протягивающейся на севере Тихого океана на 1740 км, и особенно Унимака и других Лисьих о-вов. Они положили начало исследованию п-ова Аляска. В их работе позднее нашли ряд ошибок, так как метеорологические условия в то время в районе Алеутских о-вов оказались исключительно неблагоприятными для астрономических наблюдений: «Туманы бывали так часты, что посреди лета редко пять дней сряду продолжалась ясная и хорошая погода» (П. С. Паллас). И все же их материалы широко использовались крупными исследователями северной части Тихого океана — от Д. Кука (1779) до *М. Д. Тебенькова* (1852), который правильно считал их пионерами научного изучения этой акватории.

В 70-х гг. XVIII в. усилилась с одной стороны, английская экспансия в северной части Тихого океана и, с другой — чрезвычайно обострились отношения между Великобританией и ее заатлантическими колониями в Северной Америке (1774 г.— начало войны за независимость США). В связи с этими событиями англичане очень подозрительно отнеслись к «таинственному» предприятию русского правительства и обнаружили повышенный интерес к его засекреченным результатам. Они раздобыли материалы и карты с помощью лейб-медика Екатерины II шотландца *Джона Сэмюэла Роджерсона,* получившего их с разрешения самой императрицы. В 80—90-х гг. XVIII в. вышли в свет по крайней мере шесть изданий материалов «секретной» экспедиции на четырех языках.

Первые шаги к освоению Русской Америки

Политического задания экспедиция Креницына—Левашова не выполнила, сбор ясака не наладила, а между тем с регулярным поступлением ясака связывалось закрепление «инородцев» (в данном случае — алеутов) в российском подданстве. Фактическое присоединение Алеутских о-вов и всей Аляски к российским владениям было делом *Г. И. Шелихова* и *А. А. Баранова* — основателей Русской Америки.

Григорий Иванович Шелихов в 1775 г. переехал из Иркутска в Охотск и с этого времени в компании с сибирскими купцами организовал на широких началах пушной и зверобойный промыслы в Северо-Восточной Азии, на островах северной части Тихого океана и на Аляске. Свою промысловую деятельность он связывал с разносторонней исследовательской работой и организацией постоянных русских поселений. В 1778 г. из Охотска Г. И. Шелихов направил на южные Курилы передовщика артели *Дмитрия Яковлевича Шабалина* на бригантине «Наталья». Промышленники побывали на о-вах Уруп, Итуруп, Кунашир и посетили о. Хоккайдо. В следующем году Д. Шабалин вновь ходил к Хоккайдо, безуспешно пытаясь завязать торговлю с Японией. Один из его спутников — казачий сотник *Иван Черных (Черный)* — погиб у о. Райкоке (центральная часть Курильских о-вов, у 153° в. д.): его байдара подверглась бомбардировке камнями, выброшенными при извержении вулкана. Еще в 1766—1769 гг. во главе большого отряда Черных побывал на 19 островах из более чем 30, составляющих длинную (1200 км) Курильскую дугу, и привел в русское подданство их жителей — айнов. Вернувшись осенью 1769 г. в Большерецк, он представил отчет о плавании с подробной характеристикой посещенных островов. Его материал, содержащий, в частности, сведения о вулканах, был использован Г. И. Шелиховым при составлении описания всей Курильской гряды.

Убедившись, что промысел здесь не принесет хороших прибылей, Г. Шелихов обратил внимание на Алеутские о-ва. Летом 1783 г. он перешел от Охотска к о. Беринга, где перезимовал, в середине июля следующего года — к Уналашке, а оттуда — к о. Кадьяк, в заливе Аляска. На Кадьяке осенью 1784 г. Шелихов основал постоянное поселение, бывшее в течение 20 лет центром Русской Америки. В 1784—1785 гг. он организовал еще несколько поселений на северо-западных берегах залива Аляска и посылал на байдарах отряды исследовать северный берег залива. Один отряд численностью 173 человека, включая 52 русских промышленника, на четырех байдарах в мае—августе 1785 г. осмотрел южный берег п-ова Аляска, проследовал широким проходом между материком и О. Кадьяк, позднее названным проливом Шелихова, и побывал в заливах Кенайском (Кука) и Чугачском (Принс-Вильям). Второй отряд передовщика артели купца *Леонтия Нагаева* имел задачу

установить контакты с жителями приморской полосы залива Аляска. Летом 1785 г., следуя от залива Принс-Вильям на восток вдоль материкового берега, у 145° з. д., он открыл усеянную островками губу, а затем — дельту крупной реки[1]. Нагаев поднялся на небольшое расстояние против течения. Установить контакт с жителями реки (атапасками) ему не удалось, но у соседних эскимосов он собрал первые краткие сведения об этой группе родственных по языку индейских племен, живущих на Тихоокеанском побережье Аляски и Канады.

Г. Шелихов

Летом 1786 г. Г. Шелихов прибыл в Большерецк, а оттуда зимой по берегу на собаках переехал в Охотск (северо-восточной части Охотского моря впоследствии присвоено его имя — залив Шелихова). Вернувшись в Иркутск в 1787 г., он тогда же составил отчет о плавании, изданный в переработанном виде в Петербурге в 1791 г. под заглавием «Российского купца Григория Шелихова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к американским берегам...»; последнее издание появилось в 1971 г.

Шелихов развил очень большую предпринимательскую деятельность, а на основе созданной им купеческой компании в 1798 г. была организована Российско-американская компания.

В первое время ближайшим помощником Шелихова был выходец из Македонии *Евстрат Иванович Деларов*[2]. В 1786 г. он ходил на байдарах от Кадьяка к Алеутским о-вам; следующие четыре года он управлял русско-американскими факториями с центром на о. Кадьяк. Деларов организовал несколько промысловых и исследовательских экспедиций и лично плавал, командуя судами, в заливе Аляска и к Алеутской цепи, где небольшая группа между Андреяновскими и Крысьими названа о-вами Деларова.

После Е. Деларова правителем Русской Америки стал купец *Александр Андреевич Баранов,* человек властный, крутой, подчас жестокий. В 1780 г. он переехал в Восточную Сибирь, завел в Иркутске два завода, организовал промысловые экспедиции на се-

[1] В 1794 г. мореход *Егор Пуртов* во главе большой партии вторично обнаружил эту реку, названную Медной (на наших картах р. Коппер), так как на ее берегах русские нашли месторождения меди, а у жителей — медные изделия.

[2] Он открыл о. Унга, крупнейший среди о-вов Шумагина, у 161° з. д.

Русский поселок на о. Кадьяк в конце XVIII в.
(по Г. Сарычеву)

веро-востоке Азии. Разорившись А. Баранов принял в 1790 г. приглашение Г. И. Шелихова управлять делами торговой компании. Он перешел из Охотска к Уналашке, где во время шторма потерпел крушение; люди спаслись. Перезимовав на Уналашке, они построили к весне 1791 г. байдары и дошли до Кадьяка. В 1791—1793 гг. А. Баранов на байдарах обошел весь о. Кадьяк, проник в залив Кука, обогнул п-ов Кенай, а его штурманы описали залив Принс-Вильям и ближайшие острова. Закончив обследование, конечно беглое, западной части залива Аляска, А. Баранов приступил к организации новых поселений и к разработкам открытых его служащими месторождений каменного угля. В 1795 г. он обследовал северный и восточный берега залива Аляска до 56° с. ш., т. е. до о. Ситки включительно (теперь о. Баранова в архипелаге Александра). В пути он поднял русский флаг на Американском материке, на берегу залива Якутат (60° с. ш., 140° з. д.).

Организованная в 1798 г. Российско-американская компания назначила А. Баранова главным правителем Русской Америки. В 1799 г. на трех судах он снова перешел от Кадьяка к Ситке, основал там русский укрепленный Архангельский поселок, перезимовал в нем и вернулся на Кадьяк.

Для расширения своего дела Г. Шелихов и А. Баранов прекрасно использовали русских обученных мореходов-штурманов и даже кормщиков-промышленников без специального образования. Многие из них прославились своими открытиями и исследованиями Русской Америки, и их имена сохранились на картах Аляски и Берингова моря (часть мореходов развернула работу в XIX в.).

Подштурман *Гавриил Логинович Прибылов* в 1788 г. в поисках новых промысловых угодий плавал в Беринговом море на север от Лисьих о-вов и обнаружил на 57°10′ с. ш. «два острова небольших, от которых и еще видны острова» — Св. Георгия и Св. Павла, названных Г. Шелиховым именем первооткрывателя. Прибылов исключительно удачно промышлял там до 1790 г. В 90-х гг. он плавал для промыслов в заливе Аляска, доходя до о-вов Королевы Шарлотты.

Герасим Григорьевич Измайлов и *Дмитрий Иванович Бочаров* на галиоте «Три Святителя», паруснике водоизмещением до 300 т, весной и летом 1788 г. завершили открытие северного берега залива Аляска от п-ова Кенай до бухты Литуя (137°30″ з. д.), в частности залива Якутат[1]. Они составили подробный отчет о своем плавании с описанием быта коренного населения (впервые опубликован в 1792 г.). В 1789 г. Измайлов описал юго-восточный берег Кеная, а в 1792—1793 гг. искал землю к югу от залива Аляска. Бочаров в 1792 г. на двух байдарах перешел в залив Бристоль и закончил открытие северного берега п-ова Аляска. Затем он пересек полуостров у его основания, открыв при этом большое озеро Бочарова (около 1200 км^2) и наиболее короткий и удобный путь между заливом Бристольским и проливом Шелихова — через р. Эгегик, озеро Бочарова и легкий волок между ним и проливом. По материалам съемки Д. Бочаров составил карту п-ова «Алякса», т. е. Аляски.

Василий Иванов — первый исследователь внутренних областей Русской Америки

Русские начали проникать в глубь Северо-Западной Америки с юга, со стороны залива Аляска. К началу 90-х гг. XVIII в. промышленники на службе одной из компаний, поглощенных вскоре Российско-американской компанией, перейдя от о. Кадьяк на Аляску, открыли большое озеро Илиамна к северу от полуострова (близ 60° с. ш.). Между 1792 и 1795 гг. передовщик промысловой артели *Василий Иванов* во время трехмесячного зимнего похода (начало — 25 декабря, окончание — последние числа марта) для выявления нового района пушной торговли продвинулся на лыжах от озера к северо-западу приблизительно на 400 км через многочисленные малые реки, прорезающие гористую местность, и посетил несколько крупных селений индейцев атапасков и эскимосов. К сожалению, лишь в немногих случаях приведенные им названия рек и поселков можно отождествить с теми, которые нанесены были на карты позднейшими исследователями. Несомненно, однако, что В. Иванов пересек крупный приток р. Нушагак — р. Мулчатна, отметив высокие горы (южная часть Аляскинского хребта), из кото-

[1] В 1795 г. Прибылов доставил туда первую партию русских переселенцев.

рых она вытекает. Затем отряд миновал три реки и достиг «весьма большой р. Тутны, впадающей в море», т. е. р. Кускоквим (примерно у 157° з. д.). По ее долине В. Иванов спустился до того места (у 160° з. д.), где она выходит из гор, позже названных горами Кускоквим, на широкую приморскую низменность и сближается с низовьем другой «большой реки, впадающей в море,— Балсанды». На карте Аляски нет реки со сходным названием, но за нижним Кускоквимом, недалеко от него, течет к морю только один крупный поток — р. Юкон. Отряд перешел на него и проследовал к морскому побережью, а затем повернул обратно к озеру Илиамна, не известно, правда, каким путем. Хотя в отчете, составленном В. Ивановым по возвращении, много неясностей, его все же следует считать первооткрывателем бассейна Кускоквима и низовьев р. Юкона.

Экспедиция Биллингса — Сарычева

В 1785 г. русское правительство отправило в северную часть Тихого океана Северо-восточную секретную географическую и астрономическую экспедицию, начальником которой был назначен Иосиф Иосифович Биллингс (о нем мы писали в гл. 3). Он пригласил 22-летнего лейтенанта *Гавриила Андреевича Сарычева*, чьи талантливые труды принесли славу экспедиции.

И. Биллингс должен был пройти в Тихий океан из Колымы через Берингов пролив. В 1785 г. экспедиция проехала через Сибирь в Якутск. Оттуда в конце января 1786 г. Г. Сарычев проследовал к Оймякону на р. Индигирке, а затем через горы на юг и по долине р. Охоты в конце марта достиг Охотска. Наблюдения в пути из Якутска в Охотск позволили ему составить первую орографическую схему пройденной территории: на правобережье р. Алдана он отметил три горных хребта и первый верно определил их меридиональное простирание, но посчитал короткими[1]; восточнее он выделил четвертый, ошибочно включив в единую длинную цепь северную часть Сунтар-Хаята и Юдомский хребет наших карт.

В начале июля в Охотск прибыл И. Биллингс и направил Г. Сарычева в Верхнеколымский острог — предполагалось, что для строительства судов там удастся найти более качественный лес, чем в окрестностях Охотска. Почти весь август Г. Сарычев добирался до р. Индигирки, а после переправы через нее двинулся на северо-восток и пересек хребет «отменной высоты против всех виденных нами... простирается [он] грядою... к северо-западу»[2]. Сарычев отметил пологий западный и крутой восточный склоны этого хребта (Тас-Кыстабыт наших карт). Затем его отряд форсировал р. Неру, правый приток Индигирки, а через 100 км перевалил еще

[1] Исследование этого региона затянулось до середины XX в., и в настоящее время здесь выделяют три хребта — Улахан-Бам, Сетте-Дабан и Скалистый.

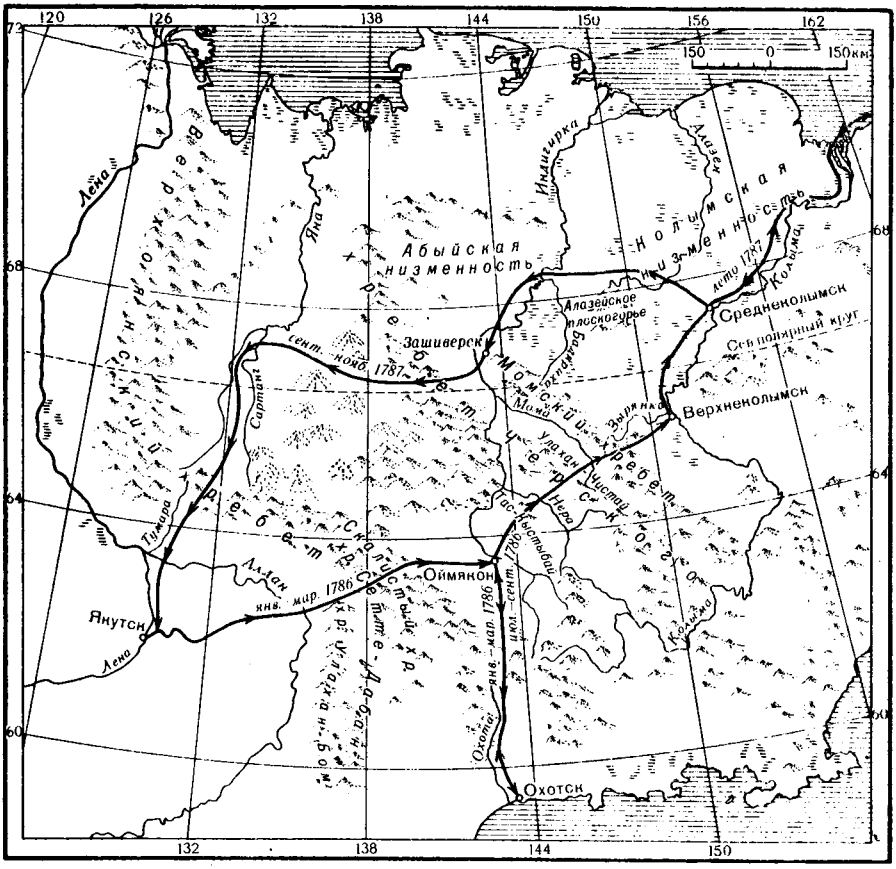
[2] Цит. здесь и далее из работы Г. Сарычева «Путешествие...».

один высокий безлесный хребет (Улахан-Чистай) шириной чуть более 20 км. Через несколько дневных переходов Г. Сарычев перешел р. Мому (бассейн Индигирки), почти высохшую в это время, и по долине р. Зырянки, принадлежащей уже бассейну р. Колымы, пересек третий хребет (Момский) шириной, по его наблюдениям, более 100 км, что близко нашим данным. 14 сентября Г. Сарычев прибыл в Верхнеколымск. Итак, он выяснил, что в Индигиро-Колымском междуречье расположен ряд горных цепей. Иными словами, он положил начало открытию горного сооружения, позднее получившего имя *И. Д. Черского,* который прошел почти тем же маршрутом 105 лет спустя.

Г. Сарычев

На заложенных во время зимовки двух судах И. Биллингс и Г. Сарычев спустились по р. Колыме к устью. Здесь Г. Сарычев произвел астрономические определения и установил, что на имевшихся в его распоряжении картах берег показан почти на 2°, т. е. немногим более 200 км севернее его истинного положения. 24 июня 1787 г. он и И. Биллингс вышли в море. В июле они трижды пытались обогнуть Чукотский п-ов, но из-за тяжелых льдов продвинулись на восток лишь немногим дальше мыса Большой Баранов. Высадившись там на берег, Г. Сарычев нашел и раскопал древние жилища приморских зверобоев (шелагов). Это были первые предпринятые с научной целью раскопки древних памятников Арктики. Он обратил внимание на небольшие и нерегулярные колебания уровня моря у мыса Большой Баранов и «поведение» льдов, оставшихся у побережья после двухдневного шторма. Из этих наблюдений Г. Сарычев сделал вывод о существовании к северу на небольшом расстоянии какой-то земли. Ряд историко-географов считает, что он таким образом предсказал открытие о. Врангеля. Однако остров этот находится от мыса на значительном расстоянии (550 км) и не к северу, а к востоко-северо-востоку[1]. Правда Г. Сарычев записал сообщение участника экспедиции армейского капитана *Тимофея Ивановича Шмалева,* передавшего рассказы чукчей об обитаемой «матерой земле, лежащей к северу, не в дальнем расстоянии от Шелагского Носа...». С некоторой натяжкой можно

[1] Вот почему, на наш взгляд, Ф. П. Врангель, внимательный и объективный исследователь и ученый, не сослался на данные Г. Сарычева, считая, что они не имеют отношения к предполагаемой земле, с 1867 г. носящей его имя.



Маршруты Г. Сарычева (по В. И. Магидовичу)

предположить, что речь шла об о. Врангеля. В апреле — мае 1787 г. Т. Шмалев поднялся по р. Гижиге (впадает в одноименную губу Охотского моря) на Колымское нагорье и перевалил в верховья р. Омолон. Он проследил почти все течение (длина 1114 км) этого крупнейшего притока р. Колымы и составил его карту.

28 сентября экспедиция во главе с Г. Сарычевым (И. Биллингс то отправлялся первым, то нагонял остальных) выехала из Среднеколымска на запад через болотистую и лесистую местность, богатую озерами (Колымская низменность), верховья р. Алазеи и «гористые лесные места» (Алазейское плоскогорье). 10 октября при очень сильных морозах она достигла р. Индигирки у устья р. Балярихи (близ 68° с. ш.). «Лесами и озерами», т. е. по Абыйской низменности, Г. Сарычев прошел вверх по долине сильно меандрирующей здесь р. Индигирки и вскоре вновь вступил в область «высоких гор» — северное окончание Момского хребта. Несколько дней он и его спутники провели в г. Зашиверске, рас-

Юкагирский поселок (рисунок Л. Воронина)

положенном на р. Индигирке примерно у 67°30′ с. ш. (ныне не существует). 22 октября экспедиция двинулась на юго-запад и на пятый день достигла «отменно высоких безлесных хребтов, продолжающихся грядою... к северо-западу...». Сарычев верно указал, что эти «страшные каменные утесы... имеющие величественный вид», служат водоразделом рр. Индигирки и Яны. Таким образом он вторично, но гораздо севернее, пересек хребет Черского.

30 октября Г. Сарычев вышел к р. Яне и повернул на юг, а в середине ноября подошел «к самой вершине реки Яны и к... высокому безлесному хребту, называемому Верхоянский». В действительности он проследил всю р. Сартанг, восточную составляющую р. Яны, до истоков Он отметил отлогость северного склона хребта и чрезвычайную крутизну противоположного; «страх видеть под ногами неизмеримую пропасть принуждал нас спускаться иногда ползком». По р. Тукулан (впадает в р. Алдан у 132° в. д.) и междуречью Алдан—Лена экспедиция прибыла в Якутск 24 ноября. По горам и низменностям Якутии Г. Сарычев проделал более 3 тыс. км на лошадях, оленях, собачьих упряжках и пешком. Он не сделал никаких научных выводов из своих сухопутных наблюдений, но его с полным основанием можно считать первооткрывателем хребта Черского и первым исследователем Верхоянского горного сооружения.

В начале сентября 1788 г. экспедиция сухим путем вернулась в Охотск, где в это время строились два корабля. Г. Сарычев в апреле 1789 г. описал на байдарах берег Охотского моря от Охотска до р. Улкан (около 450 км — в восемь дней), причем обнаружил два небольших залива — Феодота и Федора. Продолжая позднее работу до залива Алдомы, он в июне неожиданно встретился с морским офицером *Иваном Константиновичем Фоминым*, описав-

шим на байдаре берег от Удской губы до р. Алдомы. Так в 1789 г. была произведена опись всего западного побережья Охотского моря (около 800 км).

Осенью 1789 г. на корабле «Слава России» И. Биллингс и Г. Сарычев вышли из Петропавловска, отклонились от курса из-за крепкого восточного ветра и случайно открыли необитаемый небольшой скалистый о. Св. Ионы. В мае—октябре 1790 г. «Слава России» ходила в залив Аляска, к о. Каяк и вернулась в Петропавловск. Летом 1791 г. корабль перешел к Уналашке, а оттуда — на север, к о. Св. Матвея. Г. Сарычев открыл к северо-западу небольшой о. Холл и обследовал пролив, отделяющий его от Св. Матвея (пролив Сарычева). Далее на севере экспедиция осмотрела о. Св. Лаврентия, американский берег Берингова пролива и о-ва Диомида.

У Чукотского берега, в заливе Лаврентия, И. Биллингс сдал командование «Славой России» Г. Сарычеву, а сам отправился сухим путем исследовать Чукотский п-ов: отказавшись от мысли обойти его на судне и действуя в соответствии с указом Екатерины II, он перебрался с небольшим отрядом на байдарах в соседнюю Мечигменскую губу. По его распоряжению сержант-геодезист *Алексей Гилев* обогнул на байдаре восточный берег Чукотки от этой губы до мыса Дежнева, прошел пешком через мыс, а затем — на байдаре и пешком — впервые описал около 500 км северного берега Чукотки почти до Колючинской губы. Все ее берега он обследовал несколько позже — глубокой осенью.

Сам же И. Биллингс с отрядом зимой 1791/92 г. в сопровождении Н. Дауркина прошел на оленях через Чукотский п-ов до Нижнеколымска. Его маршрут длиной более 1,5 тыс. км (съемку вел штурман *Антон Батаков*) подтвердил данные Д. Павлуцкого, что эта территория «заполнена» горами. Разобраться в их нагромождении И. Биллингс, естественно, не смог[1], но первый отметил «горы удивительной вышины». Действительно, к югу от р. Кувет, притока р. Пегтымель (И. Биллингс прошел по ее долине более 150 км в середине декабря 1791 г.), а также в верховьях Малого и Большого Анюев (он побывал там в конце января—середине февраля 1792 г.) уже в наше время обнаружено несколько вершин от 1500 до 1853 м. И. Биллингс форсировал множество рек и указал, что они имеют горный характер. По возвращении в Петербург И. Биллингс написал отчет об экспедиции (три книги), переведенный на русский язык (до настоящего времени не издан). По материалам съемки А. Батакова И. Биллингс составил маршрутную карту, с незначительными изменениями служившую основой всех карт внутренней части Чукотского п-ова до 1931 г.

Между тем Г. Сарычев в конце августа 1791 г. возвратился на о. Уналашка. В Петербург моряки вернулись в 1794 г. Работу экспедиции Г. Сарычев изложил в двух томах, которые стали образцом описаний для мореплавателей первой половины XIX в.

[1] Лишь во второй половине XX в. установлено, что здесь находятся разноориентированные хребты, составляющие Чукотское нагорье.

Глава 19

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ, БРАЗИЛИИ И ЮЖНОЙ АТЛАНТИКИ

Верхняя Калифорния

Весь Северо-американский материк после Семилетней войны был на бумаге разделен между Англией и Испанией. Но Российская империя могла по праву первого открытия занять Северо-Западную Америку и начать оттуда продвижение на юг вдоль берега, что действительно и произошло в последней четверти XVIII в. И Англия могла продвинуться со стороны Канады к Тихому океану, а оттуда — на юг. Поэтому испанские власти обратили внимание в первую очередь на освоение пограничной с Мексикой тихоокеанской области — Верхней Калифорнии.

Поручено это было *Хосе Гальвесу,* назначенному в 1765 г. на должность виситадора (правительственного инспектора) Новой Мексики. Базой он поневоле выбрал миссии на п-ове Калифорния, расположенные севернее 30° с. ш.,— после изгнания иезуитов миссии перешли к францисканцам, занявшимся исследованиями Новой Мексики и пограничных с нею северных областей.

В 1769 г. Х. Гальвес отправил пять экспедиций, которые должны были подготовить почву для колонизации калифорнийского побережья с помощью миссий,— три морские и две сухопутные. Первым в конце марта 1769 г. выступил сухопутный отряд, состоявший главным образом из крещеных индейцев, под командой *Эрнандо Риверы,* перегонявшего ранее скот с полуострова к бухте Сан-Диего. Его спутник, патер *Хуан Креспи,* составил живое описание почти двухмесячного похода через район, охарактеризованный им как «подножие п-ова Калифорния, страну бесплодную и сухую, без травы и без воды, изобилующую камнями и колючками»[1], т. е. кактусами. К счастью, был дождливый сезон, и ни люди, ни скот не страдали от жажды. В бухте сухопутный отряд, не имевший ни одного больного, встретил присланные ему на подмогу из Новой Испании два судна, на которых три четверти людей умерло от цинги.

В начале июля к бухте Сан-Диего подошел второй сухопутный отряд *Гаспара Портолы.* Его люди в пути уже очень страдали от

[1] Цит. здесь и далее из работы Дж. Бребнера «Исследователи Северной Америки». Нью-Йорк, 1955 (на англ. яз).

жажды и голода. Испанцы «все пришли в добром здоровье» (Х. Креспи), но часть индейцев умерла, а остальные дезертировали из-за недостатка пищи.

В середине июля Г. Портола выступил дальше на северо-запад вдоль берега, чтобы разыскать удобную гавань. С ним была «небольшая группа людей, или, вернее, скелетов, из числа тех, кого пощадили цинга, голод и жажда». Через 80 дней тяжелого пути по пересеченной ущельями горной стране (южная часть Береговых хребтов) отряд вышел у 37° с. ш. к заливу Монтерей, уже не раз посещавшемуся испанскими моряками и описывавшемуся ими как хорошая гавань. Но открытый ветрам залив не давал надежного убежища для судов, и Г. Портола решил продолжать путь на север, чтобы отыскать «подлинный» Монтерей. 21 октября 1769 г. испанцы открыли со стороны суши — редкий случай в истории географических открытий — великолепный залив, позднее названный Сан-Франциско,— лучшая гавань на всем Тихоокеанском побережье Америки. Двумя небольшими гористыми полуостровами этот залив надежно огражден от океана, а пролив между ними (Золотые Ворота) так узок, что его не заметили сотни проходивших мимо судов за 226-летнюю историю мореплавания в этой акватории.

10 дней испанцы исследовали новый залив и за это время обошли далеко не все его берега, например, не посетили северную часть, поэтому предположили, что перед ними, возможно, пролив. Но и сделанного оказалось вполне достаточно, чтобы понять — это не Монтерей. И. Г. Портола 21 января 1770 г. вернулся к бухте Сан-Диего. В пути его люди съели всех мулов и никто из испанцев не погиб, а о численности умерших индейцев он ничего не сообщает.

Здесь капитан вспомогательного судна *Хуан Хосе Эрнандес Перес*, прекрасно знавший Тихоокеанское побережье, все-таки убедил Г. Портолу, что тот дважды — на пути туда и обратно — посещал «подлинную гавань Монтерей». И летом 1770 г. Г. Портола построил там крепость, «чтобы завладеть гаванью и защитить ее от жестокости русских, которые собираются вторгнуться в наши владения».

В 1774 г. Х. Перес получил самостоятельное правительственное задание произвести разведку Тихоокеанского побережья до 60° с. ш. и разузнать, что собираются делать русские. Он имел морские карты, составленные на основе последних русских открытий.

18 июля того же года на судне «Сантьяго» Х. Перес с трудом достиг только 55° с. ш., но положил начало крупному открытию: первым увидел и нанес на карту часть о-вов Королевы Шарлотты и обнаружил вход в небольшой залив Нутка, расположенный, как позднее выяснилось, у западного берега о. Ванкувер. Х. Перес впервые проследил около 1700 км побережья Северной Америки с близлежащими островами, принятыми им за материк, от мыса Бланко (близ 43° с. ш.) — пункта, несомненно достигну-

того Ф. Дрейком в 1579 г. (см. т. 2), до 55° с. ш. Если же согласиться с мнением ряда английских историко-географов, что Ф. Дрейк поднялся к 48° с. ш., то и тогда длина открытой Х. Пересом полосы составит около 1100 км.

Так как Х. Перес не выполнил основного задания, то в середине марта 1775 г. на север были посланы три корабля. Капитан первого, Х. Перес, вошел в залив Сан-Франциско и частично обследовал его. Капитан второго, *Бруно Эсета,* продвинулся лишь до 49° с. ш., зато усмотрел за 46° с. ш. устье большой реки (Колумбии), еще не известной европейцам. Видимо, тогда испанцы либо не обратили внимания на это крупное открытие, либо засекретили его так основательно, что устье р. Колумбии пришлось открывать вторично (см. гл. 23). Капитан третьего корабля, *Хуан Франсиско Бодега-и-Куадра,* продвинулся до 58° с. ш., т. е. на три градуса севернее, чем Х. Перес; на этом участке он шел вдоль побережья, уже открытого А. Чириковым в 1741 г., но еще не освоенного русскими. Позднее Х. Бодега-и-Куадра принял активное участие в открытиях, обычно связываемых только с одним именем англичанина *Джорджа Ванкувера* (см. гл. 23).

По поручению испанских колониальных властей наладить сухопутную связь с Монтереем должен был индеец *Хуан Баутиста Анса,* комендант северной пограничной крепости Тубак, расположенной на пересыхающей р. Санта-Крус, левом притоке р. Хилы, системы Колорадо. В январе 1774 г. Х. Анса выступил из Тубака и, не решаясь идти прямо на северо-запад, через пустыню Хилу, повел отряд сначала на юго-запад по горным долинам рек системы Магдалена-Консенсьон (бассейн Калифорнийского залива). Дойдя до приморской полосы, он повернул к Монтерею. «Вся эта страна,— сообщал Х. Анса,— так суха, что здесь не видно ни тенистых деревьев, ни кустарников, ветви которых годны были бы для навесов». Но от жажды в это время года отряд не страдал: следуя по окраине пустыни, в предгорной полосе, люди добывали для себя и для скота пресную воду, роя неглубокие колодцы или пользуясь природными «кувшинами» (по-испански «тинаха» — естественный водоем).

Переправившись через нижнее Колорадо близ устья Хилы, отряд Ансы шел на северо-запад мимо огромного солончака (Солтон-Си) и далее предгорной полосой: к востоку и северу поднимались горы с вершинами 2500—3500 м. В конце марта 1774 г. он вышел у 34° с. ш. к океану — к миссии Сан-Габриэль (ставшей впоследствии городом Лос-Анджелес).

В 1775 г. Х. Анса выступил из Тубака в новый поход, сопровождая группу колонистов (около 150 человек). Он миновал Монтерей, подошел к побережью залива Сан-Франциско и основал там с помощью монахов-францисканцев новую миссию, будущий «Фриско» США. Миссия Сан-Франциско была крайним северо-западным пунктом испанской колонизации в Америке. Спутник Анса монах *Педро Фонт* в 1776 г. составил карту маршрута — лучшее раннее изображение калифорнийской береговой линии.

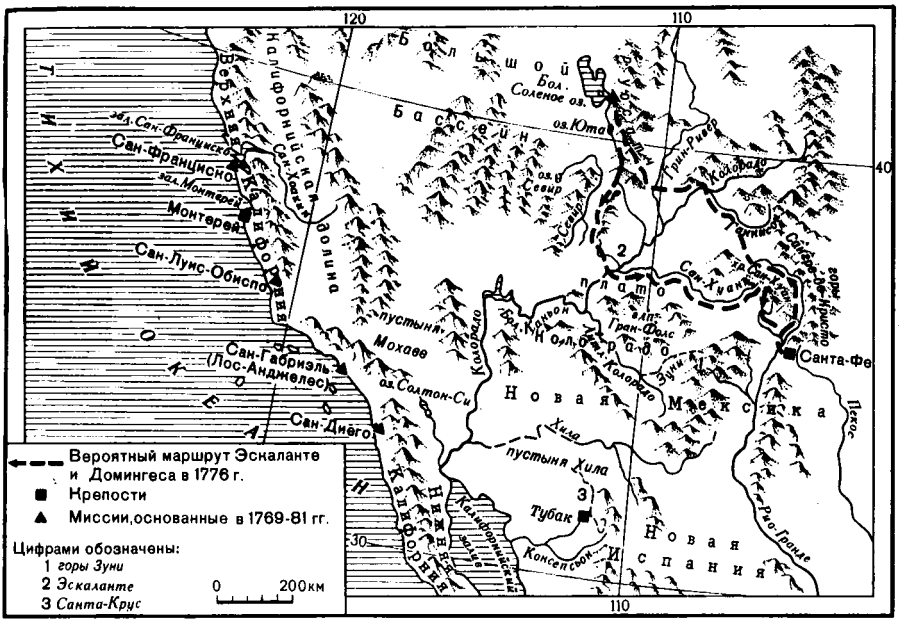
Открытие Калифорнийской долины и Большого Бассейна

Монах *Франсиско Томас Гарсес* несколько лет «просвещал» индейцев юма в речных долинах бассейна нижней Хилы и настраивал их против апачей, принадлежавших к иной языковой группе. В 1775 г. Ф. Гарсес сопровождал Х. Ансу до низовьев Колорадо и остановился там на несколько месяцев в селении индейцев мохаве (родственных юма). В феврале 1776 г. он прошел вдоль правого берега Колорадо до района оседлых мохаве, куда еще не доходили испанцы. Индейцы указали Ф. Гарсесу путь, которым они обычно шли к океану для менового торга с приморскими жителями, и дали ему проводников через пески и солончаки пустыни Мохаве (около 30 тыс, км^2). Спустившись затем по долине небольшой реки к океану, он прибыл в Сан-Габриэль и начал поиски сухопутной дороги к Сан-Франциско. С помощью встречных индейцев он через горный проход попал на небольшую, казалось, равнину — в южную часть прославленной позднее Калифорнийской долины — и прошел по ней на север несколько десятков километров (а она тянется на 800 км). Он слышал о большой реке (Сан-Хоакин, впадающей в залив Сан-Франциско), горько сетовал, что не мог дойти до «западного конца своего нового пути», и повернул обратно, причем вторично пересек пустыню Мохаве.

Всего несколько дней отдыхал Ф. Гарсес в мохавском селении на нижнем Колорадо. В начале июня 1776 г. он выступил оттуда с группой воинов из племени валапаев, родственных мохаве, узнав, что они живут довольно близко от племени хопи — «пустынных индейцев пуэбло». Они шли сначала вдоль р. Колорадо на север, а у 36° с. ш. повернули на восток, пересекли пустынную горную страну, то карабкаясь по крутым обрывам, то осторожно продвигаясь по узким карнизам. Они следовали южнее Большого Каньона, иногда подходили к нему. Это грандиозное ущелье с отвесными стенами произвело неизгладимое впечатление на монаха: «Точно горный хребет был искусственно срезан, чтобы дать проход реке Колорадо...»

В конце июня они переправились через р. Литтл-Колорадо в районе Большого Водопада (Гранд-Фолс). Здесь начиналась страна «пустынных индейцев пуэбло», и валапаи, враждовавшие с хопи, отказались следовать с Ф. Гарсесом до ближайшего поселка Ораибе. С ним пошли только старик и мальчик. В поселке он провел целый день; всем троим пришлось ночевать на улице. А наутро «...четверо старейшин во главе всего населения Ораибе вышли к нему и предложили убираться подобру-поздорову». Осенью 1776 г. Ф. Гарсес вернулся в свою миссию. Он продолжал «просвещать» индейцев юма, а через пять лет был ими убит.

В июле 1776 г. *Сильвестре Велес Эскаланте,* настоятель миссии в районе Зуни, получил задание разведать путь к Монтерею от Санта-Фе (в верхнем бассейне Рио-Гранде). Сопровождали его



Открытие Большого Бассейна

восемь человек, в том числе монах *Франсиско Домингес* и топограф *Бернардо де Миера-и-Пачеко.* Они шли сначала, вероятно, вдоль западных предгорий хребта Сан-Хуан, у 38° с. ш. перевалили горы и попали в долину р. Ганнисон, одной из верхних притоков Колорадо. Двое встречных индейцев сообщили, что они живут на западе у «большой воды». Следуя за ними, отряд в сентябре переправился через р. Колорадо и ее приток Грин-Ривер и шел на северо-запад, пока не добрался «до глубокой впадины в горах» (приблизительно у 39°30′ с. ш.) и очень скоро достиг «большой воды». Перед монахами лежало озеро, но не ясно, какое именно; пресноводное Юта (490 км^2)? Вряд ли индейцы могли назвать его «большой водой». Вероятнее, что это было Большое Соленое озеро[1], лежащее всего в 50 км к северу от Юты. Горы же, которые монахи видели, проходя к «большой воде», это, несомненно, меридиональный хребет Уосатч (длина 350 км, вершина 3749 м); он протягивается вдоль восточных берегов обоих озер и служит восточной границей Большого Бассейна — огромной (более 500 тыс. км^2) бессточной области на юге системы североамериканских нагорий.

Пытаясь отыскать путь от озера к Монтерею, который находился по крайней мере на три градуса южнее, отряд пересек Большой

[1] Уровень его очень изменяется, из-за чего колеблется и площадь: за последние 130 лет — от 2500 до 6000 км^2, причем в 1900—1904 гг. озеро почти высохло.

Бассейн в южном направлении и открыл р. Севир (впадает в одноименное озеро у 39° с. ш.). Но была уже осень и монахи отказались от продвижения к океану. Повернув на восток, они обошли с севера сухое плато, подходящее к Большому каньону, и переправились через р. Колорадо близ устья его притока Эскаланте (у 37° с. ш.). В Санта-Фе отряд вернулся в начале января 1777 г., пройдя за пять месяцев более 2500 км. Историки считают вполне добросовестными отчет Эскаланте и Домингеса, впервые опубликованный в 1856 г., и карту, составленную Б. Миерой, но отчет представляет собой, в основной части, перечень географических названий, как бы приложение к карте. Во всяком случае, именно экспедиция Эскаланте в 1776 г. положила начало открытию Большого Бассейна.

Амазонка, Риу-Негру и бифуркация Ориноко

В первые годы XVII в. иезуиты, двигаясь главным образом из Кито по р. Напо, появились в северо-западной части Амазонской низменности и основали там первую миссию. Тогда же их соперники-францисканцы, следуя от Лимы за искателями Эльдорадо и рудознатцами, проникли в перуанскую Ла-Монтанью, пересекаемую текущей на север Укаяли. Еще южнее, со стороны озера Титикака, искатели Эльдорадо и миссионеры перевалили Восточную Кордильеру и открыли нагорье Юнгас, пересекаемое реками, текущими на северо-восток и север, в том числе в 1670 г. р. Бени длиной 1500 км, одну из составляющих р. Мадейры, крупнейшего правого притока Амазонки.

Из иезуитов, действовавших в XVII в. на Амазонке, выделяется чех *Петр Самуил Фриц*. В 1686 г. он был направлен из Кито в бассейн верхней Амазонки «просвещать диких» (непокоренных) индейцев. Постепенно спускаясь по реке, П. Фриц основывал на ее берегах и в низовьях ее притоков индейские поселки — редукции. Через два года он перешел на Солимойнс (участок Амазонки между устьями Исы и Риу-Негру) и против устья Япуры, на озере Тефе, основал поселок, ставший центром его деятельности. Для привлечения индейцев в редукции П. Фриц объезжал на лодке соседние и отдаленные селения, обстоятельно изучал быт и нравы приречных племен. Его описания представляют большую географическую и историческую ценность. В 1689 г. П. Фриц тяжело заболел и в начале июля отправился лечиться в Белен. Но паранцы два года продержали его в тюрьме и освободили только после вмешательства иезуитского ордена. Вернувшись на Солимойнс, он управлял своими редукциями до смерти (1725). Еще в 80-х гг. П. Фриц хорошо изучил верхнюю Амазонку и Солимойнс, а во время плавания к Пара и обратно (1689—1691) он ознакомился, конечно бегло, и с долиной нижней Амазонки. Это дало ему возможность составить первую сравнительно точную карту Амазонки от устья р. Напо до моря, опубликованную в 1707 г.

В 1725 г. отряд колонистов из Пара — охотников за рабами — поднялся по Амазонке и Риу-Негру до верховьев и, используя Касикьяре, вышел на Ориноко. За ним не раз двигались этим путем в обоих направлениях другие охотники за рабами, военные, миссионеры, в том числе *Мануэль Рамон*, испанский иезуит, представивший письменный отчет, который, казалось, должен был окончательно разрешить вопрос о бифуркации Ориноко. М. Рамон в 1774 г. выступил на юг из Венесуэлы и встретился с охотниками за рабами в низовьях р. Гуавьяре. Вольно или невольно, он поднялся от устья Гуавьяре по Ориноко до Касикьяре, а затем спустился по ней, Риу-Негру и Амазонке до Белена. И все-таки географы сомневались в возможности такой речной связи до начала XIX в.

Возобновление интереса к Эльдорадо, находящемуся на Гвианском плоскогорье, безуспешным поискам которого посвятили много лет жизни *Антонио Беррио* и его сын *Фердинандо* (см. т. 2), привело в последней четверти XVIII в. к организации нескольких экспедиций. Одной из них, возглавляемой *Антонио Сантосом*, удалось подняться по р. Карони, нижнему правому притоку р. Ориноко, до Серра-Пакарайма, перед которой отступил Ф. Беррио. Преодолев горы, экспедиция вышла на приток верхней Риу-Бранку (бассейн Амазонки) и по ней спустилась к Риу-Негру. Ни Эльдорадо, ни огромного озера «Париме» А. Сантос не нашел, но выполнил первое из известных нам пересечение Гвианского плоскогорья в центральной части.

Экспедиция Кондамина

В 1736 г. Парижская Академия наук организовала две экспедиции для измерения дуги меридиана с целью установить истинную фигуру Земли: одну — к Северному полярному кругу, в Лапландию, другую — к экватору, в район Кито. Начальником Экваториальной экспедиции был назначен адъюнкт *Шарль-Мари де ла Кондамин*, благодаря его связям, а научным руководителем — академик *Пьер Бугер (Буге)*. Между ними происходили постоянные трения, и далеко не всегда виновником был П. Бугер, которому биографы Ш. М. Кондамина приписывают «тяжелый характер». Испанское правительство прикомандировало к экспедиции двух военных моряков — *Хорхе Хуан-и-Сантасилья* и *Антонио Ульоа* — с заданием помогать французам и составить секретный отчет о состоянии колонии[1].

Экспедиция доехала до северного берега Панамы, пересекла перешеек и от Панамского залива перешла морем в бухту Манта (у 1° ю. ш.). Здесь остались Ш. М. Кондамин и П. Бугер, а осталь-

[1] Представленный ими отчет — ценное политико-географическое описание Перуанского вице-королевства. Кроме того, Х. Хуан и А. Ульоа опубликовали на французском языке «Историческое путешествие в Южную Америку» (2 тома. Амстердам, 1752).

ные направились в Гуаякиль. Встретиться условились в Кито. К северу от Манты, в районе мыса Пасадо, к Кондамину присоединился местный богатый землевладелец креол *Педро Висенте Мальдонадо,* географ и картограф-любитель, хорошо ознакомивший его с тихоокеанским склоном Западной Кордильеры и с Экваториальными Андами. В одном из маршрутов (май—июнь 1736 г.) Ш. М. Кондамин познакомился с каучуком, получаемым из млечного сока (латекса) бразильской гевеи, дикорастущего вечнозеленого дерева семейства молочайных. Из каучука он сформовал защитный чехол для своего квадранта, а по возвращении в Париж первый продемонстрировал европейцам возможности этого продукта южноамериканских лесов.

Требовалось измерить трехградусную дугу меридиана, пересекающую экватор в высокогорном районе Кито. Триангуляционные работы были развернуты в июле 1737 г., а закончены в июне 1739 г. Но только в марте 1743 г. П. Бугер и Ш. М. Кондамин произвели одновременные астрономические наблюдения в северной и южной точках намеченного меридиана и благодаря этому «получили... возможность установить точно и неопровержимо действительную протяженность дуги меридиана в три градуса» (Ш. М. Кондамин). Затем сотрудники-враги расстались до новых стычек в Париже. П. Бугер проехал на север до Боготы, по р. Магдалене достиг моря и вернулся во Францию.

Кондамин избрал путь вниз по Амазонке: с помощью П. Мальдонадо он снял копию с карты П. Фрица, а влиятельный иезуит дал ему рекомендательные письма к амазонским миссионерам. П. Мальдонадо спустился от Кито по р. Пастаса к р. Мараньону и произвел первую опись этой реки (длина более 800 км). Ш. М. Кондамин же в июне — июле 1743 г. от г. Лоха (4° ю. ш.) прошел 30 км к истоку р. Чинчипе и на бальсовом плоту со слугой-негром сплыл по р. Чинчипе и Мараньону до миссии Борха, расположенной за тесниной Мансериче, на Амазонской низменности. Получив там каноэ с гребцами, Ш. М. Кондамин 26 июля добрался к устью р. Укаяли, где соединился с П. Мальдонадо.

Единственной «опасностью» на Амазонке могла быть скука. Ее Ш. М. Кондамин избежал, заранее решив составить карту Амазонки и «...тем самым избавил себя от роли пассивного зрителя...». В устье р. Напо Кондамин произвел астрономическое наблюдение и довольно точно определил координаты места. Это дало ему и П. Мальдонадо основу для исправления карты П. Фрица и составления более верной карты Солимойнса и нижней Амазонки. А для верхней Амазонки, кроме материалов П. Фрица и своих собственных, они использовали карты иезуитов, действовавших на громадной территории Перуанского Востока — в Лорето. В середине сентября 1743 г. они достигли Белена, а в начале 1745 г.— Франции.

П. Мальдонадо был избран членом ряда европейских научных учреждений, в том числе Лондонского Королевского общества в 1748 г. В том же году 40-летний креол заразился в Лондоне корью и умер. Ш. М. Кондамин и П. Бугер в разные годы опубликовали

полемически заостренные друг против друга отчеты о результатах работ по градусному измерению. В 1751 г. Ш. М. Кондамин издал «Дневник путешествия к экватору», в 1752—1754 гг.— два приложения к нему. В этом труде он поместил, кроме личных наблюдений, значительный этнографический материал об амазонских индейцах, переданный ему миссионерами.

Открытие Центральной Бразилии

В 1590 г. в одной из серр к северу от Сан-Паулу были найдены богатые месторождения золота. Они возбудили надежды на находки золота в более отдаленных районах. В Сан-Паулу проникали также слухи, что там есть целые «изумрудные горы». На поиски их к верховьям Сан-Франсиску в июле 1673 г. двинул свою бандейру паулист *Фернан Диаш Паиш-Леми.* Он шел сначала вниз по долине р. Параибы, совершенно опустошенной им незадолго до этого похода, перевалил гряду Серра-да-Мантикейра и вышел к р. Вельяс, притоку Сан-Франсиску, где провел более трех лет. Ф. Паиш-Леми был прозван «Королем изумрудов», вероятно в насмешку: добытые им самоцветы оказались малоценными разновидностями турмалинов. Но он обследовал большую, ранее неизвестную территорию в центре нынешнего штата Минас-Жерайс.

В том же 1673 г. бандейрант *Жуан Амару* проник с востока в бассейн среднего течения Сан-Франсиску, разбил и оттеснил племена ботокудов (боруноз). Он передвинул далеко на запад границу своей области, до среднего Токантинса, но не нашел там ни золота, ни изумрудов. Более успешны были поиски золота в верховьях Сан-Франсиску: первые россыпи были найдены там между 1675 и 1680 гг., а в конце XVII в. открыты крупные месторождения золота близ истоков Вельяса и Риу-Доси, впадающей в океан у 19°40′ ю. ш. К началу XVIII в. район верховьев р. Сан-Франсиску и р. Риу-Доси стал известен под названием Минас-Жерайс[1].

Продвигаясь отсюда на запад через невысокие (1000—2000 м) шапады (плосковершинные, крутосклонные возвышенности) или через едва различимые серры, паулисты во второй половине XVII в. последовательно открыли другие, текущие на север через страну миролюбивых индейцев гояс реки, которые, сливаясь, образуют р. Токантинс и его приток Арагуая. Не ясно, когда паулисты достигли области Гояс. По одной версии, она была известна до 1670 г.[2]; по другой, первым в 1672 г. проник на Токантинс, грабил

[1] С этой территорией, а точнее, с верховьями р. Жекитиньонья, берущей начало с Серра-ду-Эспиньясу, которая протягивается в меридиональном направлении близ 44° з. д., связано открытие бразильских алмазов. В 1725 г. человек, разбиравшийся в самоцветах,— *Бернардо Франсис-Лабо* — обнаружил алмазы в золотоносных песках, и вскоре там началась алмазная лихорадка.

[2] В 1613 г. *Перу Домингиш* во главе экспедиции вышел к верховьям р. Арагуая (не установлено, правда, откуда — с верхнего Парагвая, или с Паранаибы) и проследовал на север, вниз по Арагуае до ее впадения в р. Токантинс.

и уводил в рабство местных индейцев *Паскуал Паиш-ди-Араужу*, умерший в стране Гояс. По третьей версии, первым туда попал в 1682 г. *Бартоломеу Буэну да Силва*, по прозвищу Аньянгуэра («злой дух»), вернувшийся через несколько лет в Сан-Паулу с большим количеством рабов и золота (индианки гояс носили в виде украшений золотые пластинки). Сопровождал его сын, мальчик, по имени тоже *Бартоломеу*. В 1722 г. этот Аньянгуэра Второй основал к западу от верхнего Токантинса, у 16° ю. ш., в верховье р. Риу-Вермелью (правый приток Арагуаи), город Гояс, ставший с 1726 г. центром золотопромышленного района.

Другие бандейры паулистов продвинулись дальше на запад, за р. Арагуаю, и в первой четверти XVIII в. оказались на «сухой, выжженной солнцем, поросшей скудной растительностью шпаде», которая вошла в бразильскую историю под неподходящим названием Мату-Гросу («Густые заросли кустарников»). Она простирается в широтном направлении между верховьями Арагуаи и Мадейры. «Когда идешь обычным путем в Мату-Гросу, очень трудно понять, почему эту страну так называют. Громадное пространство здесь занимают степи... Кто пересекает Мату-Гросу, замечает, что текущие к северу реки, системы Амазонки, и текущие к югу, системы Парагвая, возникают как близнецы, бок о бок. Между ними нет гор: каждая идет в своем направлении как бы по собственной воле» *(Э. Рокетти-Пинту)*[1].

Первые паулисты пришли сюда по рекам системы Параны. В верховья р. Куябы, одной из составляющих левый верхний приток Парагвая, пересекающий большую заболоченную низменность Пантанал, поднялся бандейрант *Мануэл Кампус Бикуду* в 1675 г. в сопровождении своего сына *Антониу Пириса Кампуса;* вторично оба побывали там в 1716 г. А через два года А. Пирис-сын вновь вернулся в Мату-Гросу, где провел пять лет (1718—1723). Он разорил и опустошил людную горную страну индейцев пареси — Серра-дус-Паресис, но «зато» в 1723 г. составил отчет, в котором «дал такое живое описание страны Пареси и ее жителей, которому мог бы позавидовать и современный этнограф» (Э. Рокетти-Пинту).

После того как *Паскуал Мурейра Кабрал* в 1719 г. обнаружил золото близ истоков Куябы, туда и в другие золотоносные районы Гояс и Мату-Гросу двинулись большие группы паулистов, которые рассматривали эти области как свою монопольную территорию. Но туда же хлынули массы золотоискателей из Баии, Северо-Восточной Бразилии и Португалии. Большинство из тех, кто добирался по различным рекам от Атлантического побережья на золотые прииски Куябы, получали прозвище муссоньеров. Дело в том, что каноэ с искателями наживы отправлялись ежегодно в марте или апреле, когда реки поднимались от осенних дождей. Некоторые, однако, предпочитали зимние месяцы (июль—сентябрь): уменьшалась

[1] Цит. из работы бразильского историка Э. Рокетти-Пинту «Рондониа», изданной на португальском языке в 1950 г.

опасность заболевания малярией. Плавание занимало от пяти до семи месяцев, т. е. больше, чем из Лиссабона в Индию. На этом долгом пути муссоньеров, кроме малярии, поджидали ядовитые насекомые, пороги, хищные рыбы пираньи и индейцы. Всех незваных пришельцев паулисты считали «чужаками» и всячески притесняли их. Но победили все же более многочисленные «чужаки», позже добившиеся в Лиссабоне организации особых, независимых от Сан-Паулу провинций Гояс (1744) и Мату-Гросу (1748).

Пути «чужаков» на Амазонку

Чтобы уменьшить зависимость Мату-Гросу от паулистов, «чужаки» поддерживали основные торговые сношения с внешним миром не по трактам, кончающимся в Сантусе или Рио-де-Жанейро, а по текущим на север большим притокам Амазонки. Для Гояс путями на север были реки Арагуая и Токантинс, которые выводили в Пара караваны легких торговых судов. Но путь этот был очень тяжел из-за многочисленных порогов. Для западной части Мату-Гросу, где находились золотые прииски, торговыми путями стали реки системы Тапажоса и Мадейры. Путь Аринус-Журуэна-Тапажос, очень порожистый, был освоен позднее: первый дошедший до нас отчет относится к 1746 г. Эта речная система (как и система Токантинса) никогда не играла заметной роли в торговле, а большие участки ее были совершенно не обследованы.

Открытие пути из Мату-Гросу по рекам системы Мадейры приписывается бандейранту — «чужаку», неудачливому золотоискателю *Мануэлу Фелишу Лиме*. В поисках золота он продвинулся в 1742 г. на запад от верховьев Парагвая близ 15° ю. ш. и пришел к р. Гуапоре, которая спокойно текла на северо-запад. Принимая ряд притоков, становясь все более полноводной, Гуапоре у 12° ю. ш. впадала в мощную р. Маморе, которая текла прямо на север и, сливаясь с не менее мощной р. Бени, превращалась в громадную Мадейру, пролагающую себе путь через сельву на северо-восток. (Фактически он повторил маршрут великого бандейранта *Антониу Рапозу Тавариша*, о котором мы писали в т. 2).

Когда М. Лима спустился по Амазонке до Пара, купцы в Белене, правда не сразу, оценили выгодность непрерывного, хоть и очень далекого, пути между их городом и районом Мату-Гросу. В 1749 г. первая известная нам торговая экспедиция *Франсиску Леми* проделала обратный маршрут, наладив таким образом величайшую по торговому значению бразильскую внутреннюю водную «дорогу». Она была гораздо длиннее пути по рекам системы Тапажоса, но значительно легче и удобнее: здесь судоходство, и притом для крупных речных судов, возможно почти на всех участках.

Итак, поиски золота привели бандейрантов-паулистов к верховьям громадных южных притоков Амазонки и в самый центр материка. Паулисты продвинули границу португальской колонии через Бразильское нагорье до его крайнего западного выступа, за

Серра-дус-Паресис. А «чужаки» связали Центральную Бразилию с Амазонской низменностью, организовали торговые и перевалочные пункты на Амазонке. Они подготовили почву для экспансии в западную часть Амазонской низменности, экспансии, раздвинувшей в XIX в. границы Бразилии до восточных склонов Анд.

В середине XVIII в. Бразилия давала более половины учтенной добычи золота всего мира, а к началу XIX в. — уже вдвое меньше, чем Испанская Америка. Старые речные пути забрасывались, многие реки системы Амазонки, известные бандейрантам XVIII в., приходилось открывать заново.

Бассейн Ла-Платы

В 1680 г. паулисты основали на северном берегу Ла-Платы, близ устья Уругвая, торговую колонию Сакраменто. Она стала предметом ожесточенного спора между Испанией и Португалией, так как, несомненно, находилась к западу от демаркационной линии 1494 г. Пытаясь связать Сакраменто внутренним водным путем с колонией, основанной у лагуны Патус, отряд паулистов в 1715 г. вышел оттуда на запад. Но навстречу к Риу-Гранди-ду-Сул шли отряды индейцев-христиан, возглавляемые иезуитами. До войны здесь не дошло, бандейранты отступили, Лиссабон послал протест в Мадрид, и иезуиты отошли назад к левому берегу среднего Уругвая. Бассейн Рио-Негро — географическая ось нынешней Республики Уругвай — и приморская полоса между Ла-Платой и Риу-Гранди-ду-Сул остались фактически «бесхозной» территорией, хотя бразильцы продолжали претендовать на нее и в 1724 г. к востоку от Сакраменто начали строить г. Монтевидео. Испанцы из Буэнос-Айреса выгнали их оттуда и закончили постройку Монтевидео в 1726 г., окончательно отрезав Сакраменто от Риу-Гранди-ду-Сул.

Столкновения из-за Банда-Ориенталь («Восточный берег») продолжались, и в 1737 г. обе стороны решили временно сохранить существующее положение, формально оно урегулировано Мадридским договором 13 января 1750 г. Испано-португальская демаркация 1494 г. была отменена. Вместо «папского меридиана» установлены естественные границы, за которые принимались «истоки и русла рек и значительные горы»; Португалия отказалась от берега Ла-Платы. Описание границ в договоре свидетельствует об удовлетворительном знании в 1750 г. систем Параны и Уругвая, а также водоразделов между ними и бразильскими реками приморской полосы.

Правобережье Парагвая, кроме его верховьев, бесспорно, принадлежало Испании, и бандейранты туда не заходили. Сам Парагвай с середины XVI в. стал хорошо освоенным водным путем, но из его правых притоков известны были только Пилькомайо и Рио-Бермехо. Из правых притоков нижней Параны испанцы в XVII в. разведали р. Рио-Саладо, по долине которой шел путь к Чили.

Иезуиты на правобережье Парагвая, в Гран-Чако, появились в 90-х гг. XVII в. Они основали там к 20-м гг. XVIII в. ряд миссий

между 16—19° ю. ш., где жили индейцы чикито. Умиротворив их, иезуиты обеспечили торговый путь между перуанскими и ла-платскими миссиями. Южнее они подчинили абипонов (1747) и сосредоточили их в нескольких миссиях в низовьях р. Рио-Бермехо. Описание абипонов, которое составил живший среди них австрийский иезуит *Мартин Добрицхоффер*, является важнейшим первоисточником для изучения быта индейцев Гран-Чако в последний век колониального периода, когда они стали уже конным народом.

Вожаки бандейрантов были, в лучшем случае, полуграмотными людьми. Интересы иезуитов, даже самых образованных, лежали обычно в стороне от естественных наук. Занимаясь поисками золота и серебра, изумрудов и алмазов, охотой за рабами и «ловлей душ», паулисты и иезуиты, как мы видели, довольно основательно узнали речную сеть и рельеф бассейна Ла-Платы, но и только.

Первым географом-исследователем бассейна Ла-Платы, положившим начало его всестороннему научному исследованию, был испанский офицер *Фелис Асара*. В 1781 г. в 35-летнем возрасте в чине подполковника он направился в Южную Америку в качестве члена комиссии с испанской стороны по демаркации испанских и португальских владений и проработал в различных ла-платских районах до конца 1801 г. Он не был собирателем карт и архивных материалов по топографии и речной сети страны, хотя и в этом отношении проделал огромную работу. Он руководил топографическими съемками на левобережье нижней Параны и на правобережье Парагвая — Параны. Большую часть своего 20-летнего пребывания в стране, выполняя задания и собирая по собственному влечению естественнонаучные материалы, Асара провел в седле. Он путешествовал по Междуречью и Ла-Платской низменности и составил комплексные описания Влажной и Сухой Пампы, а также Южного Чако. Его четырехтомный, ставший классическим труд «Путешествие по Южной Америке» опубликован (с атласом) в Париже в 1809 г. Из-за препятствий, чинимых на его пути начальством, лишь часть многотомных результатов исследований Ф. Асары увидела свет при жизни автора. По крайней мере одна его важная работа оставалась в рукописи до 1912 г. Вице-король, завидуя научным успехам Ф. Асары, сделал попытку (неудачную) присвоить его записки по естественной истории. Авторитет Ф. Асары был так велик, что король Испании *Карл IV* предложил ему пост вице-короля Новой Испании, но тот отказался.

Маскарди, Фолкнер и братья Вьедма в Патагонии

Северные районы Патагонии, расположенные в бассейне Рио-Негро, в середине XVII и в XVIII в. частично исследовались со стороны Южного Чили и Ла-Платы испанскими колонистами и иезуитами, которые основали там несколько миссий. Так, в конце 1650 г. иезуит-миссионер *Диего Росалес* дважды пересек Патагон-

ские Анды близ 42° ю. ш. и на берегах горного озера Науэль-Уапи[1] умиротворял и просвещал индейцев. В 1670 г. там появился другой иезуит-итальянец *Николо Маскарди,* продолживший дело распространения «святой веры» среди окрестных жителей. В следующем году он отправился на юг вдоль восточных склонов Анд в поисках «города Цезарей», легенда о котором будоражила умы конкистадоров и служителей церкви. Н. Маскарди форсировал верховья р. Чубут и добрался до 44° ю. ш. Не найдя там никаких намеков на город, он двинулся на юго-восток через полупустынное плато и вышел на довольно крупное озеро — Мустерс, или Колуэ-Уапи у 45°30′ ю. ш., система р. Чубут).

Н. Маскарди не оставил надежды найти мифический город, нуждавшийся, как он считал, в святых отцах. В 1672 г. он отправился от о. Чилоэ в сопровождении четырех индейцев, перевалил Анды близ 44° ю. ш. и вновь достиг озера Мустерс. Далее его путь проходил по плато на юго-восток — он вышел к побережью Атлантики недалеко от устья р. Рио-Десеадо (у 48° ю. ш.) или у р. Рио-Чико (близ 50° ю. ш.), выполнив пересечение Южно-Американского континента. Одержимый идеей найти «город Цезарей», он проследовал вдоль берега океана к югу до входа в Магелланов пролив. Но и там никаких следов города-призрака не оказалось. Поздней весной 1673 г. в сопровождении нескольких индейцев фанатичный миссионер в третий раз отправился на поиски фантома и у 47° ю. ш., к югу от среднего течения р. Рио-Десеадо, был убит со всеми спутниками.

Среди иезуитов XVIII в. выделился ирландец *Томас Фолкнер (Фальконер),* по специальности медик. В 40-х гг. XVIII в. он служил судовым врачом на английском корабле, заболел и был оставлен на излечение в Буэнос-Айресе, а выздоровев, вступил в орден. С 1750 г. он много лет просвещал патагонцев, которые к тому времени стали конным народом и кочевали от Лимая-Рио-Негро до Магелланова пролива. Фолкнер изъездил с ними Северную Патагонию во всех направлениях. Вероятно, одним из первых он предложил создать в ее речных долинах плантации для выращивания яблок, персиков, слив и вишен — все они произрастают там и ныне. Он первый схематически нанес на карту все течение Рио-Негро и Лимая до озера Науэль-Уапи у 41° ю. ш. (более 1 тыс. км), где была организована миссия, связанная с Чили. Составленное им «Описание Патагонии» (1774) представляет интерес для этнографов, натуралистов и географов.

После изгнания иезуитов, когда «миряне» получили право проникать в глубинные территории, к «диким», исследованием Южной Патагонии выделились братья *Антонио* и *Франсиско Вьедма.* В 1779 г. они основали в низовье Рио-Негро поселок Кармен-де-Патагонес, на пять лет (до 1784 г.) ставший базой их дальнейших

[1] Это красивое озеро ледникового происхождения, исток р. Лимай, правой составляющей р. Рио-Негро (впадает в Атлантический океан у 41° ю. ш.), открыто и исследовано *Диего Флоресом Леоном* в феврале 1621 г.

путешествий. Они обошли из залива в залив побережье Патагонии, в ноябре 1782 г. поднялись по р. Санта-Крус до верховьев и близ 50° ю. ш. открыли озеро Лаго-Архентино (1400 км^2), а севернее (у 49°30′ ю. ш.) другое — Вьедма (1100 км^2), соединенное с первым протокой. Повернув оттуда на восток, братья добрались до южного притока р. Рио-Чико и 23 ноября вышли к побережью Атлантического океана. Представленный ими в 1787 г. «Общий отчет о провинции Санта-Крус», как и ряд других отчетов, был извлечен из архивов и на братьев Вьедма обратили внимание. В 1837 г. в Буэнос-Айресе увидела свет книга Антонио Вьедмы «Дневник путешествия по берегам Патагонии».

После путешествий Фолкнера и братьев Вьедма к началу XIX в. только бассейн р. Чубут (Центральная Патагония) оставался сплошным «белым пятном».

Изучение Магеллании во второй половине XVII века

В 1669 г. английский капитан *Джон Нарборо* направился к берегам Испанской Америки для каперской операции и в конце октября 1670 г. вступил в Магелланов пролив. Он значительно улучшил карту пролива, особенно его западного участка длиной около 300 км. Таким безотрадным и пустынным казался этот край, что Нарборо назвал его «Южным Запустением»[1]. Выйдя в океан, английский капер[2] прошел на север вдоль Южного Чили, довольно верно определив общее направление и очертания берегов страны. По словам *Л. Бугенвиля*, Д. Нарборо обследовал «все небольшие бухты и извилины побережья вплоть до реки Вальдивии (у 40° ю. ш.), в которую он и вошел»[3].

Впрочем, Л. Бугенвиль чрезмерно преувеличил детальность описи, произведенной капером: для сколько-нибудь подробного исследования всего Чилийского архипелага и противолежащего материкового берега, одного из самых расчлененных в мире, требуются годы, а Д. Нарборо находился там считанные месяцы. Не выполнив задания по причинам, которые один из его спутников назвал «позорными», он вернулся в Англию в 1671 г. Да и не было у Л. Бугенвиля материалов для такого суждения, на что он сам указывает, резко осуждая авторов, обработавших отчеты Д. Нар-

[1] Аналогичное впечатление создалось и у позднейших мореплавателей, огибавших западные берега архипелага Огненная Земля, и название «Запустение» (по-испански «десолаьон») позднее утвердилось за длинным и узким островом, лежащим у тихоокеанского выхода из Магелланова пролива.

[2] Капер, или приватир,— частное лицо, имеющее особое разрешение властей на грабеж, захват и уничтожение торговых судов враждебных или нейтральных стран. Каперами назывались также суда, находившиеся в частном владении, но с разрешения государства вооруженные для выполнения военных действий и морского разбоя. Каперство объявлено вне закона на Парижском конгрессе 1856 г.

[3] Цит. здесь и далее из его работы «Кругосветное путешествие...».

боро и *Жака Гуэна де Бошена,* о котором речь будет ниже: «Мы много раз сожалели, что в нашем распоряжении нет [их] полных путевых журналов и что мы должны довольствоваться лишь искаженными выдержками...» Л. Бугенвиль не совсем прав: все-таки эти авторы написали книги, оказавшиеся полезными и для него, и для позднейших исследований. А описание первой встречи Д. Нарборо с пингвинами («можно подумать, что маршируют ребята в белых передниках») стало классическим.

В 1689 г. из Лондонского порта в Южную Атлантику по заданию казначея британского флота лорда *Люциуса Кейри Фолкленда* направился капитан *Джон Стронг.* В начале 1690 г. он оказался у северного берега «Земли Девы», в те времена иногда все еще рассматривавшейся как выступ Южного материка. Обходя «Землю Девы», Д. Стронг обнаружил усеянный островками пролив, простирающийся в юго-западном направлении и делящий «землю» на два крупных острова. Д. Стронг прошел его весь и назвал Фолклендским проливом, а в XVIII в. англичане перенесли это имя и на разделяемые им большие острова: Восточный Фолкленд и Западный Фолкленд.

Исследование Магеллании в XVIII веке

На рубеже XVII—XVIII вв. в водах Магеллании появились и французские мореходы-малуины, т. е. выходцы из портового города Сен-Мало, «родины французских корсаров»[1]. Первым к берегам Перу 17 декабря 1698 г. отправился капитан Жак Гуэн де Бошен, командовавший флотилией из четырех кораблей; вскоре она сократилась до двух судов, достигших Магелланова пролива в июне 1699 г., в середине зимы южного полушария. Лишь 21 января 1700 г., проведя полгода в проливе и очень страдая от холода, французы выбрались в Тихий океан и быстро проследовали в Кальяо. Участник плавания инженер *Дюплесси* составил несколько довольно точных карт малоизвестных частей пролива. Несмотря на запрет испанских властей, они провели здесь успешные торговые операции и перешли на север, в Гуаякиль, где повторили свой успех.

Возвращаясь во Францию через пролив Дрейка в январе 1701 г., Ж. Гуэн установил, что из-за ошибочных определений голландских мореходов мыс Горн помещался на картах гораздо южнее своего действительного положения. Не найдя затем пролива Ле-Мер, также неверно нанесенного на карты, Ж. Гуэн продвинулся к востоку примерно до 60° з. д. и, повернув на север, открыл у 53° с. ш. небольшой остров (о. Бошен). Продолжая идти в том же направлении, он бросил якорь у самого восточного из «Себалдовых о-вов»

[1] Они прославились с XVI в. набегами на Англию, Испанию, Антильские о-ва и плаваниями к берегам Бразилии.

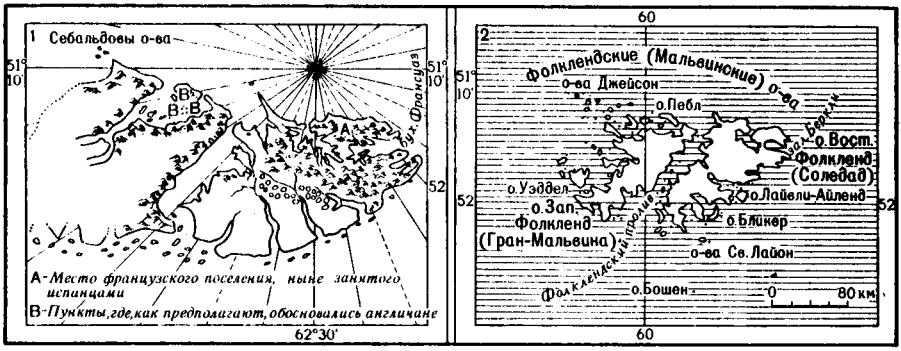
(Восточный Фолкленд). Моряки произвели высадку и вскоре попали в безлесную местность с пресноводными озерами, изобилующими дичью. После Ж. Гуэна архипелаг многократно посещали малуинские моряки, и поэтому французы стали называть его Малуинскими о-вами — в русской географической литературе часто употреблялась, а ныне общепринята форма Мальвинские о-ва, а точнее, двойное название Фолклендские (Мальвинские) о-ва.

Л. Бугенвиль

Изучение Магеллании продолжил в 1713 г. французский капитан *Маркан,* командир корабля «Барбара». Он проследовал на запад через Магелланов пролив и углубился в «бухту» к югу от п-ова Брансуик, но она оказалась устьем усеянного островками пролива-«канала» Барбары, который вывел французов в открытый океан к юго-западному побережью архипелага Огненная Земля. Испанцы позднее назвали островом Санта-Инес длинный участок суши, отделенный «каналом» от другого, восточного участка, который тогда весь считался полуостровом Огненной Земли. Географическое открытие Маркана было важно в навигационном отношении: ««канал» Барбары давал капитанам судов возможность выбора пути в непогоду и значительно сокращал время прохода через Магелланов пролив.

В 1763 г. французское правительство разрешило полковнику Луи Антуану Бугенвилю основать на его личные средства колонию на Мальвинских о-вах. В феврале 1764 г. он прошел на восток вдоль всего северного побережья двух больших островов и избрал для поселения берег открытой им на северо-востоке бухты, названной им Франсуаз (теперь залив Беркли). Там он высадил 27 человек франко-канадцев, оставивших родину после завоевания ее англичанами. В 1765—1766 гг. из Сен-Мало прибыли еще две группы поселенцев и общая численность колонистов достигла приблизительно 150 человек. Живший некоторое время в колонии *Антуан-Жозеф Пернети* составил первое описание природы архипелага. Спутники Л. Бугенвиля нанесли Мальвинские о-ва на карту, которую он самокритично считал не очень точной («над ней следовало бы еще много поработать») — на о. Восточном французы разведали все берега, на о. Западном — только северное и восточное побережья.

Завершить опись архипелага французам помешали англичане. В январе 1765 г. *Джон Байрон,* дед великого английского поэта,



Фолклендские о-ва (1 — по Л. Бугенвилю, XVIII в.; 2 — по картам второй половины XX в.)

высадился на о. Восточном[1], объявил весь архипелаг английским владением и отправился дальше через Магелланов пролив в кругосветное плавание. В 1766 г. на о. Восточном англичане построили форт[2]. Так как и Испания претендовала на архипелаг, французы уступили ей, по выражению Л. Бугенвиля, «наше право на распоряжение островами, которое нам бесспорно давало первое их заселение». 1 апреля 1767 г. Л. Бугенвиль формально передал колонию испанцам. Немногие колонисты согласились остаться, остальных испанцы доставили на родину. Испанская колония просуществовала недолго — и острова вновь стали необитаемыми. Рассматривая архипелаг в качестве своего владения, англичане произвели опись о. Западного и «отчленили» от него ряд небольших островов.

Французы в Южной Атлантике

На многих картах начала XVIII в. в Южной Атлантике показывалась часть огромного мифического Южного материка. Капитан французского судна «Св. Луи», направлявшийся в Индию после довольно удачно проведенных в испанских владениях торговых операций, в январе 1708 г. обогнул мыс Горн и двинулся к Южной Африке в востоко-северо-восточном направлении, держась в полосе 35—40° ю. ш., т. е. несколько севернее той части Атлантики, которая позднее получила суровое название «Ревущие сороковые»[3].

[1] Первыми животными, с которыми люди Байрона столкнулись при высадке, была волкообразная лисица, и они решили, что это волк. Смелость и любопытство лис матросы приняли за свирепость и бросились от них в воду.

[2] В начале XIX в. они оставили форт, так как содержание его стоило слишком дорого, но вернулись на Фолклендский архипелаг и захватили его в 1833 г., когда убедились, что он может стать удобной базой для зверобоев, действующих в антарктических водах.

[3] Сороковые, как, впрочем, и пятидесятые, широты южного полушария характеризуются устойчивыми сильными западными ветрами и частыми штормами.

19 марта корабль прибыл к мысу Доброй Надежды, пройдя в неизвестных водах более 10 тыс. км и не обнаружив ни клочка суши. Благодаря этому плаванию картографы вынуждены были отодвинуть Южный материк в атлантическом секторе далеко к югу.

«Земля Буве»

Французская Ост-Индская компания, монополизировавшая с 1719 г. торговлю Франции с заокеанскими странами, отправила в 1738 г. два корабля под начальством *Жана Батиста Буве де Лозье* на поиски Южного материка. Вечером 1 января 1739 г. он открыл в Атлантическом океане за 54° ю. ш. и, по его определению, на 11°30′ в. д. высокий мыс какой-то земли и назвал его «мысом Обрезания» (1 января — христианский праздник, день «обрезания господня»). Буве не мог подойти близко к берегу из-за тяжелых льдов, не решился также следовать дальше к югу и пытаться обойти кромку льда. В отчете он жаловался, что его люди невыносимо страдали от холода, так как привыкли к теплому климату и недостаточно были снабжены теплой одеждой. И Буве повернул к мысу Доброй Надежды, куда прибыл в конце февраля. Во Франции он объяснил явную неудачу экспедиции, кроме непривычки к холоду и плохого снабжения, дурной погодой: «70 дней почти беспрерывно стояли туманы, почти ежедневно шел град или снег...»

Теперь мы знаем, что «мыс Обрезания» является выступом одинокого высокого вулканического о. Буве площадью всего лишь 68 км^2, вершина которого (до 939 м) покрыта вечным снегом, а ледники спускаются к морю. Буве неверно определил долготу мыса, с ошибкой приблизительно на 6°30′, что на 54-й параллели составит более 400 км. Мнения географов того времени о «Земле Буве» разделились: одни считали ее частью Южного материка, другие — ледяным островом. Во второй половине XVIII в. и французы и англичане искали «Землю Буве» на 50-х широтах. Поиски ее и других мифических земель привели к открытию о-вов Кергелен и Южной Георгии и к правильному представлению, что на 50-х широтах, кроме Южной Георгии, Фолклендских (Мальвинских) о-вов и Огненной Земли, нет значительных островов.

Глава 20

АВСТРАЛИЯ И ОКЕАНИЯ ДО КУКА

Иезуиты — исследователи Океании

Испанский иезуит *Диего Луис Санвиторес*, выходец из знатной семьи[1] после окончания учебы мог остаться на родине, но попросил направить его на Филиппины. Посыльное судно, доставлявшее в 1662 г. «молодого специалиста» к месту работы, сделало обычную остановку на о. Гуам. Здесь он выяснил, что на всем архипелаге, носившем неблагозвучное название Разбойничьих о-вов, которое присвоил им *Ф. Магеллан*, нет католической миссии. В Маниле предложение Д. Санвитореса открыть миссию на Гуаме было встречено без энтузиазма. И тогда он «через голову начальства» обратился к испанской королеве *Марии Анне Австрийской*. В послании от 4 июня 1665 г. она одобрила проект христианизации архипелага, окрестив его Марианским.

Ровно через три года пять священников, включая *Луиса Моралеса*, возглавляемых Д. Санвиторесом, начали миссионерскую деятельность среди чаморро, коренного населения островов, официально объявленных испанским владением. Иезуиты посетили 13 из 15 островов, вытянувшихся на 800 км в меридиональном направлении. Хотя власти выделили для охраны миссионеров отряд, Д. Санвиторес был убит в начале апреля 1672 г. Л. Моралес по возвращении составил детальное описание всех Марианских о-вов, остававшихся очень опасными для иноземцев. Восстания чаморро против испанского владычества жестоко подавлялись захватчиками, которые уничтожили жителей большинства островов этой цепи.

Австрийский иезуит *Пауль Клейн* (не ясно, каким путем попавший в Океанию) в 1697 г. описал и положил на карту дотоле неизвестный архипелаг Палау — 32 острова, расположенных в западной части Каролинской дуги. Слухи об исследованиях П. Клейна, видимо, не сразу дошли до испанских властей на Филиппинах: лишь в конце 1710 г. судно под командой капитана *Франсиско Падилья* направилось к Палау, обнаружив по пути, скорее всего вторично — после *Гонсало Эспиносы*, о-ва Сонсорол.

[1] По материнской линии он был потомком средневекового кастильского рыцаря *Сида Кампеадора*, героя Реконкисты, воспетого в эпосе ряда европейских стран — Испании, Франции и Германии.

Пират-ученый Дампир и его открытия

Во второй половине XVII в. через просторы Тихого океана между Филиппинами и Мексикой установилось регулярное сообщение по так называемому пути *Урданеты* (см. т. 2, гл. 27). Этого маршрута придерживалась бо́льшая часть мореплавателей. За последующее столетие новые географические открытия в тихоокеанских водах оказывались скорее делом случая, чем результатом целеустремленного поиска. Временное отсутствие явного интереса к великой акватории следует объяснить двумя главными причинами: соперничеством англичан и французов в Европе и Северной Америке и их озабоченностью вест-индскими торговыми проблемами.

Большинство английских тихоокеанских плаваний конца XVII — начала XVIII в. были пиратскими или — в «лучшем» случае — каперскими. Среди «джентельменов удачи», однако, нашлось несколько внимательных и точных наблюдателей, составивших описания своих скитаний по морям. И первым среди них следует назвать *Уильяма Дампира,* человека огромной любознательности и организованности, в какой угодно обстановке и постоянно заносившего в дневник сведения о природе и населении малоизвестных уголков Земли, куда забрасывала его судьба. В юности он плавал юнгой и матросом на торговом судне в Северной Атлантике и в Индийском океане. В 1673 г., после неудачно сложившейся для него краткосрочной службы на королевском военно-морском флоте, У. Дампир принял предложение одного землевладельца отправиться на о. Ямайка. Недолго проработав на сахарной плантации в качестве агента, он снова становится торговым моряком, затем лесозаготовителем в Гондурасе, а в 1678 г. возвращается в Англию. В следующем году он вновь появляется на Ямайке, намереваясь заняться торговлей. Но команда приобретенного им судна решила примкнуть к пиратам, и У. Дампир последовал за ней. В 1680 г. в составе отряда буканьеров[1] он пересек Панамский перешеек и участвовал в набегах на тихоокеанские берега Центральной и Южной Америки. По возвращении в Карибское море он несколько месяцев буканьерствовал, а потом около года проработал на табачной плантации в Виргинии.

Весной 1683 г. У. Дампир снова становится моряком и под командой капитана *Джона Кука* от берегов Северной Америки переходит в Гвинейский залив. Здесь англичане захватили подготовленное к длительному плаванию судно дружественной Голландии, что по законам всех стран расценивалось как пиратство, и на нем опять пересекли Атлантику, теперь уже в юго-западном направлении. Огибая мыс Горн в середине февраля 1684 г., пираты попали в сильнейший шторм, отбросивший их к 60°30′ ю. ш. Это позволило Д. Куку и У. Дампиру доказать, что на достиг-

[1] Буканьеры — бежавшие с американских плантаций служащие европейского происхождения, ставшие морскими разбойниками, т. е. пиратами.

нутой ими широте нет земли, и тем самым «отодвинуть» мифический Южный континент далее к югу. Затем они направились к о-вам Хуан-Фернандес, провели там три недели, восстанавливая силы после длительного перехода, а в середине апреля двинулись на север вдоль берегов Южной Америки и полтора года грабили портовые города и захватывали испанские суда; добыча, правда, была скудной: испанцы, узнав о появлении англичан, прекратили перевозку золота и серебра морем.

В начале 1686 г. У. Дампир перешел на другое судно буканьеров, 31 марта отплыл от мексиканских берегов на запад, побывал на о-вах Гуам и Минданао, в Южно-Китайском море. Тайфун, разразившийся у побережья Китая, отбросил корабль далеко на юг, и 5 января 1688 г. У. Дампир достиг северо-западного берега Австралии у 16°15′ ю. ш., северо-восточнее мыса Левек, высадился там и проник довольно далеко в глубь страны. Он не мог определить, остров ли это или часть материка, но выразил твердую уверенность, что в любом случае это не часть Азии. Страна произвела на него самое безотрадное впечатление. Там не росли ни хлебные злаки, ни плодовые деревья, ни овощи; он не нашел даже съедобных корней. Он утверждал, что не видел ни одного источника пресной воды и ни одного животного. И все-таки У. Дампир иногда встречал темнокожих людей — бродячих охотников, стоявших по уровню культуры ниже всех без исключения народов, уже знакомых европейцам: «...даже готтентоты казались джентльменами по сравнению с этими чернокожими». Они не имели жилищ, ходили совершенно голые; это были «самые жалкие люди на свете, жители самой жалкой из всех земных стран».

От этой безотрадной земли, оставленной им 12 марта, У. Дампир перешел в Индонезию. Почти три года провел он в Юго-Восточной Азии и в середине сентября 1691 г. вернулся в Лондон, завершив таким образом кругосветное плавание. На родине он обработал свои материалы и в 1697 г. издал «Новое плавание вокруг света». Бывший (и будущий) пират оказался незаурядным писателем и выдающимся наблюдателем-географом. Собранные У. Дампиром данные о солености морских вод, величинах магнитного склонения и о взаимосвязи ветров и течений, а также составленная им карта ветровой циркуляции в южных морях дают основание считать его наряду с *Эдмундом Галлеем* основоположником океанографии.

В конце 1698 г. У. Дампир, зачисленный на королевский флот, был назначен капитаном корабля «Роубак» («Самец косули») и в начале следующего года отправлен исследовать Новую Голландию. Он находился в плавании, когда появилась вторая его работа — «Плавания и открытия»; издатели включили в нее материалы, не попавшие в первую книгу. Вскоре по выходе в море у Дампира возникла стычка с помощником, перешедшая близ берегов Бразилии в открытую ссору. Сдав закованного в кандалы помощника в бразильскую тюрьму, У. Дампир вновь пересек Атлантику, обо-

гнул мыс Доброй Надежды и 1 августа 1699 г. подошел к Западной Австралии, к о. Дерк-Хартог (у 26° ю. ш.). Но лишь на шестой день плавания севернее посчастливилось найти удобную якорную стоянку в заливе Шарк (название дано У. Дампиром). Хотя запасы пресной воды подходили к концу, а команда нуждалась в отдыхе, капитан не стал высаживаться на берег: с моря обнаружить источники воды не удалось и он приказал идти далее к северу. Он миновал открытый им маленький архипелаг Дампира и выполнил съемку побережья на протяжении более 1800 км, включая западный берег полуострова, позже получившего название Земля Дампира. Во многих местах он исправил карту А. Тасмана и собрал точные сведения о природе, растительности и животном мире этого пустынного края. Пресную воду удалось раздобыть только в районе, посещенном в 1688 г.,— к северо-востоку от мыса Левек. Англичане провели там пять недель, а затем направились к о. Тимор, куда прибыли в середине сентября.

Пополнив запасы пресной воды и продуктов, У. Дампир двинулся на северо-восток и 1 января 1700 г. подошел к северо-западному выступу Новой Гвинеи. За открытым им проливом между этим выступом и о. Вайгео (пролив Дампира — 0°40′ ю. ш., 130°35′ в. д.) он повернул на восток и шел, не видя суши, более 1500 км, пока 25—26 февраля не обнаружил у 1°30′ ю. ш., 150° в. д. два острова группы Сент-Маттайас. К югу от них, у 2°30′ ю. ш., открылась высокая земля. И Дампир проследил ее, казалось, непрерывный берег примерно на 500 км к юго-востоку. За мысом «залива» Сент-Джорджес (Дампир не заметил, что это пролив — Сент-Джорджес, 4°35′ ю. ш., 152°35′ в. д.) он шел на юго-запад и запад вдоль гористого, покрытого лесом побережья еще более 600 км.

В конце марта он увидел пролив, который вывел его в Новогвинейское море; землю к западу от пролива, также названного его именем[1], он верно посчитал полуостровом Новой Гвинеи (п-ов Хьюон); мнимую единую землю к востоку от пролива, обследованную им с трех сторон, он назвал Новой Британией. На самом деле он обошел не один, а три острова — Лавонгай (на севере), Новую Ирландию и Новую Британию.

От «своего» пролива У. Дампир повернул на северо-восток и открыл несколько мелких островов, в том числе Лонг-Айленд (так и на наших картах). Повторив затем маршрут А. Тасмана вдоль северного берега Новой Гвинеи, он прошел другим «своим» проливом в моря Индонезии, пересек Индийский океан, обогнул мыс Доброй Надежды и взял курс на северо-запад. У о. Вознесения полусгнивший корабль начал тонуть; 24 февраля 1701 г. вся команда во главе с больным капитаном высадилась на безлюдный остров. Через несколько месяцев их подобрало торговое судно и доставило в Англию в августе 1701 г. По материалам плавания он создал

[1] Пролив Дампира (5°40′ ю. ш., 148°10′ в. д.) между открытым им небольшим о. Умбой и юго-западным краем о. Новая Британия.

книгу «Плавание к Новой Голландии», опубликованную в двух частях в 1703—1709 гг.[1].

В 1703—1707 гг., командуя последовательно двумя кораблями (капером и захваченной испанской бригантиной), У. Дампир выполнил второе кругосветное плавание, причем у берегов Южной и Центральной Америки совершил ряд, в основном неудачных, нападений на испанские суда, провел несколько разбойничьих рейдов на мелкие селения Панамского перешейка и разграбил город Пуну, на одноименном острове в заливе Гуаякиль (80° з. д.).

В 1708—1711 гг. в должности главного штурмана приватирской экспедиции *Вудса Роджерса* У. Дампир в третий раз обогнул Землю. В. Роджерс не сделал никаких открытий, но написал занимательную книгу «Плавание вокруг света в 1708—1711 гг.», возможно, при участии Дампира, несомненно, пользуясь его материалами[2].

Вейланд у берегов Новой Гвинеи

Когда до Нидерландов дошли известия о результатах плаваний У. Дампира, совет Ост-Индской компании всполошился: к острову, на который голландцы имели «особые виды», начинают подбираться англичане. В качестве ответа на британский «вызов» в Батавии, на Яве, была организована экспедиция на трех судах под командой капитана *Якоба Вейланда,* поднявшего флаг на «Гельвинке».

В конце января 1705 г. флотилия взяла курс на Новую Гвинею, обогнула п-ов Чендравасих и двинулась на восток вдоль побережья. В апреле моряки выяснили, что оно круто отклонилось — сначала к югу, а затем к северо-востоку. Открытый экспедицией залив, берега которого были прослежены более чем на 800 км, Я. Вейланд назвал в честь своего судна (на современных нам картах — залив Сарера, или Чендравасих). Голландцы обнаружили в заливе множество островов и обошли кругом самый крупный и вытянутый, нареченный Лонге Ландт (о. Япен). По возвращении из плавания Я. Вейланд в 1714 г. составил детальный чертеж залива (опубликованный лишь в 1866 г.). Ни малейших выгод из этого открытия голландцы не извлекли: по каким-то причинам Ост-Индская компания отказалась от дальнейших шагов по исследованию Новой Гвинеи.

[1] Пират-исследователь стал «виновником» появления на свет всемирно известного произведения «Путешествия Гулливера», автор которого *Джонатан Свифт* находился под большим влиянием работ У. Дампира.

[2] В этой книге, между прочим, помещен «Рассказ о том, как *Александр Селкерк* прожил в одиночестве четыре года и четыре месяца на необитаемом острове». В 1704 г. А. Селкерк после ссоры со своим капитаном остался на одном из тогда необитаемых о-вов Хуан-Фернандес и в 1709 г. был подобран В. Роджерсом. Он был одет в козьи шкуры и так одичал, что почти разучился говорить. Под сильным впечатлением от рассказа об А. Селкерке *Даниель Дефо* создал своего «Робинзона Крузо».

Кругосветное плавание Роггевена и «тайна острова Пасхи»

Статуи на о. Пасхи (по Д. Куку)

В конце XVII в. нидерландская Ост-Индская компания отвергла все проекты и предложения по изучению и колонизации южного побережья Новой Голландии и поискам Южного материка, наивно полагая, что тем самым ей удастся ослабить опасность вторжения конкурирующих английских и французских фирм в голландскую сферу влияния. В самой Голландии руководители другой компании (Вест-Индской), торговавшей с Америкой, отнеслись к этим проектам с интересом. Однако в те годы они еще не отваживались бросать открытый вызов своим более сильным конкурентам и отложили дело до лучших времен.

По мнению бывшего советника судебной палаты на Яве *Якоба Роггевена,* благоприятный момент наступил в конце второго десятилетия XVIII в.: опираясь на свой навигационный опыт, собранные им сведения о путях в Новую Голландию и проекты своего отца, он предложил Вест-Индской компании снарядить экспедицию в южную часть Тихого океана через Магелланов пролив на поиски Южного материка. Частью этого мифического континента считалась в первую очередь «Земля Девиса», якобы обнуруженная в 1687 г. пиратом *Эдуардом Девисом,* приятелем У. Дампира, в 1300 км к западу от Среднего Чили.

В августе 1721 г. компания снарядила флотилию из трех судов под его командой. Добравшись до мыса Горн в середине января 1722 г., Я. Роггевен достиг почти 61° ю. ш., три недели сражался с западными ветрами и постоянно наблюдал крупные айсберги, шедшие с юга. Из этого он сделал верный вывод, что неподалеку должен располагаться Южный материк: «Такие массы льда могут дать только земли, где царит всеобщий холод»[1] (примерно в 600 км юго-восточнее находится Антарктида, вернее ее серповидный Антарктический п-ов с выступающей далеко к северу — до 63°13′ ю. ш. — узкой частью — Землей Грейама). Голландцы не рискнули идти к югу, а взяли курс на северо-запад и после отдыха на о-вах Хуан-Фернандес продолжили плавание в том же направлении.

[1] Цит. по работе Я. Света «История открытия и исследования Австралии и Океании».

Мужчина с о. Пасхи (по Д. Куку)

5 апреля, в первый день христианской пасхи, в 2700 км от чилийского берега Я. Роггевен открыл у 27° ю. ш., 109°20′ з. д. одинокий гористый клочок суши (около 160 км^2), который назвал островом Пасхи. Когда корабли бросили якоря против его восточного берега, моряки увидели там колоссальные каменные статуи. Жители, стоявшие, казалось, на очень низкой ступени культуры, не оказали голландцам никакого сопротивления. Тем не менее Я. Роггевен, чтобы, по выражению Джеймса Кука, «запечатлеть в памяти островитян смертоносный эффект огнестрельного оружия», приказал расстрелять собравшуюся на берегу толпу безоружных людей. Ничего ценного голландцы там не нашли: остров был очень беден, продуктов у жителей мало; моряки насильно отобрали все, что у них увидели. Отыскивая Южный материк в более низких широтах, Я. Роггевен 18 мая—2 июня усмотрел в тропической полосе (14°40′—15°50′ ю. ш. и 142—150° з. д., по его очень неточным определениям) несколько атоллов — в северной и западной частях архипелага Туамоту. Там один корабль потерпел крушение. Дальше на западе 6—13 июня Я. Роггевен открыл два атолла в центре архипелага Общества и восточную группу о-вов Самоа — Мануа и Тутуила, а также центральный о. Уполу, но не обследовал его. Цинга косила голландцев, поэтому Я. Роггевен отказался, правда под давлением офицеров, от дальнейших поисков Южного материка, взял курс на Новую Гвинею, обогнул ее и Новую Британию с севера и в середине декабря 1722 г. прибыл в Батавию (на о. Ява). Корабли его обветшали, да и людей оставалось недостаточно, чтобы управляться с ними. Я. Роггевен и уцелевшие моряки на разных голландских судах, обогнув мыс Доброй Надежды, вернулись на родину, завершив таким образом кругосветное плавание (1723).

Экспедиция Я. Роггевена потерпела с точки зрения ее инициаторов полную неудачу: она стоила очень дорого и привела к потере всех трех кораблей, а результатом ее было открытие нескольких островов с малочисленным и бедным населением, в том числе Пасхи. Но именно открытие маленького о. Пасхи, где злобный мореплаватель учинил бессмысленную бойню, прославило имя неудачника Я. Роггевена. Правда, его «Дневник путешествия для открытий» увидел свет лишь в 1838 г., но зато в 1737 г. была издана книга его спутника, немца *Карла Фридриха Беренса,* наем-

ного солдата на голландской службе, «Путешествие по южным странам и вокруг света в 1721—1722 гг.». Она поразила воображение читателей «тайной острова Пасхи» и до настоящего времени до конца не разгаданной. Как возник этот одинокий остров в океане? Не обломок ли это затонувшего материка? Кто построил эти (числом более 600) колоссальные — высотой до 10 м и массой до 80 т — безногие статуи в красных «цилиндрах», с продолговатыми лицами, длинными ушами, длинными телами и руками? Не памятники ли это погибшей цивилизации?

В 1864 г. на острове появился католический миссионер, обнаруживший у «дикарей» деревянные дощечки, покрытые письменами, сходными с иероглифами — единственный случай в Полинезии. Фанатичный поп приказал новообращенным христианам сжечь дощечки. Несколько случайно уцелевших экземпляров частью расшифрованы советскими учеными в 50-х гг. XX в.

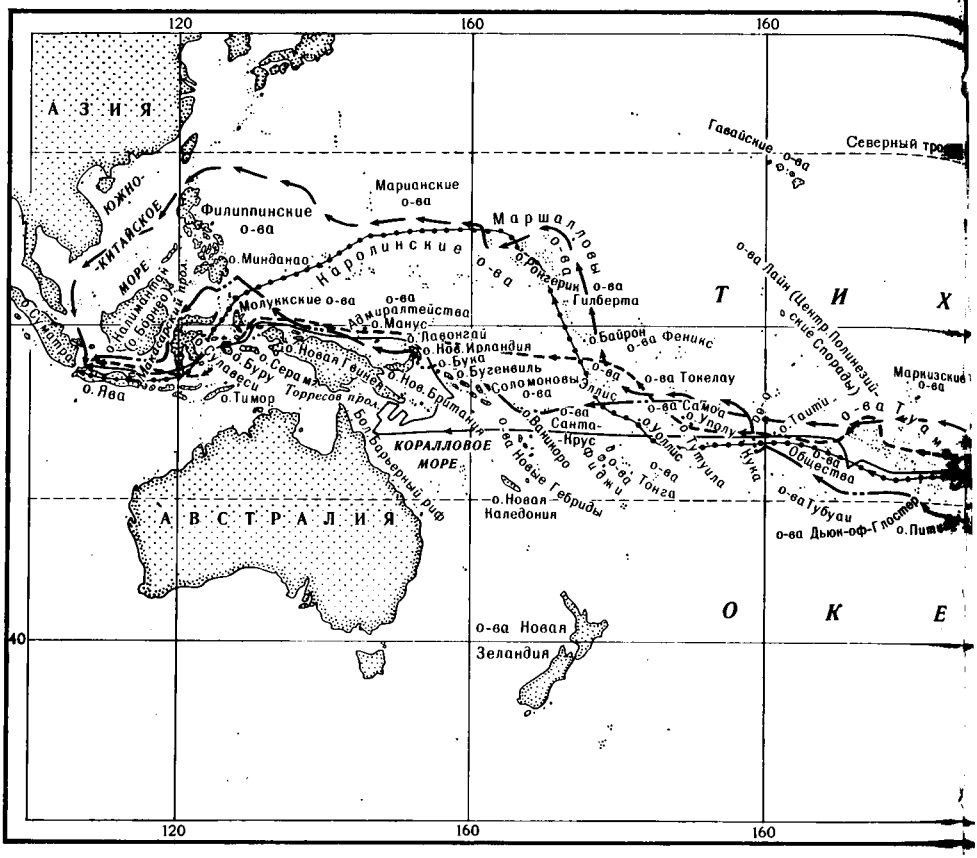
Кругосветные плавания Байрона, Уоллиса и Картерета

В 60-х гг. XVIII в. разгорелось англо-французское соперничество на океанах. На поиски Южного материка и новых или «потерянных» островов с целью подготовить их захват одна за другой направлялись экспедиции.

Англичанин Джон Байрон плавал вокруг света, участвуя в каперской экспедиции (1740—1744) *Джорджа Ансона,* и описал это плавание. В 1764 г. Д. Байрон был послан на поиски земель, «на которые до сих пор не ступала нога европейца», в первую очередь атлантической «Земли Пепис», якобы открытой англичанами в 1684 г. у 47° ю. ш. Байрон «ошибся» на пять градусов широты, смешав «Землю Пепис», которую, разумеется, не нашел, а может быть и не искал, с Фолклендскими о-вами (см. гл. 18), высадился там и объявил их британским владением. Оттуда он перешел к Огненной Земле, где высаживался в нескольких местах и наблюдал быт огнеземельцев; он описывал их как «самые жалкие человеческие создания», которые ему, кругосветному мореплавателю, приходилось видеть.

Пройдя вокруг мыса Горн в Тихий океан, Д. Байрон и там занялся поисками южных земель, в том числе открытых и потерянных испанцами Соломоновых о-вов, но нашел только небольшие острова. 7 июня 1765 г. он прошел через архипелаг Туамоту, посетил о-ва Кука, 24 июня обнаружил несколько атоллов из групп Токелау и Гилберта; один из них носит его имя — о. Байрон (1°20′ ю. ш., 176°25′ в. д.). Следуя затем через Маршалловы, Марианские и Филиппинские о-ва и посетив Яву, Д. Байрон, обогнув мыс Доброй Надежды вернулся на родину в 1766 г. В 1767 г. один из его спутников издал описание этого плавания.

В августе 1766 г. из Англии были посланы в Тихий океан на поиски южных земель корабли «Дельфин» и «Своллоу» («Лас-



Маршруты Я. Роггевена, Д. Байрона, С. Уоллиса и Ф. Картерета

точка»), постоянно отстававшая (судно было очень ветхим). У западного выхода из Магелланова пролива во время шторма в апреле 1767 г. они разлучились. *Сэмюэл Уоллис* на «Дельфине», решив, что «Своллоу» затонул, взял курс сначала на северо-запад, примерно у 35° ю. ш. повернул на север и шел близ 100° з. д. до широты о. Пасхи. Оттуда ветры снесли судно к северо-западу, а за 20° ю. ш. С. Уоллис направился на запад. 6—13 июня он обследовал центральную часть архипелага Туамоту и впервые нанес на карту и дал названия пяти атоллам. Западнее, возможно вторично, после испанцев, 17 июня он открыл небольшой о. Мехетиа, а на другой день — вулканический о. Таити (1040 км^2) и несколько других, меньших. Всю группу он назвал в честь Лондонского Королевского общества (национальной Академии наук) архипелагом Общества.

На плодородном, густонаселенном Таити С. Уоллис провел около месяца. Следуя дальше, он обнаружил 16 августа и нанес на

карту небольшой остров Уоллис (местное название Уэа, 13°15′ ю. ш., 176°15′ з. д.). Хотя его корабль дал течь, С. Уоллис поднялся в северное полушарие выше 11°. В пути он открыл несколько атоллов в Экваториальной Полинезии и в группе Маршалловых, в том числе 3 сентября — Ронгерик. Затем через Моллукки он прошел в Индийский океан, обогнул мыс Доброй Надежды и прибыл в Лондон в мае 1768 г. Это кругосветное плавание вошло в историю навигации, так как С. Уоллис первый на практике довольно верно устанавливал положение островов Океании, применяя новый способ определения долготы, основанный на наблюдениях угловых расстояний между Луной и звездами. Сделать это С. Уоллис мог потому, что петербургский академик *Леонард Эйлер* к тому времени разработал теорию движения Луны, а астрономы Гринвичской обсерватории установили положения ряда звезд.

Филипп Картерет на «Своллоу», увлекаемый штормом на север от Магелланова пролива, подошел к о-вам Хуан-Фернандес для пополнения запасов питьевой воды. Потратив некоторое время на безуспешные поиски земель близ тропика Козерога, якобы найденных испанцами, он повернул на запад с небольшим уклоном к югу. Судно двигалось через акваторию, вместо которой на картах того времени показывалась суша. 2 июля 1767 г. у 25° ю. ш. и 130° з. д. он открыл небольшой остров Питкэрн и назвал в честь гардемарина *Роберта Питкэрна,* первым обнаружившего этот клочок суши (4,5 км^2). Оттуда Ф. Картерет направился к северо-западу, 11—12 июля усмотрел несколько атоллов в южной части архипелага Туамоту и высадился на одном из них (Дьюк-оф-Глостер). Затем в течение месяца в поисках Соломоновых о-вов он двинулся сначала на запад, держась приблизительно 20° ю, ш., по достижении 152° з. д. повернул на северо-запад и, наконец, близ 7° ю. ш. и 175° з. д. вновь на запад с уклоном к югу. 12 августа Ф. Картерет открыл о. Ваникоро в архипелаге Санта-Крус, а через

восемь дней увидел относительно большой о. Малаита, не подозревая, что это один из давно разыскиваемых Соломоновых о-вов. На корабле к тому времени половина команды болела цингой, многие скончались, болен был и сам капитан, буквально бредивший этими «неуловимыми» островами, к северу от которых его корабль шел 25 августа. От атолла Килинаулау (второе название — Картерет), у 5° ю. ш., моряки повернули на запад к Новой Британии и, идя по безымянному проливу шириной около 60 км, справа, т. е. на севере, видели «Зеленые острова» (Грин-Айлендс, так и на современных нам картах), а слева, т. е. на юге,— о. Бука, самый северный из Соломоновых о-вов.

В южной береговой линии Новой Британии, на карте У. Дампира непрерывной, Ф. Картерет 9 сентября нашел разрыв и проник в узкий пролив, который вывел его в Новогвинейское море. Он доказал, что о. Новая Британия состоит по крайней мере из двух островов; за большим, юго-западным (36 600 км^2), сохранилось имя, данное У. Дампиром; меньший, северо-восточный, длинный и узкий, Ф. Картерет назвал Новой Ирландией (8650 км^2), а проход между ними — Сент-Джорджес, но часто его называют проливом Картерета. Он проследил весь западный берег Новой Ирландии, 12 сентября нашел проход (пролив Байрон), отделяющий ее от третьего значительного острова архипелага — Лавонгая (1200 км^2). А в северо-западной части Новогвинейского моря Ф. Картерет открыл, правда вторично, после *А. Сааведры,* и нанес на карту архипелаг Адмиралтейства, и в нем крупный вулканический о. Манус (1554 км^2), а далее к западу — о-ва Ниниго.

В конце октября больной Ф. Картерет с больной, выбившейся из сил командой подошел к Минданао, но не решился на высадку и повернул на юго-запад, к Яве. Он шел через море Сулавеси и Макассарский пролив, где на его корабль ночью напали пираты, но англичанам удалось потопить их судно. Из-за постоянного противного юго-западного муссона Ф. Картерет целый месяц лавировал в проливе и вынужден был в середине декабря 1767 г. зайти в порт Макассар, на о. Сулавеси. Здесь англичан враждебно встретил уполномоченный нидерландской Ост-Индской компании. Только после угрозы бомбардировать Макассар он разрешил зайти для ремонта в гавань Бонтайн, на юго-западе острова. Там Ф. Картерет провел полгода и через Яву вокруг мыса Доброй Надежды в марте 1769 г. вернулся в Англию, завершив свое второе кругосветное плавание.

Первое французское кругосветное плавание Бугенвиля

В 1766 г. Луи Антуана Бугенвиля назначили начальником правительственной экспедиции, в состав которой вошли астрономы и натуралисты. Целью ее была подготовка французской экспансии в Океании.

На фрегате «Будез» («Сердитый») Л. Бугенвиль от Сен-Мало перешел к Ла-Плате к Малуинским о-вам, формально передал их испанцам и направился в Рио-де-Жанейро. Там его ждало транспортное судно «Этуаль» («Звезда») под командой — *Франсуа Шенара Лажиродэ.* В июле 1767 г. оба корабля пошли к Магелланову проливу, где провели более семи недель. Выйдя в Тихий океан, Л. Бугенвиль после напрасных поисков «Земли Девиса» повернул на западо-северо-запад. 22—26 марта 1768 г. он нанес на карту несколько атоллов в архипелаге Туамоту и, двигаясь дальше на запад, 6 апреля 1768 г. подошел к северному побережью Таити. «Повсюду царили гостеприимство, покой, радость, веселье — все признаки полного благополучия» (Л. Бугенвиль)[1]. Вскоре эта райская жизнь кончилась: 10—12 апреля французы «подло», по выражению капитана, убили четырех таитян. Гавань оказалась ненадежной, а погода резко ухудшилась: налетали сильные шквалы, якорные канаты лопались, суда потеряли шесть якорей. Под двойной угрозой — кораблекрушения и справедливой мести таитян — Л. Бугенвиль, не позабыв все же вступить во владение всем архипелагом, 15 апреля оставил остров — гораздо раньше, чем предполагал, не осмотрев даже южного берега. С собой он взял таитянина *Аотуру* (изъявившего желание посетить Францию) в качестве проводника к другим островам Полинезии и переводчика — он покорил моряков умением ориентироваться в океане по звездам и быстро освоил французский язык.

От Таити Л. Бугенвиль направился на западо-северо-запад и в начале мая подошел к архипелагу Самоа, окрестив его о-вами Мореплавателей,— сначала к высокому острову из группы Мануа, а затем к о. Тутуила. Судя по составленной им карте, Л. Бугенвиль видел в отдалении южное побережье о. Уполу.

Далее к западу, уже в Меланезии, 22 мая он разыскал «Землю духа Святого» Кироса и окончательно доказал, что это остров и притом не очень большой (о. Эспириту-Санто в архипелаге Новые Гебриды). Он прошел к югу от этой «земли», усмотрел два других острова (Амбрим и Малекула) и проливом Бугенвиля проник в Коралловое море. Стремясь достигнуть Новой Голландии, французы пересекли эту акваторию в самой широкой ее части, по параллели 15° ю. ш. 5 июня моряки с «Будеза» обратили внимание на плавающие деревья и фрукты, а также на значительное потепление моря. По мнению капитана «Этуаля» Ф. Лажиродэ, это неопровержимо свидетельствовало о близости земли. На следующий день суда подошли к группе бурунов (риф Бугенвиль, у 15°30′ ю. ш.). И, хотя часть моряков уверяла, что на юго-западе они видели низкую землю, Л. Бугенвиль не стал рисковать глубоко сидящим фрегатом и повернул на север. Все согласились, что было бы в высшей степени неразумным приближаться к берегам Новой Голландии. Так французы сами себя лишили возможности стать первооткрывателями восточного побережья Австралии, стра-

[1] Цит. по «Очеркам...». 2-е изд.

ны, не располагающей, как считал Л. Бугенвиль, условиями для основания колонии.

10 июня на севере появилась очень высокая земля (юго-восточный выступ Новой Гвинеи). Огибая его, Л. Бугенвиль открыл, вероятно вторично, после *Л. Торреса* (см. т. 2), скопление атоллов и небольших островов, в том числе о. Тагула и о. Россел, окруженных бесчисленными рифами и скалами. Он дал этому архипелагу название Луизиада — в честь *Людовика XV*.

К северо-востоку Л. Бугенвиль 28 июня 1768 г. обнаружил, наконец, потерянные Соломоновы о-ва. Он прошел проливом Бугенвиля между двумя крупными островами: к северо-западу от пролива лежал самый большой и высокий — о. Бугенвиль (10 тыс. км^2 с вершинами до 3123 м), к юго-востоку — о. Шуазель (2,6 тыс. км^2, назван в честь французского министра). Стать на якорь у этого острова из-за темноты и прилива не удалось, и Л. Бугенвиль, обойдя с севера о. Бука, проник в Новогвинейское море. 6 июля корабли укрылись в гавани у юго-западного берега Новой Ирландии. Вскоре французы нашли там следы английской стоянки, а также свинцовую тарелку с несколькими английскими словами, и Л. Бугенвиль больше не сомневался, что эти места за несколько месяцев до него посетил «Своллоу». Но местность была безлюдная, и за время стоянки (до 24 июля) «поиски свежей провизии для больных и какой-нибудь пищи для здоровых оказались бесплодными».

После многодневного плавания вдоль южного берега Новой Британии и цепи низких небольших островов корабли 11 августа перешли к высокому северному берегу Новой Гвинеи, вдоль которого следовали до 25 августа, а затем повернули на юго-запад. Половина экипажа из-за цинги выбыла из строя. «Оставшаяся у нас провизия так испортилась и от нее так несло запахом падали, что самым тяжким в нашем печальном существовании был час, когда колокол приглашал к столу». Пройдя 1 сентября мимо о. Серам (Молукки), жители которого тогда изгнали голландцев, экспедиция через день подошла к о. Бура, где голландцы разрешили французам запастись провизией и отдохнуть. Там почти все больные выздоровели.

В конце сентября корабли перешли к Яве, оттуда к о. Маврикий, где «Этуаль» был оставлен на ремонт. Обогнув мыс Доброй Надежды, Л. Бугенвиль 16 марта 1769 г. вернулся на родину, закончив первое кругосветное плавание под французским флагом («Этуаль» пришел во Францию 14 апреля). Эта экспедиция оказалась не только выдающейся по географическим результатам, но и одной из самых счастливых «кругосветок» XVIII в.: из 340 человек команды обоих кораблей за время плавания умерли только девять. Составленное Л. Бугенвилем описание его «Плавания вокруг света в 1766—1769 гг.» (два тома, 1771—1772) многократно переиздавалось и переводилось на ряд языков. Аотуру прожил во Франции до марта 1770 г., затем французские власти отправили его на родину. Он умер от оспы на Мадагаскаре в ноябре 1771 г.

Сюрвиль «уменьшает» площади континентов

По окончании Семилетней войны (1756—1763) Франция потеряла значительную часть владений в Индии, а французской Ост-Индской компании пришлось резко сократить свои операции. Большинство моряков, находившихся у нее на службе, перешли на королевский флот. Всем купцам, занятым в восточной торговле, и владельцам судов французское правительство гарантировало свободу действий, охрану и защиту. Для тех, кто знал Восток, имел связи или хотя бы небольшие средства, представился удобный случай разбогатеть.

Не хотел упустить своего шанса и опытный 52-летний моряк *Жан-Франсуа-Мари Сюрвиль,* создавший на паях с двумя губернаторами уцелевших французских колоний в Индии и несколькими купцами небольшой торговый синдикат. В задачу возглавленной Ж. Сюрвилем экспедиции на только что построенном корабле «Сент Жан Батист» входила торговля с жителями тихоокеанских островов, главным образом с таитянами, и открытие новых земель к западу от побережья Перу, в полосе 27—28° ю. ш., где, как тогда считалось, находится «Земля Девиса».

2 июня 1769 г. нагруженное различными товарами и продуктами судно отплыло от Пондишерри (Индия), пересекло Индийский океан, Южно-Китайское море и, обогнув Филиппины с севера, двинулось на юго-восток. В начале октября Ж. Сюрвиль подошел к о. Новая Ирландия примерно у 151° в. д. и, продолжая идти тем же курсом, увидел землю, не очень уверенно принятую им за остров (о. Шуазель). Затем он пересек пролив (Маннинг), посчитав его то ли заливом, то ли проходом, и бросил якорь у другого острова (Санта-Исабель). Во время шестидневной стоянки Ж. Сюрвиль безуспешно пытался получить пресную воду от местных жителей. И только после вооруженного столкновения, стоившего жизни нескольким островитянам и одному французу, удалось захватить юношу, показавшего пришельцам ручей.

На судне, двигавшемся вдоль цепи Соломоновых о-вов (Ж. Сюрвиль, вероятно, считал их полуостровами какой-то крупной земли или даже континента, почему и не давал названий встречавшимся географическим объектам[1]), началась цинга. Ежедневно кто-либо из команды или из взятых с Мадагаскара рабов умирал. В конце октября, вновь отметив широкий пролив или залив (пролив Индиспенсабл), французы увидели на юго-востоке гористую землю (о. Малаита). Они прошли близ ее восточного берега и в начале ноября остановились у небольшого острова (о. Улава). Множество каноэ окружили корабль, и на борт, прельстившись подарками, поднялась группа островитян. Отправленному на по-

[1] Единственное исключение — группа островков у побережья о. Шуазель, получившая от него мрачное имя «Земля убийц».

иски якорной стоянки ялику стали угрожать вооруженные воины, и Ж. Сюрвиль открыл огонь, ранив нескольких туземцев. В начале ноября он оставил «землю папуасов» и обогнул ее восточный мыс — на самом деле это была ныне носящая его имя восточная оконечность о. Сан-Кристобаль, последнего острова в цепи Соломоновых о-вов. Ж. Сюрвиль, так и не поняв, что он проследил почти весь «неуловимый»[1] архипелаг, прошел сначала в общем на юг, а у 33° ю. ш. — на востоко-юго-восток. 12 декабря показалась земля (о. Северный, Новой Зеландии), которой он достиг близ 35°30′ ю. ш. Этим плаванием через Коралловое море, акваторию к западу от моря Фиджи и Тасманово море Ж. Сюрвиль почти на пять месяцев ранее Д. Кука доказал: между 20 и 35° ю. ш. нет земли и, следовательно, Новая Голландия не простирается так далеко к востоку, как предполагал *Абель Тасман* (см. т. 2, гл. 32). Ж. Сюрвиль охарактеризовал свое открытие как «потерянное время», хотя его маршрут внес ясность в карту юго-западной части Тихого океана.

Вскоре после того как французы подошли к западному побережью Новой Зеландии, погода испортилась и судно медленно двинулось на север. Д. Кук находился тогда на другой стороне острова. В середине декабря французы обогнули его северную оконечность, не встретившись с англичанами, и зашли в залив, усмотренный Д. Куком и названный Даутлесс-Бей (у 35° ю. ш.). Маори приветливо встретили моряков, разыскавших на берегу зелень, которая быстро восстановила силы пораженной цингой команды. Ж. Сюрвиль пополнил запасы пресной воды и продуктов и выполнил съемку залива. Отношения с островитянами продолжали оставаться хорошими, наиболее ослабевшие жили на берегу.

После налетевшего шторма капитан не досчитался ялика, а через некоторое время выяснилось, что им завладели маори. В ярости Ж. Сюрвиль захватил одного из них, сжег несколько хижин и каноэ. В последний день года на совете было принято решение идти на восток, к берегам Южной Америки, и 1 января 1770 г. Новая Зеландия исчезла за горизонтом. Очевидно, Ж. Сюрвиль, выполняя указание синдиката, отправился в неисследованную область на поиски мифической «Земли Девиса» или Южного континента.

В течение почти трех месяцев курс судна несколько раз менялся с юго-восточного на северо-восточный. Охватив благодаря этому широкую (около 700 км) полосу в неизвестных дотоле водах в пределах 34—40° ю. ш., т. е. значительно южнее, чем намечалось при отплытии, Ж. Сюрвиль не обнаружил никакой земли на протяжении почти 9 тыс. км и значительно уменьшил размеры Южного континента, «отодвинув» его к югу — за 40° ю. ш. В конце марта он подошел к о-вам Хуан-Фернандес, но высадке помешала штормовая погода. В начале апреля судно достигло южноамериканского побережья у 15°30′ ю. ш., выполнив первое пересечение Тихого океана в южных широтах с запада на восток.

[1] Многие мореплаватели в течение двух столетий безуспешно пытались отыскать эти острова, обнаруженные А. Менданьей в 1568 г.

Глава 21

ПЕРВОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ КУКА

Цели первой экспедиции Джеймса Кука

В 1768 г. Британское адмиралтейство приступило к организации южной тихоокеанской экспедиции; поводом для нее стали наблюдения за прохождением планеты Венера через солнечный диск 3 июня 1769 г. В мае 1768 г. из кругосветного плавания вернулся С. Уоллис. Он так превозносил открытый им о. Таити, что адмиралтейство сочло остров наиболее удобным местом для изучения этого астрономического явления. Однако «...наблюдение над прохождением Венеры было лишь ширмой для плавания, конкретной целью которого было открытие Южного континента и присоединение новых территорий к Британской империи» (Д. Бейкер). После Семилетней войны Англия господствовала на атлантических путях и заняла прочные позиции на Индийском океане. Но Франция не считала себя окончательно побежденной на море. Оставался еще Тихий океан, английское правительство было встревожено тем, что в 1767 г. туда во главе большой французской экспедиции отправился Л. Бугенвиль. Снова там начали проявлять активность и испанцы, союзники французов. В первую очередь адмиралтейство стремилось воспрепятствовать захвату новых земель другими морскими державами и создать на тихоокеанских путях английские опорные пункты, чтобы затем установить британский контроль и над этим океаном. Несомненно, известную роль играли также надежды на открытие населенного Южного материка или других обитаемых земель в умеренной или тропической зоне Тихого океана. Там надеялись найти золото, некоторые виды сырья и продукты для сбыта в Англии или в странах, которые Англия снабжала колониальными товарами. А работорговцы, сильно влиявшие тогда на политику английских министров, несомненно, рассчитывали на открытие таких «диких» территорий, где они могли бы беспрепятственно по дешевой цене или совсем бесплатно получать рабов.

Адмиралтейство считало, что начальником предполагаемой экспедиции должен быть не ученый, вроде *Александра Далримпла*, кандидатуру которого поддерживало ученое Королевское общество, а опытный военный моряк. Речь шла сначала о разведке, для которой хватит одного судна. Поэтому, когда влиятельные люди, знавшие Джеймса Кука, предложили его кандидатуру, она была

Д. Кук

принята. Останавливало только его «низкое» происхождение: сын батрака, простой матрос, выслужившийся к сорока годам до чина лейтенанта, станет командовать офицерами-джентльменами. Но победили практические соображения. Кук не видвигал перед адмиралтейством никаких условий. Он обладал всеми качествами, необходимыми для такой экспедиции: плавал в холодных, умеренных и тропических водах, у берегов исследованных и малоисследованных земель, был не только морским офицером, но и гидрографом и даже астрономом-практиком. Как видно из дневников и других записей Кука, ум у него был логический и пытливый, наблюдательность большая, рассуждение стройное. Из множества фактов он умел отобрать существенные, сопоставлял и противопоставлял их и приходил к выводам, делающим честь его проницательности. Д. Кук согласился идти в такое далекое и опасное плавание не на большом военном или торговом корабле, а на обыкновенном грузовом судне, которое сами господа из адмиралтейства вряд ли тогда считали вполне подходящим для этой цели.

Кук получил парусное трехмачтовое судно-барк «Индевор» («Попытка») — 375 т. Экипаж первоначально состоял из 98 человек (включая 13 солдат). В экспедицию отправились также два художника и ученые: *Чарлз Грин,* астроном; *Джозеф Банкс*, молодой, очень богатый человек, впоследствии основатель Британского африканского общества и председатель Королевского общества, путешествовавший за свой счет с пятью слугами; шведские натуралисты *Даниель Карл Соландер,* библиотекарь Британского музея — адмиралтейство не отпустило средств на его содержание и, по одной версии, платил ему также Банкс — и его ассистент *Герман Дитрих Сперинг.* «Индевор» был снабжен продовольствием на полтора года и вооружен 22 пушками.

Путь к Новой Зеландии и завершение ее открытия

26 августа 1768 г. «Индевор» вышел из Плимута, 13 ноября прибыл в Рио-де-Жанейро и 7 декабря отплыл к югу. 16 января 1769 г. у юго-восточной оконечности Огненной Земли Кук укрылся от бури в бухте Буэн-Сусесо. Там он и его спутники высаживались на бе-

рег, где впервые встретились с огнеземельцами. С этого момента дневники участников экспедиции начинают заполняться очень ценными для историков и этнографов записями о внешнем виде, поведении и образе жизни островитян, почти или совершенно не тронутых европейской культурой. Участники экспедиции делали также зарисовки и собирали вещевой материал: оружие, одежду и обувь, домашнюю утварь, украшения, музыкальные инструменты, предметы религиозного культа и т. д. Конечно, за редкими исключениями, моряки собирали эти предметы вовсе не с научной целью, а из корыстных соображений. Сам Кук неоднократно отмечал, с какой поразительной жадностью его люди — «джентльмены» и простые матросы — производили обмен с островитянами, получая за гвоздь, железный крючок, тряпку, кусок битого стекла и т. п. экзотические предметы, которые они рассчитывали сбыть по высокой цене коллекционерам.

Однако Кук и его спутники были людьми своего века. Они не понимали и не могли понять ни тех общественно-экономических формаций, которые им приходилось наблюдать в тихоокеанских странах, ни тех систем родства и форм семьи, которые там действительно существовали. Факты, сообщаемые ими, имели большое значение для науки. Но они собирались и, следовательно, отбирались людьми, зараженными научными и массовыми предрассудками капиталистического общества второй половины XVIII в. Они часто не обращали внимания на факты, характеризующие общественный уклад, систему родства островитян. Поэтому Кук, как человек очень умный, наблюдательный и, несомненно, свободный от религиозного ханжества, но и менее ученый, чем известнейшие из его спутников, имел перед ними преимущество: в одинаковых условиях он лучше видел и меньше искажал факты в угоду буржуазных просветительных теорий XVIII в. Не коснулся его, конечно, и модный тогда сентиментализм с его слащавой идеализацией «естественной жизни на лоне натуры». Записи Кука по простоте изложения и непосредственности выгодно отличаются даже от лучшего из описаний его плаваний, принадлежащего *Георгу Форстеру* (вторая экспедиция).

21 января, когда буря утихла, «Индевор» оставил бухту Буэн-Сусесо, 25 января обогнул мыс Горн и 13 апреля стал на якорь у Таити. 3 июня 1769 г. при исключительно благоприятной погоде Ч. Грин произвел астрономические наблюдения над всеми фазами прохождения Венеры через диск Солнца. 26 июня — 1 июля Кук вместе с Банксом на шлюпке обогнул весь остров. 9 июля Кук покинул Таити, взяв с собой смышленого полинезийца *Тупию* и его мальчика-слугу. Тупия оказал во время плавания ценные услуги как проводник по Океании, как переводчик и часто как посредник между англичанами и полинезийцами. По его указаниям и благодаря карте, им вычерченной, были открыты 14 июля — 9 августа к северо-западу от Таити (между 16—17° ю. ш.) четыре небольших Подветренных о-ва. Кук назвал эту группу о-вами Общества (в честь Лондонского Королевского общества); позднее

Представительница народа маори (по Д. Куку)

Представитель народа маори (по Д. Куку)

к ним стали причислять ряд западных атоллов, затем Таити и южные (Наветренные) острова. Пользуясь картой Тупии, Кук прошел на юг и 14 августа открыл у 23° ю. ш. небольшой остров Руруту, из цепи Тубуан.

Кук сначала искал материк к югу от Таити до 40°22′ ю. ш. и, не найдя здесь и признаков земли, 2 сентября повернул на запад. Пройдя в тридцатых широтах по «пустому» океану более 2,5 тыс. км, «Индевор» 8 октября 1769 г. у 38°15′ ю. ш. и 178° в. д. подошел к неизвестной земле и три дня стоял на якоре в бухте «Поверти». В отдалении он отметил «очень высокие горы». Коренные жители страны, маори, говорили на языке, сходном с таитянским, так что Тупия мог с ними объясниться. Во время первой высадки на берег матросы, охранявшие шлюпку, убили мужчину, «готовящегося метнуть копье в шлюпку». На второй день Кук приказал застрелить другого, выхватившего кортик, и моряки стреляли по маори дробью и ранили троих. На следующий день по приказу Кука матросы вновь стреляли в маори, убегавших от них в каноэ, и убили троих.

Кук обследовал соседние берега и убедился, что перед ним большая земля, но не знал, остров ли это или часть Южного материка. Пять дней он медленно шел на юг и открыл залив Хок. 17 октября от мыса Тернагейн (у 40°30′ ю. ш.) Кук повернул на север. Следуя вдоль берега и не раз высаживаясь на сушу, он обогнул 31 октября Восточный мыс (37°40′ ю. ш., 178°40′ в. д.) и шел на запад до 176° в. д., где берег повернул на северо-запад, т. е. открыл залив Пленти. У 37° ю. ш. вахтенный офицер *Джон Гор,*

увидев на одном маори красивую накидку, предложил ему взамен кусок ткани. Тот ткань взял, а накидку дать отказался, и Д. Гор убил его. Офицер-убийца не понес никакого наказания. Правда, Кук не одобрял убийства, но из чисто практических соображений он считал, что «наказание было слишком суровым для такого незначительного проступка», и не хотел вызывать озлобления островитян, с которыми, как он предполагал, ему еще не раз придется иметь дело.

15 ноября 1769 г. Кук объявил о присоединении этой страны к британским владениям. Далее к северо-западу 18—25 ноября он открыл и исследовал залив Хаураки, на юге глубоко врезавшийся в сушу, а на севере (у 36° ю. ш.) огражденный от открытого океана «Барьерными островами» — Грейт-Барриер и Литтл-Барриер. 10 декабря за 35° ю. ш., у «Песчаного залива» (теперь Грейт-Эксибишен), горная страна сменилась бесплодной низменностью. «Вряд ли на земле найдется более неприветливое, голое и пустынное место, чем берег этого залива... Однако как ни бедна эта земля, она обитаема». Близ этого унылого берега, иногда теряя его из виду, Кук лавировал до 19 декабря, когда обогнул северную оконечность исследуемой земли (Северный мыс — 34°20′ ю. ш., 173° в. д.). Тождество ее с Новой Зеландией, открытой Тасманом, Кук предположил 25 декабря, после того, как нашел о-ва Три-Кингс, а окончательно установил 30 декабря, когда увидел мыс Марии Ван-Димен, и двинулся на юг вдоль побережья, показанного на карте Тасмана.

10 января 1770 г., после того как Кук обошел северо-западный выступ Новой Зеландии — п-ов Окленд, он заметил, что характер берега изменился: вместо унылой низменной и песчаной полосы «...поверхность суши довольно высокая, много леса и зелени». Через три дня Кук увидел за 39° ю. ш. на небольшом полуострове гору Эгмонт (2517 м) с вершиной, в разгаре лета покрытой снегом, а 15 января вошел «в очень широкий и глубокий залив». Обследуя его берега, Кук 23 января, «взобравшись на возвышенность, увидел перед собой водное пространство, которое было Восточным морем. Пролив или проход из него в Западное [Тасманово море] был чуть к востоку от входа в бухту, где мы отдали якорь». Кук назвал его проливом Королевы Шарлотты — теперь пролив Кука.

Закончив ремонт корабля, он 7—8 февраля вышел этим проливом в «Восточное море», к южной оконечности исследуемой земли — мысу Паллисер. За ним побережье повернуло на север, и Кук вновь прибыл к мысу Тернагейн. Итак, по крайней мере часть тасмановой Новой Зеландии оказалась не выступом южного континента, а большим островом (о. Северный, 114,7 тыс. км^2), обойденным «Индевором». Однако земля к югу могла быть частью материка, и Кук пошел вдоль ее восточного берега, но и она оказалась островом, еще более крупным, чем Северный. Двигаясь вдоль западного высокого и скалистого побережья с многочисленными фьордами, судно вернулось к проливу Королевы Шарлот-

ты 27 марта 1770 г. Кук не уступил настойчивым просьбам Банкса зайти в один из фьордов. Он совершенно справедливо опасался, что корабль долго не сможет выбраться из этой узкой ловушки: в то время преобладали западные ветры. Закончив обход о. Южного (150,6 тыс. км^2), Кук установил, хотя наблюдениям мешал густой туман, «что непрерывная цепь гор пересекает [этот] остров на всем его протяжении», и, таким образом, завершил открытие Южных Альп, начатое Тасманом. За полгода «Индевор» описал гигантскую — длиной около 4,5 тыс. км — восьмерку вокруг всей Новой Зеландии. При обходе восточного побережья 16—17 февраля Кук обнаружил близ 44° ю. ш. высокий п-ов Банкс, принятый им за остров, а 6 марта усмотрел издали низкий о. Руапуке (46°45′ ю. ш.). «Из-за южного ветра и небрежного управления» корабль тогда сильно отклонился к востоку и поэтому не замечен был пролив (Фово) к западу от Руапуке; открытая же 9—10 марта «земля, очень похожая на остров», была принята за крайний южный выступ Новой Зеландии. А в действительности это был о. Стьюарт (1735 км^2)[1].

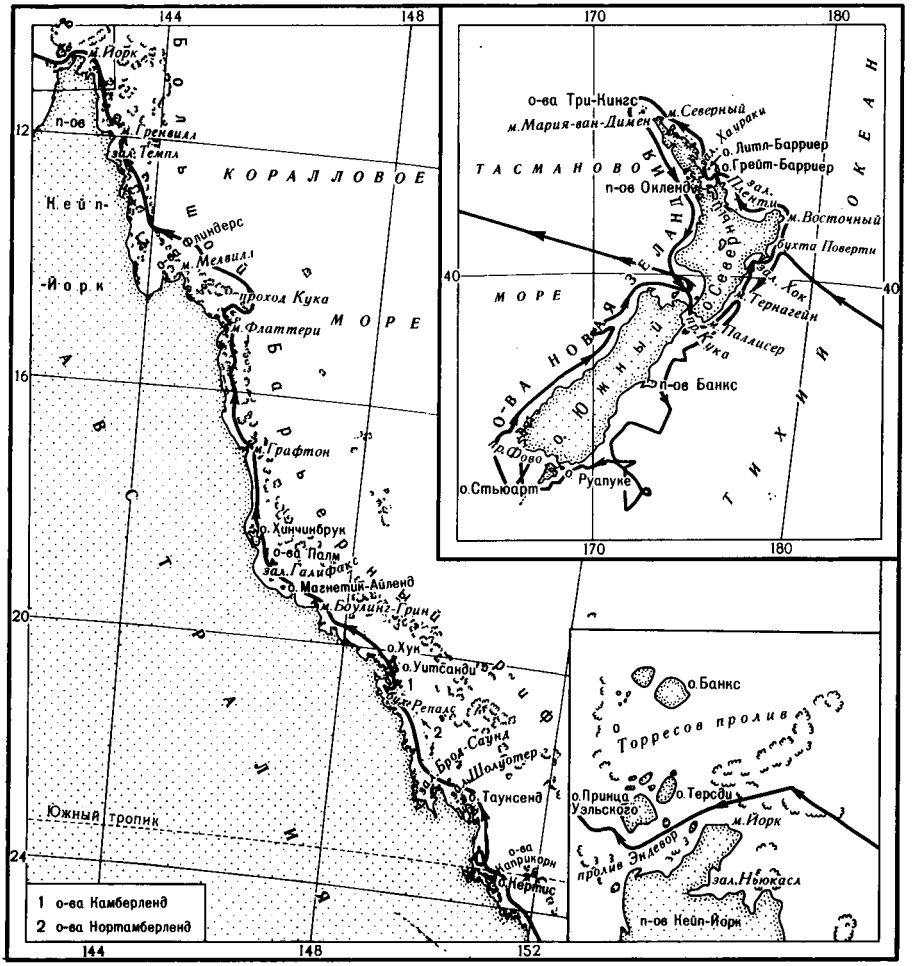
Во время плавания в 30—40-х широтах Д. Кук «закрыл» последний неизвестный материк, который еще надеялись найти в умеренной зоне южного полушария, открыл и положил на карту[2] огромный двойной о. Новая Зеландия, по площади почти на 36 тыс. км^2 больше, чем его антипод — о. Великобритания. Координаты Новой Зеландии с большой точностью были определены астрономом Ч. Грином.

Открытие восточного побережья Австралии и Большого Барьерного рифа

1 апреля 1770 г. Кук оставил Новую Зеландию, с тем чтобы взять курс на запад. Природа распорядилась по-иному: сильный ветер отбросил «Индевор» далеко к северу. 19 апреля 1770 г. англичане усмотрели землю у 37°40′ ю. ш., т. е. на 550 км севернее, чем Тасман. «Она имеет довольно приветливый вид,— записывает Кук на следующий день.—Умеренной высоты холмы и гряды гор чередуются с равнинами и долинами, на которых виднеются небольшие лужайки. Однако большая часть местности покрыта лесом». Австралийский мыс, обнаруженный первым, получил имя его

[1] Это доказал в 1804 г. американец *Оуэн Ф. Смит*, прошедший на китобойном судне через пролив Фово.

[2] Точность съемки поражала специалистов — издатель дневников первого плавания Д. Кука, адмирал *У. Уортон*, писал в конце XIX в.: «Всякий, кому ведомо, сколь трудно плавание у берега, будет изумлен точностью, с которой нанесены были [Куком] контуры Новой Зеландии. Не было случая, чтобы так верно положен был на карту берег первым ее исследователем». Цит. по книге Я. М. Света «Джеймс Кук». Точность съемки Кука удивляет специалистов и в наше время.



Пути Д. Кука вокруг Новой Зеландии и у восточного побережья Австралии

первооткрывателя — лейтенанта *Захария Хикса* (на современных нам картах мыс Эверард, у юго-восточной оконечности материка). От этого пункта Кук двинулся к северу, держась близ побережья и ведя съемку. Людей — темнокожих, почти черных — на берегу моряки увидели издали 22 апреля, но первая встреча с восточными австралийцами произошла во время высадки на берег 29 апреля. Они стояли на гораздо более низкой ступени культуры, чем жители о-вов Общества и Новой Зеландии, ходили совершенно голыми. Одни обращались в бегство при виде англичан, другие подходили к ним, вели себя то мирно, то враждебно, но во всех случаях были совершенно равнодушны к европейским изделиям.

28 апреля — 6 мая англичане заготовляли дрова и набирали воду в «удобном и надежном заливе» (у 34° ю. ш.), который Кук назвал Ботани (Ботаническим). 6 мая, выйдя в дальнейший путь, он в нескольких километрах к северу от Ботани увидел другой залив, названный им Порт-Джексон. (Основанный там англичанами в 1788 г. город Сидней теперь «дотянулся» до залива Ботани.)

17 мая моряки прошли мимо о. Мортон и обнаружили за ним залив Мортон. 23 мая «Индевор» обогнул о. Фрейзер и открыл широкий залив (Херви, у 25° ю. ш.). 26 мая за Южным тропиком англичане вступили в полосу, окаймленную Большим Барьерным рифом. Бо́льшую часть этой опасной полосы удалось благополучно пройти, но 11 июня у 16° ю. ш. «Индевор» напоролся на риф. Пришлось выбросить за борт шесть пушек и часть полезного груза — всего около 50 т. К северу нашли гавань (теперь Куктаун) и простояли там восемь недель (к радости Банкса), ремонтируя корабль, получивший большую пробоину. Пищи вполне хватало, так как здесь были богатые рыбные угодья и много черепах. 6 августа «Индевор» вышел в море. Судно двигалось лишь днем, и все же в этой опаснейшей акватории, названной Куком «Лабиринтом», 16 августа едва не напоролось на риф. Кук вел корабль в мелководной береговой полосе, усеянной рифами, и 21 августа у 10°40′ ю. ш. увидел мыс Йорк и группу небольших островов. За ними 22 августа открылся широкий (Торресов) пролив, ведущий на запад. Теперь уже не оставалось сомнений, что пройденный берег — это восточное побережье Новой Голландии, а мыс Йорк — его северная оконечность. Таким образом Кук проследил почти на всем протяжени (2300 км) гряду Большого Барьерного рифа. 22 августа на одном из островов в Торресовом проливе Кук объявил британским владением все обнаруженное им побережье материка от 10°40′ до 37°40′ ю. ш., длиной около 4 тыс. км, и назвал его Новым Южным Уэльсом.

Сообщение Торреса оказалось верным: Новая Гвинея была огромным островом, а не частью континента. И все-таки этот пролив англичане некоторое время называли Куковым, несмотря на то, что об открытии Торреса они узнали еще до возвращения Д. Кука — из памфлета Далримпла, опубликованного в 1769 г.

К 16 сентября Кук пересек Арафурское и Тиморское моря и достиг о. Роти, к юго-западу от Тимора. 2 октября он подошел к Яве. Там, в Батавии и у о. Принца, против западной оконечности Явы, «Индевор» находился до 15 января 1771 г., и за это время и в Индийском океане от тропической лихорадки умер 31 человек, в том числе Тупия, между тем как за все время плавания в Тихом океане Кук потерял только одного человека: на борту никто из команды не болел цингой благодаря режиму питания, введенному Куком. 13 июля 1771 г. Кук вернулся в Англию, завершив кругосветное плавание, продолжавшееся почти три года. На итоговой карте плавания Кук показал Тасманию и Новую Голландию (Австралию) как единое целое. Однако в судовом журнале он высказал предположение, что они разделены проливом.

Глава 22

ВТОРОЕ (АНТАРКТИЧЕСКОЕ) КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ КУКА

Поиски Южного материка летом 1772/73 года

Южный материк все-таки мог существовать, и как бы «свидетелями» такой возможности были земли или миражи, усмотренные некоторыми мореплавателями на субантарктических широтах — за 50° ю. ш. Особое внимание адмиралтейство уделяло «Земле Обрезания» Буве. Такие земли считались или выступами (полуостровами) Южного материка, или островами, близкими к нему. Для его поисков — и с некоторыми другими заданиями — была отправлена вторая экспедиция Кука на двух новых кораблях: «Резольюшен», которым командовал сам Кук, и «Эдвенчер» под командой *Тобайаса Фюрно,* спутника Уоллиса. В распоряжении Кука — впервые в истории навигации — находился новый навигационный прибор — хронометр, стоивший тогда неимоверных денег. На борту «Резольюшен» были два натуралиста-немца: *Иоганн Рейнгольд Форстер,* собравший в пути большие географические и этнографические материалы, и его 17-летний сын *Георг Форстер,* прославившийся научной обработкой этих материалов (в начале XIX в. он стал профессором Виленского — ныне Вильнюсского — университета).

13 июля 1772 г. оба корабля оставили Плимут и 30 октября прибыли к мысу Доброй Надежды, в Капстад (ныне Кейптаун). Там Куку сказали, что на меридиане о. Маврикий за восемь месяцев до того француз *Ив Кергелен-Тремарек* открыл какую-то землю у 48°30′ ю. ш. В Капстаде Иоганн Форстер встретился со шведским ботаником Андреасом Спаррманом и просил Кука взять его с собой, обещая из своих средств платить ему жалованье раз в год. И Кук согласился при условии, что Форстер оплатит и питание Спаррмана.

23 ноября суда пошли прямо на юг — отыскивать «Землю Обрезания». Через несколько дней сильным западным ветром их стало относить на восток. 7 декабря подул свежий ветер, перешедший в шторм. Температура резко упала до 3°С. Первые плавучие льды Кук встретил 10 декабря у 50°40′ ю. ш., а затем начали попадаться большие ледяные поля. 13 декабря корабли были на широте «мыса Обрезания», но, по определению Кука, в 10° к востоку от него, и разыскивать «Землю Обрезания» он счел нецелесообразным. Температура понизилась до —3°С. На случай разлуки с

Фюрно в тумане или при пасмурной погоде Кук указал ему пункты встречи. Лавируя среди айсбергов, корабли все же шли на юг, подвергаясь большой опасности в тумане. Показались огромные ледяные поля, которые приходилось огибать, уклоняясь на десятки миль на восток. Среди команды появились признаки цинги. 29 декабря за 59° ю. ш. Кук решил идти на запад до меридиана «мыса Обрезания», чтобы узнать, остров ли там, или выступ материка. 1 января 1773 г. Кук пересек этот меридиан при исключительно ясной погоде, но нигде не было видно признаков земли. Тогда он повернул на юг. В полдень 17 января 1773 г. впервые в истории человечества суда Кука пересекли Южный полярный круг на 39°35′ в. д.

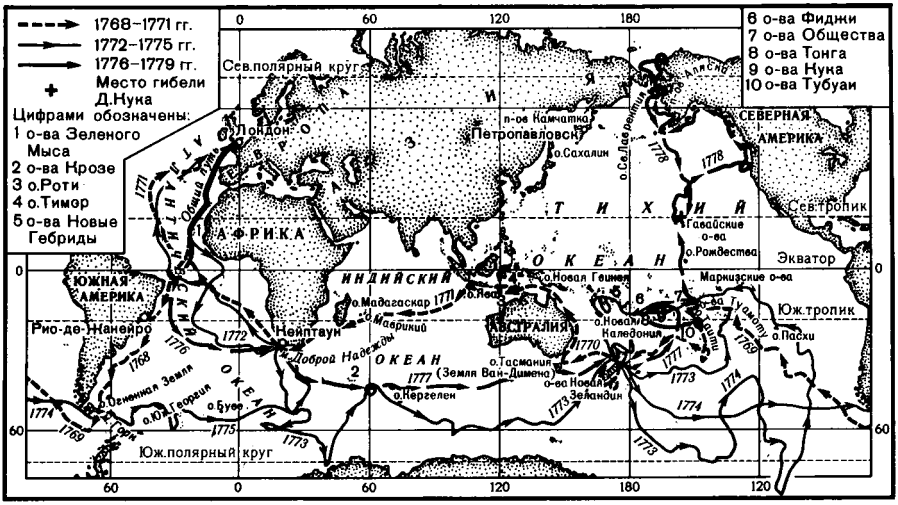
Погода стояла ясная. Через семь часов, когда Кук дошел до 67°15′ ю. ш., путь ему преградили тяжелые льды. С грот-мачты моряки нигде на юге не видели свободного моря. На поиски прохода среди льдов ушло бы много времени, а была уже середина лета. И Кук решил временно отступить и двигаться к земле, открытой Кергеленом. 1 февраля моряки пересекли на указанной широте (48°30′ ю. ш.) меридиан о. Маврикий (58° в. д.), но не нашли и следов земли: сообщенная им долгота оказалась неправильной — действительно обнаруженный тогда архипелаг Кергелен лежит на 12° восточнее о. Маврикий.

8 февраля днем при тихой погоде в тумане корабли разлучились. Кук крейсировал в этом месте два дня и, потеряв надежду соединиться с «Эдвенчером», взял курс на юго-восток. Так шел он до 6 февраля и достиг 61°21′ ю. ш. у 97° в. д. Из-за льдов он несколько отступил к северу и шел на восток между параллелями 58—60° ю. ш. до 17 марта. В этот день у 147° в. д. Кук повернул к Южному острову и 26 марта прибыл в залив Даски-Саунд, на юго-западе Новой Зеландии. 117 дней назад он покинул мыс Доброй Надежды и за это время, преодолев около 20 тыс. км, ни разу не видел даже признаков земли.

Исследование Океании в 1773 году

Чтобы дать отдых команде, Кук простоял в Даски-Саунде полтора месяца — до 11 мая. Крупнейший из островов залива в память об этой стоянке называется Резольюшен. Оттуда Кук совершил недельный переход к проливу Королевы Шарлотты, где его уже пять недель ожидал Фюрно.

Разлучившись с Куком, Фюрно пошел прямо на Вандименову Землю и обследовал ее восточное побережье от Южного мыса до 40°50′ ю. ш., где «берег отклонился к западу, образуя, по всей вероятности, глубокий залив. С палубы видны были огни на островах, что лежали за линией берега». Он назвал их островами Фюрно. Находятся они, как мы теперь знаем, у восточного входа в Бассов пролив, отделяющий Тасманию от Австралии, но там глубины так малы, что Фюрно, боясь напороться на риф, отошел на восток и потерял из виду землю. Он увидел ее снова у 39° ю. ш. (вероятно, юго-восточный мыс Австралии у Бассова пролива) и снова отошел



Три плавания Д. Кука

на восток. И чрезмерно осторожный Фюрно сделал ошибочный вывод: «Мне кажется, что между Вандименовой Землей и Новой Голландией нет пролива; вероятно, имеется лишь глубоко вдающийся в сушу залив». Он повернул на восток и 5 апреля стал на якорь в проливе Королевы Шарлотты.

7 июня — 15 июля 1773 г. экспедиция обследовала «белое пятно» на картах того времени — полосу океана между 39 и 47° ю. ш. к востоку от Новой Зеландии до 133°30′ з. д. Пройдя около 5,6 тыс. км и не обнаружив никаких земель, Кук взял курс на север, к о. Питкэрн, но не нашел его, так как и Картерет неточно определил долготу. 11—14 августа корабли шли через архипелаг Туамоту, обнаружив несколько атоллов, и 17 августа стали на якорь у Таити, где пробыли две недели. Затем они двинулись к Тонга и на пути 28 сентября прошли мимо группы небольших, видимо, необитаемых атоллов (Херви — 19°20′ ю. ш., 158°55′ з. д.). В архипелаге Тонга экспедиция пробыла до 7 октября, а затем направилась к Новой Зеландии. 22—23 октября у восточного берега Новой Зеландии при дожде и сильном ветре корабли разлучились во второй раз и в ночь на 30 октября при слабом ветре у входа в пролив Королевы Шарлотты — в третий раз. В назначенном ранее месте встречи (Корабельная бухта, в проливе) «Эдвенчера» не было. Кук напрасно ожидал его с 3 по 25 ноября и повел «Резольюшен» в антарктические воды, потеряв надежду соединиться с Фюрно: о других пунктах встречи они не договаривались.

В Корабельную бухту Фюрно прибыл только 30 ноября. Высадившись на берег, моряки увидели на дереве надпись «смотри внизу», выкопали яму и нашли в ней бутылку с письмом Кука. Фюрно получил там указания о курсе, которого Кук намерен был в дальнейшем придерживаться. 17 декабря, закончив подготовку

Суда жителей о-вов Тонга (Дружбы) — по Д. Куку

к плаванию, Фюрно послал на берег за овощами шлюпку с двумя офицерами и восемью матросами, но никто не вернулся. На следующий день Фюрно отправил на розыски офицера с командой в 10 человек. После долгих поисков они нашли корзинки с останками убитых моряков; по морскому обычаю их зашили в парусину и с балластом опустили за борт. (Как выяснил Кук в феврале 1777 г., англичане сами спровоцировали нападение: на глазах толпы маорийцев избили одного из них, обвиняя его в краже нескольких сухарей и рыбы, когда же из-за этого началась ссора, стали стрелять в толпу и убили двоих. Не успели англичане перезарядить ружья, как маорийцы напали на них и всех перебили.)

В начале января 1774 г. «Эдвенчер» вышел в открытый океан. Фюрно взял сначала курс на юго-юго-восток и достиг 61° ю. ш. Следуя по этой широте, он миновал мыс Горн и шел затем а Атлантическом океане по параллели 54° ю. ш., с тем чтобы разыскать «Землю Обрезания». Он пересек указанный французами меридиан, прошел на несколько градусов дальше на восток, но опять не нашел и признаков земли. Тогда он повернул в Англию, куда прибыл 14 июля 1774 г.

Кук в Антарктике летом 1773/74 года

18 декабря 1773 г. в снежную погоду, в густом тумане Кук вторично пересек полярный круг и 23 декабря у 137°20′ з. д. остановился на 67°20′ ю. ш. перед «непреодолимым ледяным барьером». Погода была тихая, море спокойное, шел мокрый снег. «Все страдали от холода. Густой туман непроницаемой пеленой пал на студеное, покрытое сплошными льдами море... Возможности про-

биться далее к югу не было». И Кук временно отступил до 47°51′ ю. ш., затем снова пошел к югу.

26 января 1774 г. он в третий раз пересек полярный круг (на 109°31′ з. д.), а 30 января достиг при ясной погоде и свежем северном ветре 71°10′ ю. ш. (у 106°54′ з. д.). Как мы знаем теперь, он находился приблизительно в 200 км от ближайшего выступа Антарктиды — п-ова Терстон, у моря Амундсена. В 4 часа утра на юге моряки заметили ослепительно белую полосу — предвестник близких ледяных полей. Вскоре с грот-мачты они увидели сплошной ледяной барьер, простиравшийся с востока на запад на необозримое пространство. Вся южная половина горизонта сияла и сверкала холодными огнями. Кук насчитал 97 вершин и пиков вдоль кромки ледяного поля. Некоторые из них казались очень высокими, и гребни этих ледяных гор едва различались в пелене низких туч и молочно-белого тумана. Кук и большинство его спутников пришли к выводу, что обнаруженное ими грандиозное ледяное поле продолжается на юг до полюса или где-то в высоких широтах достигает какой-то земли. И Кук занес в журнал следующие фразы: «Стремление достичь цели завело меня не только дальше всех... моих предшественников, но и дальше предела, до которого... может вообще дойти человек, но я не огорчен встречей с этой преградой, ибо в какой-то степени она избавляет нас от опасностей и лишений, неизбежных при плавании в южных полярных районах. Мы уже не могли ни на один дюйм продвинуться далее к югу, и поэтому мне не нужно приводить никаких иных доводов, чтобы объяснить необходимость... возвращения к северу».

Исследование Океании в 1774 году и открытие Новой Каледонии

Кук взял курс на северо-восток, на большую «Землю Хуана-Фернандеса», открытую якобы в третьей четверти XVII в. на 38° ю. ш. и 90° з. д. (не смешивать с небольшими о-вами Хуан-Фернандес, лежащими против чилийского берега, гораздо севернее и восточнее), но не нашел никаких признаков суши. Несколько дней он искал эту землю на западе, а 25 февраля пошел на север, к о. Пасхи. 13 марта обошел его кругом и отдал якорь против песчаного берега, где стоял до 16 марта. Он описал природу о. Пасхи, привел точные сведения о материальной культуре пасхальцев и установил сходство между ними и населением других островов Полинезии. Англичане высаживались там и видели у жителей испанские товары: на острове в 1769—1770 гг. побывал *Фелипе Гонсалес*, объявивший его испанским владением.

Посетив затем о-ва Маркизские, Туамоту и Общества (8 апреля — 22 мая), Кук пошел на запад к о-вам Тонга и на пути 16—21 июня открыл, вероятно, необитаемый атолл Палмерстон (у 18°04′ ю. ш., 163°10′ з. д.) и обитаемый о. Савидж («Дикий»), местное название Ниуэ, у 19°01′ ю. ш., 169°37′ з. д. Кук назвал

Жительница архипелага Новые Гебриды (по Д. Куку)

Житель архипелага Новые Гебриды (по Д. Куку)

его «Диким», потому что островитяне встретили высадившихся чужеземцев с оружием в руках, правда, не причинив никому вреда, а англичане открыли по ним стрельбу — с невыясненными результатами.

От Тонга мимо о-вов Фиджи (2 июля) Кук перешел к Новым Гебридам (название дано им), где находился более месяца, обнаружил там несколько островов в центральной и южной частях и уточнил положение известных. Иными словами, он завершил открытие этого гористого архипелага, вытянутого почти на 1 тыс. км между 167 и 170° з. д., и отметил ряд действующих вулканов. На о. Танна 1 августа произошла стычка с жителями, вооруженными дротиками; Кук первый выстрелил из мушкета, промахнулся и приказал дать залп по толпе: двое были убиты, двое тяжело ранены. Затем отношения с туземцами наладились; однако 19 августа один из них был беспричинно убит. 31 августа плаванием вокруг о. Эспириту-Санто Кук закончил исследование Новых Гебрид и двинулся на юго-запад, чтобы на пути к Новой Зеландии осмотреть неизвестную еще полосу океана к югу от Кораллового моря.

3 сентября 1774 г. показалась земля на 20° ю. ш. и 165° в. д. Полоса отмелей и рифов тянулась вдоль берега. Вдали белели паруса нескольких каноэ. На рассвете следующего дня открылся берег, простирающийся с северо-запада на юго-восток. На западе отчетливо видны были разрывы береговой линии, и Кук обнаружил там пролив, отделяющий большую землю на юге от двух небольших островов (Балабио и Пааба, у 20° ю. ш., 164° в. д.). Как только «Резольюшен» стал на якорь, его окружили челны. Безоружные,

«хорошо сложенные, сильные, стройные люди» стали взбираться на борт корабля. На них были только набедренные повязки из древесной коры или листьев; язык их резко отличался от новогебридского. Они с любопытством осматривали корабль и домашних животных, которые были на нем. Кук с отрядом матросов высадился на берег большой земли. Жители встретили их дружелюбно, привели в селение, окруженное небольшими насаждениями сахарного тростника, бананов, ямса и кокосовыми пальмами. От речки отведены были к полям оросительные каналы. Новооткрытая земля показалась Куку малоплодородной и слабо заселенной.

13 сентября Кук вышел в море и хотел обойти новую землю с северо-запада, но напрасно потратил два дня, так как там «отмели и рифы тянутся, насколько хватает глаз, и пробиться через них к югу не было возможности». За этим опасным барьером виднелось открытое море, но Кук правильно считал, что плавание среди рифов сопряжено с большим и притом неоправданным риском. И он повернул от «Большого рифа Кука» (барьер длиной почти 250 км) на юго-восток. Восемь дней «Резольюшен» шел этим курсом, пока берег с горами в отдалении не начал уклоняться к юго-западу. Но идти дальше вдоль побережья опять-таки помешали отмели и рифы, которые тянулись к юго-востоку. Кук затратил неделю, чтобы найти южнее безопасный проход к западной стороне земли, и вынужден был отказаться от этого намерения. Во время поисков 26 октября он открыл небольшой о. Куни, на берегах которого росли «мачтоподобные деревья, напоминающие высокие голые сосны», и назвал его «Сосновым» (Пайнс). Такие же леса Кук видел и раньше в нескольких местах восточного побережья большой земли. Кук высадился на о. Куни, чтобы рассмотреть эти странные «мачты»: они оказались «особого вида соснами, прекрасным материалом для рангоута» (ботаники называют это хвойное дерево араукарией Кука).

Кук назвал большую землю Новой Каледонией и, хотя видел только восточную сторону ее, правильно определил своеобразную форму острова — длинного и узкого — и примерное соотношение его длины и ширины (8,7 : 1,0).

10 октября на полпути к Новой Зеландии Кук открыл у 20°02′ ю. ш., 168°16′ в. д. и описал небольшой гористый необитаемый остров Норфолк. 19 октября он стал на якорь в Корабельной бухте. Бутылки с письмом, адресованным Фюрно, на месте не было, но сам Фюрно не догадался оставить там ответное письмо, и Кук продолжал тревожиться о судьбе своих товарищей. Маорийцы по-разному рассказывали о кораблекрушении, кражах, расстрелах, совершенных чужеземцами, мести и т. д.; путаница, конечно, еще усилилась из-за того, что англичане их плохо понимали. Наблюдая их быт и нравы, Кук сделал следующий, казавшийся парадоксальным вывод: «Отсутствие единения причиняет этим туземцам неисчислимые беды... Тем не менее я должен сказать, что островитяне, хоть они, несомненно, и каннибалы, обладают от природы добрым нравом и человечностью».

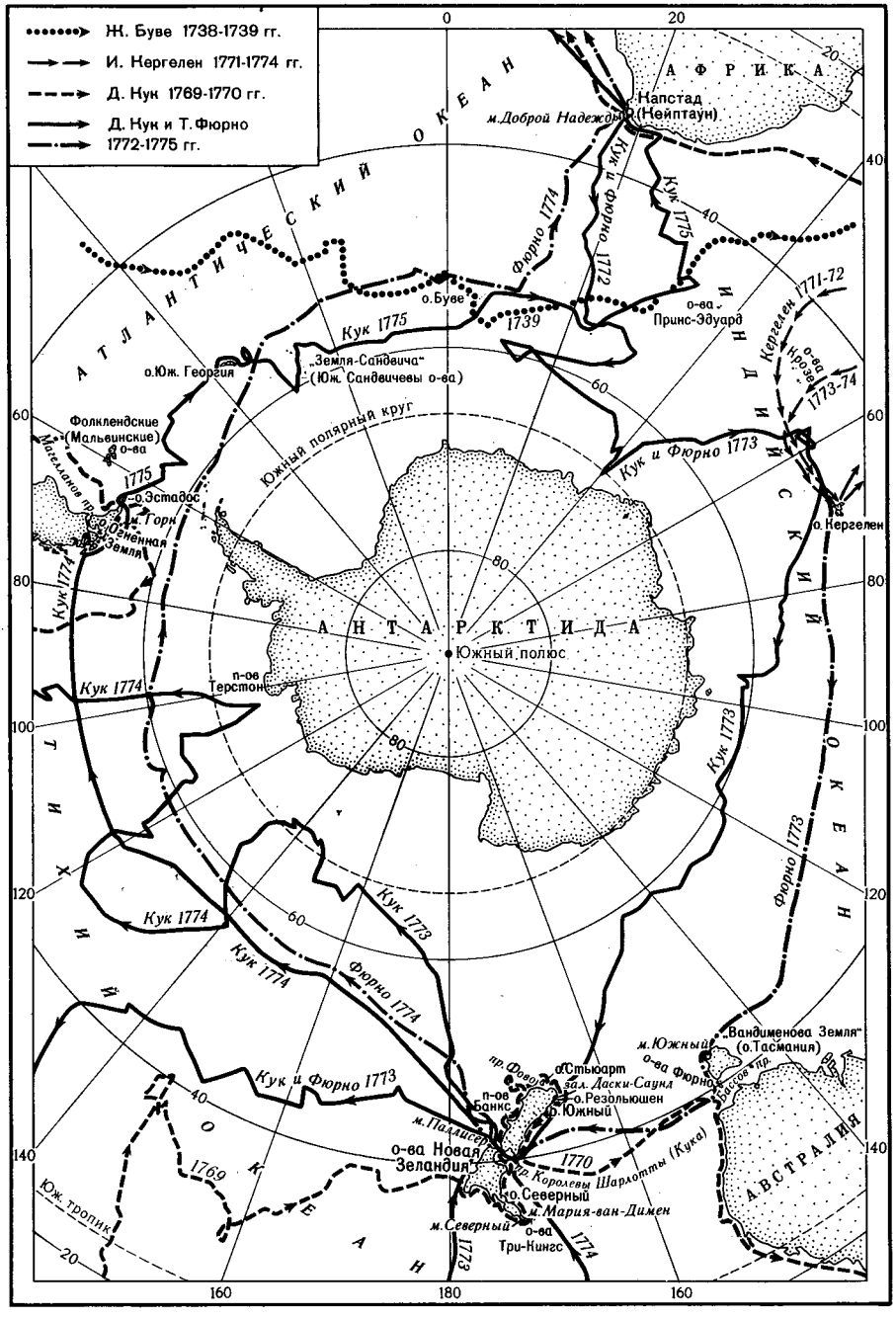
Завершение антарктического кругосветного плавания летом 1774/75 года

10 ноября 1774 г. «Резольюшен» снялся с якоря и пошел на юго-восток, пока не пересек 55-й параллели, а затем прямо на восток. 22 ноября—17 декабря Кук шел в полосе между 56—53° ю. ш. и нигде не видел признаков суши, пока не подошел к Огненной Земле. Он первый совершил плавание через Тихий океан в этих широтах, но отмечал, что ему «...еще никогда не приходилось совершать столь значительный переход, во время которого случилось бы так мало интересного...».

Кук не входил в Магелланов пролив, а обследовал западное и южное побережья архипелага Огненной Земли. Небольшие новые открытия в этом районе запечатлены на карте южной части архипелага: о. Гилберт (в честь штурмана «Резольюшен» *Джозефа Гилберта),* залив Кука, пролив Кристмас-Саунд («Рождества») и т. д. Обогнув в конце года мыс Горн, Кук перешел к 1 января 1775 г. через пролив Ле-Мер к северному берегу Эстадос. Безопасную бухту, открытую им, он назвал Новогодней, островки, ограждающие ее с севера,— Новогодними. С 3 по 6 января Кук искал большую землю, которую видели якобы у 58° ю. ш., к юго-востоку от Эстадос, и условно наносили на карты. Не найдя ее, Кук повернул на север, чтобы на параллели 54° ю. ш. искать другую землю, открытую 29 июня 1756 г. капитаном испанского купеческого корабля «Леон», на котором плавал А. Далримпл. Долгота ее показывалась по английским источникам различно, и поэтому Кук сомневался в ее существовании. Однако 16 января 1775 г. он нашел сушу у 38°30′ з. д. (более чем на 6 градусов восточнее, чем определил А. Далримпл), на следующий день высадился на берег, провозгласил новую землю британским владением и назвал ее Южной Георгией.

Кук описывает внутреннюю часть этой земли, лежащей так же далеко от Южного полюса, как его родина — Йоркшир — от северного, как «дикую и суровую» страну: «Дикие скалы вздымают свои вершины к облакам, а долины погребены в вечных снегах. Нигде не... видно дерева или даже кустика...». 19 января, следуя на юго-восток вдоль берега Южной Георгии, Кук увидел там высокие горы; покрытые льдом вершины достигали облаков (до 2804 м над уровнем моря). На следующий день, обогнув Южную Георгию, он увидел на северо-западе тот мыс, с которого начал осмотр. Итак, открыт был остров[1], и притом не очень большой (4770 км^2). На

[1] Возможно, ни испанские мореходы, ни Д. Кук не были первооткрывателями о. Южная Георгия. Существует мнение, правда документально не подтвержденное: за столетие до него (в 1675 г.) руководитель торговой экспедиции французский моряк *Антуан Ларош* обнаружил этот одинокий остров. Напомним, что *А. Веспуччи* в 1502 г. также «претендовал» на лавры первооткрывателя Южной Георгии (см. т. 2, гл. 9.)



Плавания Д. Кука и его предшественников в Южном океане

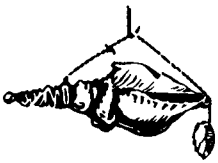
юго-востоке виднелась земля, закрытая густым туманом. 23 января Кук перешел к ней, но обнаружил лишь группу скалистых островков, которые назвал скалами Кларк.

Продолжая идти на юго-восток, Кук 28 января достиг 60°04′ ю. ш., 29°23′ з. д. и, встретив здесь много ледяных островов, повернул на северо-запад. 1 февраля он увидел высокий берег, простирающийся на восток-юго-восток. Гигантские вершины, покрытые снегом, терялись в облаках. Кук, крейсируя там, между 57° и 59°30′ ю. ш. до 6 февраля (с перерывами из-за густого тумана), решил, что «открытые нами берега... были либо группой островов, либо оконечностью материка», и назвал их «Землей Сандвича» — в честь *Джона Монтегю Сандвича,* тогдашнего первого лорда адмиралтейства. Итак, после незавершенного обследования «Земли Сандвича» Кук еще допускал, что она может оказаться выступом Южного материка. Затем он пересек в 50-х широтах меридиан, указанный Буве, прошел дальше на восток еще на 13°, не встретив признаков суши, и пришел к убеждению (неправильному), что Буве «принял за берега земли ледяной остров». 23 февраля он повернул на север. А 29 июля 1775 г. «Резольюшен» вошел в английскую гавань после плавания, продолжавшегося 3 года 18 дней.

Сам Кук с законной гордостью подвел итог результатам своего антарктического кругосветного плавания: «Я [первый] обошел Южный океан в высоких широтах и... неоспоримо отверг возможность существования здесь материка, который, если и может быть обнаружен, то лишь вблизи полюса, в местах, недоступных для плавания... Я не стану отрицать, что близ полюса может находиться континент или значительная земля. Напротив, я убежден, что такая земля там есть и, возможно, что мы видели часть ее [«Земля Сандвича»]... Это земли, обреченные природой на вечную стужу, лишенные тепла солнечных лучей. Но каковы же должны быть страны, расположенные еще дальше к югу... Если кто-либо обнаружит решимость и упорство, чтобы разрешить этот вопрос, и проникнет дальше меня на юг, я не буду завидовать славе его открытий. Но должен сказать, что миру его открытия принесут немного пользы».

Итак, Кук признавал наличие антарктической суши, но отодвигал ее слишком далеко к полюсу и не видел никакого практического интереса в ее открытии. Впрочем, сам он не верил, что какой-либо смертный может совершить в Антарктике больше, чем совершил он: «Риск, связанный с плаванием в этих необследованных и покрытых льдами морях в поисках материка,— писал он в другом месте,— настолько велик, что я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы...» Но такие люди нашлись, а исследование Антарктического материка началось еще на парусных судах менее чем через полвека после того, как Кук писал эти горделивые, но непророческие слова.

ТРЕТЬЕ ПЛАВАНИЕ И ГИБЕЛЬ КУКА



Плавание в Южном полушарии

Вскоре после возвращения Кук был повышен в чине до капитана 1-го ранга и принят в члены Королевского общества, т. е. стал академиком. Его назначили правителем Гринвичского морского госпиталя — покойное, но мало привлекательное для Кука место. По существу это означало хотя и почетную, хорошо оплачиваемую, но все же отставку — к 47 годам. К этому времени парламент постановил, что премия в 20 тыс. фунтов стерлингов будет выдана любому английскому кораблю, который найдет любой проход между океанами выше 52° с. ш. Этому открытию англичане придавали теперь государственное значение из-за продвижения к Северо-Западной Америке русских с запада и испанцев с юга. Британское адмиралтейство решило отправить на поиски Северного прохода два судна. И 10 февраля 1776 г. Кук пишет письмо с просьбой назначить его начальником новой экспедиции. Ему дали тот же «Резольюшен», помощником его был Джон Гор, вторым кораблем, «Дискавери», командовал *Чарлз Кларк,* участник двух предыдущих плаваний. Кук получил и чисто политическое задание — вступить во владение любой землей, еще не открытой другими державами, и тщательно обследовать землю, обнаруженную Кергеленом. Видимо, адмиралтейство все еще допускало, что эта земля может быть частью Южного материка.

14 июля 1776 г. Кук вышел из Ла-Манша в океан и 18 октября подошел к мысу Доброй Надежды. Там он дождался Кларка. Они простояли у мыса до 5 декабря, проводя ремонт обоих судов и пополняя запасы продовольствия. 52 дня англичане шли через Индийский океан приблизительно по параллели 48° ю. ш. На пути они видели о-ва Марион, Крозе и Кергелен, открытые в 1771 г., но сами не нашли ничего нового. 26 января 1777 г. они подошли к юго-восточному берегу Вандименовой Земли, где после Тасмана в 1772 г. побывали французы Никола Марион-Дюфрен и Жюльен Крозе, и простояли там до 30 января. Продолжая плавание, корабли 12 февраля подошли к тому пункту Новой Зеландии, где были убиты 10 моряков из команды Фюрно. Кук узнал, как они погибли, и решил не применять оружия против новозеландцев, рассчитывая вернуться и не желая восстанавливать их против англичан.

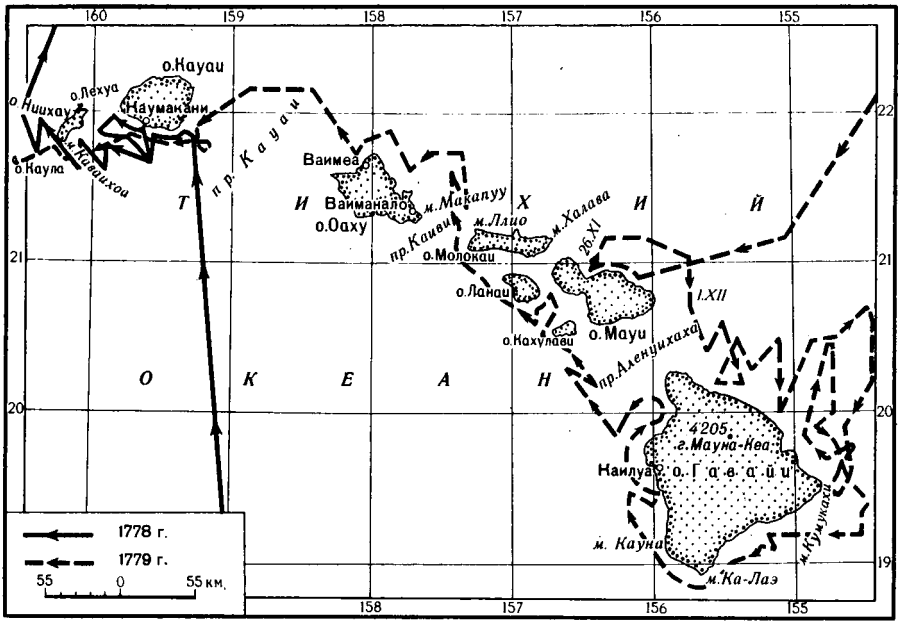
25 февраля экспедиция направилась на северо-восток, нашла в конце марта у 22—20° ю. ш. два обитаемых острова Мангаиа и Атиу, где жители понимали таитянский язык, и один необитаемый (Такутеа), подошла к атоллам Херви и две недели обследовала водное пространство к западу и северо-западу до атолла Палмерстон, завершив открытие южных островов Кука. Оттуда корабли двинулись на запад, к о-вам Тонга, сопровождаемые обильными дождями, благодаря которым удалось сделать большие запасы воды. Находясь на этих островах с 28 апреля по 17 июля, Кук собрал значительные этнографические материалы и открыл в центральной части архипелага (у 19°30′ ю. ш.) группу небольших о-вов Хаапай. Затем суда проследовали на восток по дуге, выгнутой к югу, 8 августа у Южного тропика обнаружили о. Тубуаи в одноименном архипелаге и, повернув на север, 12 августа достигли о-вов Общества. Кук выяснил, что в его отсутствие испанцы оставили на одном из островов четырех человек, в том числе двух попов, и забрали их по прошествии 10 месяцев.

Медленно шли корабли от острова к острову — вновь, как и в архипелаге Тонга, Кук проявил несвойственную ему бездеятельность, длившуюся четыре месяца. Видимо, он просто устал, потерял вкус к новым открытиям и вполне сознательно позволил себе и другим расслабиться перед предстоящим тяжелым плаванием в северной части Тихого океана. 8 декабря корабли направились на север.

Открытие Гавайских островов

Кук считал, что с точки зрения адмиралтейства он только с этого момента начинает «плавание для открытий»[1]. 24 декабря за экватором увидели несколько атоллов. А так как на следующий день наступало рождество, Кук дал этой группе название Кристмас («Рождество»); оно укрепилось за главным островом длинной цепи Лайн (Центральные Полинезийские Спорады). 2 января 1778 г. англичане двинулись оттуда на север и не видели земли 16 дней. 18 января на рассвете за 21° с. ш. показалась высокая земля, и уже на следующий день Кук обнаружил, что она состоит из нескольких островов, названных им «Сандвичевыми». Это была центральная группа Гавайской цепи между 158 и 168° з. д., в том числе Оаху (1548 км^2), Кауаи (1416 км^2) и небольшого о. Ниихау. 19 января несколько лодок подошло к кораблям. Жители говорили на языке, сходном с таитянским. Все они были люди смуглые, крепкого сложения. Держались они мирно, поэтому убийство одного гавайца английским офицером, посланным за водой, вызвало крайнее раздражение Кука. Поднявшись на корабль на следующий день, островитяне удивлялись всему увиденному там больше, чем жители любых других островов, посещенных Куком. «Это свидетельство-

[1] Здесь и далее цит. из книги Д. Кука «Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг.».



Пути Д. Кука у Гавайских о-вов в 1778 и 1779 гг.

вало о том, что прежде они никогда не бывали на борту корабля». Однако гавайцы были знакомы с железом, пользовавшимся большим спросом. Кук обратил на это особое внимание, так как на всех других островах Полинезии жители не знали железа. Между тем гавайцы понимали, что железные орудия гораздо более пригодны для сверления или резания, чем любое другое орудие, производимое в их стране, и просили у англичан железа. У гавайцев моряки видели несколько железных предметов — судовые гвозди и, скорее всего, обломки широких рыбацких ножей. По преданиям самих гавайцев, эти предметы попали к ним за 250 лет до посещения Д. Кука, т. е. примерно в XVI—XVII вв., с двумя-тремя группами людей. Они прибыли на Гавайи на лодках или плотах и не понимали местного языка. Кто они — японские ли рыбаки, отброшенные штормом в океан и унесенные затем течением более чем на 5 тыс. км от Японии; потерпевшие ли кораблекрушение испанские или португальские мореплаватели либо провинившиеся моряки, высаженные с судов? Эти пришельцы обычно навсегда поселялись на Гавайских о-вах и обзаводились семьями. Правда, были и исключения. Вероятно, кое-кому и удалось вернуться на родину (в Азию или Европу) и доставить глухие отрывочные сведения о каких-то островах, затерянных в океане. Возможен, наконец, и такой вариант: их могли усмотреть с отдельных испанских судов из числа возвращавшихся с Филиппин в Мексику путем Урданеты.

Плавание в северной части Тихого океана и гибель Кука

Англичане пробыли на Гавайских о-вах 15 дней. За это время Кук осмотрел южные берега о-вов Кауаи и Ниихау и узнал о существовании «где-то поблизости» другой земли — слабозаселенной и низкой, вероятно о. Молокаи. Следовало, однако, спешить, чтобы проникнуть в северные воды летом. И 2 февраля Кук направился на северо-восток. 7 марта перед ним открылся «Новый Альбион» — тихоокеанский берег Северной Америки у 44°20′ с. ш. Эта земля была «не очень высокая, ...холмистая и покрытая лесом».

У приморских индейцев имелись различные металлические вещи — до серебряных столовых ложек включительно, по мнению Кука, испанской выделки, но тогда к ним уже могли попадать через ряд посредников и французские изделия из Канады и русские от промышленников. От «Нового Альбиона» англичане пошли на север, но туман и противный ветер мешали как следует осмотреть берег, часто пропадавший из виду, и нанести его на карту. 29 марта, пропустив, как, впрочем, многие мореплаватели после него, устье р. Колумбии, Кук вошел в небольшой залив Нутка (у 49°40′ с. ш.), обнаруженный в 1774 г. испанцем Х. Пересом, чего Кук не знал. Оба мореплавателя считали, что Нутка находится на западном побережье материка — их ошибку в 1792 г. выявил *Джордж Ванкувер* (см. гл. 23). Здесь англичане затратили почти месяц на ремонт обоих судов. Кук использовал вынужденную стоянку для сбора сведений об индейцах племени квакиютль из группы вакашей и составил словарь их языка, включающий 260 слов.

26 апреля суда, покинув Нутку, взяли курс на север при свежем ветре, «сопровождавшемся шквалами и дождем», а иногда градом и мокрым снегом. 1 мая моряки подошли к пункту у 55° с. ш., где 37 лет назад А. Чириков впервые коснулся побережья Северо-Западной Америки. Сильный ветер и туман не позволили Куку идти близ берега, вот почему он, как и его предшественники, ошибся, приняв о-ва Александра за материк. 4—9 мая он наблюдал гору Св. Ильи, открытую Берингом и Чириковым, и верно определил, что она принадлежит хребту северо-западного простирания — горы Св. Ильи (длина 350 км). 12 мая англичане открыли и нанесли на карту небольшой залив (Принс-Вильям, у 147° з. д.), где у них состоялась встреча с эскимосами-чугачами.

После трехдневного ремонта суда покинули свое пристанище, и по выходе из него Кук обнаружил длинный и узкий о. Монтагю, названный им в честь Д. Сандвича. Поднявшийся сильный ветер заставил моряков держаться подальше от берега, но они все же дважды касались земли в периоды затишья. 25 мая Кук открыл небольшие о-ва Баррен (у 152° з. д.) и, обойдя их с запада, на следующий день проник в залив или пролив, как некоторое время считал он и ряд его офицеров. На северо-западе англичане увидели «гор-

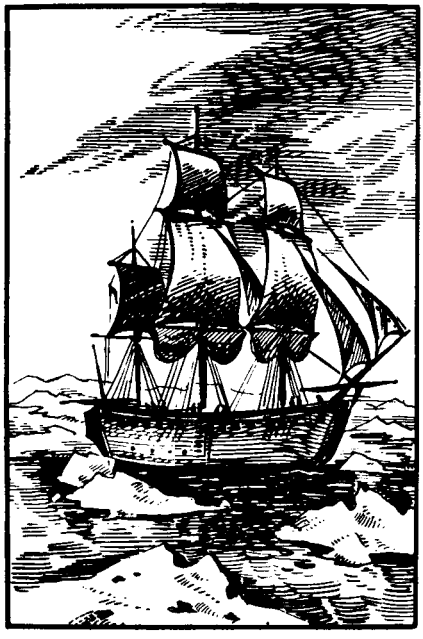
ную цепь большой высоты» (южная часть Аляскинского хребта) и приняли ее за группу островов. 30 мая, находясь близ 60°40′ с. ш., Кук взял пробу воды — она оказалась почти пресной. И лишь тогда он пришел к выводу: суда находятся «не в проливе, сообщающемся с Северным морем», т. е. в Северо-Западном проходе, а в эстуарии большой реки, нареченной им Тернагейн. Кук ошибся — он открыл узкий и длинный (370 км) залив, носящий ныне его имя; название Тернагейн-Арм сохранилось только за узкой и извилистой вершиной залива Кука между п-овом Кенай, отчетливо выступающим на составленной им карте, и материком.

2 июня суда направились на юг, а на следующий день, когда туман рассеялся и «небо очистилось от облаков», у 60° с. ш. Кук увидел вулкан (Илиамна — 3075 м). По выходе из «своего» залива, он двинулся к юго-западу маршрутом Беринга и Чирикова и 28 июня вошел в бухту на северном берегу о. Уналашка. Здесь моряки пополнили запасы пресной воды и простояли до 2 июля. Отыскивая желанный проход в Атлантический океан, Кук направился к северо-востоку вдоль низменного побережья длинного и узкого п-ова Аляска. Затем берег повернул к северу, а потом к западу. 16 июля англичане подошли к скалистому мысу Ньюэнхем (у 162° з. д.), за которым береговая линия вновь приняла северное направление. И Кук правильно решил, что открыл крупный залив[1], назвал его Бристольским и нанес на карту. Правда, северное побережье залива было осмотрено слишком бегло — позднее русские открыли там несколько заливов и остров (Гагемейстера).

От мыса Ньюэнхем суда повернули на запад и, двигаясь в тумане почти две недели, коснулись о. Св. Матвея, обнаруженного весной 1749 г. экспедицией Ивана Бахова — Никиты Шалаурова. Оттуда Кук проследовал на северо-восток и 3 августа у 63° с. ш. и 167°30′ з. д. открыл маленький остров, названный им в память об умершем в тот день хирурге *У. Андерсоне*. Многие историко-географы ошибочно отождествляют о. Андерсон с о. Св. Лаврентия. Однако на карте, составленной Куком, этот островок показан примерно в 100 км к востоку от о. Св. Лаврентия, посещенного им на обратном пути и изображенного в виде архипелага. Через день в густом тумане корабли подошли к берегу Америки у 166° з. д. От прибрежного о. Следж Кук двинулся близ побережья к северо-западу и 9 августа, когда прояснилось, увидел несколько островов (из группы Диомида, уже известных русским) и мыс, открытый до него И. Федоровым и М. Гвоздевым. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что именно Кук первый правильно представил себе истинное положение этого пункта, названного им мысом Принца Уэльского: «...он является западной оконечностью всей до сих пор известной [части] Америки».

На следующий день Кук пересек Берингов пролив в широтном направлении и вошел в узкий залив, получивший имя Св. Лаврен-

[1] Русские промышленники, возможно, посещали небольшие участки побережья залива, но документами это пока не подтверждено.

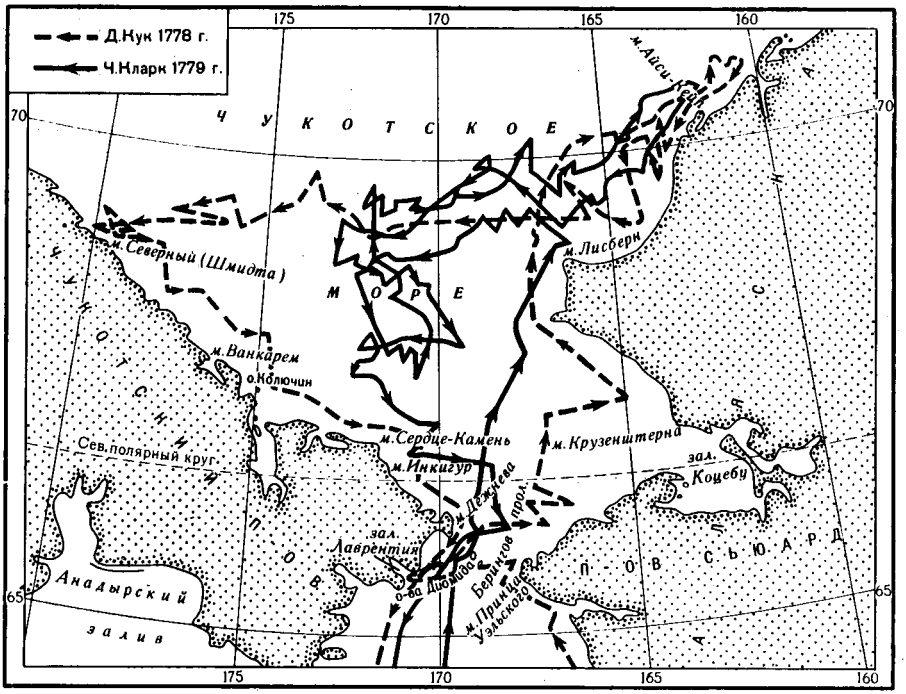


«Резольюшен» во льдах Чукотского моря

тия[1]. Кук, как и всегда, дал четкую этнографическую характеристику местных жителей и пришел к правильному выводу, что эта «страна чукчей, которая была обследована Берингом в 1728 году». Затем суда пересекли пролив северо-восточным курсом (причем 11 и 12 августа Кук одновременно видел Азиатский и Американский материки) и вышел в Чукотское море, держась ближе к американскому берегу. Погода стояла пасмурная, шел дождь, дул крепкий ветер, и Кук не заметил огромного, вдающегося в сушу залива Коцебу. 17 августа прояснилось, и на севере появились отблески, а затем и первое ледяное поле. Суда достигли 70°44′ с. ш., но севернее пробиться не смогли из-за сплошных льдов. Кук отступил, открыл на юге «Ледяной мыс» (Айси-Кейп, у 70°20′ с. ш., 161°50′ з. д.). «...Земля за ним [мысом] тянется [на юго-восток], насколько хватает глаз, и, несомненно, является продолжением Американского континента». Таким образом Кук стал пионером открытий северного побережья Аляски. Неподалеку он обнаружил крупные лежбища моржей и повернул к юго-западу. Несколько дней он двигался в этом направлении в густом тумане и лишь 21 августа при кратковременном прояснении увидел американский берег (мыс Лисберн), почти точно определив его широту (68°55′ с. ш.). Ледяные поля не позволяли пробиться к северу, и в течение недели корабли шли на запад у их кромки, пытаясь разыскать какую-нибудь «лазейку» во льдах.

Лето подходило к концу, и Кук решил не предпринимать попыток поисков прохода. 29 августа он подошел к северному берегу Чукотки у мыса Северного (с 1935 г. мыс Шмидта, у 179°30′ з. д.), выполнив широтное пересечение Чукотского моря, и оттуда повернул на юго-восток вдоль побережья. Вновь пройдя через Берингов пролив, на этот раз близ берегов Чукотки, Кук спустился к югу приблизительно до 64° с. ш. и круто повернул на восток. 7 сентября суда достигли Америки восточнее о. Следж (у 166° з. д.). До 19 сентября при ясной погоде Кук обходил со съемкой выявлен-

[1] Небольшой чукотский залив Лаврентия (его не следует путать с огромным североамериканским «тезкой») под названием «губа Теняха», как мы уже отмечали, положен на карту Т. Переваловым.



Маршруты Д. Кука и Ч. Кларка в Чукотском море

ный им обширный залив Нортон с бухтой Нортон и рядом мелких островов, но не смог подойти к его южному берегу из-за отмелей. Вода там была мутная, грунт иловатый, из чего Кук сделал правильный вывод, что на этом участке в залив впадает «значительная река» (Юкон). Общая протяженность открытой им береговой линии Америки составила почти 1 тыс. км (правда, часть северного берега залива Кук обнаружил вторично — после И. Федорова и М. Гвоздева).

От залива суда прошли на запад, коснулись о. Св. Лаврентия и 2 октября прибыли к о. Уналашка, где простояли до 26 октября. Здесь Кук встретился с русским мореходом Г. Г. Измайловым, не делавшим секрета из того, что он знал о северной части Тихого океана. Кук получил от него много полезных для себя сведений: Измайлов исправил ряд ошибок в составленных Куком картах, внес некоторые добавления в картах, доставленных англичанами с родины, и разрешил скопировать две русские карты Охотского и Берингова морей. На Уналашке Кук узнал, что в Петропавловске мало съестных припасов и они очень дороги. Но главная причина выбора места зимовки на Гавайях заключалась в другом: «...я совершенно не желал проводить в бездействии шесть или семь месяцев... [неизбежном] в этих северных местах».

Затратив на переход ровно месяц, 26 ноября англичане открыли о. Мауи (1885 км^2, с вершиной 3055 м) и к западу от него

о. Молокаи, а 30 ноября 1778 г. впервые высадились на большую землю к юго-востоку от Мауи. После исследования, затянувшегося до середины января 1779 г., Кук убедился, что в центре Тихого океана примерно между 19 и 22° с. ш.[1], он открыл большой архипелаг, а о. Гавайи, лежащий в основном к югу от 20° с. ш.,— крупнейший и самый высокий из этих Сандвичевых о-вов (10 400 км^2, вершина Мауна-Кеа — 4205 м).

Островитяне приняли Кука как божество, против чего он нисколько не возражал. Однако служение новому «богу» оказалось для верующих еще тяжелее, чем старым богам: он требовал слишком много продуктов для своих людей, нарушал строгие запреты (табу), а по обычному правилу такие нарушители карались смертной казнью. В ночь на 14 февраля 1779 г. Кук узнал, что жители увели шлюпку. Он приказал захватить все гавайские лодки, стоявшие в гавани, а утром высадился на берег с отрядом в 10 человек, арестовал старого вождя с сыновьями и повел к шлюпке. В это время матросы с других шлюпок обстреляли уходившую пирогу и убили одного из находившихся там людей (по-видимому, знатного). Тогда гавайцы, толпой следовавшие за арестованным вождем, отослали женщин и детей и вооружились дротиками и камнями. Кук первый выстрелил в одного воина, офицер убил ударом приклада другого, капитан выстрелил в третьего. Островитяне кинулись на англичан и убили Кука и нескольких его спутников. По позднейшим сообщениям, при этом пало 30 гавайцев, в том числе шесть вождей. Нападавшие разрубили тело Кука на части и разослали их вождям острова.

Заместитель Кука, Чарлз Кларк, настоял на мирных переговорах. Один из вождей принес останки погибшего капитана. Их положили в гроб и опустили в море. По свидетельству англичан, его спутников, Кук сам стал виновником собственной гибели, а русский мореплаватель первой четверти XIX в. *О. Е. Коцебу* считал, что за свое поведение Кук получил заслуженное наказание.

23 февраля корабли отплыли на север и выполнили съемку крупнейших островов Гавайского архипелага. Смертельно больной, Ч. Кларк повел экспедицию в Чукотское море, но достиг только 70°35′ с. ш. и на обратном пути, у берегов Камчатки, умер. Его похоронили в Петропавловске. Под командой Д. Гора суда обогнули мыс Доброй Надежды и вернулись в Англию 7 октября 1780 г.

Джеймс Кук по праву принадлежит к когорте великих мореплавателей. Он положил конец представлениям о существовании огромного Южного материка, «отодвинув» его за Южный полярный круг; он по существу открыл Новую Зеландию. Кук первый проследил на всем протяжении восточный берег Австралийского континента и обнаружил Большой Барьерный риф. Он открыл Гавайские о-ва и впервые нанес на карту около 1 тыс. км побережья Аляски.

[1] Кук обнаружил лишь юго-восточную часть цепи, состоящую из крупных островов. В 1828 г. русский моряк *Михаил Николаевич Станюкович*, открыв атолл Куре, доказал, что Гавайские о-ва протягиваются на 2600 км между 28°25′ и 19°30′ с. ш.

Глава 24

ИНОСТРАННЫЕ ТИХООКЕАНСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ КОНЦА XVIII ВЕКА

Плавание и гибель экспедиции Лаперуза

В 80-х гг. XVIII в. французское правительство приступило к организации морской экспедиции; основная ее задача заключалась в исследовании и по возможности захвате новых тихоокеанских земель взамен утерянных Францией владений в Северной Америке и Индии. В 1785 г. снаряжены были два военных корабля — фрегаты «Буссоль» и «Астролябия» с экипажем в 223 человека — под начальством *Жана Франсуа Лаперуза* (он же командир «Буссоли»), опытного 40-летнего моряка. Он взял с собой ученых различных специальностей. Командиром «Астролябии» назначили 40-летнего моряка *Поля Антуана Флерио де Лангля.* На берегу — по какой-то причине не включенный в списки — остался *Наполеон Бонапарт,* один из учеников Парижской военной школы. Обогнув мыс Горн и вступив в феврале 1786 г. в Тихий океан, Ж. Лаперуз прошел до чилийского порта Консепьсьон (у 37° ю. ш.), повернул к о. Пасхи, а оттуда к Гавайям и высаживался на о. Мауи. В июне фрегаты перешли к северному берегу залива Аляска. Ж. Лаперуз начал обследование с залива Айси-Бей (у 60° с. ш.) и шел оттуда вдоль берега в направлении, противоположном движению Кука в 1778 г.,— на юго-восток, до залива Монтерей (у 37° с. ш.). После обхода он сделал верный вывод, что в 50-х широтах близ материка расположен архипелаг (теперь выделяют даже два — Александра и Королевы Шарлотты). Но детального осмотра этого побережья он не произвел.

От Монтерея Ж. Лаперуз направился к Филиппинам, а весной 1787 г. начал обследовать берега Восточной Азии в умеренной зоне, постепенно продвигаясь на север. Французы нанесли на карту — очень неточную — берега Восточно-Китайского и Японского морей, поднялись на север почти до 40° с. ш. 3 июля суда оставили небольшую бухту и двинулись в общем к северо-востоку. Утром 7 июля с борта была усмотрена гористая земля, протягивающаяся в меридиональном направлении. Самую заметную вершину Ж. Лаперуз назвал «Пиком Ламанон»[1]. Вскоре на море пал густой ту-

[1] На наших картах г. Ичара (1022 м) в горах Ламанон (у 142° в. д.), на западном берегу о. Сахалин, близ мыса Ламанон.

Ж. Лаперуз

ман, и французы, считая, что перед ними побережье Йессо (о. Хоккайдо), шли далее на север практически наугад, а через пять дней бросили якорь в удобной бухте. Из объяснений местных жителей и чертежа, набросанного ими, Ж. Лаперуз понял: он находится на острове, который называется Сахалин, отделенном от материка и о. Йессо проливами.

Корабли продолжали плавание к северу по Татарскому проливу (название дано Ж. Лаперузом), подходя то к азиатскому побережью, то к Сахалину, и 23 июля обнаружили небольшой залив Жонкиер, (впоследствии здесь возник город Александровск-Сахалинский; название залива на наших картах сохранилось за мысом). Севернее глубина моря стала уменьшаться — суда достигли входа в узкий пролив (в XX в. названный именм *Г. И. Невельского),* ведущий из широкого Татарского пролива в Охотское море. И тогда Ж. Лаперуз ошибочно решил, что перед ним — низменный перешеек, связывающий Азиатский материк с «полуостровом» Сахалин. Чтобы удостовериться в этом, он направил на шлюпке двух офицеров, вернувшихся 28 июля. Они подтвердили постепенное уменьшение глубин. Усилившийся ветер вынудил искать пристанище — суда получили небольшие повреждения,— и Ж. Лаперуз простоял до 2 августа в обнаруженной им у 51°31′ с. ш. удобной бухте, нареченной заливом Де-Кастри[1].

Пройдя затем к Сахалину, он двинулся на юг, проследил более 700 км побережья острова до южной оконечности, названной мысом Крильон и по пути 10 августа открыл о. Монерон. (Не ведая об этом, французы повторили, но в обратном направлении, маршрут М. Токуная.) После кратковременной стоянки у мыса Крильон Ж. Лаперуз впервые прошел из Японского моря в открытый океан проливом, впоследствии получившим его имя, затем вдоль дуги Курильских о-вов[2] и 7 сентября прибыл в гавань Петропавловска-Камчатского. Оттуда он послал в Париж сухим путем через Сибирь и Европу с экспедиционными материалами и картами *Жана Батиста Лессепса,* оказавшегося единственным участником

[1] С 1952 г.— залив Чихачева, одна из немногих хороших гаваней Тихоокеанского побережья Азии между 44 и 52° с. ш. Французское название сохранено за портом.

[2] Проход между о-вами Черные Братья и Симушир Курильской гряды в XIX в. получил название пролив Буссоль.

экспедиции, вернувшимся на родину и завершившим кругосветное путешествие.

От Камчатки Ж. Лаперуз перешел в Океанию, к о-вам Мануа из восточной группы Самоа. Здесь по невыясненным причинам 11 декабря произошла кровопролитная стычка, убито было 19 самоанцев и 2 француза, один из них — П. Лангль. Через два дня корабли двинулись на запад. За Уполу 17 декабря был открыт другой остров — Савайи, крупнейший в архипелаге Самоа. Оттуда Лаперуз направился к Австралии и в конце января 1788 г. стал на якорь в заливе Ботани. Там французы встретились с английской флотилией, доставившей в Восточную Австралию первую партию ссыльнокаторжных. Начальник флотилии *Артур Филлип,* назначенный первым губернатором колонии Новый Южный Уэльс, основал в 25 км к северу от Ботани, у залива Порт-Джэксон, одноименный поселок — «зародыш» будущего Сиднея. В феврале 1788 г. Ж. Лаперуз послал оттуда во Францию донесение, в котором, между прочим, сообщал, что собирается посетить острова Меланезии, в том числе Санта-Крус, обогнуть Новую Голландию и идти к о. Иль-де-Франс (Маврикий).

После этого экспедиция вышла из Порт-Джэксона и пропала без вести. Только через 40 лет были найдены доказательства, что оба фрегата потерпели крушение у о. Ваникоро[1], из группы Сант-Крус, но судьба самих моряков — около 200 человек — не выяснена.

Поиски прохода в Атлантику

Тихоокеанское побережье Северной Америки между 45 и 60° с. ш. в 80-х гг. XVIII в. привлекало к себе внимание и купцов и географов. Одних притягивали пушные богатства края. Другим не давали покоя две проблемы — проход в Атлантический океан и пролив в мифическое североамериканское средиземное море. Среди моряков, посещавших этот район, ходили легенды о внутреннем море со множеством островов, занимающем значительную часть северных областей материка. (В 1790 г. появилась даже книга одного из капитанов, доказывавшего реальность существования такого моря и пролива, который соединяет его с Тихим океаном.)

Торговые и научные интересы в ряде случаев совпадали. Так, весной 1787 г. *Джордж Диксон,* капитан британского судна «Королева Шарлотта», обследовал широкий пролив, с тех пор носящий его имя (Диксон-Энтранс), между о. Принца Уэльского и о-вами Королевы Шарлотты. *Уильям Дуглас,* командовавший кораблем «Ифигения», в 1788 г. первый прошел по всей длине морской канал, отделяющий от материка о-ва Королевы Шарлотты,— пролив Хекате. Летом следующего года он провел изучение группы

[1] А в 1962 и 1964 гг. новозеландец *Рис Дискомб* обнаружил здесь якорь, пушки, свинцовые грузила, медную цепь и обломок колокола с «Буссоли».

прибрежных небольших островов у 53—54° с. ш. и в поисках мифического пролива проследил до вершины узкий каньон, тем не менее названный проходом Дуглас. Его открытия положил на карту *Чарлз Дункан,* капитан «Принсесс Ройал», в погоне за тем же миражом открывший в том же 1789 г. остров, который получил имя его судна, отделенный от материка очень узким проливом.

Испанцы, внимательно следившие за незаконными — с их точки зрения — действиями англичан у Тихоокеанского побережья Северной Америки, направили туда военный корабль. Они посадили У. Дугласа под арест, а груз (или его часть) конфисковали. Английские купцы обратились в парламент, прося защиты, и в «горячую точку» в 1791 г. была направлена флотилия Д. Ванкувера (см. ниже).

Плавания Роберта Грея

В 1787 г. компания американских купцов организовала в Бостоне экспедицию на двух кораблях на Тихоокеанский Запад за мехами. Она обогнула мыс Горн и в сентябре 1788 г. достигла залива Нутка (у 49° с. ш.), куда и раньше ходили бостонские суда. Заготовив в этом районе много пушнины, американцы решили послать корабль «Колумбия» (212 т) под командой *Роберта Грея* за чаем в Китай, а второй корабль оставить на месте — продолжать заготовки. Р. Грей перешел от залива Нутка через Гавайские о-ва в Кантон, продал там пушнину и купил груз чая. Он вернулся в Бостон в августе 1790 г. вокруг мыса Доброй Надежды, завершив первое кругосветное плавание на корабле под флагом США. Через месяц Р. Грей был снова послан на «Колумбии» для заготовки пушнины. К лету 1791 г. он достиг Нутки, построил там во время зимовки небольшое судно и отправил его в начале апреля 1792 г. к берегам Аляски на заготовку пушнины. Сам же Р. Грей на «Колумбии» пошел вдоль американского берега на юг, по-видимому, со специальным заданием. Близ 46° с. ш. он увидел линию белых бурунов и правильно предположил, что за ними должна быть большая река. Возможно, он знал, так как встречался с испанскими и английскими моряками, что Бруно Эсета в 1775 г. именно в этом районе открыл устье крупной реки. (см. выше, гл. 18).

Р. Грей пытался подойти к берегу, но не мог сделать этого из-за противного ветра и течения. Потеряв напрасно больше недели, он вернулся, но мысль о реке не оставляла его. В начале мая Р. Грей возобновил поиски реки от 47° с. ш. На этой параллели он открыл небольшой залив, позднее названный его именем (Грейс-Харбор, у 46°15′ с. ш.), и 11 мая нашел, наконец, устье большой реки. Пройдя по ней примерно 30 км против течения, судно село на мель. Освободиться из песчаного плена удалось с трудом, и только через 10 дней Р. Грей вновь вышел в океан. Он назвал реку Колумбией, в честь своего корабля, и в устье водрузил флаг США: это была

первая формальная заявка Соединенных Штатов Америки на ту территорию Тихоокеанского Запада Северной Америки, которая в первой четверти XIX в. стала называться Орегоном[1].

Экспедиция Ванкувера

Англичанин Джордж Ванкувер в 1772—1780 гг. дважды обошел земной шар, участвуя во 2-й и 3-й экспедициях Д. Кука, следовательно, плавал уже во всех зонах Мирового океана. В 1791 г. он был назначен начальником экспедиции на двух кораблях с основным заданием — исследовать Тихоокеанское побережье Америки между 30 и 60° с. ш. Обогнув мыс Доброй Надежды, Д. Ванкувер в конце сентября 1791 г. подошел к юго-западному побережью Новой Голландии и поднял английский флаг на берегу обнаруженной им бухты Кинг-Джордж (у 118° в. д.), сделав таким образом официальную заявку на Западную Австралию: англичане спешили, так как подозрительно относились к активности французов в Океании и в австралийских водах. И все же Д. Ванкувер смог выполнить первую и сравнительно точную съемку южного побережья Австралии (открытого голландским капитаном *Франсом Тейсеном* в 1627 г.) на протяжении почти 600 км — до 122° в. д. Затем экспедиция направилась на юго-восток и в начале ноября разделилась. Д. Ванкувер, обходя Новую Зеландию с юга, положил на карту скалистые о-ва Те-Снерс: капитан второго судна *Уильям Роберт Бротон* к востоку от Новой Зеландии (у 44° ю. ш.) обнаружил обитаемый вулканический архипелаг Чатем. Соединившись у Таити, корабли двинулись к Гавайским о-вам, и в марте 1792 г. Д. Ванкувер составил их сравнительно точную карту.

В середине апреля 1792 г. Д. Ванкувер достиг американского берега и приступил к выполнению основного задания. За три года он заснял побережье от 39°20′ до 60° с. ш. — на протяжении 3 тыс. км. В своей работе Д. Ванкувер широко использовал указания русских, которых он, как в свое время и Д. Кук, встречал на берегах залива Аляска. Но в его распоряжении были и другие русские материалы, в том числе копии секретных карт, добытые адмиралтейством с помощью тайных агентов или британцев, близких ко двору Екатерины II (например, ее лейб-медика Д. С. Роджерсона). Использовал он также испанские материалы и непосредственные указания испанских моряков. Однако в проделанной им громадной работе имелись значительные пробелы, как доказали позднее русские моряки, открывшие ряд островов, проливов, бухт и рек между 56 и 58° с. ш. Это и понятно, если учесть чрезвычайную изрезанность берега на этом участке. Но крупнейший пробел отмечен не здесь, а между 43 и 46°30′ с. ш., где почти прямолинейный

[1] После формального присоединения этой тихоокеанской области к США она была разделена между двумя штатами — Вашингтоном (к северу от нижней Колумбии) и Орегоном (к югу от реки).

берег тянется в меридиональном направлении: за 46° англичане заметили белую линию бурунов, но не исследовали причины этого явления. А через несколько недель Р. Грей (см. выше) именно за этими бурунами нашел устье р. Колумбии.

Величайших результатов Д. Ванкувер — вместе с испанцами — добился на центральном участке побережья, между 47 и 56° с. ш. Корабли Д. Ванкувера вошли в пролив Хуан-де-Фука, и моряки на лодках исследовали все его ветви, глубоко врезающиеся в сушу длинные и узкие заливы (в том числе Пьюджет-Саунд, открытый офицером *Питером Пьюджетом)* и многочисленные острова. Никакого прохода на восток к другому океану или средиземному морю они, конечно, не нашли.

В проливе Хуан-де-Фука Д. Ванкувер встретил испанскую гидрографическую экспедицию под начальством *Хуана Бодега-и-Куадры,* почти двадцать лет плававшего в этих водах. Вместе они открыли и описали другой, более широкий, усеянный островками пролив, отделяющий от материка большой гористый остров, который они решили назвать Ванкувер-Куадра (теперь просто Ванкувер, 32,2 тыс. км^2), а название Куадра присвоено сравнительно небольшому острову в проливе. Сам пролив назван Джорджией, по имени Д. Ванкувера; малый архипелаг в его южной части — Сан-Хуан, в честь «святого покровителя» Хуана Куадры; малые острова и проливы получили и испанские и английские имена, например о-ва Кортес (конкистадор) и Бротон (офицер Д. Ванкувера), проливы Маласпина, (испанский мореплаватель) и Джонстон (офицер Д. Ванкувера — *Джеймс Джонстон)* и т. д. На западном побережье о. Ванкувер на карте преобладают английские имена, хотя его открыли, как мы знаем, испанцы Перес и Бодега-и-Куадра еще в 1774—1775 гг. (один из них тогда же открыл залив и о. Нутка).

Выйдя 9 августа 1793 г. северными проливами, узким — Джонстона и широким — Королевы Шарлотты, в залив Королевы Шарлотты, а затем в открытый океан, Ванкувер продолжал опись. Здесь англичане работали одни, без испанцев, и это отразилось на географической номенклатуре. Несмотря на то что о-ва Королевы Шарлотты были открыты и нанесены на карту (конечно, под испанскими именами) Пересом еще в 1774 г. и Ванкувер знал об этом, вся группа и два крупнейших острова, входящие в нее, «наречены» английскими именами.

То же в основном повторилось и к северу с отдельными островами Александра, в котором первые открытия сделаны русскими за полвека до Д. Ванкувера, а позднейшие — испанцами, за несколько лет до него (экспедиция *Алехандро Маласпины,* открывшая, в частности, о. Ревилья-Хихедо — у 56° с. ш.). Д. Ванкувер также улучшил карту всего залива Аляска, как выше указывалось, но с помощью русских. Они, между прочим, поразили англичанина тем «спокойствием и добрым согласием, в каком они живут между самыми грубыми сыновьями природы... приобретая любовь их благосклонным обращением». Д. Ванкувер окончательно разру-

шил созданную Д. Куком легенду о «великой реке Тернаген», позднее названной «рекой Кука», впадающей с севера в залив Аляска: он удостоверился, что это большой залив, который русские открыли до Кука и назвали «Кенайской губой» (теперь залив Кука). *В. М. Головнин* по этому поводу писал: «И если бы не Ванкувер, то и по сие время [1822] русским никто бы не поверил... а залив слыл бы ныне рекою...»[1].

Закончив опись побережья Америки до 60° с. ш., Д. Ванкувер повел свои корабли обратно вдоль американских берегов, обогнул мыс Горн и 20 октября 1795 г. прибыл в Англию, завершив третье кругосветное плавание. Съемочные работы, ведущая роль в которых принадлежала старшим штурманам *Джозефу Уидби* и Д. Джонстону, выполнены с тщательностью, почти не имеющей себе равных в истории морских исследований XVIII в. Команды его судов вернулись в хорошем состоянии (за четыре с половиной года плавания лишь один человек умер от болезни и пятеро погибли при аварии), но сам капитан был болен, не мог поправиться и умер в мае 1798 г. в возрасте 41 года. Обработку материалов экспедиции Д. Ванкувера закончил его брат *Джон* с помощью П. Пьюджета; труд этот издан в 1798 г. после смерти мореплавателя под названием «Путешествие для открытий в Северный Тихий океан...» в трех томах с атласом.

Д'Антркасто: поиски Лаперуза

Когда в Париж поступило сообщение, что корабли Ж. Лаперуза не пришли к о. Маврикий, в конце сентября 1791 г. из Франции на его поиски отправились корабли «Решерш» («Поиск») и «Эсперанс» («Надежда») под начальством *Жозефа Антуана Брюни Д'Антркасто.* Он должен был также исследовать острова Океании и австралийские берега, и поэтому с ними в плавание пошли художники и ученые, среди которых выделился гидрограф и картограф *Шарль Ботан-Бопре.*

В январе 1792 г. Ж. Д'Антркасто прибыл в Капстад, где ему сообщили, будто какой-то английский капитан видел с борта своего корабля на одном из о-вов Адмиралтейства людей во французских мундирах, но не имел времени высадиться на остров. Ж. Д'Антркасто решил идти туда вокруг Тасмании и в конце апреля—мая произвел съемку ее юго-восточного побережья, открыв небольшую бухту и о. Бруни. Во время короткой стоянки натуралисты выполнили ряд экскурсий в глубь страны. Перейдя 16 июня к почти не исследованной Новой Каледонии, Ж. Д'Антркасто заснял ее юго-западное побережье; оттуда он пошел к Соломоновым о-вам. Французы высаживались на о. Бугенвиль, проникли через пролив между Новой Британией и Новой Ирландией в Новогвинейское море, прошли мимо о. Адмиралтейства, но нигде не встретили и следов Ж. Лаперуза.

[1] Цит. по работе В. М. Головнина «Сочинения».

Ж. Брюни Д'Антркасто

После ремонта судов на о. Амбойна (Молукки) Ж. Д'Антркасто, выполняя второе задание, в конце года прошел вдоль Западной Австралии, и Ш. Ботан-Бопре заснял бо́льшую часть южного побережья материка от мыса д'Антркасто (116° в. д.) до «вершины» Большого Австралийского залива у 131°30′ в. д. и, следовательно, продолжил работу Д. Ванкувера еще на 1200 км далее к востоку. При этом он открыл бухту Эсперанс у 122° в. д. и вторично, после Ф. Тейсена (см. т. 2, гл. 31), цепь о-вов Решерш. Съемку пришлось прекратить: выяснилось, что запасы пресной воды подходят к концу. Корабли направились к юго-восточному берегу Тасмании и оставались в заливе Сторм до 15 февраля 1793 г. Французы установили дружеские контакты с тасманийцами, а натуралист *Жан Жюль Лабийардьер* составил интересный отчет об их облике, манерах и обычаях. Затем Ж. Д'Антркасто двинулся к Новой Зеландии, а оттуда через море Фиджи — к о-вам Тонга, где снова искал Ж. Лаперуза, и снова напрасно, но во время перехода 15—17 марта он обнаружил у 30° ю. ш. и 178°30′ з. д. группу небольших необитаемых о-вов Кермадек, названных так в честь командира одного из кораблей — *Юона Кермадека.* Жители Тонга, как всегда, дружелюбно встретили иноземцев и сообщили им точные сведения о судах, посещавших их архипелаг, но Ж. Лаперуз туда не заходил. Ж. Д'Антркасто вернулся (открыв 17 апреля коралловый о. Ботан-Бопре в группе Лоялти) к Новой Каледонии, теперь к ее северному берегу. Похоронив скончавшегося здесь Ю. Кермадека, моряки выполнили ряд экскурсий в горы.

На северо-западе Ж. Д'Антркасто наткнулся на длинный коралловый риф Французов и коралловые рифы Д'Антркасто с о. Юон (у 18° ю. ш.). Французы побывали на о-вах Санта-Крус, которые собирался посетить Ж. Лаперуз, и видели далеко на юго-востоке новый остров. Ж. Д'Антркасто нанес его на карту, но не подходил к нему, а это был как раз тот о. Ваникоро, у которого потерпели крушение корабли Ж. Лаперуза. Снова Ж. Д'Антркасто посетил Соломоновы о-ва, в середине августа проследовал через архипелаг Луизиада, где открыл много новых островов, названных в честь офицеров экспедиции (в том числе о. Россел и о-ва Ренар), а оттуда перешел к юго-восточному выступу Новой Гвинеи. До конца августа в этом районе французы обнаружили группу вулканических о-вов Д'Антркасто (общая площадь 3145 км^2 с вершинами до

2600 м) и, осмотрев около 800 км восточного берега, описали залив Юон и северо-восточный выступ Новой Гвинеи, назвав его п-овом Юон[1].

Проливом Дампира экспедиция вышла в Новогвинейское море и впервые положила на карту все северное побережье о. Новая Британия, пропустив, правда, ряд заливов: корабли держались недостаточно близко к берегу. Ж. Д'Антркасто был тогда уже смертельно болен; товарищи на более быстроходном «Решерш» отправили его в ближайшую голландскую колониальную гавань — на о. Вайгео, у северо-западного выступа Новой Гвинеи, где он умер 20 июля 1793 г. Между тем голландский правитель Молукк узнал, что республиканская Франция объявила войну Англии и Нидерландам. Он задержал французские корабли, но отпустил их через год. Когда же они отправились на родину, их захватили в плен англичане. Только после Амьенского мира 1802 г. пленники получили свободу и вернулись в Европу.

Двумя годами ранее Ж. Д'Антркасто уточнения в очертания побережья Новой Гвинени внес британский моряк Д. Мак-Клур (о нем мы писали в гл. 13). В 1791 г., командуя двумя судами, он прошел вдоль юго-западных берегов острова и наткнулся на пропущенный многочисленными предшественниками глубокий залив. После съемок Д. Мак-Клура выяснилось, что этот залив, на современных нам картах носящий название Берау, отделяет «голову» острова (п-ов Чендравасих) от его «зоба» (п-ова Бомбарай).

Беглые каторжники дополняют Кука

Англичанин *Уильям Брайант*, сосланный в Порт-Джэксон, решил бежать с австралийской каторги. Каким-то образом он раздобыл копию карты восточного берега Австралии, составленной Д. Куком, подговорил еще восьмерых каторжан, и 28 марта 1791 г. группа, в которую вошла его жена *Мэри* и двое их детей, отправились в плавание на север на шестивесельной шлюпке с парусом. На протяжении около 3 тыс. км — до мыса Флаттери (у 15° ю. ш.) — У. Брайант шел вдоль побережья, руководствуясь картой. Далее она помочь не могла — Д. Кук, как мы знаем, отсюда следовал восточнее Большого Барьерного рифа. И беглецы стали первооткрывателями более 500 км берега материка между 15 и 12°20′ ю. ш., выявив залив, позднее названный заливом Принцессы Шарлотты. Они благополучно достигли о. Тимор, где их задержали голландцы и передали англичанам. Конвоир британского судна, на котором У. Брайант и его группа вернулись на каторгу, сохранил карту похода, в ряде пунктов уточнявшую съемку Д. Кука, и записал рассказы М. Брайант и еще двух беглецов — *Джеймса Батчера* и *Джеймса Мартина*.

[1] На наших картах — залив Хьюон и п-ов Хьюон (в английском произношении).

Открытие пролива Басса

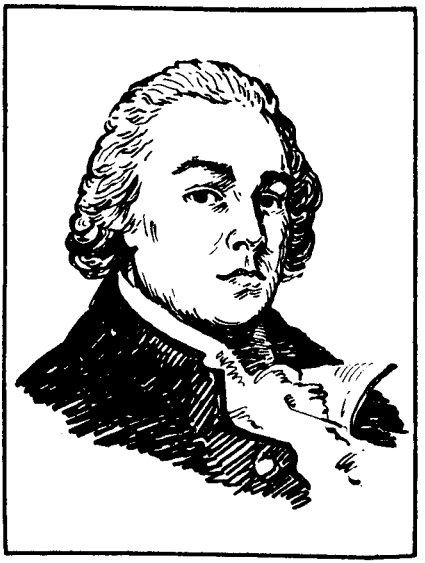
Английские и французские экспедиции последней четверти XVIII в. выявили береговую линию Новой Голландии лишь в самых общих чертах. Вандименова Земля все еще считалась ее полуостровом. Первые свободные поселенцы Нового Южного Уэльса и некоторые офицеры, отправленные на службу в эту колонию, начали более детальные исследования юго-восточной части материка. Определенную лепту в разрешение этой проблемы внесли и торговые моряки. В начале 1793 г. через пролив с запада на восток первыми прошли два английских торговых судна, направленные за мускатным орехом из Индии к Новой Гвинее. Поскольку в отчетах капитанов этих кораблей — *Джона Хейса* и *Корта* — были выявлены некоторые расхождения, а другие доказательства прохода проливом отсутствовали, их сообщению никто не поверил.

Еще одно английское купеческое судно, шедшее в Порт-Джэксон с грузом из Индии, в первых числах февраля 1797 г. потерпело крушение у островка, расположенного близ юго-западной оконечности о. Кейп-Баррен (о-ва Фюрно, у 40°30′ ю. ш. и 148° в. д.). В конце февраля 16 моряков под командой помощника капитана *Хью Томпсона* отплыли на баркасе на север, надеясь по достижении побережья Австралии добраться до Порт-Джэксона. 12 марта примерно в 100 км западнее мыса Эверард, усмотренного З. Хиксом, участником первого плавания Д. Кука, баркас разбился о скалы. Спустя три дня моряки двинулись в путь пешком.

14 мая, через два месяца после начала похода, Х. Томпсон был смертельно ранен в стычке с аборигенами (в пути погибло еще 13 человек), а на следующий день троих его спутников подобрало рыбачье судно в 22 км к югу от Порт-Джексона. Из сохраненного моряками дневника Х. Томпсона становится ясным, что он и его люди первыми прошли почти 800 км у подножия австралийских гор, позднее названных Большим Водораздельным хребтом (длина около 4 тыс. км), и открыли 100 км побережья Южной Австралии западнее мыса Эверард. Они также обнаружили выходы пластов каменного угля сравнительно недалеко от Порт-Джэксона и, следовательно, положили начало открытию одного из основных угольных бассейнов Австралии, эксплуатирующегося и в наши дни.

Для спасения остальных членов экипажа торгового судна власти Порт-Джэксона в конце 1797 г. выделили шхуну под командой военного моряка *Мэтью Флиндерса,* выполнившего эту операцию лишь в феврале следующего года; географическим результатом плавания было открытие о-вов Кент, к северо-западу от о-вов Фюрно. Значительно бо́льшую оперативность, но с другой целью, проявили каторжники. В начале октября 1797 г. для захвата судна с богатым грузом, не представляя точно, где произошло крушение, на похищенной шлюпке двинулась группа каторжан. Они продолжили открытие Х. Томпсона, пройдя 200 км вдоль побережья Южной Австралии далее к западу — до мыса Юго-Восточный на п-ове Вильсонс-Промонтори, южной оконечности материка

(39°11′ ю. ш.). Неподалеку от мыса они высадились на прибрежный островок; ночью семеро из группы, решив вернуться в Порт-Джэксон для сдачи властям, бежали на единственной шлюпке, прихватив все продукты и не оставив ни малейшего шанса на жизнь своим незадачливым товарищам.



Д. Басс

Совершенно случайно их обнаружил и спас военный врач *Джордж Басс,* заболевший «лихорадкой открытий» и отправившийся 3 декабря 1797 г. на вельботе с шестью волонтерами для обследования побережья к западу от мыса Эверард. К мысу Юго-Восточный он подошел 2 января 1798 г. и двинулся к югу, но примерно у 40° ю. ш. сильный ветер вынудил его вернуться к островку, где Д. Басс обнаружил несостоявшихся пиратов. Захватив их на вельбот, он обогнул п-ов Вильсонс-Промонтори, убедился, что берег материка поворачивает на северо-запад, и проследил его еще на 200 км до небольшого залива Уэстерн-Порт (у 145° в. д.). Почти две недели провели здесь исследователи, и Д. Басс сделал верный вывод, что он шел проливом и что, следовательно, Вандименова Земля не полуостров, а остров. Но полной уверенности в этом не было, так как перешеек, связывающий ее с материком, мог находиться и западнее Уэстерн-Порта. Выполнив подробную опись всего осмотренного побережья, Д. Басс 25 февраля вернулся в Порт-Джэксон.

Своими сомнениями он поделился с М. Флиндерсом, и 7 октября на судне «Норфолк» оба отправились в плавание для окончательного разрешения вопроса о проливе. Пройдя его с востока на запад, они затем обошли кругом всю Вандименову Землю (длина береговой линии более 1500 км), названную ими Тасманией. При плавании вокруг этого сравнительно небольшого острова[1] они открыли весь его северный берег и часть западного побережья (более 600 км), определили координаты нескольких мысов. 17 дней (с 3 по 19 ноября) провели Д. Басс и М. Флиндерс, исследуя эстуарий р. Теймар-Макуори, самой крупной реки острова, в те времена буквально забитый черными лебедями. При обследовании эстуария р. Деруэнт (юго-восточное побережье) они вторично после Ж. Д'Антркасто встретились с тасманийцами, через три четверти

[1] Площадь Тасмании (68,4 тыс. км^2) в два раза превышает территорию Молдавской ССР (34,0 тыс. км^2).

века полностью истребленными англичанами. (Происхождение аборигенов Тасмании не установлено, практически не изучены их языки и диалекты.) В проливе Басса они обнаружили ряд островов, в том числе на востоке Флиндерс, на западе о-ва Хантер; Д. Басс положил начало научному изучению животного мира острова, описав, в частности, тасманийского вомбата. Экспедиция завершилась 12 января 1799 г.

Первое не вызывающее сомнений плавание через новооткрытый пролив Басса с запада на восток, на кратчайшем пути из Англии к Сиднею, совершил в декабре 1800 г. английский военный моряк *Джеймс Грант* на военном судне «Леди Нельсон». Держась у западного входа в пролив ближе к материку, он открыл более 300 км южного побережья между 141 и 144° в. д., в том числе мысы Нельсон и Отуэй. Однако Д. Грант прошел за мысом Отуэй на восток мимо прекрасно укрытого залива (Порт-Филлип), не заметив входа в него, как и первооткрыватели пролива Басса, следовавшие вдоль берега на запад.

ЛИТЕРАТУРА

В список вошли оригинальные и переводные работы на русском языке, изданные отдельными книгами или целиком включенные в сборники.

Общая литература к нескольким главам

Азатьян А. А., Белов М. И., Гвоздецкий Н. А., Каманин Л. Г., Мурзаев Э. М., Югай Р. Л. История открытия и исследования советской Азии. М., Мысль, 1969.

Алексеев А. И. Колумбы Росские. Магадан, Кн. изд-во, 1966.

Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, Кн. изд-во, 1970.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII—XVIII вв. 2-е изд.. Иркутск, ОГИЗ, 1941.

Антошко Я. Ф. История географического изучения Земли. Развитие географических знаний в XVIII в. Конспект лекций. М., Изд-во МГУ, 1965.

Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск. Юж-Урал. кн. изд-во, 1982.

Атлас истории географических открытий и исследований. М., Гл. упр. геодез. и карт., 1959.

Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв. М., Наука, 1964.

Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. Пер. с англ. М., Изд-во иностр. лит., 1950.

Бейклесс Дж. Америка глазами первооткрывателей. Пер. с англ. М., Прогресс, 1969.

Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., Морской транспорт, 1956.

Верн Жюль. История великих путешествий. Пер. с фр. (т. 2). Л., Изд-во детской лит., 1958.

Вернадский В. И. Очерки по истории современного научного мировоззрения.— В кн.: Избранные труды по истории науки. М., Наука, 1981.

Галенко В. И. Курс — Север. Мурманск, Кн. изд-во, 1978.

Голант В. Я. Планету открывали сообща. М., Наука, 1971.

Гольденберг Л. А. Каторжанин — сибирский губернатор. Жизнь и труды Ф. И. Соймонова. Магадан, Кн. изд-во, 1979.

Горнунг. М. Б., Липец Ю. П., Олейников Н. Н. История открытия и исследования Африки. М., Мысль, 1973.

Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. Изд-во АН СССР, 1960.

Дивин В. А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII в. М., Мысль, 1971.

Дитмар А. Б., Соловьев А. И. Вопросы истории географии в школьном курсе. М., Просвещение, 1978.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., Наука, 1971.

Исаченко А. Г. История географических идей. М., Мысль, 1971.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. Т. 2. Л., Наука, 1968.

[Кремер В.] 300 путешественников и исследователей. Биографический словарь. Пер. с нем. М., Мысль, 1966.

Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. М., Мысль, 1971 (гл. 4 и 5).

Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Магидович И. П. Известные русские мореплаватели. (Прил. к сб. «Русские мореплаватели». М., Воениздат, 1953).

Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. М., Географгиз, 1962.

Магидович И. П. История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М., Мысль, 1965.

Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. 1-е, 2-е изд. М., Просвещение, 1957, 1967.

Магидович И. П., Магидович В. И. История открытия и исследования Европы. М., Мысль, 1970.

Макарова Р. В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке. Вторая половина XVIII в.— 60-е годы XIX в. М., Изд-во Мин. высш. и сред. спец. образования РСФСР, 1974.

Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., Наука, 1968.

Маклин А. Капитан Кук. Пер. с англ. М., Наука, 1976.

Малаховский К. В. История колониализма в Океании. М., Наука, 1979.

Медушевская О. М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во второй половине XVIII в.— Труды Моск. гос. историко-архивного института. Т. 7. М., Изд-во МГУ, 1954.

Милашев В. А. Алмаз. Легенда и действительность. 2-е изд. Л., Недра, 1981.

Можейко И. В. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV—XX века). 2-е изд. М., Наука, 1980.

Муравьев В. Б. Дорогами российских провинций. Путешествия Петра Симона Палласа. М., Мысль, 1977.

Новая История. Ч. I. 1840—1870. Учебник для педагогических вузов. 3-е изд.. М., Просвещение, 1978.

Павленко Н. И. Петр Первый. 2-е изд. М., Молодая гвардия, 1975.

Пасецкий В. М. Витус Беринг. М., Наука, 1982.

Пирен Ж. Открытие Аравии. Пять веков путешествий и исследования. Пер. с фр. М., Наука, 1970.

Помбу (Роша-Помбу) Ж. Ф. История Бразилии. Пер. с порт. 7-е изд. М., Изд.-во иностр. лит., 1962.

Попов С. В., Троицкий В. А. Топонимика морей советской Арктики. Л., Изд-во геогр. о-ва СССР, 1972.

Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках. Сб. М.— Л., Наука, 1965.

Райерсон С. Б. Основание Канады. Пер. с англ. М., Изд-во иностр. лит., 1963.

Русская тихоокеанская эпопея. (Сб. док. о выходе России в Тихий океан и первых этапах его исследования). Хабаровск, Кн. изд-во, 1979.

Свет Я. М. История открытия Австралии и Океании. М., Мысль, 1966.

Свет Я. М. Джеймс Кук. Мысль, 1979.

Томирдиаро С. В. Лёссово-ледовая формация Восточной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене. М., Наука, 1980.

Фель С. Е. Картография России XVIII века. М., Геодезиздат, 1960.

Фрадкин Н. Г. Географические открытия и научное познание Земли. М., Мысль, 1972.

Фрадкин Н. Г. Образ Земли. М., Мысль, 1974.

Экспедиция Беринга. Сб. док. М., Гл. арх. упр., 1941.

Глава 1

Пасецкий В. М. Первооткрыватели Новой Земли. М., Наука, 1980.

Пименов В. В., Эпштейн Е. М. Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX веков. Петрозаводск, Карелия, 1969.

Полякова У. М. Василий Васильевич Крестинин и его общественно-политическая деятельность.— Автореферат дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., Изд-во ЛГУ, 1962.

Черняховский Ф. И. Василий Васильевич Крестинин (1729—1795. Историк). Архангельск, Кн. изд-во, 1955.

Эпштейн Е. М. Деятельность В. В. Крестинина по изучению Русского Севера.— Ученые записки Петрозаводского университета, т. 7, вып. 1, 1957 (изд. 1958), с. 152—166.

Глава 2

Анучин Д. Н. Рельеф поверхности Европейской России в последовательном развитии о нем представлений.— В кн.: Рельеф европейской части СССР. М., Географгиз, 1948.

Вопросы географии петровского времени. Сб. ст. Л., Гидрометеоиздат, 1975.

Дейч Г. М. В. Н. Татищев. [Историк и гос. деятель. 1686—1750]. Свердловск, Кн. изд-во, 1962.

Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., Изд-во АН СССР, 1977.

Мильков Ф. Н. П. И. Рычков. Жизнь и географические труды. М., Географгиз, 1953.

Новлянская М. Г. Иван Кириллович Кирилов. М.— Л., Наука, 1964.

Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., Географгиз, 1950.

Глава 3

Ена В. Г. Открыватели земли Крымской. Симферополь, Крым, 1969.

Лукина Т. А. Иван Иванович Лепехин (1740—1802). (Натуралист, географ, путешественник). М.— Л., Наука, 1965.

Райков Б. Е. Академик Василий Зуев, его жизнь и труды. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1955.

Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман, выдающийся путешественник и натуралист XVIII века. Л., Наука, 1971.

Фрадкин Н. Г. Путешествия И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева. М., Географгиз, 1948.

Фрадкин Н. Г. Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768—1773 гг. 2-е изд. М., Географгиз, 1953.

Глава 4

Рототаев П. С. К вершинам. Хроника советского альпинизма. [Об О. Соссюре]. М., Физкультура и спорт, 1977.

Стащиц С. Краткий очерк моей жизни.— В кн.: Избранное. Пер. с польск. М., Гослитиздат, 1957.

Глава 5

Магидович И. П., Магидович В. И. История открытия и исследования Европы. М., Мысль, 1970 (гл. 32).

Щукин И. С. Общая морфология суши. Т. 1—2. М.— Л., ОНТИ НКТП СССР, 1938.

Глава 6

Полевой Б. П. О происхождении названия «Камчатка».— Приложение к книге: Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. (Из истории происхождения геогр. названий). Петропавловск-Камчатский, Дальневосточн. кн. изд-во, 1967.

Огрызко И. И. Открытие Курильских островов.— Ученые записки ЛГУ, Л., 1953, ч. 2, № 157.

Глава 7

Гольденберг Л. А. С. У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII—начала XVIII в.— Автореферат дис. Л., Недра, 1967.

Евтеев О. А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., Географгиз, 1950.

Кирилов И. К. Россия.— Атлас общегеографический. Атлас Всероссийской империи, в котором все ее царства, губернии, провинции, уезды и границы (фоторепродукция). Л., 1959.

Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., Наука, 1977.

Кушнарев Е. Г. В поисках пролива. Первая Камчатская экспедиция 1725—1730. Л., Гидрометеоиздат, 1976.

Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.— Л., Наука, 1966.

Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., Наука, 1970.

Обручев С. В. Где истоки Енисея? — В сб.: Памяти академика Л. С. Берга. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1955.

Обручев С. В. В сердце Азии. М., Мысль, 1965.

Полевой Б. П. Петр Первый, Николай Витсен и проблема «сошлася ли Америка с Азией».— В сб.: Страны и народы Востока. Вып. XVII, кн. 3. М., Наука, 1975.

Российские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., Географгиз, 1948.

Глава 8

Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Пер. с нем. Л.— М., Изд-во Главсевморпути, 1940.

Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., Географгиз, 1953.

Глава 9

Глушанков И. В. Навстречу неизведанному. Л., Гидрометеоиздат, 1980.

Романов Д. М. Полярные Колумбы (Туляки и калужане — герои Великой Северной экспедиции XVIII в.). Тула, Приокское кн. изд-во, 1976.

Романов Д. М. Колумбы Арктики.— В кн.: Романов Д. М., Каневский З. М. Колумбы Арктики. Полярник Кремер. Тула, Приокск. кн. изд-во, 1982.

Троицкий В. А. Географические открытия В. В. Прончищева, Х. П. Лаптева и С. И. Челюскина на Таймыре.— В сб.: Летопись Севера. Т. 7. М., Мысль, 1975.

Троицкий В. А. Записки Харитона Лаптева. М., Мысль, 1982.

Глава 10

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.— Л., Изд-во Главсевморпути, 1949.

[Крашенинников С. П.] С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.—Л., Наука, 1966.

Стеллер Г. В. Из Камчатки в Америку. Пер. с нем. Л., Изд. П. П. Сойкина, 1928.

Устинова Т. И. Камчатские гейзеры. М., Географгиз, 1955.

Фрадкин Н. Г. С. П. Крашенинников. 3-е изд. М., Мысль, 1974.

Яников Г. В. Великая Северная экспедиция. М., Географгиз, 1949.

Глава 11

Велинбахов В. Б. Александр Черкасский — сподвижник Петра I. Нальчик, Кабардино-Балкар. кн. изд-во, 1966.

Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов (1692—1780). М., Наука, 1966.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., Наука, 1964.

Княжецкая Е. А. Судьба одной карты (О Бековиче-Черкасском). М., Мысль, 1964.

Омаров О. Ю. Отважный исследователь Каспийского моря. (А. Бекович-Черкасский). Махачкала, Дагкнигоиздат, 1965.

Федчина В. Как создавалась карта Средней Азии. М., Наука, 1967.

Щукина Н. М. Как создавалась карта Центральной Азии. М., Географгиз, 1955.

Югай Р. Д. История географических и картографических представлений о пустыне Кызылкум. Ташкент, Фан, 1966.

Глава 12

Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М., Наука, 1966.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). М., Наука, 1967.

Камбалов Н. А., Сергеев А. Д. Первооткрыватели и исследователи Алтая. Барнаул, Алтайское кн. изд-во, 1968.

Мясников В. С. Землепроходец и дипломат.— В ежегоднике Дальневосточные путешествия и приключения. Вып. 4. Хабаровск, Кн. изд-во, 1973.

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1—2. 1608—1683 гг. М., Наука, 1969—1972.

Спафарий-Милеску Н. Г. Сибирь и Китай. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1960.

Токарев С. А. История русской этнографии. М., Наука, 1966.

Урсул Д. Т. Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М., Мысль, 1980.

Глава 13

Антонова К. А. Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., Изд-во Вост. лит., 1958.

Ханыков Н. В. Экспедиция в Хорасан. Пер. с фр. М., Наука, 1973. [О Д. Форстере].

Хасанов Х. Х. Географическое наследие ученых Средней Азии.— Автореферат дис. Ташкент, Фан, 1967.

Глава 14

Атлас океанов. Атлантический и Индийский океаны. Отв. ред. С. Г. Горшков. М., Гл. упр. навигации и океанографии. Мин. обороны СССР, 1977.

Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720—1830. Пер. с англ. М., Наука, 1972.

Попов К. М. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., Мысль, 1964.

Глава 15

Вязов Е. И. Мунго Парк. Путешествие к берегам Нигера. М., Географгиз, 1958.

Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Облик далекой страны. М., Наука, 1975.

Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Зов дальних морей. М., Наука, 1979.

Ерусалимский А. С. Колониальная экспансия капиталистических держав и освободительное движение народов Южной Африки и Китая в XVII—XIX вв. М., Наука, 1974.

Орлова А. С. История государства Конго (XVI—XVII вв.). М., Наука, 1968.

Хазанов А. М. Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI—XVIII вв.). М., Наука, 1976.

Глава 16

Варшавский А. С. Дорога ведет на юг. М., Географгиз, 1960. [О Ла-Сале].

Моуэт Ф. Испытание льдом. М., Прогресс, 1966. [Гл. 5 — о Грозейлье].

Тишков В. А. Страна кленового листа: начало истории. М., Наука, 1977.

Глава 17

Зингер Е. М. Между полюсом и Европой. 2-е изд. М., Мысль, 1981.

Зубов Н. Н., Бадигин К. С. Разгадка тайны Земли Андреева. М., Военно-морское изд-во, 1953.

Новосибирские острова. Сб. ст. Л., Морской транспорт, 1963.

Файнберг Л. А. Вклад американских эскимосов в освоение Арктики.— В сб.: Культура индейцев. Вклад коренного населения Америки в мировую культуру. М., Изд-во АН СССР, 1963.

Глава 18

Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., Наука, 1966.

Андреев А. И. Первые исследователи Алеутских островов.— В сб. Исторические записки. [Т. 68]. М., Изд-во АН СССР, 1961.

Глушанков И. В. Секретная экспедиция. Магадан, Кн. изд-во, 1972.

Сарычев Г. А. Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., Гос. изд. геогр. лит., 1952.

Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, Кн. изд-во, 1971.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1785—1795. Магадан, Кн. изд-во, 1978.

Глава 19

Хаген В. Их призвала Южная Америка. [Сокр. пер. с англ.] М., Географгиз, 1961. [Ла-Кондамин и др.].

Глава 20

Бугенвиль Л. А. Кругосветное путешествие на фрегате «Будез» и транспорте «Этуаль» в 1766, 1767, 1768 и 1769 годах. Пер. с фр. М., Географгиз, 1961.

Евреинов В. Н., Пронин Н. Н. За убегающим горизонтом. М., Мысль, 1964. [О фр. мореплавателе XVIII в. Л. А. де Бугенвиле].

Мазьер Ф. Загадочный остров Пасхи. Пер. с фр. М., Мысль, 1970.

Малаховский К. В. Остров, открытый Магелланом. (Гуам). М., Наука, 1975.

Малаховский К. В. Последняя подопечная. (История Микронезии). М., Наука, 1977.

Малаховский К. В. Соломоновы острова. М., Наука, 1978.

Малаховский К. В. Трижды вокруг света, М., Наука, 1982. [Об У. Дампире].

Фрадкин Н. Г. Необыкновенные путешествия. М., Мысль, 1978, с. 71—76.

Хейердал Т. «Аку-аку». Тайна острова Пасхи. Пер. с норв. М., Молодая гвардия, 1958.

Главы 21, 22, 23

[Кук Д.] Первое плавание капитана Джемса Кука. Плавание на «Индеворе» в 1768—1771 гг. М., Географгиз, 1960.

[Кук Д.] Второе плавание капитана Джемса Кука. Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг. М., Мысль, 1964.

[Кук Д.] Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. М., Мысль, 1971.

Свет Я. М. Мореплаватель туманного Альбиона. М., Географгиз, 1963.

Тумаркин Д. Д. Вторжение колонизаторов в «Край вечной весны». М., Наука, 1964.

Глава 24

Варшавский А. С. Лаперуз [1741—1788]. М., Географгиз, 1957.

Варшавский А. С. Следы на дне. М., Мысль, 1975. [Раздел о Ж. Ф. Лаперузе].

Головнин В. М. Сочинения. М.— Л., Изд-во Главсевморпути, 1949.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Введение 8

Глава 1. Исследование севера Европы 11
Путешествие Ламартиньера (11). Шпилькин на полуострове Канин (12). Реньяр в Лапландии (13). Лошкин, Чиракин и Розмыслов у Новой Земли (13). Русские описи берегов Баренцева и Белого морей (14). Известия Крестинина о «полунощных странах» (15). «Описание Белого моря» Фомина (17). Исландцы Олафсон и Палсон (18).

Глава 2. Исследователи Восточной Европы . . . 19
Съемка Дона и северо-восточных берегов Азовского моря (19). Первые русские геодезисты в Европейской России (20). Оренбургская экспедиция Кирилова (21). Петр Рычков и Иван Красильников (22). Татищев — первый исследователь Урала (24). Аббат Шапп на Русской равнине (25).

Глава 3. Русские академические экспедиции в европейской части России 26
Паллас на Оке и в Поволжье (26). Николай Рычков в Заволжье и на Каме (28). Паллас на Урале (29). Зуев на Полярном Урале (30). Вторая экспедиция Палласа по Уралу и Поволжью (31). Соколов в Калмыцкой степи (33). Гильденштедт в бассейне Дона и на юго-востоке Европы (35). Фальк на юго-востоке Европы (36). Самуэль Гмелин на Валдае и в Прикаспии (37). Лепехин в Поволжье и на Урале (38). Озерецковский и Лепехин на Севере (40). Георги на Урале и Волге и его географическая сводка (41). Лаксман в Карелии (43). Зуев на Среднерусской возвышенности и в Причерноморье (44). Первые исследователи Крыма и Тамани (45). Озерецковский на Ладожском и Онежском озерах (46). Общие результаты работы академических экспедиций в Европейской России (47).

Глава 4. Исследователи Карпат, гор Германии и Альп... 48
Фихтель в Западных Карпатах (48). Четыре путешествия Акке по Карпатам (48). Геологи-исследователи Центральной Европы (51). Сташиц (51). Шёйхцер в Швейцарских Альпах (54). Соссюр в Западных Альпах и первое вос-

хождение на Монблан (54). Акке в Восточных Альпах и на Динарском нагорье (58).

Глава 5. Исследователи Западной и Южной Европы... 62

Геттар и Демаре на Центральном массиве (62). Французские исследователи Пиренеев (64). Съемка северного побережья Средиземного моря (65). Тофиньо: опись побережья Испании (65). Исследователи Апеннин первой половины XVIII века (66). Исследователи Апеннин и Сицилии второй половины XVIII века (67). Описи британских берегов (68). Исследователи Великобритании Хаттон и Плейфайр (69).

Глава 6. Исследование бассейна Анадыря, присоединение Камчатки и открытие Курильских островов . 70

Первая съемка бассейна р. Анадыря и Анадырского залива (70). Присоединение Камчатки (72). Походы Атласова на Камчатку (73). Козыревский и открытие северных Курильских островов (79). Организация судоходства на Охотском море и открытие центральной группы Курильских островов (81).

Глава 7. Первые исследователи Сибири, Дальнего Востока и северной части Тихого океана 82

«Посылки» Ремезова (82). Петр Чичагов (82). Первая съемка верховьев Енисея (86). Первые петровские геодезисты в Забайкалье (86). Милованов в Приамурье (87). Путешествия Мессершмидта по Сибири (87). Евреинов и Лужин на Курильских островах (90). Первая Камчатская экспедиция Беринга — Чирикова (91). Экспедиция Шестакова — Павлуцкого (95). Гвоздев и Федоров — первооткрыватели Северо-Западной Америки (98).

Глава 8. Великая Северная экспедиция. Открытие русскими Северо-Западной Америки и северного пути в Японию 100

Организация и задачи экспедиции (100). Плавание Беринга: открытие Северо-Западной Америки, Алеутских и Командорских островов (102). Зимовка на острове Беринга и возвращение на Камчатку (104). Плавание Чирикова — открытие Северо-Западной Америки и Алеутских островов (105). Отряд Шпанберга и открытие северного пути в Японию (107). Хметевский: опись Охотского моря (108). Первые исследователи Приамурья (109).

Глава 9. Великая Северная экспедиция. Работа северных отрядов 111

Первый отряд: путь вокруг полуострова Ямал (111). Второй отряд: путь от Оби к Енисею и к полуострову Таймыр (113). Третий отряд: берега Таймыра и мыс Че-

люскин (117). Четвертый отряд: берега Восточной Сибири (123). Общие результаты работы всех северных отрядов (126).

Глава 10. Академический отряд Великой Северной экспедиции 127

Гмелин-старший в Средней Сибири (127). Исследования Стеллера и Крашенинникова (129).

Глава 11. Русские исследователи Казахстана, Средней Азии и Кавказа (конец XVII—XVIII век) . . . 134

Посольства Неприпасова и Скибина (134). Каспийские экспедиции первой четверти XVIII века (135). Хивинский поход Черкасского (137). Миссия Унковского (138). Русские исследователи Средней Азии 30—40-х годов XVIII века (139). Посольство Карла Миллера (141). Гильденштедт на Северном Кавказе и в Закавказье (142).

Глава 12. Русские исследования Центральной Азии во второй половине XVII и в XVIII веке 143

Русские дипломаты в Китае — Байков и Милованов (143). Посольства Спафария и Идеса (144). Паллас, Соколов и Георги в Южной Сибири (147). Шангин на Алтае (149). Первый исследователь Саян (150).

Глава 13. Исследователи Тибета, Индии и Передней Азии во второй половине XVII и в XVIII веке . . 152

Иезуиты в Тибете (152). Первые топографические съемки Тибета (154). Съемочные работы иезуитов в Индии (154). Работы Тавернье и Бюсси-Кастельно (156). Английские исследователи Индии (157). Индийские съемщики (163). Турнефор, Нибур и Джордж Форстер в Передней Азии (164).

Глава 14. Съемки побережья Южной Азии, островов Индийского океана, Японского архипелага и Сахалина 166

Съемки побережья Южной Азии (166). Съемки островов Индийского океана (167). Поиски Южного материка (168). Начало исследования внутренних районов Калимантана (170). Исследования Японского архипелага (171). Токунай на Сахалине (173).

Глава 15. Исследователи внутренних областей Африки и Мадагаскара 175

Путешественники по Восточной Африке (175). Англичане и французы в Западной Африке (176). Основные африканские географические проблемы (177). Первое путешествие Парка (178). Португальцы в бассейнах Конго и Замбези (179). Голландцы и шведы в Южной Африке (182). Французы на Мадагаскаре (185).

Глава 16. Открытия и исследования в Северной Америке 187

Завершение открытия Аппалачской горной системы (187). Первые французы на Миссисипи (189). Ла-Саль и присоединение Луизианы к Франции (192). Возникновение Компании Гудзонова залива (194). Англичане Келси и Хендей в бассейне Саскачевана (195). Варенны и «Укрепленная линия Западного моря» (198). Первые исследователи Северной Канады (199). «Атлантический Нептун» (203). «Страна мехов Атабаска» (204). Открытие реки Маккензи (207). Пересечение Александром Макензи Северной Америки (209). Дальнейшие исследования гидрографической сети Западной и Северной Канады (210).

Глава 17. Арктические экспедиции XVIII века . 213

Ханс Эгеде, вторичная колонизация Гренландии и исследование ее восточного побережья (213). Экспедиции Василия Чичагова (214). Открытие Новосибирских островов (215). Соймонов, Плениснер и «Земля Андреева» (216). Плавания Шалаурова (218).

Глава 18. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. 220

Первые промышленники на Алеутских островах (220). Секретная экспедиция Креницына-Левашова (223). Первые шаги к освоению Русской Америки (226). Василий Иванов — первый исследователь внутренних областей Русской Америки (229). Экспедиция Биллингса-Сарычева (230).

Глава 19. Исследование Испанской Америки, Бразилии и Южной Атлантики 235

Верхняя Калифорния (235). Открытие Калифорнийской долины и Большог Бассейна (238). Амазонка, Риу-Негру и бифуркация Ориноко (240). Экспедиция Кондамина (241). Открытие Центральной Бразилии (243). Пути «чужаков» на Амазонку (245). Бассейн Ла-Платы (246). Маскарди, Фолкнер и братья Вьедма в Патагонии (247). Изучение Магеллании во второй половине XVII века (249). Исследование Магеллании в XVIII веке (250). Французы в Южной Атлантике (252). «Земля Буве» (253).

Глава 20. Австралия и Океания до Кука . . . 254

Иезуиты — исследователи Океании (254). Пират — ученый Дампир и его открытия (255). Вейланд у берегов Новой Гвинеи (258). Кругосветное плавание Роггевена и «тайна острова Пасхи» (259). Кругосветные плавания

Байрона, Уоллиса и Картерета (261). Первое французское кругосветное плавание Бугенвиля (264). Сюрвиль «уменьшает» площади континентов (267).

Глава 21. Первое кругосветное плавание Кука . 269

Цели первой экспедиции Джеймса Кука (269). Путь к Новой Зеландии и завершение ее открытия (270). Открытие восточного побережья Австралии и Большого Барьерного рифа (274).

Глава 22. Второе (антарктическое) кругосветное плавание Кука 277

Поиски Южного материка летом 1772/73 года (277). Исследование Океании в 1773 году (278). Кук в Антарктике летом 1773/74 года (280). Исследование Океании в 1774 году и открытие Новой Каледонии (281). Завершение антарктического кругосветного плавания летом 1774/75 года (284).

Глава 23. Третье плавание и гибель Кука . . . 287

Плавание в Южном полушарии (287). Открытие Гавайских островов (288). Плавание в северной части Тихого океана и гибель Кука (290).

Глава 24. Иностранные тихоокеанские экспедиции конца XVIII века 295

Плавание и гибель экспедиции Лаперуза (295). Поиски прохода в Атлантику (297). Плавания Роберта Грея (298). Экспедиция Ванкувера (299). Д'Антркасто: поиски Лаперуза (301). Беглые каторжники дополняют Кука (303). Открытие пролива Басса (304).

Литература 307

Иосиф Петрович Магидович
Вадим Иосифович Магидович

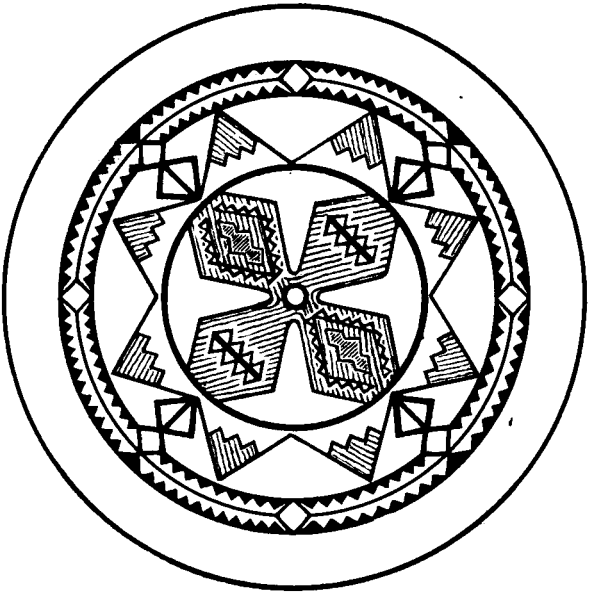
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

ТОМ III

Зав. редакцией И. А. Ерофеев, редактор Т. Д. Сигунова, редакторы карт М. Д. Киселева, Н. И. Степанова, художественный редактор В. М. Прокофьев, технический редактор С. Н. Терехова, мл. редактор М. А. Чубарова, корректоры Л. А. Ежова, М. Ю. Сергеева.

ИБ № 7923

Сдано в набор 22.11.83. Подписано к печати 03.10.84. А 12403. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага офсетная № 2. Гарнитура об. новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20+фор. 0,375. Усл. кр.-отт. 20,75. Уч.-изд. л. 22,68+фор. 0,57. Тираж 200 000 экз. Заказ № 2531. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.